

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

МИРОНОВА Диана Михайловна

СИСТЕМНАЯ ПРИРОДА ЯЗЫКА
В СВЕТЕ ЛИНГВОМЕНТАЛЬНОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ МИРА

Специальность 5.9.8 – теоретическая, прикладная и сравнительно-
сопоставительная лингвистика

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание учёной степени
доктора филологических наук

Научный консультант –
доктор филологических наук,
профессор Е.В. Дзюба

Екатеринбург 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА 1. СТАНОВЛЕНИЕ СИСТЕМОЛОГИЧЕСКИХ ВОЗЗРЕНИЙ В ИСТОРИИ ФИЛОСОФСКОГО И ЧАСТНОНАУЧНОГО ЗНАНИЯ.....	
	22
1.1. Философский подход в постижении системы и системности.....	22
1.2. Роль конкретно-научного знания в осмыслении системных свойств объективного мира	31
1.3. Современные представления о системе как междисциплинарный инвариант теории и методологии научного познания.....	43
Выводы по главе 1.....	74
ГЛАВА 2. СИСТЕМНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЕСТЕСТВЕННОГО ЯЗЫКА И ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ИХ ИЗУЧЕНИЮ.....	
	81
2.1. Понятие системы в языкознании.....	81
2.2. Характеристики естественного языка в концепциях системной лингвистики.....	87
2.3. Когнитивные исследования языка как новый этап развития системного подхода в лингвистике.....	113
Выводы по главе 2.....	133
ГЛАВА 3. СИСТЕМНАЯ ПРИРОДА ЯЗЫКА В АСПЕКТЕ ПЕРВИЧНОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ МИРА	
	140
3.1. К вопросу о роли языка в концептуальном членении мира.....	140
3.2. Субстанциональные свойства языковой системы в свете первичной концептуализации мира.....	147
3.3. О роли языковой структуры в первичной концептуализации действительности.....	165
3.4. Интегративные качества системы языка как средства первичной концептуализации мира.....	175
Выводы по главе 3.....	185

ГЛАВА 4. ВТОРИЧНАЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ МИРА КАК СФЕРА ПРОЯВЛЕНИЯ СИСТЕМНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК ЯЗЫКА.....	188
4.1. Развитие концептуальной системы как предпосылка формирования вторичных значений языковых единиц.....	188
4.2. Субстанциональные параметры языковой системы во вторичном осмыслении мира.....	192
4.3. Структурные характеристики языка и вторичная концептуализация мира	204
4.4. Интегративные качества системы языка в осуществлении вторичной концептуализации мира: кооперативность и эмерджентность.....	213
Выводы по главе 4.....	235
ГЛАВА 5. СИСТЕМОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ХАРАКТЕРИСТИК ЕСТЕСТВЕННОГО ЯЗЫКА КАК ИНСТРУМЕНТА ПЕРВИЧНОЙ КАТЕГОРИЗАЦИИ МИРА.....	237
5.1. О сущности категоризации в когнитивном опыте человека.....	237
5.2. Субстанциональные признаки языковой системы с точки зрения первичной категоризации мира.....	260
5.3. О роли структурных признаков системы языка в первичной категоризации объектов.....	282
5.4. Интегративные параметры системы языка как средства первичной категоризации мира	293
Выводы по главе 5.....	299
ГЛАВА 6. СИСТЕМНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ВТОРИЧНОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАТЕГОРИЗАЦИИ МИРА	303
6.1. Вторичная категоризация как реализация апперцепционного принципа осмысления мира.....	303
6.2. Субстанциональные свойства языка в аспекте идентифицирующей категоризации.....	308
6.3. Субстанциональные свойства категориального плана языка	

с точки зрения характеризующей интерпретации	312
6.4. Структурные характеристики языковой системы	
«сквозь призму» вторичной категоризации действительности.....	336
6.5. Анализ целостных свойств языковой системы	
во вторичной категоризации мира.....	346
Выводы по главе 6.....	356
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	360
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	374
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	427
ПРИЛОЖЕНИЕ А. Актуализация системных характеристик языка в явлениях первичной концептуализации мира.....	427
ПРИЛОЖЕНИЕ Б. Актуализация системных характеристик языка в явлениях вторичной концептуализации мира.....	433
ПРИЛОЖЕНИЕ В. Актуализация системных характеристик языка в явлениях первичной категоризации мира.....	443
ПРИЛОЖЕНИЕ Г. Актуализация системных характеристик языка в явлениях вторичной категоризации мира.....	450
ПРИЛОЖЕНИЕ Д. Анкеты экспериментов для исследования зависимости организации таксономической категории от субъективного объёма концептосферы носителя языка.....	461
ПРИЛОЖЕНИЕ Е. Анкеты экспериментов для выявления состава и структуры категории системных объектов в современном обыденном сознании русскоговорящих.....	463

ВВЕДЕНИЕ

Существенная роль в эволюции каждой отрасли знания принадлежит системным описаниям объекта. Их продуктивность для формирования частной и общенаучной картины мира сегодня трудно переоценить. Предлагаемая диссертация логически продолжает исследования, в поле внимания которых находится язык как естественно развивающаяся сложная и при этом большая система открытого типа. Такие системы характеризуются значительным объёмом состава и структурных связей, могут являться полифункциональными, что ведёт к возрастанию сложности строения систем. В целях сохранения состояния, благоприятного для выполнения системой своего предназначения, открытые системы оптимизируют функциональные и строевые параметры во взаимодействии со средой, метасистемой (надсистемой) онтологически высшего порядка. Антропометрические факторы среды многоаспектны, как сама жизнедеятельность человека, не поддаются однозначному прогнозированию, и поэтому влияние человеческого фактора автоматически повышает сложность любой исследуемой системы. Для естественного языка с его антропоцентричностью важнейшую составляющую среды образует мир человеческой когниции. Языковая система множественными «нитями» вплетена в когнитивные процессы, в системы концептов и категорий столь тесным образом, что нередко считается атрибутом познавательной деятельности (ср. понятия речемыслительной деятельности, вербального мышления, вербализованных концептов, ментального лексикона, языковой картины мира). В опоре на языковой код человек строит мыслительные модели фрагментов опыта и оперирует ими при ориентации в окружающей действительности. В этом смысле перед нами своего рода лингвоментальное моделирование мира, где под моделью подразумевается такой объект, созданный намеренно или стихийно, который воспроизводит в себе некоторые свойства другого объекта, вступающего во взаимодействие с человеческой когницией.

Одновременно принадлежность языка классу больших систем ведёт к невозможности исчерпывающего постижения его с одной исследовательской точки зрения, на основе единственной аспектной модели. В сущности, мы смотрим на систему изучаемого объекта сквозь призму разных научных парадигм. Как следствие, это ведёт к необходимости взаимодополняющего синтеза достижений разных языковедческих подходов. Сопряжение итогов применения разных подходов к исследованию большой системы открывает путь к более полному объяснительному изучению системного объекта.

История развития языкознания демонстрирует последовательную смену глобальных программ научного поиска, посвящённых тщательной разработке того или иного свойства языковой системы в целях её моделирования. При этом отмечается поступательное и закономерное смещение интереса от более элементарного анализа к исследованию структуры языка и затем – к изучению его отношений с внешней средой. Так, лингвистические труды XIX века были сосредоточены на истории отдельных языковых компонентов и выработке чётких процедур её анализа, половина XX века ознаменована господством структурного подхода с его вниманием ко внутренним связям языковых единиц и констатацией тех или иных видов отношений между ними. С конца XX века наиболее эвристичными полагаются разнообразные аспекты взаимовлияния языка и среды, которая представлена социальными, психическими, культурными, когнитивными аспектами жизни коммуникантов. Акценты смещаются на объяснение языковых явлений в контексте их функционального назначения для ориентации человека в окружающем мире, с одной стороны, и, с другой, на отражение в них самих особенностей личности говорящего. Иными словами, приоритетный в наше время исследовательский ракурс обусловлен той системообразующей ролью, которую для языковой системы играет человеческий фактор, творчески детерминируя характеристики её состава, структуры, функций, линий развития. Поэтому выход антропоцентрической парадигмы на ведущие позиции вполне объясним и неизбежен в эволюции научных подходов к освещению языкового пространства.

Учитывая теоретико-методологические установки, ценные для современного языковеда, мы считаем когнитивную функцию языка базовым конструктивным звеном, которое определяет антропометрическую природу языковых явлений и опосредует взаимодействие системно-языковых параметров с концептуальной надсистемой. Данный аспект языковой реальности мы считаем привлекательным для исследования. Соответственно, со стороны теоретических оснований *актуальность* диссертационного сочинения, во-первых, обусловлена выдвижением в фокус исследовательского внимания когнитивных аспектов языковой природы. Мы предполагаем пошагово раскрыть вклад субстанциональных, структурных, а также интегративных качеств языковой системы в эффективное решение ею центральной задачи – быть средством фиксации, обработки и передачи мыслительного содержания.

Одновременно, исходя из опорных установок диссертации, данную работу можно назвать преемницей исследований, выполненных в духе системного подхода к своему объекту. Благодаря активному развитию теории систем во второй половине XX века ценность системологической платформы для развития научного знания сегодня не вызывает сомнений. Она располагает подробными фундаментальными сведениями о многоликих принципах и закономерностях устройства, функционирования и взаимодействия систем различной природы, которые рассматриваются здесь не с частнонаучных, а с единых организационных позиций. Это придаёт упомянутой теории статус общенаучной методологии объективного познания, безусловно, приложимой и в трудах лингвистического порядка.

Обращение к наследию общей теории систем (системологии), сопровождающее реализацию нашего замысла, проекция её достижений на когнитивную сущность естественного языка содействует дальнейшему развитию системных воззрений в языкознании, ныне не завершённого. С этой точки зрения предпринятое исследование также видится *актуальным*. Как представляется, анализ естественного языка в заданном аспекте и при этом с охватом ряда вышеозначенных признаков уточняет и углубляет понимание данного феномена

как системного образования, что также позволяет считать работу *актуальной*. Рассуждая с позиций системно-структурного подхода, лингвисты зачастую отождествляют понятия системы и структуры языка. Однако при неоспоримой значимости последней любой системный объект не исчерпывается характеристиками его устройства. Как следствие, системный подход рядоположен, но не равен структурному, поскольку первый оказывается шире. С практической стороны исследование отвечает актуальной тенденции к междисциплинарности и сочетанию разных подходов взамен их конфронтации, что, в частности, ставит необходимость выработки умений целесообразного и обоснованного использования на лингвистической почве достижений разных отраслей знания и различных парадигм.

В качестве *объекта изучения* определены характеристики строения и целостности языковой системы, вовлечённые в лингвоментальное моделирование мира на том или ином знаковом уровне. Таким образом, в работе не ставилась задача анализа всех системных аспектов языка в интересующем нас ракурсе. В поле внимания были включены сущностные параметры его субстанции, структуры и целостности, наиболее известные современной науке.

Предмет исследования составляет актуализация системных характеристик строения и целостности в функционировании языка как средства когнитивного моделирования мира.

Цель исследования – проанализировать характеристики строения и целостности естественного языка с точки зрения их участия в языковой концептуализации и категоризации.

Достижение поставленной выше научной цели видится нам в решении основных *задач*, суть которых сводится к следующему:

- 1) провести анализ и обобщение базовых установок учения о системах в научных трудах предшественников, установив круг сущностных характеристик и принципов существования открытых сложных систем;

2) обобщить теоретико-методологические основания когнитивной лингвистики в области языковой концептуализации и категоризации, актуальные для настоящей работы;

3) представить анализ субстанциональных, структурных и интегративных характеристик языка с точки зрения их участия в первичной и вторичной языковой концептуализации мира;

4) проанализировать свойства состава, структуры и интегративности в свете представлений о языке как инструменте первичной и вторичной категоризации;

5) провести обобщение и систематизацию результатов, полученных на различных этапах исследования.

Означенные задачи являются композиционно образующими для данной работы, большинство из них решаются в самостоятельных разделах диссертации. В ходе решения выделенных задач осуществлялась проверка исходной *гипотезы исследования*. Её основу составляет предположение о том, что в процессах номинации и коммуникации признаки состава, структуры и целостности языковой системы определённым образом адаптированы под задачи лингвоментального моделирования действительности, осуществляемого в процессах концептуализации и категоризации мира. Под лингвоментальным моделированием мира имеется в виду когнитивная деятельность субъекта, направленная на построение в его сознании ментальных моделей окружающего мира, или фрагментов картины мира, с помощью языка.

Теоретико-методологическая база диссертации опирается на существенные для нашей цели концепции и отдельные положения, разработанные в отечественных и зарубежных трудах по *системологии и системному анализу* (И.С. Алексеев, П.К. Анохин, И.А. Балаганский, Л. фон Бергаланфи, А.С. Блюмин, А.А. Богданов, В.Д. Ермак, И.М. Борзенко, С.Е. Зак, Т.В. Жеребило, Е.Н. Живицкая, И.В. Крайнюченко, Г.П. Мельников, И.Б. Новик, В.И. Новосельцев, В.П. Попов, И.Б. Родионов, Д.Р. Сосновский, А.И. Уёмов, Ю.А. Урманцев, Е.А. Ханадеева, Ю.И. Черняк, В.Н. и А.В. Чернышевы, Т.П. Чубарова); *философской онтологии, гносеологии, эпистемологии* (Аристотель, П.В. Алексеев, В.Ф. Асмус,

Б.В. Ахлибинский, В.М. Богуславский, Дж. Брюнер, В.И. Вернадский, Л. Витгенштейн, Е.К. Войшвилло, Р.Д. Гутгарц, А.А. Ивин, И. Кант, С.Т. Мелюхин, Н.Ф. Овчинников, Р.И. Павилёнис, В.З. Панфилов, С.Б. Переслегин, А.В. Панин, Б. Рассел, В.Н. Сагатовский, Е.Ю. Смотрицкий, Д.Р. Сосновский, И.Т. Фролов, Л.Б. Эрштейн); *когнитивной психологии* (Л.С. Выготский, Б.М. Величковский, А.Д. Кошелев, К. Леви-Стросс, А.Н. Леонтьев, А.Р. Лурия, М. Минский, У. Найссер, А. Пэйвио, Б.А. Серебренников, И.М. Сеченов, Н. Смит, Р. Солсо, Д.В. Ушаков, И. Хофман). Из числа лингвистических нас интересовали достижения *методологии лингвистических исследований* (И.В. Арнольд, А.Н. Баранов, Э. Бенвенист, Н.А. Беседина, Н.Н. Болдырев, Л.В. Бронник, О.Н. Кондратьева, Н.В. Пятаева, Г.П. Щедровицкий, Г.С. Щур); *философии языка и семиотики* (Г.А. Брутян, Л.Ю. Буянова, Й.Л. Вайсгербер, Э. Кассирер, С.Д. Кацнельсон, Г.В. Колшанский, Е.Н. Князева, О.Н. Лагута, А.Ф. Лосев, Н.Б. Мечковская, К. Пайк, А.А. Потеня, Б.А. Серебренников, Е.Д. Смирнова, Э. Сепир, Л.О. Чернейко, Б. Уорф); в области *системного описания языка* (Н.Н. Альбеков, И.В. Арнольд, Э. Бенвенист, И.А. Бодуэн де Куртенэ, Р.А. Будагов, Л.М. Васильев, В.А. Виноградов, П. Вогт, И.А. Герман, Л.И. Горбунова, Э. Даль, В.Н. Денисенко, Л. Заде, О.П. Касимова, А.В. Карпов, А.Е. Кибрик, Г.А. Климов, Э. Косериу, Е.С. Кубрякова, Э.В. Кузнецова, Ю.С. Маслов, А. Мартине, Г.П. Мельников, А.С. Мельничук, В.Н. Налимов, Т.М. Николаева, Р.В. Пазухин, В.А. Пищальникова, Е.В. Пономаренко, И.П. Распопов, А.А. Реформатский, А.И. Смирницкий, Б.А. Серебренников, В.М. Солнцев, Ф. де Соссюр, Т. Хонкела, В.Н. Ярцева); *традиционной лингвистической семантики* (Ю.Д. Апресян, И.Б. Барамыгина, Н.Н. Болдырев, О.О. Борискина, Р.А. Будагов, Л.М. Васильев, Е.М. Вольф, Е.А. Земская, С.О. Карцевский, С.Д. Кацнельсон, И.М. Кобозева, А.С. Кравец, А.А. Кретов, С.Б. Козинец, Дж. Лайонз, Г.Н. Манаенко, В.В. Морковкин, М.В. Никитин, Л.А. Новиков, Б.Ю. Норман, Л.А. Сергеева, А.И. Смирницкий, И.А. Солодилова, И.А. Стернин, В.Н. Телия, А. Чикурель, С.Г. Шафиков, Н.Ю. Шведова, Р.О. Якобсон). В сфере антропоцентрических «ветвей» языкознания мы обращались к таким из них, как *лингвокогнитология* (Н.Ф. Алефиренко, Н.Д.

Арутюнова, Е.Г. Беляевская, Л.Г. Бабенко, Л.В. Бабина, А.П. Бабушкин, Н.А. Беседина, Н.Н. Болдырев, В.А. Виноградов, С.Г. Виноградова, Б.М. Гаспаров, Е.И. Голованова, В.Б. Гольдберг, М. Грин, В.З. Демьянков, Р. Джекендофф, Е.В. Дзюба, Р. Дирвен, А.В. Кравченко, Д.С. Лихачёв, И.Н. Ивашкевич, О.К. Ирисханова, Л.В. Калинина, Е.С. Кубрякова, Н.А. Кудрина, А.А. Кибрик, С.В. Киселёва, В. Крофт, Д. Круз, Дж. Лакофф, А.Э. Левицкий, Л.М. Лещёва, М.Н. Лапшина, Р. Лэнэкер, О.В. Магировская, В.А. Маслова, Ж.Н. Маслова, В.Ф. Новодранова, Л.А. Панасенко, С.А. Песина, М.В. Пименова, О.Б. Пономарёва, З.Д. Попова, Ю.Е. Прохоров, Е.В. Рахилина, С.Г. Скребцова, И.А. Стернин, О.А. Сулейманова, Дж. Тайлор, Л. Талми, В.И. Тармаева, М. Тёрнер, С.Е. Тупикова, В.И. Убийко, Ч. Филлмор, Ж. Фоконье, Л.А. Фурс, Л.О. Чернейко, А.Л. Шарандин, А.А. Шумилова, В. Эванс); *психолингвистика* (В.П. Абрамов, Э. Бейтс, В.П. Белянин, Н.И. Жинкин, А.А. Залевская, И.А. Зимняя, Ю.Н. Караулов, В.В. Красных, А.А. Леонтьев, Г.А. Мартинович, В.Ф. Петренко, Р.М. Фрумкина, Т.В. Черниговская); *коммуникативно-функциональная лингвистика* (А.В. Бондарко, Т.А. ван Дейк, Г.А. Золотова, Т.А. Кильдибекова, Л.П. Крысин, Л.И. Манерко, А.Ю. Маслова, И.П. Сусов, В.Н. Телия, Б.А. Успенский, В.С. Храковский); *лингвокультурология* (А. Вежбицкая, Е.С. Гриценко, С.В. Иванова, О.А. Корнилов, В.И. Карасик, В.В. Красных, В.А. Маслова, Э. Сепир, Ю.С. Степанов, В.Н. Телия, Б.Л. Уорф).

Материалом исследования послужил корпус эмпирических фактов, содержащий разноуровневые знаковые единицы языка и факты речи различной стилевой принадлежности, общим объёмом ~3500 единиц. Кроме того, системологической интерпретации подвергались теоретико-методологические концепции лингвокогнитологии, обращённые к тем или иным свойствам языковой системы.

Диссертация рассчитана на широкий круг исследователей, владеющих прежде всего русским языком, который одновременно является родным для самого автора. По этой причине, ориентируясь на эмпирическую репрезентативность, а также верифицируемость высказываемых положений, мы

включили в иллюстративную базу преимущественно факты русского языка, не умаляя, однако, лингвистической значимости иноязычных иллюстраций. Так, явления других языков мира привлекаются нами в связи с алломорфной спецификацией рассматриваемого явления на уровне конкретной языковой техники, а также тогда, когда в русском языке оно получает семиотически иное воплощение (по-особому выраженная кооперативность лексики и грамматики в криптоклассных языках; влияние социокультурной детерминанты когнитивной среды на языковую категоризацию у японцев или на организующую модель эвиденциальной грамматической интерпретации событий в тюркских языках). Соотносительно с феноменами когниции и параметрами языковой системности основные рубрики этих иллюстраций приведены в приложениях диссертационной работы (см. Приложения, А, Б, В и Г)

Представление языковой когниции как сферы реализации *ряда системных характеристик языка* в сочетании с *различением процессов концептуализации и категоризации* потребовало от нас обратиться к широкому кругу языковых / речевых репрезентаций, которые подвергались последовательному когнитивно-системологическому истолкованию. В поле внимания, таким образом, оказывались участки семантического пространства, воплощенные на уровне словообразования, лексических микросистем, морфологических и синтаксических феноменов в синхронии и, частично, диахронии. Поэтому при формировании выборки мы прибегали к целому ряду *источников* языкового материала.

Исследуемый материал извлекался из доступных нам трудов по традиционной семантике, лингвокогнитологии и теории систем (монографий, диссертаций, научных статей, учебных пособий); из различных лингвистических словарей (толковых, этимологических, словообразовательных, фразеологических, ассоциативных, синонимических и антонимических словарей, словарей-справочников пословиц и поговорок); сетевых и печатных энциклопедий; из живой устной речи. Также мы обращались к разностилевым текстам (художественным, публицистическим, научным, разговорным), задействуя

преимущественно ресурсы Национального корпуса русского языка. Кроме того, привлекались результаты собственных лингвистических экспериментов.

Из лексикографических источников извлекались социально закреплённые данные о вербализованных итогах языковой концептуализации / категоризации. На речевой, в том числе корпусный, и экспериментальный материал мы опирались прежде всего тогда, когда рассматривали языковую когницию в динамике и психологической реальности дня сегодняшнего, то есть обращались к современному языковому сознанию.

Принятый в работе подход, как и разнообразный эмпирический корпус, предопределили использование в работе сочетания различных общенаучных и специальных *методов*. В число универсальных методов научного познания вошли такие из них, как анализ и синтез, ретроспекция, установление аналогии, сопоставление, системный метод, описательный метод, представленный приёмами наблюдения, обобщения, классификации и интерпретации материала. Из области частной методологии языкознания мы использовали совокупность методов *до-когнитивной лингвистики* (дефиниционный и контекстуальный виды анализа, методы оппозиций и полевой стратификации, обращение к отрицательному языковому материалу, этимологический и словообразовательный анализы), вовлекали в анализ методологию *когнитивных исследований языка* (концептуальный анализ в его концептуально-репрезентативной, таксономической, когнитивно-матричной разновидности; пропозиционально-фреймовое моделирование словообразовательных единиц, когнитивное моделирование полисемии, метод субъективной дефиниции). В качестве генерального применялся метод когнитивно-системологической интерпретации языковых фактов. Название метода, *когнитивно-системологическая интерпретация*, предложено по аналогии с номинациями уже известных науке методов интерпретации эмпирических данных или когнитивной интерпретации результатов семантического анализа. Каждый научный метод воплощается структурированной последовательностью приёмов, которая выступает как схема производства объективного знания. В нашем случае, сообразно исходной и

конечной точке анализа, метод когнитивно-системологической интерпретации может реализовываться 1) в направлении от некоторого аспекта когнитивной функции языка к выбранному системному параметру и его роли для данного аспекта; 2) в обратном направлении [Миронова 2022]. В практической части диссертационной работы мы прибегали ко второй версии метода, алгоритм которой содержит следующие ступени:

1) выбор интересующего системного параметра языка, обоснование этого выбора;

2) отбор круга вербальных средств, связанных с данным системным параметром;

3) когнитивная интерпретация выделенных средств;

4) системологическая интерпретация выявленных когнитивных оснований семантики с точки зрения интересующего системного свойства языка;

5) обобщение результатов исследования.

На разных этапах подготовки диссертации выбор того или иного метода в качестве ведущего зависел от сути решаемой задачи, от теоретического или эмпирического характера обрабатываемого материала. Так, обзор теоретических оснований исследования, следуя методологической логике, проводился с доминированием описательного метода. Суждения о системной природе языковой когниции выстраиваются на универсальных положениях системологии и когнитологии, которые имеют силу для многих естественных языков. В ходе анализа фактического материала предпочтение отдавалось использованию собственно лингвистических процедур. Они уточнялись автором с учётом рассматриваемого уровня языковой системы, а также в зависимости от ретроспективного или перспективного движения мысли. Поскольку на протяжении всей работы анализу подвергались системозначимые качества языка, как они явлены в лоне когниции, основополагающим методом в нашем исследовании выступила системологическая интерпретация языковых / речевых явлений в их когнитивной ипостаси и, при надобности, связанных с ними фрагментов теорий и концепций, разработанных в лингвокогнитологии.

Поставленная в работе проблема, соответствующий ей предмет и ведущий метод исследования предопределили собой главенство дедуктивного способа развёртывания аргументации. Как следствие, обобщения, созданные в опоре на базовые теоретические положения, в большинстве случаев предшествуют анализу эмпирических фактов, а последние получают статус не столько фактов-примеров, в направлении от которых строится суждение, сколько фактов-иллюстраций [Комарова 2016; Аскарлова 2006]. В отличие от примера, в терминологическом смысле этого слова, иллюстрация призвана прояснить и подкрепить сформулированные теоретические заключения, сделать их лингвистически наглядными и тем самым верифицировать полученные выводы в живой языковой реальности. При таком подходе большую ценность для исследователя на операциональном уровне методологии приобретают доказательные, значимые частные случаи, которые посредством направленной выборки были выделены нами для иллюстраций и изложены в виде конкретных языковых фактов или категорий языковых явлений.

Научная *новизна* исследования состоит в разработке единого когнитивно-системологического подхода к объекту лингвистики как системно организованному инструменту познания. Инновационным для теории языка и исследовательской практики представляется сам выбранный аспект, или предмет изучения. Он обоснованно интегрирует самостоятельные и отдельно существующие ракурсы, принятые в языковедческих исследованиях, а именно лингвокогнитивное описание с системным взглядом на языковые явления. Для реализации данного подхода нами разработан метод системологической интерпретации фактов мыслительно-языкового взаимодействия. В практических разделах диссертации с опорой на этот метод характеристики системной природы языка единообразно рассмотрены с когнитивных позиций, в их отношении к процессам первичной / вторичной концептуализации и категоризации. Из инновационного подхода следует элемент новизны, присущий итогам проделанной работы. Рождаясь в синтезе двух перспективных направлений языкознания, они обогащают научную картину столь сложного и

привлекательного объекта, освещают его новые «границы» и тем самым обладают эвристичностью.

Всё сказанное выше определяет собою теоретическую значимость и практическую ценность диссертационного сочинения.

Теоретическая значимость проведённого исследования соотносится с поставленными задачами и заключается в том, что в нём уточняется понимание языка как системно организованного когнитивного инструмента. Сформулированные в работе утверждения обогащают теорию языка в плане изучения его системных характеристик, с одной стороны, и антропоцентрической природы, – с другой. В ходе исследования выявлен и проанализирован ряд системных параметров языка, которые определённым образом вовлечены в концептуально-языковое взаимодействие, участвуют в процессах адаптации языка относительно задач когниции и способствуют устойчивому функционированию его системы в качестве посредника между человеком и миром, конструируемым в сознании. Кроме этого, итоги исследования содействуют углублению представлений о языковой системности, которые не ограничиваются и не исчерпываются формированием картины имманентных структурных отношений языковых единиц. Полагаем, что изложенные в работе идеи создают новый задел для развития не только системной лингвистики, но и самой теории систем, экстраполируя, апробируя и верифицируя её теоретические положения на новом, лингвокогнитивном, материале.

Выводы теоретического порядка могут найти применение в последующей практике лингвистических исследований, что представляет одну из сторон *практической значимости* исследования. Использованный алгоритм анализа, как и сам предложенный подход, возможно распространить на материал других языков, а также на изучение других антропоцентрических характеристик языковой системы (коллективных или индивидуальных; когнитивных, культурных, прагматических). Полученный результат может быть полезен в работах более частного характера с рассмотрением системно-языковых свойств на конкретном, более узком материале эмпирических фактов. Перспективу

теоретического исследования, значимого для истории лингвистической науки, может составить детальная системологическая интерпретация широкого комплекса отечественных и зарубежных концепций естественного языка как инструмента когниции с учётом внешнего контекста их оформления. Это приведёт к оценке данных концепций по степени полноты и адекватности картирования в них языковой системности.

В качестве перспектив отметим и возможность такого сопоставительного анализа языков мира, где в роли точки отсчёта послужат степень и способ участия системных признаков сравниваемых языков в «жизнедеятельности» определённых аспектов когнитивной функции. Отправной точкой допустимо избрать и конкретный из этих аспектов с рассмотрением его на материале характеристик одной языковой системы. Результаты диссертационного исследования могут представлять интерес в обучающих целях, а именно при подготовке и реализации учебных курсов по дисциплинам лингвистического цикла, таким как «Общее языкознание и история лингвистических учений», «Лингвистическая семантика», «Когнитивная лингвистика», «Системная лингвистика», «Иностранный язык», «Русский язык» (при освоении системы изучаемого языка с активизацией когнитивного подхода лингводидактики). Вероятна востребованность итогов исследования в других отраслях знания (к примеру, в психологии и философии), имеющих выход в изучение человеческого познания и системности окружающего мира.

Достоверность и *обоснованность* предложенных в работе выводов обеспечивается:

- большим корпусом широкодоступных источников по проблематике диссертации;
- разнообразием и широким объёмом фактического материала;
- обоснованностью и признанием в научном сообществе теоретико-методологических посылок (общенаучных, лингвистических и системологических), исходных для нашего исследования;

- комплексным применением методов и приёмов исследования, укрепившихся в науке о языке, в соответствии с целью и задачами.

Содержание диссертационной работы по своей актуальности и научной новизне, теоретической значимости и практической ценности *соответствует*

Паспорту научной специальности 5.9.8 – Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика в пп. 4) «Исследование языка, мышления и познания методами психолингвистики, нейролингвистики и когнитивной лингвистики», 11) «Исследование языка как системы знаков. Языковая форма, семантика и прагматика языка. Семиотические аспекты коммуникации. Исследование поликодовых текстов» и 12) «Исследование уровневой структуры языка, взаимодействия уровней и модулей в моделях языка:

- Теоретические проблемы фонетики и фонологии. Графика и системы письменности
- Теоретические проблемы морфологии
- Теоретические проблемы синтаксиса
- Теоретические проблемы исследования грамматических категорий и грамматических значений
- Теоретические проблемы текста и дискурса».

Обобщение наиболее существенных результатов выполненной работы позволяет сформулировать и предложить к защите следующие *положения*:

1. Разработанные в лингвистике типы аспектных моделей естественного языка в сущности акцентируют тот или иной параметр его системной природы. «Высвечивая» ту или иную системно-языковую «грань», они находятся во взаимодополняющем отношении и хронологически коррелируют с этапами последовательного осмысления феномена системности в истории научного знания: от элементарного (атомистического) подхода через структурный к системно-функциональному и системно-целостному. Научное внимание к среде функционирования языковой системы содействовало укреплению антропоцентрической парадигмы языкознания.

2. Когнитивная лингвистика обладает высоким потенциалом для адекватного и экспланаторного моделирования системной сущности естественного языка. Теоретико-методологические посылки данной отрасли знания хорошо согласуются с принципами существования открытых сложных систем и позволяют охватить в исследовании многие реальные и, на первый взгляд разрозненные, аспекты языковой системности на едином основании – в их соотнесённости с процессами концептуализации и категоризации мира. Это дополнительно поддерживает идейную стройность, научную состоятельность и общелингвистическую ценность лингвокогнитологии.

3. В целях системного моделирования языка как феномена когнитивного правомерно использовать метод *когнитивно-системологической интерпретации языковых явлений*. Он позволяет осмыслить языковую когницию (процессы и механизмы вербальной концептуализации и категоризации) в соотнесении с принципами существования открытых сложных систем и раскрыть способы участия конкретных системно-языковых параметров в реализации тех или иных аспектов когнитивной функции языка. Сообразно исследовательским задачам, определяющим соотношение объекта и предмета анализа, предложенный метод может быть реализован в двух версиях: от некоторого системно-языкового признака к процессам и механизмам вербальной концептуализации / категоризации мира, и наоборот.

4. Осуществление процессов языковой концептуализации и категоризации мира достигается за счёт целесодействующей адаптации характеристик состава, структуры и целостности языка к когнитивным задачам и механизмам, к активной концептуальной сигнатуре метасистемы и происходящим в ней модификациям. Наиболее глобальными в этом процессе рисуются принципы *целесолагания, качества и детерминизма системы средой*. Чувствительность среды ко множеству сторон индивидуальной и социокультурной жизни говорящих, к проявлениям мыслительной креативности и детерминантам мысли воплощается в системной *многофакторности* формирования языковых значений и речевых

смыслов, в их *многообразии* и общей когнитивно обусловленной *дополнительности* в разных контекстах или картинах мира.

5. Приоритетный для языка статус когнитивной функции определяет собой исходное доминирование *положительных обратных связей* системы языка с концептуальной метасистемой. В качестве главного ограничения, организующего активность и результаты этих связей извне, выступает кодифицированная норма, которая приводит в действие отрицательную обратную связь языка со средой.

6. Интегративные качества языковой концептуализации / категоризации представлены явлениями *кооперативности* и *эмерджентности* в семантическом пространстве. Кооперативность реализуется в соотношении членов номинативного поля концепта / категории, лексики и грамматики, репрезентативной и семиотической сторон языка, которые отличаются системной *специализацией* передавать определённый мыслительный фрагмент в рамках семиотических техник данного языка и тем самым находятся в функциональной *координации*. Она обеспечивает историческую *устойчивость* языка в роли универсального средства общения, а избыточность средств наращивает полезное свойство *эквивинальности* языковой системы. Эмерджентные характеристики преобладают на уровне вторичных лингвоментальных процессов за счёт нелинейных преобразований в составе бленда, вербализуемого на лексическом или синтаксическом уровнях.

Апробация идей диссертационного сочинения состоялась в форме публикации научных статей, а также в виде докладов на конференциях различного уровня, среди которых VII Международный конгресс по когнитивной лингвистике (Белгород, 2017), Всероссийская научная конференция с международным участием «Когнитивные исследования в гуманитарных науках» (Тамбов, 2018), XII Международная научная конференция, посвящённая 97-летию образования Белорусского государственного университета «Міжкультурная камунікацыя і прафесійна арыентаванае навучанне замежным мовам» (Минск, 2018), IX Международный конгресс по когнитивной лингвистике (Нижний Новгород, 2019), X Международный конгресс по когнитивной лингвистике

«Когнитивно-дискурсивная парадигма в лингвистике и смежных науках: современные проблемы и методология исследования» (Екатеринбург, 2020 г.), юбилейная Всероссийская конференция «Взаимодействие мыслительных и языковых структур: Собрание научной школы» (Тамбов, 2020 г.), Международная научно-практическая конференция «Пражский лингвистический кружок и развитие лингвистики XX века», посвящённая 140-летию со дня рождения Вилема Матезиуса (Москва, 2021 г.), научно-практическая конференция-биеннале «Системный мир Александра Александровича Богданова» (Москва, 2021 г.), Международный круглый стол «Аномалия в языке, гармония в речи» памяти выдающегося учёного, заслуженного деятеля науки Республики Беларусь, доктора наук, профессора Альбины Николаевны Степановой, IV Международная научная конференция «Язык, культура, ментальность: проблемы и перспективы филологических исследований» (Курск, 2022 г.), Пятигорский лингвистический конгресс «Языки мира – мир языков» (Пятигорск, 2022 г.), XI Международный конгресс по когнитивной лингвистике (Москва, 2022 г.).

По теме исследования опубликовано 28 статей, 22 из которых содержатся в научных изданиях, рекомендованных ВАК РФ.

Структура работы определяется задачами исследования и логической связью между ними. Диссертация включает в себя введение, шесть глав, заключение, список использованной литературы (527 наименований, включая источники фактического материала) и 6 приложений. Каждая глава завершается краткими выводами. Содержание работы изложено на 464 страницах.

ГЛАВА 1. СТАНОВЛЕНИЕ СИСТЕМОЛОГИЧЕСКИХ ВОЗЗРЕНИЙ В ИСТОРИИ ФИЛОСОФСКОГО И ЧАСТНОНАУЧНОГО ЗНАНИЯ

1.1. Философский подход в постижении системы и системности

*Мы строим... жизнь и создаем её системно,
осознаём это или нет, желаем или не желаем*

(Д.Р.Сосновский)

Об истоках системных представлений в познании мира

Вопрос о системных свойствах мироздания в течение длительного времени не теряет своей актуальности, составляя предмет интересов как научного, так и наивного осмысления действительности. Интуитивные системологические представления уходят корнями в глубокую древность и постоянно привлекали внимание философов. По словам П.К. Анохина, в истории цивилизации, вероятно, «уже при первой попытке понять мир мыслящий человек столкнулся с поразительной гармонией между целым, “универсумом”, и отдельными деталями, частями. Термин “система” имеет весьма древнее происхождение, и едва ли есть какое-либо научное направление, которое его не употребляло» [Анохин 1973]. По образному выражению И.В. Крайнюченко, системный взгляд на мир словно «“зашит” в подсознании человека и передаётся из поколения в поколение» [Крайнюченко, Попов 2005: 20]. Созвучны этой мысли слова Б.В. Раушенбаха, который, указывая на подсознательную способность человека даже в хаотической картине находить разумную красоту, пишет о природном стремлении человека к гармонизации хаоса [Цит. по: Чернейко 2010: 178].

Наиболее древняя, дофилософская, форма интуитивных системологических воззрений представлена в категориях и сюжетах мифологии, религии и фольклора различных этносов, где целесообразное мироустройство, сложные природные и

социальные явления получают фигуральное объяснение в соотнесении с персонифицированными божественными силами (ср., к примеру, космогонические мифы, культовый индийский памятник «Ригведа», «Теогония» Гесиода, с одной стороны, или, с другой, итоги стереотипизации обыденных знаний о системе в поговорках [Миронова 2015]). Недостаточная развитость абстрактно-теоретического мышления «компенсировалась мышлением образно-чувственным, а логический анализ с использованием необходимых для этого отвлечённых понятий заменялся метафорическим отождествлением непонятных природных феноменов с конкретными образами реально существующих или вымышленных существ» [Корнилов 2013: 285].

На уровне архетипической оппозиции «космос» – «хаос» нашла выражение идея о синтетическом и гармоничном развитии природы, о преобладании в ней организованности над стихийными, деструктивными изменениями, а ритуалы рассматривались как способ упорядочивания окружающего мира [Степанов 1997: 212]. В то же время хаос считался неким предпорядком, возникающим в недрах космоса [Брагина 2003: 22], что уже тогда отражало диалектическую антиномичность и борьбу двух начал в истории Вселенной: хаос «постоянно стремится к самоорганизации, а космос – к распаду и дезорганизации... [Арутюнова 2003: 6; Брагина 2003: 22; Князев 2003: 295].

По мере накопления знаний, с развитием абстрактного мышления и повышением уровня общественного развития функцию объяснения мира взяло на себя философское (а впоследствии и научное) познание. Философия в своём стремлении выяснить основополагающие законы бытия и всех его многообразных явлений ориентировалась на универсальные категории онтологии [Качанова, Фомин 1999].

Исходный шаг на данном этапе развития системных воззрений был сделан при анализе природных, эссенциалистских свойств объектов-систем, что обусловило собою «перенос опыта природы из подсознания в сознание» [Крайнюченко, Попов 2005: 43]. Особенно прогрессивное значение в этом отношении имеют труды натурфилософов, мыслителей Нового времени,

представителей немецкой классической философии и материалистической диалектики.

Первые попытки в понимании существа системности окружающего мира были предприняты философией с использованием терминов «порядка» в соотношении частей и целого. Философы, как представители науки о всеобщих законах природы, общества, познания и мышления, опирались на положение о целостности и единстве мира, которые становятся возможны действием неких универсальных системных законов. Неслучайно, по наблюдению И.В. Арнольд, характеристики «множественности частей и единства целого упоминаются почти во всех описаниях систем» [Арнольд 1991: 25]. Философская мысль в области онтологии влияет на мировоззрение человечества¹, участвуя в конструировании человеком картины мира как системы.

Понятие о системе в традициях философской мысли

Более или менее оформленное онтологическое истолкование системы зародилось в Древней Элладе 2000-2500 лет назад и несло концептуальный отпечаток связного восприятия реальности. Соответственно, в центре внимания

¹ Отмечая большую степень этого влияния, отечественный философ Е.Ю. Смотрицкий в работе «Становление системного мышления...» пишет: «Все беды европейской цивилизации вызваны распадом целостного мировосприятия, переходом к осколочной, мозаичной системе мировоззрения, когда целостность мира признается, ощущается, декларируется, но не обеспечивается доминирующей в сознании научной картиной мира. Мифологические и религиозные представления воспринимаются в нашу эпоху как архаические и реликтовые, (что, пожалуй, соответствует истине), а значит – всерьез в расчет не берутся. Философия же, предлагая серьезные и значимые мировоззренческие концепции, остается в роли свадебного генерала. Распад синкретического сознания ведет к неадекватному миропониманию» [Смотрицкий 2002]. В этой привычке – «рассматривать вещи и процессы вне их великой связи» - некоторые философы усматривают влияние в метафизики Нового времени и прогрессивного для той поры аналитического подхода к природе [Фетисов, Перлюк 2009: 5].

древнегреческих философов оказывается нечто общее, что объединяет все предметы и явления природы. В качестве магистральной идеи провозглашается приоритет целого над частями, что выразилось в утверждениях об изменчивости, движении целого лишь на уровне его частей (милетцы Фалес, Анаксимандр, Анаксимен; Платон), исключительности целостного качества вещи на фоне свойств её атомов (атомисты Левкипп, Демокрит, Лукреций Кар), существовании в мире целостных и нецелостных множеств, зависимости правил соподчинения частей от внутренних природных сил всего сущего (энтелехии) (Аристотель).

Само слово *σύστημα* ('система, целое, составленное из частей'), возникнув в древнегреческом языке, служило номинацией упорядоченного сочетания естественных объектов и первоначально фиксировало институциональную репрезентацию системности, характеризуя уклад социально-исторического бытия. С пониманием порядка во Вселенной и единства живого организма оно связывалось позднее [Смотрицкий 2002]. Упорядоченность и целостность искусственных объектов фиксировалось понятием 'синтагма' [Агошкова, Ахлибинский 1998: 171].

Разработанные античными философами аспекты системности и, прежде всего, вопросы соотношения частей и целого получили дальнейшее осмысление в эпоху Возрождения (15-16 вв.). Среди наиболее важных утверждений отметим представления Николая Кузанского о противоборстве частей внутри целого, о возможности моделирования систем (на примере гелиоцентрической системы, отражающей методологический подход к явлениям); утверждение Галилео Галилея о влиянии характеристик составляющих на свойства целого; мысль Бюффона о преемственности современного состояния истории в отношении к прошлому [Шамаева 2009: 11].

В работах Нового времени (17-18 вв.) «делается попытка придать понятию "система" научную значимость и привязать к определенной области исследования» [Шамаева 2009: 12]. На первый план выходит механистический подход к природе и теоретико-аналитическое мышление, сопряжённое с большей рационализацией наивных и философских знаний. В работах этого времени

метафизический подход считался единственно возможным, поскольку синтез полученных результатов считался деятельностью ума, вторичной и субъективной по отношению к объективной природе. Именно в данный период в соответствии с царствами природы были выделены основные уровни и сформулированы принципы иерархического строения видимого мира (Карл Линней); философские категории пространства и времени рассмотрены Г. Лейбницем как основа движения и развития; проводился специальный анализ внутреннего строения органических тел [Шамаева 2009: 12; Фетисов, Перлюк 2009: 5].

Одновременно был поставлен вопрос о системном представлении самого знания объективного мира, что положило начало разработке не только онтологического, но и гносеологического аспектов системности [Агошкова, Ахлибинский 1998: 173-174, 176]. В таком ключе наука интерпретировалась как целостная совокупность идей и принципов в данной области исследований (И.Г. Ламберт).

Следующий уровень постижения системности был связан с формированием и применением диалектики мышления (И. Кант, И. Фихте, Ф. Шеллинг, Г. Гегель), которая не только содействовала уточнению понятия системы, но и помогала установить связи системности с другими бытийными категориями. Диалектика, как известно, – это «...такое понимание мира и такой способ мышления, при котором различные явления рассматриваются в многообразии их связей, взаимодействии противоположных сил, тенденций, в процессах изменения, развития» [Введение в философию 1990: 106].

В русле идеалистической диалектики укрепилось гносеологическое понимание системы как построенное разумом упорядоченное единство многообразных знаний человека (И. Кант). Кроме того, Г. Гегель обобщает и по-своему углубляет опыт онтологической интерпретации системных явлений: целое определяет природу частей и есть нечто большее, чем их сумма, так что части не могут быть познаны при рассмотрении их вне целого и взаимной зависимости друг от друга [Гегель «Наука логики»; Шамаева 2009: 13].

Большая роль в развитии философских воззрений ко всё более полному пониманию внутренних взаимосвязей мироздания [Качанова, Фомин 1999] принадлежит диалектике материализма. Во второй половине XIX века диалектическое учение Гегеля явилось необходимой мировоззренческой основой для разработки К. Марксом и Ф. Энгельсом диалектики на материалистическом основании как учения об эволюции явлений не только идеального, но и природного мира [Введение в философию: 102]. Концепция сущности и явления в этих разысканиях способствовала продвижению от системологии феноменального к физике систем. Согласно этой концепции, сущность и явление относятся к парным категориям, которые отражают полярные стороны целостных явлений, процессов: чувственно воспринимаемое и глубинное. Сущность есть объективная, «...внутренняя, скрытая и относительно устойчивая сторона реалии, определяющая её природу и формы внешнего проявления...», и именно она образует организующую основу множества разных единичных проявлений, основу структур и законов функционирования предмета [Спиркин 1988: 193; Введение в философию: 114]. Человек воспринимает те или иные грани сущности объекта действительности в зависимости от характера практического/ познавательного интереса, а также от доступных средств наблюдения. Постижение глубинных свойств через явление оправдано в силу диалектической связи двух категорий и способности явлений частично выражать суть вещей [Качанова, Фомин 1999; Введение в философию: 113]. Однако сущность в отличие от явления устанавливается только благодаря теоретическим процедурам познания [Спиркин 1983: 195], поскольку поверхностные черты явлений нередко, а иногда значительно, маскируют суть наблюдаемого. На каждом этапе развития науки перед исследователями открывается новая конкретная ступень в познании сущности [там же: 194], в том числе и системной.

Схваченные в системном аспекте, категории сущности и явления самым непосредственным образом связаны с диалектическим пониманием развития бытия [там же: 200]. Так, к концу XX века формируется новое представление о мире как системно организованной целостности, «в высшей степени

диалектической Системе систем» [Урманцев 2001: 27]. Положение о системности как сущностной характеристике мироздания послужило методологическим фундаментом для такого философского учения, как системная философия, в рамках которой были выделены идентифицирующие параметры всякого объекта-системы:

а) системный объект представляет собой дискретный объект, то есть такой объект, который состоит из нескольких элементов в качестве его «строительного материала»;

б) компоненты системного объекта должны иметь те или иные общие, объединяющие их признаки («принцип единства»), причём свойства составляющих могут быть/не быть присущи объекту-системе в целом;

в) элементы объекта-системы должны быть связаны в единство за счёт взаимосвязей, отношений между ними – структуры;

г) элементы системного объекта и отношения между ними должны быть достаточными для того, чтобы образовать именно данную систему, и никакую другую («законы системной композиции») [Урманцев 2001: 6-10].

60-е и 70-е годы XX века характеризуются активным развитием системной философии, которая сменяет собой вычленение внутри частных наук подотраслей, ориентированных на изучение конкретных видов систем / их свойств (структурная лингвистика в языкознании, системотехника в промышленности, теория структур в математике) [Кубрякова, Мельников 1972: 9]. В этот период кристаллизуется абстрактное представление о феномене системы «как едином целом... состоящем из частей, обуславливающих дифференциацию форм его изменчивости», «разнообразии внешних форм... поведения и состояний системы» [Качанова, Фомин 1999], разрешаются диалектические и методологические противоречия «единое-многое», «механистическое-организмическое», активизируется интерес к законам самоорганизации сложных адаптивных систем. На основе некоторого изоморфизма частнонаучных эвристик складывается единый системный подход как «новая... парадигма познания природы, “новая философия природы”, как её

назвал Берталанфи» [Блюмин 2006: 7]. Приходит осознание того, что известные отрасли науки, равно как и отдельные направления внутри них, «исследуют лишь различные качества одного и того же целостного объекта – системы» на своём «участке» окружающего мира, и, таким образом, системный взгляд способен послужить универсальным (инвариантным) исследовательским инструментарием для обеспечения концептуального единства, объяснительности и эвристичности научных описаний [Борзенко 2001; см. также Rousseau 2018: 5-6]. Так, например, Ю.А. Урманцев, исходя из философских предпосылок, обращается к явлению полиморфизма и симметрии объектов различной физической природы. Ранее А.А. Богданов и Л. фон Берталанфи пишут о структурных сходствах-изоморфизмах в разных областях действительности – явлении, когда с каждым элементом / связью одной системы в идеальном случае коррелирует один элемент / связь в другой.

Онтологической основой при этом выступает «философия целостности», зародившаяся ещё в античное время, и постулирующая качественное своеобразие целого, которое в этом отношении больше, чем сумма частей. Наиболее последовательную разработку концепция холизма (от др.-греч. ὅλος – ‘целый, цельный’) получила в трудах французского философа А. Бергсона и южноафриканского мыслителя Я. Смэтса. Как считали Смэтс и его последователи, познаваемые объекты правомерно рассматривать только в составе некой общности и в соответствии с предназначением в составе целого. Полагая *целостное* отправной точкой познания, философия холизма сложилась в противовес редукционизму, выделяющему объекты в отрыве от целого, и в противоположность механистическому мировоззрению развивала тем самым *организмическую* точку зрения (термин Л. фон Берталанфи). Так завершилась эпоха «расчленяющей мир философии... На смену... пришла идеология органической целостности, системности, взаимосвязанности и взаимозависимости всех частей мира... рождающиеся в процессе эволюции» [Смотрицкий 2002].

С позиций философской онтологии конца XX – начала XXI века феномен системности признаётся глобальным способом существования материи, охватывающим как различные формы её движения и структурные уровни, так и

отдельные объекты, их частные аспекты, виды человеческой деятельности [Алексеев, Панин 2005: 461-462; Сосновский 2019; Крайнюченко, Попов 2005: 18-19]. Системность, таким образом, находится в ряду универсальных категорий пространства, времени, движения и нек. других, а принципы системного развития считаются столь же фундаментальными, как законы физики. Как следствие, слово «система» обладает интернациональным статусом, занимая при этом одно из первых мест по частоте употребления [Ермак 1997]. Среди иных фундаментальных свойств системность акцентирует преобладание в мире упорядоченности, структурно-функциональной организованности над хаотичными явлениями [Алексеев, Панин 2005: 458-459].

Становление системных воззрений в философии привело на сегодняшний день к выделению трёх основных подходов к истолкованию феномена системы (подробнее об этом см. в: Агошкова, Ахлибинский 1998: 173-174, 176). *Онтологический* подход рассматривает системность как сущность мира; *гносеологический* подход сосредоточен на системной организации научного и философского знания и содержит требования его целостности, выводимости, полноты и выдвигает на первый план отражение закономерностей и законов. *Методологическая* трактовка связана с моделированием объекта познания как системы относительно некоторого интегративного свойства, выделенного познающим субъектом. Очевидно, что всякое представление объекта как реальной системы основывается на установленном перечне системозначимых признаков с последующей их характеристикой, спецификацией применительно к данному объекту. Онтологический подход, таким образом, является наиболее архаичным и выступает в качестве предпосылки формирования системной картины объективного мира. Далее обратимся к истории его частнонаучной разработки в области естественных / формальных наук, которые в этой роли выступили первопроходцами.

1.2. Роль конкретно-научного знания в осмыслении системных свойств объективного мира

Заложенные в недрах философской мысли представления о системности мироздания были восприняты и получали развитие во многих отраслях науки, что позволяет усматривать ведущую роль научного познания в истории формирования представлений о системе. В проекции на те или иные закономерности изучаемого объекта понятие о системе находило применение в самых разных областях конкретно-научного, и прежде всего, естественно-научного знания, в рамках которого разрабатывались основные категории и принципы системного исследовательского мышления.

Впервые плодотворные попытки использования понятия 'система' на почве естественных наук предприняты в работах Нового времени, где содержание этого понятия было близко современному, фиксируя некоторое целое, состоящее из дискретных взаимодействующих элементов [Ахлибинский 1998: 171-172]. Впоследствии такая трактовка системности была воспринята многими областями науки и, претерпев отраслевые модификации, получила собственное развитие.

В физике, химии и математике конца XVIII-XIX веков взаимодействие системно связанных тел рассматривалось с позиций механистической концепции, в рамках которой считалось, что поведение целого может быть изучено суммативно, путём исследования свойств отдельных частей с последующей интеграцией полученных результатов. На этой методологической основе осуществлялись попытки математического моделирования сложных объектов, к примеру, планет солнечной системы в небесной механике; выстраивались математические модели экономической реальности как «суммы действий индивидов» (Экономическая таблица Ф. Кенэ, классическая макроэкономическая модель А. Смита, модель международной торговли Д. Рикардо; Д. Хикс, Р. Солоу, В. Леонтьев, П. Самуэльсон) [Из истории теории систем и системного анализа: 6-

7]; Д.И. Менделеевым была предложена периодическая система, объединяющая в «сводное» целое известные химические элементы.

Дедуктивный метод математики как области формальной способствовал проникновению идей системности в «абстрактный мир количественных отношений и пространственных форм», в область оперирования символическими конструкциями, которые отражают эти отношения в идеализированном и непротиворечивом виде [Качанова, Фомин 1999].

Становление биологического понимания системности

Продуктивнейший вклад в развитие системных воззрений внесла биологическая наука XIX-XX веков, которой в данной части работы уделим большее внимание. Под влиянием механистической физики мир живых организмов казался продуктом случайных, хаотических движений мельчайших частиц. Аналогичная методологическая посылка обусловила понимание физиологических процессов как суммы химических реакций, а сама направленность развития живого мира объяснялась высшими (виталистическими) сверхъестественными силами, находящимися за пределами науки.

Однако к середине XX века при скрупулёзном изучении способности живого мира сохранять и увеличивать организованную сложность в мировой науке были поставлены вопросы о функционально-структурной целостности организмов, их адаптивных обменных процессах с окружающей средой, эквифинальности и, как следствие, о множественной причинности своего развития [Берталанфи 1969: 54-55]. В конце XIX – начале XX веков большое внимание уделялось вопросам зависимости биологической эволюции, в т.ч. высшей нервной деятельности, от условий окружающей среды и адаптивной деятельности (К.Ф. Рулье и его последователи, И.М. Сеченов). Положение о направленном саморазвитии открытых биосистем под влиянием внешней среды было обосновано в трудах отечественного биолога-теоретика Э.С.Бауэра [Бауэр 1935].

В тот же период конструктивную роль в становлении теории систем внёс Чарльз Дарвин, обосновав принцип естественного отбора как ведущий, основополагающий в области эволюционного саморазвития живой природы. Сам органический мир понимался им как единое целое, состоящее из систематических групп, связанных многими отношениями, а высокая способность к адаптации (термин введён Ч. Дарвином) рассматривалась в качестве характерной черты, отличающей живых существ от вещного мира.

В русле указанной проблемы было изучено влияние изменений солнечной активности на жизнедеятельность биологических систем уровней сложности (гелиобиология А.Л. Чижевского), проиллюстрировано значение природных циклов в изменениях структуры и численности популяции (концепция «волн жизни» С.С. Четверикова) [Основы системологии 2019]. Выдающийся физиолог И.П. Павлов (1901 г.) связал адаптивные возможности организмов с регуляцией на основе высшей нервной деятельности и системы рефлексов.

В отличие от тех эволюционистов, которые подчёркивали первостепенную роль среды в процессе развития живого мира, Л.С. Берг (1922 г.) полагал, что саморазвитие и создание более совершенных форм – имманентное свойство живых систем, так что воздействие извне в значительной степени дополняется «внутренним началом, лежащим в самих организмах, а не привносимым путём соединения частей и воздействий внешнего мира» [Берг 1977].

В первой четверти XX века отечественный биолог А.А. Богданов создал концептуальное ядро системного подхода и опережающей своё время науки о системах, назвав её *тектологией*. Стремясь установить закономерности строения и функционирования человеческих сообществ, исследователь путём логической индукции приходит к выводу о наличии определённого уровня организованности у всех процессов и объектов действительности. Тектология, по его мнению, призвана изучать общие принципы устройства системных объектов разной природы, а также механизмы их самоорганизации и развития во взаимодействии со средой, в т.ч. при разрешении внутренних противоречий и соотношения изменчивого и устойчивого. А.А. Богданов ввёл в научный обиход понятия

открытых систем, описал феномен бирегуляции и связанное с ней динамическое равновесие систем под влиянием среды. Он же указал на разнообразие их строения в качестве предпосылки устойчивости, выделил в жизненном цикле системы прогрессивное и необратимое развитие, вызывающее в ней качественные преобразования. Кроме того, была постулирована прямая зависимость между степенью организованной сложности системы и объёмом её целостных свойств, не присущих отдельным составляющим.

Позднее (в 30-е годы XX века) теоретические построения о биорегуляции экспериментально подтвердил советский биолог М.М. Завадовский, выделив в обратной связи «плюс-минус взаимодействия» [Завадовский 1963].

В 30-40х годах XX века разработанная А.А. Богдановым концепция, вероятно, послужила идейной основой² трудов австрийского биолога Л. фон Берталанфи, который на сегодняшний день признаётся зарубежным основателем общей теории систем. Несмотря на то что системные воззрения Л. фон Берталанфи оформились к середине XX века (~60-е годы), по своей парадигмальной установке они не вписывались в интеллектуальный климат того времени, который ещё испытывал влияние классического механицизма в познании. Опираясь на исследования открытых биологических систем с точки зрения сущностной для них гомеостатической способности для поддержания функционального состояния, Л. фон Берталанфи выступал за т.н. «организменный», т.е. целостный методологический подход в науке. Такой подход реализуется не в терминах механизмов (набора клеток) и изолированных явлений, а в терминах открытых систем и взаимосвязей, углубляя виталистическую позицию в отношении живых организмов. «Если мы посмотрим на живой организм, то сможем наблюдать удивительный порядок, организацию, постоянство в непрерывном изменении, регулирование и явную телеологию», –

² Существует, однако, весьма распространённое в мировой науке мнение, согласно которому «Тектология» А.А. Богданова не оказала влияния на разработку концепции Л. фон Берталанфи. Прояснение преемственных связей в данном случае остаётся делом будущего.

подчёркивал исследователь, выводя данные понятия из области метафизики [Берталанфи 1969: 1]. Рассматривая вопрос об усложнении живых систем, Л. фон Берталанфи по существу закладывает базис современной синергетики [Смотрицкий 2002]. Вместе с тем, как полагал учёный, «...существуют модели, принципы и законы, которые применимы к обобщённым системам или их подклассам, *независимые от их особого рода, природы их компонентов, типов связей между ними. Кажется, что можно создать теорию, которая бы изучала не системы какого-то определённого рода, но дававшая понимание принципов систем в общем*» (выделено нами. – Д.М.) [Урманцев 1988; Берталанфи 1969: 5-7]. На основе этого исходного тезиса был сформирован научно-категориальный аппарат общей теории систем (термин Л. фон Берталанфи), обобщающий системные взгляды автора. В теоретическую часть учения о системе вошли кибернетика, теория информации и теория игр, теория решений, топология, факторный анализ, теории множеств, графов, сетей, автоматов, массового обслуживания. В прикладную, или практическую часть общей теории систем Л. фон Берталанфи включил системотехнику, исследование операций (оптимальное планирование) и инженерную психологию [Блюмин 2006: 16].

Л. фон Берталанфи указывал на необходимость противодействовать полному обособлению и специализации наук [Берталанфи 1969: 39]. Для изучения междисциплинарных изоморфизмов и выработки наиболее адекватных моделей систем под руководством Л. фон Берталанфи было организовано «Общество исследований в области общей теории систем» («Society for General Systems Research»), труды которого с 1956 года публиковались в ежегодном журнале «General Systems». «Начиная с 50-60х годов в США, Японии, СССР и Европе создаются специальные центры системных исследований, организуются симпозиумы, выходят издания, т.е. системной проблематике уделяется большое внимание во всём мире» [Блюмин 2006: 13].

Вместе с тем, по замечанию выдающегося биолога и физиолога П.К. Анохина, концепция Л. фон Берталанфи недостаточно учитывает роль системообразующего целевого фактора и фактически обходит его стороной. Идея

об организующей роли функции биосистемы легла в основу теории функциональных (адаптивных) систем, которая на протяжении ряда десятилетий активно разрабатывалась в исследованиях П.К. Анохина.

По мысли исследователя, при отсутствии целеполагания взаимодействие элементов системы будет носить хаотичный характер и, следовательно, не может рассматриваться как условие внутрисистемной упорядоченности. Как полагает учёный, именно достижение полезного результата служит сильнейшим фактором, синтезирующим систему и ограничивающим многочисленные степени свободы взаимодействия одних компонентов с другими в процессе её формирования и функционирования [Анохин 1973]. Соответствующим образом, устранению подлежат только те взаимодействия, которые ни в какой мере не способствуют получению итогового результата. С данной точки зрения взаимодействие элементов можно квалифицировать как их «взаимодействие», кооперацию [там же]. Это, в свою очередь, означает, что и «всякий компонент может войти в систему только в том случае, если он вносит свою долю содействия в получение запрограммированного результата» [там же]. Локальные изменения, как и полная реорганизация функциональных систем, также связаны с общей целью системы и, как правило, возникают в условиях, затрудняющих её достижение. Тем же параметром определяются закономерности интеграции уровней системы, которые следует искать «в иерархии результатов каждой из subsystem предыдущего уровня» [там же]. Данный признак отличает живые организмы от технических устройств³. Цель последних, как известно, устанавливается в большей степени субъектом-человеком, а не определяется самостоятельной адаптивной деятельностью при участии мотивации, стимула, ориентировки и памяти.

³ Иную телеологическую трактовку находим в философии Аристотеля, который связывал механическое движение вещей с заложенным в них самим стремлением достичь пространственного положения, наиболее естественного для их природы.

Расширение системологической проблематики во 2 половине XX века

В соответствии с логической аксиомой о содержательном развитии единиц мысли [Горский 1991: 77] благодаря накоплению знаний и совершенствованию методов познания в 1 половине XX века наука вынуждена была переосмыслить многие ключевые понятия. В свете новых данных этот процесс предсказуемо сопровождался «усвоением и критической переработкой предшествующих теорий» [Кравченко 1971: 4].

Начиная с 40-х годов XX века в центре внимания мировой науки – объекты, характеризующиеся организованной сложностью и требующие в своём описании связного рассмотрения комплекса параметров. Всё более заметным становится распространение системного подхода и его укрепление на исследовательских платформах термодинамической и эволюционной химии (изучение упорядоченных устойчивых систем вдали от равновесия И.Р. Пригожиным; теория автокатализа А.П. Руденко, гиперциклов М. Эйгена), физики (лазерное излучение, фрактальные структуры).

В первые десятилетия после Второй мировой войны развитие теории систем происходило, кроме того, внутри социологии и психологии в связи с проблематикой повышения эффективности военного управления и работоспособности предприятий (Э. Ласло, С. Оптнер, П. Блау, Т. Скотт). Э. Ласло обратил особое внимание на то, что именно взаимодействие сотрудников и подразделений позволяет организации решать свои задачи [Ласло 1972]. Американские социологи П. Блау и Т. Скотт, рассматривая формальную организацию как результат разделения труда, связывали успешность её функционирования с потоками деловой информации между звеньями этой системы [Скотт 1963].

Определённую роль играло также переосмысление бихевиористических взглядов на поведение людей, понимаемого как сумма реакций на стимулы, в сторону целенаправленного действия на основе обратной связи и соотносительного изучения психических явлений (см., к примеру, программные

работы Ж. Пиаже, М. Боуэна, И.М. Сеченова, Б.Ф. Ломова, Л.С. Выготского, А.Р. Лурии).

Регулятивный аспект системы в фокусе кибернетики

В реальности многие системы «вплетены» в деятельность человека, являясь продуктом его деятельности (технические, химико-технологические системы) либо испытывая её преобразующее воздействие (естественный биоценоз, ландшафт, биосфера). Поэтому был поставлен вопрос эффективного управления и сохранения целостности систем, при решении которого «важно было понять и описать систему любой природы в терминах структуры, динамики, управления, границ существования» [Смотрицкий 2002].

Задачи управления разнообразными системами к середине XIX века стали предметом кибернетики (от греч. *kiber* – ‘кормчий, рулевой, управляющий чем-то’) и в наиболее явной форме, применительно к управлению государством, были поставлены французским исследователем А.М. Ампером в работе «Опыт философии наук, или аналитическое изложение классификации всех человеческих знаний».

По характеру своих задач эта отрасль стимулировала практическое приложение системных идей и естественным образом определила дальнейшее развитие системных воззрений, получив основательную разработку в исследованиях Б.Ф. Трентовского, Н. Винера, В.А. Котельникова, К. Шеннона, У.Росс Эшби, Б.С. Флейшмана, А. Берга, А.Н. Колмогорова, Н.В. Тимофеева-Ресовского, А.А. Любищева. Как «наука об управлении в живых организмах и машинах» [Винер 1948] кибернетика была принята Н. Винером и, по его словам, родилась из сотрудничества физиологов и физиков [Арнольд 1991: 11]. Начавшись с проблем инженерии и регуляции систем вооружения и связи, кибернетика со временем расширила свою предметную область до социальных явлений, полагая в качестве центрального понятие обратной связи систем [Из истории теории систем...: 9, 11; Анохин 1973]. По итогам I Международного конгресса по кибернетике (1956 год) с этой областью стало связываться широкое

изучение систем разной природы, проводимое в двух аспектах: управление сложными изменяющимися системами (А.И. Берг) и организация внешнего (вслед за Л. фон Берталанфи), а также внутреннего информационного обмена систем, основанного на механизмах обратной связи (К. Шеннон, А.Н. Колмогоров). Была осознана первостепенная роль информации в управлении системами постольку, поскольку именно сбор, переработка и передача информации преобразует их поведение относительно заданной цели. Иерархическая упорядоченность мира экстраполирована в структуры централизованного и децентрализованного управления. Кроме этого, с развитием кибернетики понятие адаптации распространилось на объекты неживой и социальной природы, способные устойчиво сохраняться в условиях внешних воздействий. В опоре на биологическую традицию *метаболизмом* теоретики системы именуют её участие в обменных процессах, а для обозначения динамической устойчивости используют термин «*гомеостаз*».

Впоследствии на единых кибернетических основаниях выросли её автономные междисциплинарные приложения, фокусирующие те или иные аспекты системного поведения: «теория оптимального управления, теория автоматов, теория алгоритмов, теория информации, исследование операций, теория распознавания образов» [Блюмин 2006: 8].

Активное развитие и распространение идей кибернетики в эпоху научно-технического прогресса середины XX века содействовало массовому усвоению системных воззрений [Балаганский 2000; Родионов 2017], что послужило катализатором для включения понятия системы в базовый уровень научной категоризации и, как следствие, в обязательный теоретический минимум многих областей знания [Миронова 2019]. Системность вошла в круг сущностных измерений реальности; категория «система» стала определяющей в описании разнообразных по своей природе процессов и явлений, охватывающих множество как однотипных, так и разнотипных элементов в статике или динамике их поведения. Отечественная наука стремительно пополняется переводами зарубежных системных исследований, а в 1969 году начинает издаваться

тематический ежегодник «Системные исследования» [Из истории теории систем...: 15]. Для технических/человеко-машинных приложений теории систем, т.н. системной инженерии, используется термин «системотехника» (термин советского информатика Ф.Е. Темникова от англ. «System Engineering» Г.-Х. Гуда и Р.-Э. Макола).

Концепция синергизма в теории систем

В 70-80х годах XX века «глобализация» системных идей усиливается под влиянием концепции самоорганизации систем, или синергетики (греч. *synergetikos* – ‘совместный, согласованно действующий’), получившей самое широкое применение «для изучения процессов в самых разнообразных сферах деятельности: науке, технике (создание искусственного интеллекта), экономике (самоорганизация рынка), социологии, политики» [Основы системологии 2019]. Под синергией стало пониматься комбинированное действие (взаимодействие) компонентов или факторов, создающее т.н. системный эффект, превосходящий сумму действий каждого из компонентов, в том числе во взаимодействии со средой.

Большое значение в оформлении этой ветви системологии имели исследования И.Р. Пригожина, посвящённые поведению открытых физико-химических систем в условиях, препятствующих состоянию равновесия. Наблюдения учёного показали, что в состоянии неустойчивости под воздействием разнородной среды в открытых системах могут возникать новые упорядоченные (диссипативные) структуры, не зависящие от исходного состояния системы и отличающиеся принципиальной непредсказуемостью развития в стремлении к равновесию. При этом на фоне разбалансировки глобальное значение для системы могут иметь и малые случайные возмущения [Пригожин 1967].

Ранее для целей кибернетики синергетическому анализу было подвергнуто онтогенетическое становление нервной системы в работе английского психиатра У. Росс Эшби «Принципы самоорганизующейся динамической системы» (1947 год). При этом самоорганизация понималась исследователем как способность

систем спонтанно изменять свою структуру в зависимости от окружающей среды при учёте накопленного опыта (самообучения). Системы, самоорганизация которых «задаётся» извне, получили название классических.

В 60-х годах XX века на фоне кибернетических задач при изучении живых организмов возникает ещё одно, «неклассическое», понимание самоорганизации, предложенное австрийским физиком Х. фон Фёстером, одним из основоположников кибернетики. Согласно этой трактовке, саморегуляция физиологических явлений, и в целом эффект самоорганизации, не имеет внутреннего централизованного управления, а возникает в результате локального взаимодействия компонентов в ответ на внешние случайные события и определяется не только средой, но и самой системой (ср. фигуральное обозначение этого процесса – «порядок из шума») [Основы системологии 2019].

Объединяя в себе эти взгляды, начиная с 80-х гг. XX в. и по настоящее время главная цель синергетики состоит, с одной стороны, в изучении закономерностей согласованного поведения компонентов системы и обуславливающих это поведение структурных связей в открытых системах (биологических, физико-химических, социальных и др.), участвующих в её метаболизме с окружающей средой в неравновесных условиях. С другой стороны, в поле научного внимания синергетики входят тенденции историчности системы, связанные с переходами её состояний при «разрушении упорядоченных временных и пространственных структур» и различных условиях взаимодействия с внешним миром [Блюмин 2006: 15; Фетисов, Перлюк 2009: 16-17]. Предметом интереса являются пути эволюции в точке бифуркации, которая предполагает выбор одного из аттракторов, то есть одного из наиболее устойчивых центров потенциальных путей эволюции системы после выбора ею одной из линий развития.

На советской почве теория организации систем именовалась «системологией» (В.Т. Кулик, 1971); в свою очередь, отечественный математик и философ Г.Н. Поваров отождествлял «системологию» и «системотехнику», подчёркивая доминирование системных идей СССР в направлениях создания и

эксплуатации технических систем [Системология 2019]. Наибольшую популярность термин «системология» приобрёл после выхода в свет монографии Б.С. Флейшмана «Основы системологии» (1982 год), содержащей концептуальные и формально-логические (математические) основы теории систем и её приложения к задачам экологии.

70-е годы XX века ознаменовались активизацией взаимодействия исследователей самоорганизующихся систем. Междисциплинарный диалог поддерживался необходимостью в объединении усилий при решении вопросов создания искусственного интеллекта, народного хозяйства и иных межотраслевых проблем с опорой на общую методологию новой научной парадигмы [Арнольд 1991: 17]. Оформились новые научные направления системных исследований, среди которых *ситуационное моделирование*, *ситуационное управление* (Д.А. Поспелов, Ю.И. Клыков), *информационный подход к анализу систем* (А.А. Денисов), а в 80-90-е гг. – *концептуальное метамоделирование* (В.В. Нечаев), *системология феноменального* (Б.Ф. Фомин).

Наследие частнонаучной и философской мысли создало необходимый фундамент для синтеза системного мировоззрения парадигмального характера. Потребовалось около 70 лет для окончательного оформления учения о системах путём последовательного осмысления характеристик самоорганизующихся функциональных систем. На сегодняшний день теория систем представляет область научных знаний, которая даёт возможность изучать и практически применять существенные свойства систем любой сложности и назначения. Имея в виду универсальность, аналогичность процессов, характерных для биологических, социальных, технических, экономических систем, она стремится давать объяснение частнонаучным теориям. Выверенная идентичность признаков в сочетании с математическим построением моделей для систем различной природы позволяет в допустимых пределах переносить знания из одной научной области в другую. Более подробно актуальные для нашего исследования положения системологии рассмотрим ниже.

1.3. Современные представления о системе как междисциплинарный инвариант теории и методологии научного познания

Междисциплинарный научный статус характеризует теорию систем на современной ступени развития. За ~80 лет существования этой отрасли знаний сформировался теоретико-методологический базис, позволяющий выделять и дифференцировать системные признаки, проектировать системы разной природы как в общем плане, так и с позиции частных наук и практик. С момента возникновения в центре внимания учения о системе находятся реконструкция сложного единства системных объектов, выявление и использование универсальных закономерностей, присущих как природным, так и социальным системам. По мере решения этих важнейших задач системологии все научные дисциплины «стягиваются» из своих автономных закоулков в единый иерархический «организм-знание», в единую системно организованную науку» [Борзенко 2001]. Осуществляя интегративную функцию, теория систем сводит частнонаучные достижения в целостную теорию и формирует общенаучный подход – базис методологии объективного познания. Эта теория решает вопросы устройства, функционирования и взаимодействия систем различной природы с единых организационных позиций, устанавливает естественные связи между различными системными параметрами. С точки зрения гносеологической научная ценность системологии, по заключению Ю.А. Урманцева, проявляется в возможности делать на её основе обобщения и предсказания, давать объяснения существующим фактам и ставить новые вопросы; преодолевая барьеры специализации, выявлять чёткие связи между отраслевыми концепциями, теориями и представлять их на общем для науки языке [Урманцев 1988: 40]. Соответственно, не теряют своей актуальности вопросы, направленные на дальнейшую разработку адекватной метатеории системных исследований, с одной стороны, и оптимизацию уже существующих узкоспециальных методологий, с другой. Практически выработанный инвариант знания даёт возможность

применять сущностную системность мира, регулируя настоящее, проектируя будущее в соответствии с общественными и индивидуальными потребностями человека [Системология 2019; Система 2019; Переслегин 2002].

Основные подходы к определению феномена системы в наше время

Формирование системологии как синтетической отрасли через обобщение частнонаучных теорий и концепций является на сегодняшний день фактором, обусловившим вариативность в истолковании некоторых её понятий, существенных для нашего исследования. Среди них – понятие о системе, вошедшее в обязательный теоретический минимум многих областей знания и выраженное высокочастотной единицей общенаучной лексики (показательно, что во второй половине XX века индекс её частотности составил 1507, тогда как, например, наименования фундаментальных категорий «свойство» и «состояние» имеют индексы 596 и 438, соответственно) [Частотный словарь... 1970: 72]. Несмотря на центральное положение термина «система» в рассматриваемой теории, последняя до сих пор не располагает единым пониманием стоящего за ним феномена. В её научном аппарате отсутствует такое истолкование понятия системы, которое бы считалось исчерпывающим и достаточным среди специалистов разных теоретических и прикладных направлений.

Структурно-функциональная сложность и при этом многоаспектность скрытого единства системных объектов определили собой множество подходов и смысловых акцентов в понимании феномена системности [Уёмов 1978: 56; Качанова, Фомин 1999]. Кроме того, совмещение более 30 определений системы в рамках новой интегрирующей отрасли обусловлено различиями предметной области, а также понятийно-терминологического аппарата частных научных дисциплин. Эта специфика не даёт возможности установить сущностную изоморфность между явлениями и системами различного класса [Анохин 1973] и,

как следствие, препятствует укреплению глубинного единства общей теории систем⁴.

Таким образом, поиски исчерпывающих и непротиворечивых дефиниций своего объекта, охватывающих свойства системы на уровне универсалий и их конкретизаций, а также проекций в специальные области знания оказались сопряжены с определёнными трудностями. Стремясь преодолеть эти трудности, теория систем признаёт развитие термина «система» как «группы явлений (преобразований) с инвариантом» [Шамаева 2010: 13]. В настоящее время этот инвариант складывается из ряда идентифицирующих понятийных признаков, отмеченных в работах по системологии: «целостный комплекс взаимосвязанных элементов, имеет определенную структуру и взаимодействует с некоторой средой» [Блюмин 2006: 19]; «единство связанных друг с другом предметов и явлений в природе и обществе» [Чубарова 2006]; «стремится сохранить свою структуру», демонстрирует «сложную зависимость от свойств, входящих в нее элементов и подсистем (система может обладать свойствами не присущими ее элементам, и может не иметь свойств своих элементов)» [Ханадеева 2019].

Понимание системы в терминах связного, структурированного множества и в отвлечении от цели её функционирования исторически первично и соответствует *онтологическому подходу* философии, отражённому в т.н. *дескриптивных* определениях системы [Балаганский 2000: 11; Кориков, Павлов 2008: 12-20]. В определениях этого типа системой считается всякий объект, части

⁴ Вместе с тем, освещая эти недостатки становления системного воззрения, советский академик П.К. Анохин видит эти недостатки естественными, обусловленными постепенным преодолением механистического анализма в постановке и решении научных проблем. «Мы не должны забывать, что последовательное приложение системного принципа к явлениям различного класса (организму, машинам, обществу) не является простой сменой терминологии. Системный подход к исследованию является прямым следствием перемены теоретического подхода к пониманию изучаемых объектов, т.е. в какой-то степени следствием изменения самой формы мышления экспериментатора. Естественно, что такой процесс не может быть одномоментным», – заключает учёный [Анохин 1973].

которого находятся в том или ином взаимодействии [Крайнюченко, Попов 2005: 67]. Толкования этого класса фиксируют сущность системы в общем виде, как связное, структурированное множество.

Не претендуя на освещение всего множества авторских интерпретаций системы, приведём формулировки некоторых из существующих *дескриптивных* дефиниций системы. В этом ключе под системой подразумевается «“целое”, состоящее из взаимодействующих “компонентов”», находящихся в тех или иных отношениях между собой и со средой [Берталанфи 1969: 61]; «любой объект, в котором имеют место какие-то свойства, находящиеся в некотором заранее заданном отношении» [Уёмов 1978: 121]; «объективное единство закономерно связанных друг с другом предметов, явлений, сведений, а также знаний о природе, обществе и т.п.» [Грачёв, Шевцов 2008; Чубарова 2006]; «множество элементов, находящихся в отношениях и связях друг с другом, образующих определённую целостность, единство» [СЭС: 1209]; «не всякая совокупность элементов, а лишь такое образование, в котором все элементы настолько тесно связаны, что данное образование противостоит внешним телам как нечто единое» [Мелюхин 2010: 247], т.е. «обособляется от среды и взаимодействует с ней как целое» [Перегудов, Тарасенко 1997: 84]; «внутренне организованная на основе того или иного принципа... целостность, элементы которой находятся в отношениях (связях) между собой таким образом, что возникает, как минимум, одно новое интегративное качество, не свойственное ни одному из элементов этой целостности» [Сосновский 2019]; «целостность, состоящая из элементов и связей между ними и имеющая свойства, не сводящиеся к свойствам элементов этой целостности» [Эрштейн 2011]; «некоторая целостность, состоящая из взаимосвязанных частей, каждая из которых вносит вклад в характеристики целого» [Ханадеева 2019]; «объект, свойства структуры и субстанции которого взаимосвязаны» [Мельников 1978]; «объект любой природы (либо совокупность взаимодействующих объектов любой, в том числе различной природы), обладающий выраженным “системным” свойством (свойствами), т.е. свойством, которого не имеет ни одна из частей системы при любом способе членения и не

выводимым из свойств частей» [Родионов 2017]; «совокупность элементов, организованных таким образом, что изменение, исключение или введение нового элемента закономерно отражается на остальных элементах» (выделение наше. – Д.М.) [Топоров 1962: 9-10].

Результаты дескриптивного подхода запечатлены самой внутренней формой термина в языке-источнике: начиная ~ с VI века до н.э. др.-греч. слово σύνθεσις именовало ‘целое, составленное из частей; соединение’ [СЭС: 1209; БАС: 856].

В более позднее время, с осознанием потребности в повышении качества жизни и развитием науки создание сложных технических, а также человеко-машинных комплексов содействовало появлению естественнонаучной трактовки системы. С этой трактовкой согласуются конструктивные истолкования системы, в рамках которых она описывается как средство достижения цели (некоторого полезного результата), ради которой та или иная система и создавалась [Фетисов, Перлюк 2009: 22; Балаганский 2000: 11; Кориков, Павлов 2008: 12-20]. Осознание зависимости многих свойств системы от параметра целенаправленной активности отличает данную трактовку от философской дескриптивной [Крайнюченко, Попов 2005: 67]. Данный подход, выражающий конструктивное истолкование системы, является исходным для нашей работы, в которой отправной точкой является когнитивная функция языковой системы, «подстраивающая» под себя иные её характеристики.

Конструктивные определения системы находим в формулировках вроде «множество элементов, находящихся в отношениях и связях друг с другом, которое образует определенную целостность, единство при достижении цели» [Блюмин 2006: 22]; «Система – конечное множество функциональных элементов и отношений между ними, выделенное из среды в соответствии с определённой целью в рамках определённого временного интервала [Сагатовский 1973: 13-14]; «такой комплекс избирательно вовлеченных компонентов, у которых взаимодействие и взаимоотношение приобретают характер взаимодействия компонентов на получение фокусированного полезного результата» [Анохин 1973]; «совокупность взаимодействующих разных функциональных единиц

(биологических, человеческих, машинных, информационных, естественных), связанная со средой и служащая достижению некоторой общей цели путём действия над материалами, энергией, биологическими явлениями и управления ими» (В.И. Вернадский) [Вернадский 1926]; «...Системы суть функционально определённые, структурно упорядоченные и адаптивно реорганизующиеся множества элементов» [Борзенко 2001]; это «совокупность интегрированных и регулярно взаимодействующих или взаимозависимых элементов, созданная для достижения определенных целей, причём отношения между элементами определены и устойчивы, а общая производительность или функциональность системы лучше, чем у простой суммы элементов» [Батоврин 2012: 172]; «...объект, функция которого обусловлена функцией объекта более высокого яруса, т.е. надсистемой» [Гутгарц 2019] (выделение наше. – Д.М.).

Системность мыслительных, в т.ч. научно-исследовательских целенаправленных процедур моделирования действительности лежит в основе *гносеологического* и *методологического* подходов к определению системы. В рамках названных подходов вслед за У. Р. Эшби в определения системы явно или имплицитно встраивается участие наблюдателя, на что указывают дефиниции вроде «система – это формальная взаимосвязь между наблюдаемыми признаками и свойствами» (М. Масарович) [Блюмин 2006: 20], «отражение в сознании субъекта (исследователя, наблюдателя) свойств объектов и их отношений в решении задачи исследования, познания [Черняк 1975: 23] (гносеологический аспект); «Система S на объекте A относительно интегративного свойства (качества 1) есть совокупность таких элементов, находящихся в таких отношениях, которые порождают данное интегративное свойство» [Агошкова, Ахлибинский 1998: 179] (методологический аспект).

Современные представления о свойствах системных объектов

Приведённые выше определения понятия 'система' в разной степени подчёркивают те или иные идентифицирующие характеристики системности, значимые для лингвистики и иных областей научного знания. Поскольку наше

исследование своим объектом имеет языковую системность и решение его задач базируется на достижениях теории систем, в дальнейшем изложении рассмотрим существо общесистемных свойств подробнее и как они представлены отечественными и зарубежными системологами.

а) Субстанциональные характеристики систем (свойства состава)

В зависимости от глубины и целей анализа с помощью процедуры декомпозиции по слабым связям в системе могут быть выделены составные части: элементы и подсистемы [Берталанфи 1969: 4; Грачёв, Шевцов 2008], так что каждая система характеризуется *дискретностью* и наличием у неё определённого *состава*.

Членение системных объектов по линии «часть-целое» соответствует элементарной ступени осмысления действительности. Под элементом в системологии, как правило, понимается простейшая часть системы, неразложимая далее при заданном ракурсе её рассмотрения [Алексеев, Панин 2005: 462], т.е. с позиции решения конкретной задачи и выделенного аспекта познания. Деление на подсистемы, в свою очередь, задаёт вычленение более крупных компонентов, а именно относительно самостоятельно функционирующих частей, автономных групп взаимосвязанных элементов, обладающих собственной функцией внутри целого [Ханадеева 2019]. Предел членения подразумевает сохранение системоприобретённых (системоопределённых) свойств элементов в составе целого: «дальнейшее разделение... приводит к нарушению функциональных связей элемента и получению свойств выделенной совокупности, не адекватных свойствам элемента как целого» [Грачёв, Шевцов 2008]. Иными словами, элемент может рассматриваться только внутри системы, с заданным набором параметров и «степеней свободы», совместимых между собой. Свойства элемента, таким образом, находятся в зависимости от его места в данной системе.

Природа элементов лежит в основе существующих классификаций системных объектов. Одна из них выделяет в континууме систем *естественные* и *искусственные*. Львиную долю систем естественного происхождения составляют

природные системы разных уровней организации материи (астрокосмические, физические, химические, биологические) [Классификация систем 2019].

Сходство/различие свойств элементов (критерий качества по происхождению элементов) позволяет разграничить *гомогенные (однородные)* и *гетерогенные (разнородные, разнокачественные)* системы, а также систем смешанного состава. Составляющие гомогенных систем однородны, обладают одинаковыми свойствами, что допускает взаимозаменяемость таких элементов. Гетерогенные системы объединяют качественно различные элементы, имеющие собственное предназначение, поэтому функционально независимая субституция элементов невозможна [Фетисов, Перлюк 2009: 24; Уёмов 2003: 103; Классификация систем 2019].

Существенным для нашего исследования является также разграничение материальных и абстрактных (идеальных) систем. *Материальные* (реальные, физические) системы включают в себя чувственно воспринимаемые объекты органической и неорганической природы; *абстрактные* (идеальные) системы являются продуктом человеческого мышления. Это теории, гипотезы, математические модели, компьютерные программы, проекты, картина мира, литературные произведения, знаковые системы [Фетисов, Перлюк 2009: 20-21; Блюмин 2006: 88-89].

Различная субстанциональная природа двух обозначенных типов систем влечёт спецификацию их предназначений, и, в частности, наделяет вторичные материальные системы (скажем, семиотические) функцией закреплять, сохранять и транслировать системы идеальные. Соответственно, такие материальные системы создаются человеком для решения практических задач и носят искусственный характер. Разного рода схемы, рисунки, знаки и образы служат средством объективации абстрактных систем. Следовательно, абстрактные системы семантической информации могут быть истолкованы как часть закрепляющей её системы в единстве материального и идеального [Солнцев 1977: 20]. Социальные системы коммуникации между людьми представляют

интегрированный, материально-идеальный, тип системно организованных фрагментов действительности [Классификации].

Свойство обозначать выступает как системоприобретённое, т.е. такое, которое отсутствует у элементов вне системы и «наводятся» внутрисистемными отношениями при участии элемента в данной системе. Качества, присущие элементам независимо от их вхождения в систему и участвующие в формировании системных отношений и качества объекта, принято именовать системообразующими. В свою очередь системонейтральные свойства элементов не являются сколько-нибудь системозначимыми [Солнцев 1977: 51-52].

В системологии онтологические характеристики состава входят в число критериев выделения, обособления системы среди других фрагментов опыта, т.е. рассматриваются как системообразующий параметр, или *критерий качества*. Вместе с тем выделяются и другие параметры, что обусловлено нечёткостью межсистемных границ, влиянием точки зрения наблюдателя и, вследствие этого, относительным членением действительности на системные объекты.

В настоящее время, однако, вопрос о ведущем системообразующем критерии, отделяющем данную систему среди других, остаётся дискуссионным, имеет альтернативные решения, ориентированные на свойства состава, структуры, функции либо на интегративное качество системы. Такая ситуация создаёт объективные и субъективные классификационные трудности при отнесении какого-либо объекта к данному классу систем. Однако при любом способе рассмотрения, в соответствии с универсальным принципом выделения систем (законом композиции) Ю.А. Урманцева, избранный критерий качества должен быть однородным и отражать специфику системы как целостного образования [Основы системологии 2019].

б) Структурные характеристики реальной системы

Как можно заметить, практически во всех существующих определениях системы встречаем указание на взаимосвязь/взаимодействие/упорядочение компонентов системы, что является ярким идентификатором системности как в

специальном, так и обыденном познании. Согласно наблюдениям представителей разнообразных научных отраслей, понятие “система” получило широкое хождение в науке, технике и повседневной жизни и употребляется для номинации упорядоченных совокупностей любой природы, выделенных среди других объектов действительности [Грачёв, Шевцов 2008; Анохин 1973]. Категория упорядоченности сущностно соответствует структурной организации системных объектов, которая «отражает наиболее существенные и устойчивые взаимоотношения между элементами и их группами (компонентами, подсистемами)» [Блюмин 2006: 35].

Структурные свойства системы (отношения, конфигурации, закономерные связи и упорядоченность элементов/частей системы) выходят на первое место на следующей за элементарной ступени познания. В совокупности с субстанциональными в литературе и нашей работе они именуются *свойствами строения*. Важность понятия структуры для науки с точки зрения организации целостного объекта была обоснована в 20х годах XIX века французским биологом Жоржом Кювье. В XIX-XX вв. важное значение устройства для существования и поведения объекта подчёркивалась во многих отраслях мировой науки: химии (А. М. Бутлеров и Д. И. Менделеев), физике (Н. Бор, Э. Резерфорд), философии (Г. Гегель, В.И. Ленин, С.Е. Зак), социологии (К. Маркс, Ф. Энгельс, Г. Спенсер, Э. Дюркгейм), лингвистике (Ф. де Соссюр, И.А. Бодуэн де Куртенэ, Л. Ельмслев, Н.С. Трубецкой, М.В. Панов). Расхождения в понимании структуры и её роли в системе становились поводом для дискуссий.

На современной ступени развития науки структура осмысливается как общесистемная категория, «характеризующая распределение и взаимодействие в пространстве и времени элементов предметов и явлений...» [Зак 1967: 54-55]. Данная категория указывает на сеть отношений между элементами или частями системы, выполняющую роль композиционной основы для осуществления связей (взаимодействия) между ними. Упорядоченный характер внутреннего устройства является ярким признаком, который отличает системы от не систем как в научной, так и в наивной картинах мира и служат отправной точкой «кристаллизации»

перцептивных и метафорических образов в составе концепта СИСТЕМА [Миронова 2013, Миронова 2019а].

Формирование определённой структуры происходит в результате приспособления системной организации под функцию и наоборот [Системный подход к теории организации; Крайнюченко, Попов 2005: 35; Принципы существования сложных систем 2001; Родионов 2017; Анохин 1973]. Конкретный способ воплощения состава системы в данной структуре значительно определяет качественное своеобразие каждой реальной системы. Это свойство неоднократно отмечалось исследователями и нашло выражение в развёрнутой дефиниции системы Г.П. Мельникова в соавторстве с Е.С. Кубряковой: «известным образом организованное (т.е. упорядоченное) иерархическое целое, обладающее структурой и воплощающее данную структуру в данную субстанцию для выполнения определённых целей» [Кубрякова, Мельников 1972: 30].

В ходе применения системно-структурного подхода установлена зависимость благоприятного функционирования и жизнеспособности системы от внутренних и внешних взаимосвязей её компонентов; обнаружены также факты структурного сходства на фоне материальных и функциональных различий и, что существенно, выявлена относительная устойчивость структуры на фоне частных изменений субстанции и её роль в построении целого. Соответственно, термины «система» и «структура» передают соотносительные, но различные понятия. Если с помощью первого подчёркивается синтетизм сложного объекта, то второй отражает, скорее, аналитический подход в познании и служит для указания на один из аспектов системности – разложимость объекта на взаимосвязанные компоненты. Представление структуры в виде каркаса абстрактных отношений делает возможным её исследование математическими методами. В математической (формульной) записи системы структура соответствует символу, означающему «множество элементов связи» некоторой составляющей систему [Касимова 2009: 17].

Связь в пределах данной структуры, по общему мнению, заключается в изменении свойств у взаимообусловленных частей системы за счёт перемещения

между ними вещества, энергии и информации по принципу парных отношений «дал – принял», «импульс – реакция». Связь осуществляется через каналы материальной или идеальной природы; при этом непосредственное физическое взаимодействие не является обязательным [Блюмин 2006: 31; см. также Системный подход...; Чернышов 2010: 5]. В научных работах связь зачастую отождествляется со взаимодействием. Так, Л.В. Бронник, представитель лингвосинергетического направления в языкознании, определяется взаимодействие как «процесс взаимозависимого изменения параметров состояния системы и среды, растянутый во времени» [Бронник 2008].

Возможны прямые и косвенные, сильные и слабые взаимосвязи между элементами, а также связи исключительно с целым, когда один элемент связан с другими лишь в силу принадлежности к общему целому [Солнцев 1977: 17]. Абстрактную репрезентацию связей, как некоторую зависимость элементов, в сознании наблюдателя называют отношением. Это могут быть отношения «часть – целое», «управляющий – управляемый», «высший – низший» и т.д. [Крайнюченко, Попов 2005: 116; Солнцев 1977: 19].

Роль композиционной основы для связи играют *морфологические*, или пространственно-временные *свойства* конфигурации системы (*аспект состава* в структуре), тогда как *функциональная сторона* структуры, или *аспект связей* [Мельничук 1970: 28] соответствует принципам функционирования частей, характеру связи между элементами и этапам её развития. В научной типологии дифференцируются связи подчинения, управления, порождения (генетические) и равноправные связи. Место приложения взаимодействий характеризует обменные процессы между частями системы (внутренний метаболизм), с одной стороны, и между системой и окружающей средой (внешний метаболизм), – с другой [Блюмин 2006: 32].

По закону самосохранения, для существования системы необходимо доминирование внутренних связей над внешними [Грачёв, Шевцов 2008]. Модель системы с демонстрацией всех связей (реляционных структур) с помощью ориентированных графов [Берталанфи 1969: 25] получила название

«белого ящика». Если взаимосвязи компонентов чёткие, однозначные и сравнительно легко выявляются специальными процедурами, правомерно вести речь о *хорошо (жёстко) структурированных* объектах. Противоположное утверждение можно отнести к *диффузным (мягким)* системам, что затрудняет исчерпывающее описание их структур [Иерархии материальных систем 2022].

В зависимости от ракурса рассмотрения возможно выделение различных конструктивных (структурных) моделей у одной и той же системы. Наибольшую известность в мировой науке получила уровневая структура в виде иерархии подсистем. Последние сформированы по принципу вложенности уровней организации мироздания, возникших в ходе его эволюции от атомно-молекулярного *физического* через *химическую, биологическую и социальную* подсистемы к *социотехнической* [Классификации систем. Иерархия систем 2022]. В этом плане показательно, что концептуализация иерархического устройства мира нашла своё выражение ещё в донаучный период, в содержании космогонических мифов и представлениях социополитическом укладе, что зафиксировано исходным значением древнегреческого слова «иерархия» – греч. ‘священная власть’.

Сущность иерархической упорядоченности, таким образом, предполагает конструктивную и функциональную соподчинённость подсистем: каждая из нижестоящих в той или иной мере обуславливает строение вышестоящей, влияет на деятельность последней и, взаимодействуя с иными уровнями, обеспечивает выполнение системой её главной функции (см. определение системы Р.Д. Гутгарца). В то же время свойства подчинённых элементов развиваются под влиянием метауровня.

Если один из элементов выступает как своего рода «фокус взаимодействия», играя ключевую роль в функционировании, управлении и архитектонике системы (ср., к примеру, социальное подчинение, военные и политические структуры), говорят о *централизованной* системе [Заборов; Классификации систем 2; Родионов 2017]. Реальные системы занимают, как правило, срединное положение между централизованным и децентрализованным

типами с равнозначными элементами вроде биоценозов [Крайнюченко, Попов 2005: 206].

В свою очередь, между единицами одного и того же уровня возможны любые взаимосвязи. В пределах уровня «фиксируется... общность законов функционирования, единство пространственно-временной топологии и субстанционального построения определенных компонентов изучаемой системы» [Блюмин 2006: 45-46].

В системной статике выделяются линейные, полевые, сетевые, модульные структуры; с позиций динамики систем говорят о существовании циклических, экстенсивных, а также редуцирующих и интенсивных структур. В отличие от редуцирующих интенсивные структуры демонстрируют рост числа связей; интенсивные же структуры способны к изменению характера и объёма связей в целях повышения эффективности метаболизма [Блюмин 2006: 23, 36]. Сравнительную известность за прошедшие полвека приобрела структурная модель системы, фигурально названная теорией ячеек, где в виде ячеек представлены отдельные единицы системы, связанные обменными процессами, скажем, в цепочечной или ядерно-периферийной структуре [Берталанфи 1969: 25].

Характеризующие строение систем признаки состава и структуры, будучи упорядоченными и ограниченными в своём разнообразии, подразумевают определённую *организацию*. Именно в составе системного образования, согласно теории функциональных систем П.К. Анохина [Анохин 1973], появляется возможность ограничить и упорядочить взаимосвязи между элементами настолько, насколько это необходимо для реализации задач объекта.

Комплексная характеристика систем по количеству структуры и состава лежит в основе выделения *простых* и *сложных (комплексных)* систем. Сложные системы в отличие от простых функционально сложнее и характеризуются большим числом параметров в различных ситуациях функционирования. Как следствие, они обладают неоднородностью и значительным набором элементов, от 10^4 и выше [Теория информационных процессов и систем 2014: 22], т.е.

сложностью состава, отличаются множественностью их конфигурирования (структурная сложность) и наличием ряда взаимодействующих процессов и задач (функциональная сложность). Сложный тип систем встречаем среди космических, биологических, экологических, социальных, производственно-технических, эргатических (человеко-машинных) комплексов. За счёт неформализуемых социокультурных и личностных факторов присутствие человека в системе всегда делает её сверхсложной, даже если речь идёт о небольшом количестве людей [Чубарова 2006].

По своей масштабности комплекс вышеназванных параметров затрудняет как аспектное моделирование, так и синтез сложных систем, которые с учётом этих трудностей (с точки зрения субъекта-наблюдателя) именуется большими. *Большие системы* – это системы, которые невозможно одновременно наблюдать во времени или пространстве и описывать с точки зрения одного наблюдателя и одной научной модели [Классификации].

По своей объёмности и сложности, как пишет У.Р. Эшби, системы нередко превосходят сами средства наблюдения и, таким образом, требуют скрупулёзного исследования с разных сторон, с помощью приёмов декомпозиции/композиции и последующего согласования нескольких полученных моделей [Арнольд 1991: 29; см. также: Черняк 1975: 61]. В свою очередь, австрийский математик К. Гёдель в первой половине XX века указывал на необходимость умеренного выхода за пределы изучаемой системы, т.н. «усиления системы», поскольку, начиная с определенного уровня сложности, описания, замкнутые лишь в данной системе, утрачивают свою полноту и непротиворечивость (теорема Гёделя).

в) Роль целеполагания в функциональном измерении системы

Основополагающее значение для теории систем и практики их конструирования имеет *целевой параметр* системы. Онтологически данное свойство носит конститутивный характер и отражается в приведённых выше конструктивных дефинициях слова «система», в которых отмечается наличие у неё некоторого предназначения.

Функциональная характеристика определяет многие другие системные признаки, в том числе принципы поведения; как полагал Ю.А. Урманцев, она может служить наиболее ясным критерием качества при выделении системы из окружения [Урманцев 2001]. Цель функционирования системы заключает в себе желаемый результат её деятельности, направленный на достижение некоторого внутреннего состояния (цели гомеостатирования и цели развития) либо на изменение внешнего положения дел [Фетисов, Перлюк 2009: 15]. Существенно отметить, что каждая из subsystem и каждый из элементов в составе иерархии вносит целесодействующий вклад в выполнение ведущей системной функции целого, обладая тем самым и собственным предназначением [Анохин 1973; Арнольд 1991] (ср. созвучное этой теории толкование системы, предложенное учёным). При этом, как уже кратко упоминалось выше, частные цели подсистем и взаимодействия элементов, как правило, согласуются между собой, подчиняясь глобальной, ведущей цели деятельности системы, которая обнаруживается в соответствии с целями анализа и при учёте как внутренних, так и внешних факторов. Сложные системы, за счёт большого числа компонентов, в т.ч. функционально избыточных, способны надёжно функционировать в случае сбоя какого-то из них: деятельность уязвимого элемента в такой ситуации восполняется функционированием других.

Согласно типологии В.И. Новосельцева [Новосельцев 2002], целеполагающие системные объекты способны к самостоятельному образованию целей и могут выстраивать пути их достижения исходя из внутренних и внешних причин. Конечная цель задаётся системе извне при воздействии на её деятельность фрагментов окружающей среды, их определённых характеристик.

Аксиома А.А. Богданова о существовании систем в среде гласит, что каждая сложная система «включена в систему более высокого ранга» [Сосновский 2019; Основы системологии 2019...] и, следовательно, не является изолированной. Стремясь к определённой внешней либо внутренней цели, она функционирует в многоплановом контакте с другими системами (внешней средой), отражая и

изменяя их свойства, и в этом смысле является *открытой*⁵. Поэтому как в теоретических изысканиях, так и в ходе практической деятельности необходимо учитывать две группы факторов, факторов внутренних и внешних. Весьма показательным в этом отношении включение фактора среды в толкования понятия системы, принятые теорией информации: множество считается системой, «если связи определённого вида между элементами этого множества (внутренние связи) преобладают над... связями между элементами этого множества и окружающей средой (внешние связи)» [Буга 1968: 9]. Одновременно первый шаг при анализе всякого системного феномена заключается в установлении границ между ним и окружением. Подчёркивая сосуществование в природе разных систем, выдающийся отечественный системолог Ю.А. Урманцев справедливо указывал на всегда относительный характер выделения любого объекта из среды на основе материального / структурного критерия качества [Основы системологии 2019]. Каждая исследуемая система фактически является частью некоторой большей системы (метасистемы, надсистемы), хотя далеко не всего это доступно прямому наблюдению. Поэтому зачастую отдельные свойства перестают казаться случайными и получают исчерпывающее объяснение при рассмотрении объекта не изолированно, а при учёте влияния среды [Даль 2009: 51]. При проведении системных исследований и построении частных моделей системы важно учитывать это обстоятельство.

⁵ Изучение закрытых систем проводилось преимущественно в XIX столетии, однако уже в первой половине XX века стала понятна ограниченность, а потому неадекватность сведений о системах, полученных при анализе теоретических конструктов в виде замкнутых систем. В частности, традиционная физика столкнулась с явлением возрастания порядка в реальных системах, что противоречило 2-му началу термодинамики, которое утверждало развитие физической природы к состояниям максимального хаоса, но делало это на примере закрытых систем. По мере осмысления этого и других противоречий фокус научного внимания всё более смещался в сферу изучения открытых систем, имеющих распространение в объективном мире.

В понятие окружающей среды входит вся совокупность условий существования конкретной системы [Грачёв, Шевцов 2008], т.е. всё то, что не входит в данную систему, но, изменяясь, может вызывать в ней структурно-функциональные трансформации. В общенаучном понимании среда некоторой системы представляет собой «совокупность объектов, изменение свойств которых влияет на систему, а также тех объектов, чьи свойства меняются под воздействием поведения системы» [Арнольд 1991: 24].

Те или иные воздействия среды, управляющие или возмущающие, передаются системе через участки (элементы и их группы), имеющие наиболее активные связи с окружением. Эти участки называются входами, или рецепторами, а также *сигнатурой системы*. Обратное влияние системы на среду при выполнении ведущей функции локализуется на «поверхностных» участках т.н. выходов, или эффекторов [Живицкая 2015]. Входы и выходы выступают как своего рода «точки приложения» внешних обменных процессов, в которых участвуют потоки энергии, вещества либо информации [Игнатова 2005: 120]. Всякая открытая система в результате влияния извне подвергается постоянным изменениям, характеризуется динамическим равновесием и может быть названа *динамической*. Сочетание экзогенных (идущих от метасистемы) и эндогенных (внутрисистемных) факторов необходимо для устойчивого развития и функционирования реальной системы. Обменные процессы в динамической открытой системе ориентированы на её самосохранение и поддержание внутреннего целевого состояния, т.е. такого, которое наиболее благоприятно для выполнения системой главной функции.

Под состоянием в контексте рассматриваемой отрасли подразумевается совокупность актуальных значений внешних и внутренних параметров, определяющих ход происходящих в системе процессов. Наиболее устойчивые состояния, к которым стремится система, соотносимы с *аттракторами* [Принципы существования сложных систем 2001; Сосновский 2019]. Они соответствуют наиболее либо наименее организованным состояниям динамической системы, или, как пишет Н.Н. Альбеков, своеобразным эпицентрам

её развития [Альбеков 2021: 107]. Таким образом, аттрактор является максимально или минимально благоприятным для выполнения системой её функций в соответствии с направляющей детерминантой.

Чем больше параметров требуется принять во внимание, характеризуя состояние системы, тем, как правило, она сложнее [Фетисов, Перлюк 2009: 15]. С учётом когнитивных и технических ограничений исследователя моделирование сложной системы предполагает обычно отражение лишь части системных параметров в соответствии с научными задачами и на основе имеющегося в распоряжении материала исследования.

Свойство *гомеостатичности (устойчивости)* позволяет до некоторых пределов координировать значения параметров между собой и во взаимодействии со средой. Несколько вероятных оптимальных областей устойчивости типично для систем со слабой устойчивостью; в обратном случае имеются в виду *адаптивные* системы (термин В.И. Новосельцева), которым присуща сильная устойчивость за счёт способности автоматически приспосабливаться к окружающим условиям. Несмотря на действие внутренних и внешних дестабилизирующих, дезорганизующих отклонений, они способны восстанавливать внутреннее равновесие и следовать своему предназначению, при необходимости изменяя как состав, так и структуру, в т.ч. в сторону большей сложности [Берталанфи (критич. обзор): 5; Арнольд 1991: 21].

Внутреннее равновесие адаптивной системы обеспечивается компенсаторными механизмами обратных связей, представляющих собой регулирующий отклик системного объекта на стимулы, поступающие из среды. Если эти стимулы носят противодействующий характер, т.е. подавляют деятельность системы, нарушают её траекторию к цели, в действие вступает отрицательная обратная связь, столь значимая в теории управления (кибернетике).

Считается, и было убедительно подтверждено на материале частных наук, что отрицательная обратная связь компенсирует внутреннее отклонение, обусловленное неблагоприятным для функционирования внешним воздействием,

т.е. таким воздействием, которое приводит к нарушению целостности и внутреннего равновесия системы (её гомеостаза) [Сурмин 2003: 35]. В результате такой компенсаторной самоорганизации достигается внутреннее подвижное равновесие открытой системы. Оно позволяет ей *устойчиво* выполнять заданные функции в условиях дестабилизирующего влияния внутренних (параметрических) факторов и внешних факторов среды [Фетисов, Перлюк 2009: 21].

Среда, содействующая предназначению системы, напротив, оказывает благоприятное влияние на деятельность системы, повышает её эффективность, так что в этом случае в системе активизируются положительные обратные связи, которые сохраняют внешние стимулы и качественно изменяют состояние системы [Блюмин 2006: 77-79]. Положительная связь благоприятна, если изменение внутреннего качества необходимо для дальнейшей реализации задач системного объекта. С термином «обратная связь» рядоположны номинации «отражение», «рефлекс», «гомеостаз», «метаболизм», «компенсация», «самоорганизация», которые получили особенно широкое применение в биологии и медицине.

В системах с абстрактными элементами, какой является естественный язык, обратные связи, очевидно, основаны на межкомпонентном метаболизме информационного свойства [Обратная связь 2019].

2) Целостность и эмерджентность как проявление интегративных качеств системы

В пределах организмического подхода теории систем, введённого Л. фон Бергаланфи, большое внимание уделяется исследованию интегративных качеств. Интегративные качества (качества целостности) обособляют систему в среде как относительно автономное единство. Понятийный признак 'целостность' входит в содержание многих дескриптивных определений системы, отражая взаимообусловленность всех её частей.

В основе изучения интегративности системных феноменов лежит холизм (от др.-греч. ὅλος – 'целый, цельный'), или философия целостности, которая имеет

своим истоком античное наследие, но в оформленном виде была предложена в первой половине XX века южноафриканским философом Яном Смэтсом. Основу этой онтологической концепции составил тезис о качественном отличии и приоритете целого по отношению к его частям; в противоположность механистической интерпретации с созданием новых целостностей связывалось эволюционное движение. Из этого следовала закономерная установка изучать объект как целое прежде его отдельных составляющих и свойств [Холизм 2010]. Позднее, по мере практической апробации этих идей, холистический философский принцип воплотился в универсальную составляющую объективной модели мира, получившую наиболее представительное выражение в общей теории систем – междисциплинарной области, направленной на выявление структурно-функциональных закономерностей систем различной природы. В этой преемственной связи системологии с философией целостности некоторые исследователи усматривают возврат к синкретическому мировоззрению мифологического сознания, свершившийся, однако, на новой интеллектуально-технической базе [Смотрицкий 2002].

Представление о том, что система – это не конгломерат отдельных частей, а связанная совокупность разнокачественных, но совместимых элементов, взаимодействующих по тем или иным параметрам, было очерчено в концепции Л. фон Берталанфи на примере живых организмов. Спустя десятилетия оно получило широкое хождение в исследованиях иных систем и, акцентируя обязательный характер целостности, воплотилось в общенаучных дефинициях системы. Как считается, в отличие от целостности понятие интегративности акцентирует не столько внешнее единство системы, её выделенность в среде, сколько внутреннее, а также глубинные факторы, её определяющие [Чернышов... 2010: 24].

Источник целостных свойств несёт в себе неразрывная структурная связь и многочисленные взаимодействия элементов, обеспечивающая согласованный внутренний метаболизм между ними и самоорганизацию системы. Поэтому алгоритм системного исследования рекомендуется строить в виде поэтапного

разукрупнения, декомпозиции, изучаемого объекта на связные составляющие [Овчинников 1967; Анохин 1973; Блюмин 2006]. Применение этих процедур, в частности, позволяет выделить системонейтральные (безразличные для системы), системообразующие (исходные свойства элементов, значимые для системы) и системоприобретённые (навязанные системой) [Солнцев 1977; Мельников 1978].

Внутренняя целостность системы выражает зависимость элементов друг от друга, с одной стороны, и от целого, с другой. Так, извлечение детали в техническом устройстве или изменение структуры предприятия зачастую влияют на работоспособность целого. Понятие о *внешней целостности* вновь вводит позицию наблюдателя, поскольку именно он идентифицирует систему как целостное образование. В теории и практике управления системами (кибернетике) такое внешнее единство отображается моделью «чёрного ящика» [Балаганский 2000: 39]. Данная модель применима, главным образом, к описаниям сложных систем, при анализе которых не всегда удаётся установить компоненты, структуру и природу протекающих процессов. Соответственно, модель «чёрного ящика» представляет сложные объекты как вещи в себе, подчёркивает эмпирическую недоступность либо несущественность их внутренних параметров в исследовании. При таком подходе значимы лишь входные и выходные связи между системой и окружающей средой, однако известно, что характер взаимодействия с внешней средой у целого и отдельных элементов отличны [Перегудов... 1997: 72-73; Чернышов... 2010: 5-6, 11].

Взаимодействие компонентов в составе целого формирует организационную *сложность* системного феномена. Эта сложность ярко выражается во взаимосвязи частей с целым, которая порождает определённые реакции системы на изменение параметров её состава, так что добавление или устранение элементов не только формирует новые связи, но и видоизменяет или исключает уже существующие отношения элементов системы [Фетисов, Перлюк 2009: 7-8]. Более сложная система, как считается, мене восприимчива к флуктуациям и, следовательно, выше её устойчивость в среде [Даль 2009: 71].

Принцип целостности в теории систем подчёркивает не только взаимозависимость элементов и их неразрывное единство с целым, но и принципиальную несводимость качества системы, при любом способе декомпозиции, к сумме свойств её составляющих. Наличие у системы таких функциональных свойств, которые не присущи её отдельным элементам, а порождаются вследствие взаимоналожения их характеристик, усиления одних и нивелировки других называют *эмерджентностью* (от англ. emergent – ‘возникающий неожиданно’) [Балаганский 2000: 39]. Эмерджентность (от англ. to emerge – ‘возникать, появляться’) – неперенный атрибут любой открытой системы, следствие её внутренней целостности и синергетических связей между компонентами [Крайнюченко, Попов 2005: 103-104]. Данное свойство отмечено и подвергается активному изучению в социальных, гуманитарных и естественных науках. Особое внимание при этом уделяется условиям и способам возникновения этого интегративного качества, соотношению в нём случайности и тенденций. Неожиданный характер явлений, отмеченный во внутренней форме слова «эмерджентность», постулируется со стороны наблюдателя (в особенности, обывателя), но может получить объяснение с более глубоких научных позиций.

Впервые на эмерджентные явления в окружающем мире обратили внимание британские философы XIX века Джон Стюарт Милль и Джордж Генри Льюис. Последний противопоставил их т.н. результатам – аддитивным явлениям, предсказуемым по их составным частям. Так, сложные химические соединения по своим новообразованным и отчасти неожиданным свойствам не похожи на входящие в них вещества, хотя и в некоторой степени определяют специфику общего результата (для сравнения: простая физическая смесь песка и талька vs соль как эмерджентное соединение натрия и хлора) [Даль 2009: 53, 57]. Ср. также специфику молекулярных характеристик по сравнению с характеристиками входящих в состав молекулы атомов. В свою очередь, Милль Стюарт утверждал наличие у целого такого свойства, которое превосходит сумму свойств элементов [Stuart 1882: 213]. Таким образом, эмерджентность – закономерное следствие уникальной внутренней целостности системы, «стирающей» идентичность

элементов-отдельностей в составе целого. Данное положение считается обоснованным в современной теории систем, которая объясняет это фундаментальное свойство законами композиции частей (и их свойств) в целое, их синергетичностью, а также «относительной автономностью функционирования высших уровней иерархически организованных систем по отношению к низшим уровням при одновременном холистическом характере поведения системы как целого по отношению к отдельным элементам... системы» [Альбеков 2021: 17]. Очевидно влияние организации системного объекта на его эмерджентность, поскольку «объединение элементов в систему всегда ограничивает степени свободы, уменьшает количество возможных связей, что неизбежно проявляется в изменении свойств» [Свойства систем 2008].

На сегодняшний день исследователи называют три основных фактора возникновения эмерджентности, к которым, в системной динамике, причисляются непредсказуемое усиление ранее малозаметного свойства, нелинейная бифуркация в диссипативном состоянии, новая комбинация связей между элементами [Эволюционная динамика и эмерджентность 2019]. То есть условия появления эмерджентности, как и само это свойство, носят не сугубо гносеологический, а онтологический характер, являясь не зависящим от нашего сознания атрибутом мира, скачкообразно ведущим к его эволюции [Борчерт 2006; Князева 2000]. Н.Н. Альбеков к специфическим особенностям эмерджентности причисляет новизну качества, холистичность, неделимость и непредсказуемость, наращивание по мере усложнения строения системы [Альбеков 2021: 19]. В широком понимании он считает эмерджентным любой уникальный системный феномен, непохожий на другие [Альбеков 2021: 105].

Исходя из сказанного выше принцип эмерджентности противостоит редукционизму, допускающему аддитивность, т.е. возможность полностью охарактеризовать целое по свойствам его частей [Родионов 2017; см. также Арнольд 1991: 29; Даль 2009: 56-57].

Целостность и эмерджентность – уникальные интегративные свойства реальных систем, которые повышают производительность системного

образования по сравнению с простой суммой компонентов [Батоврин 2012: 172]. «Наличие интегрированных качеств показывает, что свойства системы хотя и зависят от свойств элементов, но не определяются ими полностью» [Грачёв, Шевцов 2008], а значит, изолированное изучение каждой из составляющих недостаточно и представляется некорректным для познания всех свойств системы.

Интегративные качества ориентированы на получение полезного результата в деятельности системы, определяют её развитие (интеграция структур) и поведение в конкретный момент времени.

Поведение как модификация состояний системы

Поведение характеризует адаптивное изменение состояния системного объекта во времени, складывается из последовательности его реакций на внешние воздействия и может регулироваться как извне (управление), так и исходить из собственных целей системы (самоорганизация) [Сосновский 2019; Борзенко 2001; Принципы существования сложных систем 2001; Родионов 2017]. Поведение системы любой природы отвечает принципу её историчности и укладывается в пять этапов «жизненного цикла»: зарождение и развитие, зрелое состояние, деградация и распад системы [Берталанфи 1969:74].

На начальных ступенях преобладают формирующие закономерности системы. Происходят необратимые изменения состояния – *гетеростаз* системы (У. Кеннон) [Берталанфи 1969: 28], что приводит к возникновению нового синтетического качества. В этом процессе складываются новые элементы, их «действия» становятся всё более кооперативными (формируется целостность системы). Кроме того, преодолеваются конфликты между структурой и функциями, наращивается способность к динамическому равновесию,

увеличивается циркулирующая в системе информация⁶ [Родионов 2017]. Как показали исследования П.К. Анохина, новые функциональные требования могут повлечь за собой моментальное построение новых участков структуры, обеспечивающих системе получение полезного результата [Анохин 1973] (ср. известный диалектический постулат о скачкообразном переходе количества в качество). Такое наращивание целостности и порядка в системе представляет собой явление прогрессирующей систематизации (термин американского астронома А. Холла).

Предпосылки для развития, необратимого формирования нового качества / состояния, возникают по мере накопления количественных изменений и, в случае самоорганизации, регулируются в первую очередь имманентными механизмами, отражающими эндогенные потребности самосохранения и развития открытой системы. Экзогенные характеристики лишь некоторым образом ограничивают, направляют, но не навязывают векторы саморегуляции; при этом взаимодействие тех и других характеристик происходит по нескольким сценариям [Москальчук 2003]. Самоорганизацией считается структурно-функциональная мобилизуемость систем под влиянием факторов предопределенности, конфликтности и случайности [Блюмин 2006: 76-77] и в соответствии с синергетическими принципами гомеостатичности, иерархичности, телеологичности, незамкнутости [Буданов 2006]. Каждый из факторов устанавливает собственную долю ограничений на протекающие преобразования. Система является самоорганизующейся, если приобретает структуру и целевую траекторию без единственно доминирующего воздействия извне. В числе таких систем – биологические,

⁶ При этом «наивно представлять себе развитие, происходящее стихийно. В неоглядном множестве процессов, кажущихся на первый взгляд чем-то вроде броуновского (случайного, хаотичного) движения, при пристальном внимании и изучении вначале как бы проявляются контуры тенденций, а затем и довольно устойчивые закономерности. Эти закономерности по природе своей действуют объективно, т.е. не зависят от того, желаем ли мы их проявления или нет. Незнание законов и закономерностей развития – это блуждание в потемках» [Родионов 2017].

экономические, социальные и политические. В этом ряду, безусловно, находится и естественный язык как ведущая система социальных коммуникаций.

Самоорганизующиеся системы в силу своей сложности, зависимости от внешних факторов, с одной стороны, и от спонтанно возникающих внутренних флуктуаций, с другой, обладают *непредсказуемостью*, или *нелинейностью* (*стохастичностью*⁷) поведения. Реакция всей системы или отдельного компонента на воздействие далеко не всегда оказывается пропорционально воздействию и вмещается в рамки строгих причинно-следственных связей. Более того, сам вектор развития системы, выбор того или иного поведения в точке бифуркации нередко зависит от случайности и, казалось бы, от малых воздействий [Олизько 2015]. Обращаясь к свойству нелинейности, отметим также, что его усиливает и само строение системы, когда его природа адекватна описанию в терминах нечётких, или «пушистых» множеств (концепция Лотфи Заде [Заде 1976]), что характерно, в частности, для естественного языка. Всё это затрудняет построение алгоритмов их поведения исследователями, делает их не детерминированными, а лишь вероятностными. Так, сложные открытые системы могут формировать разные реакции на сходные стимулы и, наоборот, одинаково реагировать на различные воздействия [Блюмин 2006: 98]. Кроме этого в каждый момент их состояние не выводимо из параметров прошлого/будущего состояний, а определяется внутренней селективностью [Фетисов, Перлюк 2009: 21; Арнольд 1991: 20; Анохин 1973]. Селективные системы, способные контролировать постановку и реализацию цели, называют *целенаправленными* (активными) в противоположность *каузальным* (пассивным) системам с внешним управлением.

⁷ Согласно более строгим определениям, свойство стохастичности заключается в том, что «никакое, сколь угодно подробное знание морфологии и функций элементов (подсистем) не позволяет определить функций объекта, никакое, сколь угодно подробное и точное знание поведения объекта на интервале $(-T, 0)$ не позволяет точно предсказать его поведение на интервале $(0, T)$ » [Принципы существования сложных систем 2001].

Стохастичность квалифицируется как едва ли не наиболее выраженный, доступный наблюдателю признак системы [Принципы существования сложных систем 2001]. Невозможность спрогнозировать поведение систем полностью окружило их неким ореолом таинственности и укрепило метафорическое сравнение открытых систем с «чёрным ящиком».

Представляется очевидным, что в наивысшей степени контроль и прогнозирование связано с действием человеческого фактора, так что именно «субъектные» системы на данной ступени эволюции являются максимально непредсказуемыми и в то же время *гибкими (мягкими)*. Элементы мягких систем обладают неопределённым набором признаков и взаимосвязей [Ханадеева 2019; Налимов 1979].

На этапе зрелости системы главенствуют регулирующие закономерности её функционирования, направленные на стабилизацию актуального состояния за счёт сохранения полезных значений системных параметров. Показателями зрелости системы служат такие её характеристики, как относительная самостоятельность и более или менее чёткая выделяемость в окружающем мире; активность обратных связей, эффективный и стационарный характер деятельности. В этот период завершается активное развитие системы в сторону дифференциации: достигается *полиморфизм* (от греч. *poly* - ‘много’, *morphe* - ‘форма’) – важное свойство системы, выраженное необходимым разнообразием элементов и структур, а также функциональных состояний системы [Берталанфи 1969: 4; Фетисов, Перлюк 2009: 21-22]. Везде, где есть системы, имеет место многообразие проявлений одной и той же сущности, различающихся по числу или отношениям «строящих» элементов [Урманцев 2001: 20]. Данная общесистемная закономерность известна и физике, и химии, и лингвистике, и кристаллографии, из которой, собственно, и был заимствован термин «полиморфизм». Научное описание этого свойства предстаёт как более глубокая и точная интерпретация уже известного с античных времён философского тезиса о единстве многообразия [там же: 73]. В проекции на изучение сложных систем и

управление ими существует требование большей вариативности воздействующей системы субъекта, нежели самого управляемого (изучаемого) объекта.

Деградация системы как эволюционный этап характеризуется явлением прогрессирующей факторизации (термин А. Холла), когда, с превышением порога отклонений от целевых параметров, наблюдается ослабление связей, а также целостности (дезорганизация системы). В этом случае сложность и неустойчивость «перевешивают» организующее единство системы. Наступает кризисная точка бифуркации, когда системный объект начинает самораспадаться (что свойственно регрессирующим системам) или самодотраиваться (прогрессирующие системы) до более эффективного качества, которое соответствовало бы функционированию в изменившихся условиях. В этом качестве открытая система принципиально отличается от закрытой. Последняя, подчиняясь второму началу термодинамики, стремится к максимальному беспорядку и разрушается. Открытая, или незамкнутая система, по наблюдению И.Р. Пригожина, в момент подобной разбалансировки или распада может спонтанно формировать упорядоченные структуры, принципиально непредсказуемые [Основы системологии 2019].

Уникальным свойством поведения сложных объектов считается также их *эквифинальность*, которая впервые была научно представлена в работах Л. фон Берталанфи. В соответствии с принципом эквифинальности, конечное состояние (выход) сложной открытой системы не полностью детерминировано начальным. Целевое состояние может достигаться при разных исходных условиях и разными путями, за счёт параметров самой системы [Берталанфи 1969: 5]. В современной науке вопросы, связанные с предпосылками этого свойства, его механизмами и манифестацией нельзя считать достаточно решённым.

***От системных признаков к постулатам существования систем:
взаимосвязь понятий***

Наиболее исчерпывающий перечень инвариантных системных характеристик предложен в трудах И.В. Крайнюченко и В.П. Попова. По мнению

авторов, все без исключения системы в необходимой мере «обладают целостностью, интегративностью... открытостью, диссипативностью, нелинейностью, неравновесностью, самоорганизованностью». Свойства строения означиваются терминами «целостность», «множество», «окружающая среда», «структура», «иерархия», «подсистема», «элемент», «связь», «отношение», «каналы связи», «организация», а также «полиморфичность», подробно рассмотренная Ю.А. Урманцевым [Урманцев 2001: 18, 20]. Номинации «целостность», «интегративность», «эмерджентность», «адаптивность», «равновесие», «обратная связь», «саморегуляция», «гомеостазис», «управление», «изменчивость», «эволюция», «рост», «генезис», «отбор» репрезентируют функциональный блок признаков [Крайнюченко, Попов 2005: 136, 148-150], к которым, на наш взгляд, можно было бы добавить стохастичность и эквифинальность.

С отмеченными выше базовыми свойствами закономерно связаны универсальные принципы существования систем и методологии системного подхода, которые образуют теоретико-методологическую базу для аналитического описания системных феноменов. Стоящие за ними утверждения содержат более развёрнутый комплекс декларативных и процедурных знаний об особенностях системной онтологии. В сводном виде к общесистемным аксиомам относятся постулаты «целостности» (принципиальная несводимость свойств системы к сумме свойств составляющих её элементов и невыводимость из последних свойств целого; зависимость каждого элемента, свойства и отношения системы от его места, функций и т.д. внутри целого); структурности (возможность описания системы через установление сети связей и отношений; обусловленность поведения системы конструктивными свойствами); коммуникативности, или «взаимозависимости системы и среды» (система формирует и проявляет свои свойства в процессе взаимодействия со средой...); иерархичности (каждый компонент системы... может рассматриваться как система, а исследуемая в данном случае система представляет собой один из компонентов более широкой системы); множественности описания каждой

системы (адекватное познание требует построения множества взаимодополняющих моделей, каждая из которых описывает лишь определённый аспект системы)» [Система 2019] (подчёркивание наше. – Д.М.), принцип функциональности (необходимость целевого содействия элементов системы для получения полезного результата) [Анохин 1973]. Данный перечень может быть дополнен утверждениями, предложенными В.Д. Ермаком, среди которых «принцип целеполагания (цель, определяющая поведение системы, всегда задается надсистемой); принцип обратной связи (реакция системы на воздействие должна минимизировать отклонение системы от траектории к цели); принцип целеустремлённости (система стремится к достижению заданной цели даже при изменении условий окружающей среды); принцип толерантности (система не должна быть “строгой”: отклонение значения параметров элементов, подсистем, окружающей среды в заданных пределах не должно приводить систему к катастрофе); принцип оптимального разнообразия (предельно организованная и предельно неорганизованная системы мертвы); принцип причинности (всякое изменение состояния системы связано с определённой совокупностью условий (причиной), порождающих это изменение); принцип детерминизма системы средой (причина возникновения некоторого состояния системы всегда лежит вне системы); принцип “чёрного ящика” (реакция системы является функцией не только внешних воздействий, но и внутренней структуры, характеристик и состояний... её элементов); принцип многообразия (чем многообразнее система, тем она устойчивее); принцип энтропии (изолированная (закрытая) система погибает); принцип развития (живуча только развивающаяся система); принцип отсутствия лишнего (лишний элемент системы погибает) [Ермак 1997]; принцип нейтрализации дисфункции, или постулат выбора (неправильно функционирующий элемент, ухудшающий параметры и снижающий эффективность системы, устраняется и, наоборот, благоприятные события и компоненты используются); постулат дополнительности (в различных средах сложные системы способны проявлять различные свойства, в том числе альтернативные, отражённые разными моделями системы) [Гутгарц 2019];

принцип качества (качество и эффективность системы могут быть оценены только с точки зрения надсистемы), принцип специализации (каждая часть системы выполняет определённые задачи, так что изъятие из системы может вызвать глубокие изменения в свойствах объекта), принцип совместимости компонентов системы (элементы и разнородные структуры в системе согласованы, скоординированы и в функциональном отношении взаимно дополняют друг друга), принцип нелинейности (стохастичность и многообразие линий развития систем) [Крайнюченко, Попов 2005], принцип координации (комплементарность процессов и единиц как часть организации системы); принцип необходимого разнообразия (многоаспектная задача требует от системы ещё большего разнообразия) [Чернышов 2010: 27].

Выводы по главе 1

Проведённый обзор научных работ даёт возможность обозначить наиболее существенные аспекты учения о системах, формирующие теоретико-методологические основания нашего исследования в последующей проекции на систему языковую. Обращение к наследию теории систем позволяет подтвердить, что за истекшие три тысячелетия идея системности «из зародыша» в самом деле «превратилась в красиво сложенный организм...» [Карпов 1992: 3]. Однако процесс осмысления целостности мироздания продолжается и сегодня, в начале второго тысячелетия. Развитие системного мышления определило собой поступательное движение науки от механицизма средних веков через физикализм эпохи Возрождения к античному синкретизму на интеллектуально-технической платформе системологии.

Было показано, что постижение системности имеет богатую традицию и, фокусируя те или иные стороны системных объектов, осмысляется как в научной, так и повседневной когнитивной деятельности. Включение системности в ряд сущностных характеристик мироздания, принятое в системной философии, впоследствии было воспринято многими отраслями науки от естественных до

гуманитарных. В проекции на изучаемый объект в них разрабатывались основные категории и принципы системного подхода. Обращение к философской традиции позволило выделить такие идентифицирующие параметры системы, как *дискретность и совместимость элементов системы, наличие структурных отношений между ними, выстроенных по законам определённой композиции*. Отметим также *качественное своеобразие системного целого* по сравнению с её составляющими.

В период Нового времени естественные науки закрепили дескриптивное понимание системы как некоторого целого, состоящего из дискретных взаимодействующих элементов. Претерпев отраслевые модификации, такая трактовка получила собственное развитие в недрах частных наук. А в I половине XX века интерес биологов к феноменам адаптации и организованной сложности живого мира обусловил собой постановку ряда вопросов о структурно-функциональной целостности систем и участии её в обменных процессах с окружающей средой за счёт способности к динамическому равновесию. Были доказаны качественные преобразования живых систем под влиянием окружающих условий, тогда же более или менее отчётливо представлена идея общенаучной платформы системных воззрений. К середине XX века инженерия систем связи и вооружений поставила во главу угла задачи управления системами в рамках кибернетики, а с её распространением в область социальных или биологических явлений фокус внимания сместился к изучению самоорганизации систем. Во второй половине XX века самоорганизующейся стало принято считать сложную и не полностью предсказуемую в своём поведении систему, структура и целевая траектория которой не имеют внутреннего централизованного управления, устанавливаются без единственно доминирующего воздействия извне, возникая как итог синергии, или локального взаимодействия компонентов / факторов, определяемого как средой, так и самой системой.

В 60-70 гг. XX века, с осознанием единой, системной, природы объектов, относящимся к разным сферам действительности, это качество окончательно входит в круг фундаментальных её измерений. Нарастает интеграция

специальных отраслей знания, и в контексте такого «междисциплинарного диалога» оформляется универсальный, инвариантный системный метод, обеспечивающий концептуальное единство, большую экспланаторность и эвристичность научных описаний. К этому времени «кристаллизуются» *онтологический, гносеологический и методологический подходы к моделированию системы*, уже видны *элементарная, структурная и собственно системная ступени* в истории её теоретического постижения человеком. Отчётливо дифференцируются *системоприобретённые* (приобретённые элементом в системе), *системообразующие* (конститутивные и существующие у элемента до вхождения в систему) и *системонейтральные* свойства элементов. Кроме этого, выделяются *общезначимые принципы существования реальных систем*, разграничиваются *дескриптивные*, а также *конструктивные* (праксеологические, ориентированные на функцию) дефиниции системной сущности и, безусловно, определяется входящий в них спектр характеристик реальной системы. При учёте спецификаций этих характеристик в литературе выделяется около 30 системных признаков состава, структуры и функционирования, а также 25 принципов существования систем и методологии системного подхода. Всё это образует теоретико-методологический аппарат системологии.

Обзор источников позволяет включить в ряд сущностных характеристик открытой системы следующие: незамкнутость, целостность, интегративность, эмерджентность, адаптивность, подвижное равновесие, обратная связь, саморегуляция, гомеостазис, управление, изменчивость, эволюция, рост, генезис, отбор, диссипативность, нелинейность (стохастичность), эквифинальность (функциональный блок признаков); «целостность», «элемент», «множество», «окружающая среда», «структура», «иерархия», «подсистема», «связь», «отношение», «каналы связи», «организация», «полиморфичность» (блок признаков строения системы).

Признаки состава и структуры именуются *свойствами строения*. Как считается, элемент составляет простейшую часть системы, неразложимую с позиции заданного аспекта познания без потери системоприобретённых свойств.

Природа элементов лежит в основе существующих классификаций системных объектов и, таким образом, служит критерием качества, то есть основанием выделения, обособления системы среди других фрагментов опыта. Структурные характеристики воплощают внутренние межэлементные связи (*внутренняя структура системы*), а также связи системы с окружающей средой (*внешняя структура*), поскольку всякая исследуемая система является частью какой-либо большей системы (*метасистемы*). Согласно источникам по теории систем, композиционная основа *связей*, под которыми подразумевается обмен веществом, энергией или информацией, представляет *морфологический, пространственно-временной аспект* устройства системы (ср. *линейные, полевые, сетевые, модульные, иерархические* структуры). Конкретные же принципы осуществления связей, их характер (*положительные и отрицательные; связи подчинения, управления, порождения или равноправные связи; прямые и косвенные, сильные и слабые; циклические, редуцирующие, экстенсивные / интенсивные*) соответствуют *функциональной стороне структуры*.

В целях жизнеспособности системы структурные характеристики адаптируются к функциональным, и наоборот. Подчеркнём, что признак наличия структуры в роли идентификатора системности обладает весьма высокой психологической яркостью, что порою приводит к ошибочному отождествлению терминов «система» и «структура» (тогда как структурность лишь одна из «граней» системности). Об этом свидетельствуют как сама история системных воззрений, так и языковая репрезентация концепта СИСТЕМА, в частности, на материале русского языка повседневной и профессиональной коммуникации.

Опираясь на достижения теории систем, можно утверждать, что определяющее значение для характеристик строения системы и её выделения в среде имеет *функциональный блок свойств*, характеризующих цель системы и принципы её поведения. В своей совокупности эти свойства ориентированы на определённое внутреннее состояние системы (гомеостаз, развитие) или же на изменение среды-метасистемы. В норме свойства строения вносят целесодействующий вклад в выполнение ведущего назначения системы,

заданного изнутри или извне. За счёт такой адаптации параметров строения к воздействиям извне открытая сложная система обладает *эквивинальностью*, то есть способна достигать целевое состояние разными путями и независимо от своего исходного состояния. Кроме того, она сохраняет функциональную устойчивость, находясь в *динамическом равновесии*, что обеспечивается отрицательными или положительными обратными связями во внутренней и внешней структуре системы.

Качественное отличие системных образований от суммативных и, в частности, большая производительность первых, лежит в плоскости *интегративных характеристик системы*. *Внутренняя целостность* системы выражает зависимость элементов друг от друга и от целого; *внешняя целостность* связана с идентификацией объекта наблюдателем как относительно автономного среди других. Источником целостных свойств композиционных единиц выступают специфическое взаимоналожение параметров их строения, рекомбинация связей между составляющими, нелинейное усиление одних признаков на фоне ослабления других. Всё это приводит к *эмерджентности* системы, то есть принципиальной несводимости её качества к сумме признаков элементов. Взаимодействие компонентов, структур и частных функций в составе системного целого формирует организационную *сложность* этого многомерного феномена. С выделенными базовыми свойствами закономерно связаны универсальные принципы, релевантные для существования системы и разработки научных подходов

Знакомство с литературой системологического порядка приводит к выводу, что главным преимуществом введения понятия системы в общенаучный обиход является его обоснованность и применимость в ходе изучения объектов разной природы на единых основаниях. Системный подход в его полном, собственном смысле создаёт фундамент для построения универсальной модели, способной описать и объяснить многие свойства и конкретные реализации системы.

В качестве одного из ключевых понятий в нём выступает понятие *естественной открытой системы*, под которой мы будем понимать исторически изменчивое структурированное и связное множество элементов той или иной природы, существующее в среде как целостное (интегративное) образование и функционирующее для достижения внешней по отношению к нему и/или внутренней цели. К числу преимущественных характеристик системности, таким образом, мы относим ряд свойств состава, структуры и функций объекта: *критерий качества* системного образования, его *эволюционный характер*, *дискретность*, *структурность*, осуществление *межэлементной связи* в пределах данной структуры, наличие *интегративных качеств* и *взаимодействия средой*, которое регулируется *адаптивными* механизмами обратной связи. В процессе функционирования открытая система проявляет также свойство *динамического равновесия* (*гомеостатичность*), *нелинейное* поведение, *полиморфичность* и связанную с ней *эквивинальность* в достижении цели.

В научном исследовании специальному анализу могут быть подвергнуты некоторые из названных параметров системного объекта. В зависимости от этого различаются *субстанциональный*, *структурный*, *функциональный* и *кибернетический* подходы к изучению систем и соответствующие им модели, а также представленные выше классификации системных объектов (ср. *физические/химические/биологические/социальные* и *социотехнические*, *гомогенные/гетерогенные*, *материальные/идеальные*, *естественные/искусственные*, *жёстко структурированные/диффузные (мягкие)*, *замкнутые/открытые*, *статические/динамические*, *предсказуемые/стохастические*, *простые/сложные*, *малые/большие*). Близкое к исчерпывающему представлению об этом феномене в совокупности его существенных характеристик, очевидно, должно предполагать собой все эти подходы, что мы постарались учесть при выработке рабочей дефиниции системы.

Кроме этого, в основе сформулированного нами определения лежит *онтологический подход* к изучению системности, раскрывающий существенные свойства реальных систем в диалектической связи их целостности и

расчленённости. В истории развития представлений о системе воплощение этой связи, чаще всего математическое, при моделировании объекта как системы составляет *методологический подход* к познанию системности. В центре этого подхода – набор переменных, задающих системные признаки, и оперирование ими «на объекте». Значение третьего, *гносеологического*, подхода, в свою очередь, имеет выход в когницию и заключается в постижении системности знания, форм и закономерностей его организации во всей полноте, последовательности и целостности. Выделение этих трёх подходов базируется на философских посылах онтологии, гносеологии и эпистемиологии, сыгравших определённую роль в развитии системных воззрений. В дальнейшем изложении обратимся к известным на сегодняшний день системным характеристикам языковой системы, как они представлены в лингвистических исследованиях, явно или интуитивно.

ГЛАВА 2. СИСТЕМНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЕСТЕСТВЕННОГО ЯЗЫКА И ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ИХ ИЗУЧЕНИЮ

2.1. Понятие системы в языкознании

Логическим продолжением интенсивного формирования системных представлений во второй половине XX века стало укрепление понятия системы в ряду научных категорий как естественных, так и социальных и гуманитарных наук. Было признано, что сложные объекты живой и неживой природы обладают универсальными системными характеристиками устройства, морфогенеза, функционирования и эволюции.

С той или иной мерой чёткости и последовательности они оказались в центре внимания представителей различных отраслей знания. Исключением не явилась и лингвистика, объект которой, язык, в своём существовании и развитии подчиняется общим законам природы и социума, хотя и, как замечает В.М. Солнцев, естественным образом, общественная сущность языка определяет своеобразие проявления в нём этих общих законов [Солнцев 1977: 7]. Более того, сложность, адаптивность человеческого языка, а также материально-идеальная форма существования делают его привлекательным для научного поиска с привлечением системного метода.

В истории языкознания XIX века необходимость изучения языка как системы была отчётливо заявлена и обоснована в трудах И.А. Бодуэна де Куртенэ и Ф. де Соссюра, которые стимулировали собой зарождение системной лингвистики на уровне самостоятельной парадигмы. Ещё не связывая фундаментальные принципы организации языка с системологическими позициями, лингвисты сконцентрировались на частных языковых микросистемах и фактах, анализ которых позволил выработать понятия системных отношений и на этой основе выстроить первые модели языковой системы.

Построение аспектных моделей отдельных «участков» системы языка и при этом частое смешение понятий системы и структуры (преимущественно – иерархической) находим в языковедческих работах XX века, которые, как известно, носили преимущественно ярко выраженный системно-структурный характер. Доминирование такого подхода в определённый период истории системной лингвистики объяснимо самой природой системных объектов, которые, становясь доступнее при анализе, словно «сами наталкивают на мысль о тесной взаимосвязи... явлений, их зависимости друг от друга» [Кубрякова, Мельников 1972: 34]. Однако отсутствие единообразного понимания системы и, как следствие, общих методологических принципов системно-лингвистического анализа создало ситуацию, в которой лингвистика, говоря словами Э. Бенвениста, представляла собой «совокупность разных лингвистик» [перев. Будагов 1978: 17]. Определяя сущность языка как весьма сложной системы, исследователи руководствовались задачами и установками наиболее близкого им направления лингвистики и, кроме того, отражали в дефиниции неравнообъёмный инвентарь системных свойств языка. Так, А.В. Карпов, со ссылкой на работы В.А. Звегинцева и В.В. Налимова, насчитывает от 22 до 52 вариантов истолкований [Карпов 1992: 16]. В качестве иллюстрации достаточно сравнить несколько существующих определений системы и, в частности, системы языковой: «Система – это единство *однородных* взаимообусловленных элементов» [Реформатский 1996: 21]; «совокупность взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов, *образующих более сложное единство, рассматриваемое со стороны элементов – его частей*» [Будагов 1978: 27]; «совокупность *определённым образом соотносящихся элементов, каждый из которых обладает качественной определённой, проявляющейся в его отношениях с другими элементами*» [Панфилов 1982: 70]; «1) множество “первичных” элементов-словоформ, 2) множество отношений единства, 3) множество законов композиции “первичных” элементов, 4) множество созданных по конкретным отношениям единства и законам композиций “первичных” элементов, 5) множество операций» (дефиниция для нужд формализованной

теории языка, пригодной в общении человека с машиной при решении задач индексирования документов и автоматического перевода) [Карпов 1992: 193]; «Всякий разложимый на составные элементы упорядоченный материальный объект...» [Солнцев 1977: 17]; «...любое сложное единство, состоящее из взаимосвязанных или взаимообусловленных частей – элементов, воплощенных в реальную субстанцию и имеющих конкретную схему взаимосвязей (отношений)» [Мельников 1967: 98]; «это упорядоченная совокупность постоянных элементов речевой деятельности, представленная в словарях и грамматиках разных языков» [Алефиренко 2013: 125]. Ср. также использование Ф. де Соссюром термина «система», более или менее эквивалентного термину «структура» в пражской традиции.

«Общий знаменатель» авторских концепций естественного языка связывается с описаниями его как семиотической функциональной системы для передачи и хранения информации в обществе, с выделением в языковой архитектонике ярусов фонетической, морфологической, лексической и синтаксической подсистем, противопоставлением языка и речи, синхронии и диахронии [Арнольд 1991: 19; Карпов 1992: 16]. На основе этих исходных посылок были установлены закономерности статики и динамики языковых единиц и структур, открывающие широкие возможности для анализа и обобщения большого числа языковых фактов с точки зрения их системной организации. Была установлена некоторая антиномичность языковой системы, которая, в частности, выражается в сопряжении и, на первый взгляд, противоположении материального и идеального, узуса и возможностей, закономерного и стихийного развития, кода и текста, информационной и экспрессивной функций и является источником самоорганизации (более подробно антиномии в системе языка описаны в [Русский язык и советское общество 1968]).

Вместе с тем усиление объяснительного компонента исследований повлекло за собой ряд изменений методологического порядка, призванных преодолеть ограничения собственного структурного, имманентного взгляда на язык как абстрактной сети отношений. С развитием цельносистемной типологии

(В.Скаличка, Г.П. Мельников, Г.А. Климов) и функционального направления лингвистики расширился круг системных свойств, принимаемых во внимание лингвистами, и в частности, усилился интерес к среде бытования языка. Вопросы, связанные с их изучением, легли в основу новых областей для исследования, в том числе лежащих на стыке языкознания, семиотики с другими науками. В поиске соответствий между формой и функционированием языка как средства общения исследователями подчёркивались невыводимость субстанциональных свойств из структурных равная важность тех и других характеристик и их органическая связь, служащая предметом системного подхода. Были обнаружены изоморфные и специфические закономерности в области структуры и материи языка, среди которых, например, зависимость структурных ограничений от субстантных возможностей системы, оптимизация субстанции / структуры в целях наиболее надёжного и эффективного выполнения её функции, зависимость этой оптимизации от магистральной тенденции в развитии данного конкретного языка. Такую тенденцию Г.П. Мельников обозначал термином «детерминанта», предполагая существование в языке высшего принципа организации, которому подчинены различные стороны языковой системы [Мельников 1972: 185-186]. Очевидно, что детерминантное изучение языка ставит проблему соотнесения между собой его известных онтологических характеристик, а значит, стремится к преодолению разрозненности, непоследовательности, несбалансированности «системных» исследований языка.

В том же русле, для повышения адекватности описаний с равномерным учётом системных свойств, И.В. Арнольд предлагает логически соединить концепции языковой структуры, функций и среды, идеи структурно-функциональной организованности и структурно-функциональной изменчивости в рамках исследований языка как адаптивной системы [Арнольд 1999: 95]. В.И. Убийко пишет о необходимости целостной концепции языка путём интегрирования структурно-семантического, функционального и когнитивного аспектов [Убийко 2004: 37]. В терминологии И.П. Сусова речь идёт о целесообразном совмещении внутрифункционального (внутриязыкового,

имманентного) подхода и внешнефункционального (собственно функционального), построенного на соотнесении языковых единиц с объектами человеческого опыта [Сусов 1986: 132] (т.н. экспериенциальный подход в лингвистике). В последнем случае устанавливается причинно-следственная зависимость между коммуникационной системой и различными аспектами жизнедеятельности человека, социального уклада, имеющими выход в речевую ситуацию (т.н. человеческий фактор в жизни языка) – с тем, что в совокупности можно было назвать средой языковой системы.

Во второй половине XX века, с развитием такого подхода в сфере целого ряда новых отраслей (социо-, психо- и прагмалингвистики, лингвокогнитологии и лингвокультурологии), устанавливается антропоцентрический принцип описаний, согласно которому научный объект изучается по его роли в человеческой жизнедеятельности. В лингвистическом преломлении это означает, что для постижения системы языка «важно обратиться к личности и психологии её творца и носителя – человека и учесть его роль в познавательной и коммуникативной деятельности» [Арнольд 1991; 31] (ср. также созвучные этому положения лингвистов и философов языка: «человек... центральная фигура языка и как лицо говорящее, и как главное лицо мира, о котором он говорит» [Золотова 1982: 5]; «язык создан по мерке человека» [Степанов 1974: 15]; «язык есть часть нашего организма, и не менее сложная, чем сам этот организм» [Витгенштейн 2008]; «придётся все больше и больше заниматься теми проблемами антропологии, социологии и физиологии, которые вторгаются в область языка» [Сепир 1993: 265]).

В русле этого направления лингвистической мысли выделяются группы дефиниций, в которых феномен языка характеризуется с точки зрения базовых антропометрических функций. В работах согласно И.А. Зимней и А.Н. Леонтьева они именуется социальными, интеллектуальными и личностными. В свете социальных функций язык рисуется как средство взаимодействия членов общества, присвоения общественно-исторического опыта и национальной идентификации. Интеллектуальные функции подразумевают опосредование

высших психических функций, развитие понятийно-категориального аппарата, удовлетворение коммуникативной и познавательной потребностей. Личностные функции раскрываются в том, что язык способствует формированию самосознания человека, служит инструментом рефлексии и помогает эксплицировать внутренний мир личности [Зимняя 2001: 28-29; Леонтьев 1981: 378]. Те же группы функций просматриваются в рассуждениях харьковского лингвиста Г.В. Ейгера о роли языкового сознания, которому исследователь приписывает регулятивно-управляющую, отражательную, ориентировочно-селективную, интерпретационную и оценочную функции [Ейгер 1988: 59-60].

Таким образом, язык как система, ориентированная на своего носителя, исследуется в условиях возрождённого ментализма, с учётом самого широкого применения и взаимодействия с многомерной средой. Антропоцентрические позиции с их функционализмом, экспланаторностью и экспансионизмом по существу не опровергаются, а дополняют собой установки структурного языкознания на пути формирования собственно системного, интегративного, подхода к языку. Приведённые выше наблюдения позволяют увидеть определённую закономерность в становлении концептуального аппарата и методологии системной лингвистики по отношению к своему объекту. На наш взгляд, это вполне согласуется с внутренней логикой развития научного знания. Преемственная связь видится нам в последовательности её исторических этапов, а именно: от исследования отдельных признаков и подсистем языка через необходимый антропометрический выход за их пределы и поиск их соотносительности к выработке единообразного понимания языковой системности и воссозданию более целостной картины естественного языка как системного феномена.

В современной науке о языке новая веха на этом пути заключается, по-видимому, в более полном и осознанном приложении в ней достижений теории систем с учётом того многообразного материала и солидной исследовательской практики, которые были накоплены в рамках лингвистических парадигм XIX-XX веков. Соглашаясь с авторами одного из разделов коллективной монографии

«Общее языкознание», подчеркнём, что именно системологически ориентированные исследовательские решения в наибольшей степени отвечают фундаментальным свойствам объекта лингвистики. На новом уровне они снимают «ограниченность как узко вещного, так и узко структурного подхода, каждый из которых представляет в распоряжение... важные, но односторонние и частные сведения» об объекте и поэтому не обеспечивает «познание его качественного своеобразия в целом, в его диалектическом единстве и противоречии» [Кубрякова, Мельников 1972: 65]. Ранее такого рода попытки были предприняты совсем немногими лингвистами, среди которых Г.П. Мельников, И.В. Арнольд, В.М. Солнцев, Б.А. Серебренников, И.И. Ревзин, Е.В. Пономаренко, Е.С. Кубрякова, А.В. Карпов, Э. Даль.

В нашей работе достижения системологии применяются в изучении системных свойств языка, как они явлены в объективированных процессах накопления, переработки и передачи человеком информации о мире, т.е. в ходе выполнения языком одной из ключевых функций его онтологии – когнитивной. При этом в той или иной мере, необходимой для задач исследования, мы будем включать в рассмотрение ряд характеристик языка как системы, получивших в языкознании освещение и разработку. Наиболее детально в современной лингвистике изучены свойства состава, устройства и функций языковой системы.

2.2. Характеристики естественного языка в концепциях системной лингвистики

Свойства состава, или субстанциональные качества языка

Среди исходно выявленных, субстанциональных, качеств, установленных с помощью элементного подхода, большое место занимает членимость языковой системы [Мартине 1963: 376] на однородные / разнородные элементы, имеющие сугубо материальный либо материально-идеальный (знаковый) характер. Выбор

артикуляционно-акустической формы «сигналов» на естественном языке снимает ограничения, налагаемые каналом связи и органами чувств субъектов общения. Позволяя элементам группироваться и дифференцироваться в пределах классов (парадигм) и многообразных речевых комбинаций (синтагм), взаимообусловленные параметры однородность / неоднородность и дискретность выступают как системообразующие для семиотической сущности языка и делают возможным как передачу, так и восприятие огромного числа самых разнообразных сообщений. В составе сложной системы языка в целом функционально однородные единицы языка являются неразложимыми внутри своего уровня-подсистемы. На разных «участках» языковой системы, а также при функционировании названные свойства проявляют себя неодинаково [Солнцев 1977: 53-56]. Согласно принципу двойного членения языковых элементов А. Мартине [Мартине 1963: 376-378], дискретность единиц языка проявляется, с одной стороны, в разложении композиционных единиц на составляющие и, с другой, в членораздельном характере каждой из сторон знаковой единицы – её членении на одноплановые компоненты (т.н. фигуры у Л. Ельмслева). В этом принципе находит выражение материальная сложность языковой системы.

Принцип «линейного характера означающего» (Ф. де Соссюр) определяет способность языка к комбинаторике и свойственный ей способ кодирования сообщений в соответствии с общезначимыми для языкового коллектива законами композиции.

Большое место в истории изучения субстанциональных характеристик языка занимает вопрос о соотношении материального и идеального начал его элементов. В контексте системного изучения языка существуют полярные точки зрения по данному поводу. В нашей работе мы придерживаемся мнения В.М. Солнцева, который определял язык как вторичную материальную систему, в которой материальная субстанция элементов значима не сама по себе, а, будучи ориентированной на информационные процессы, имеет системообразующее значение для кодирования семантической информации [Солнцев 1973: 19]. Таким образом, фундаментальное значение для системы языка приобретает понятие

репрезентации элементов ментального мира с помощью инвентаря операциональных вербальных единиц и определённого набора правила их функционирования.

С учётом природы и предназначения естественного языка, помимо членимости и функционирования в цепи единиц, к числу существенных признаков его единиц вслед за А.И. Смирницким и В.М. Солнцевым относят участие в выражении смысла; воспроизводимость; способность участвовать в парадигматических и синтагматических отношениях с единицами своего уровня и в иерархических – с другими; неделимость в пределах уровня и включение в систему языка через него; наличие системообразующих и системоприобретённых свойств [Смирницкий 1956: 13; Солнцев 1977: 51-52]. Учитывая незнаковый характер фонетических единиц, А.И. Смирницкий отказывал им в статусе единиц языка, признавая, однако, их строевыми элементами значимых единиц.

В мировой лингвистике общепринятый и необходимый перечень единиц языковой системы отсутствует. По-видимому, это связано с разной интерпретацией вариантных и инвариантных, языковых и речевых единиц, определением узловых единиц в системе, с различиями в трактовках сочетания идеального и материального в языке представителями различных лингвистических школ. Кроме того, сложившееся положение дел обусловлено сложными межуровневыми связями языковых элементов, наличием среди них промежуточных явлений (фразеологизмов, морфем, служебных слов, словообразовательных типов и нек. других). Методика вычленения и идентификации языковых элементов активно разрабатывалась описательной лингвистикой. С точки зрения теории систем речь идёт об отсутствии общепринятого в научных кругах критерия качества, служащего отправным параметром при выделении инвентаря языковых и речевых элементов.

С конца XIX века к основным единицам языка причисляются прежде всего фонема, морфема и слово (лексема): «Как правило, именно в терминах фонем и морфем описываются основные лингвистические параметры языка и его

минимальной узловой единицы – слова» [Климов 1967: 3]. Коммуникативная функция свойственна минимальной единице – предложению, способному по определённой синтаксической модели и посредством определённого класса слов выражать целостное сообщение, получая системоприобретённые функциональные характеристики. Текстовые образования и дискурсивные события представляют собой наиболее сложные знаки-речевые произведения. «Не подлежит сомнению, что различия между единицами разных ярусов носят к а ч е с т в е н н ы й, функциональный характер и что эти различия полностью сохраняются и в тех нередких случаях, когда единица высшего яруса линейно совпадает с единицей низшего яруса, т.е. вмещает только одну единицу низшего яруса» [Маслов 1968: 72].

Структурный аспект в исследовании языковой системности

Если элементы, или единицы языка воплощают собой субстанциональное начало системы, то её устройство связано с понятием языковой структуры. Как известно, принципы структурного подхода к языку были изложены в работах Ф. де Соссюра (1916 год) и «Тезисах Пражского лингвистического кружка» (1929 год). Активное изучение этого параметра на материале различных естественных объектов проводилось в рамках общенаучной парадигмы структурализма, сформировавшегося на основе этих работ, начиная с 40-х годов XX века. Описание преимущественно эмпирических фактов, характерное для компаративистов и младограмматиков того времени, сменилось исследованием глубинных, организационных, универсальных свойств познаваемого на более высоком уровне абстракции. На методологической основе системно-структурного подхода различными школами отечественного и зарубежного структурализма были выстроены структурные модели языковой системы, которые сделали её более простой и обозримой, доступной строгому инструментарию и аспектной фиксации, несмотря на многообразие своих манифестаций. В рамках этих моделей были подробно рассмотрены и классифицированы типы отношений (прежде всего, оппозиций) между её элементами на уровне формы и значения,

значения и значимости как системной обусловленности знака, инварианта и вариантов. Выделены абстрактные и конкретные единицы на базе дихотомии «язык-речь», установлены пути происхождения структур и их зависимость от характера элементов. Эти достижения, существенные для всех лингвистических парадигм, безусловно, демонстрируют плодотворность структурализма в науке о языке.

Отмеченная многоплановость и необозримость объекта лингвистики приводили к разночтениям в интерпретации исходных понятий в таких моделях. Определённое влияние оказывали и разные философские интерпретации в вопросе о созидающем первоначале в системе: элемент (у субстанциональных материалистов) или структура (в идеалистическом толковании)? Подобным образом в языковедении существовали точки зрения, акцентирующие примат структурных отношений в языке либо тот факт, что многие свойства элемента, например, слова, содержатся в нём априори и «развёртываются» при порождении речи.

Из этих разночтений следует и наличие в лингвистике нескольких десятков определений структуры, как, например, «единство разнородных элементов в пределах целого» [Реформатский 1996: 19]; «соотношения... между явлениями данного языка в данную эпоху» [Петерсон 1946]; «совокупность элементов (единиц) данного объекта» (Г.С. Щур) [Щур 1964: 16]; «такое сочетание элементов, в котором каждый элемент обусловлен всеми другими» (Ю.С. Степанов) [Степанов 1966: 8]; «состав и внутренняя организация единого целого, рассматриваемого со стороны его целостности [Мельничук 1970: 27].

Одни философы и лингвисты по сути отождествляли понятия системы и структуры, структуры и состава, другие же, начиная с 50-х годов XX века, стремились разграничить эти понятия на разных основаниях. В частности, критерием разграничения служило противопоставление связей и отношений: в отличие от системы структура мыслилась как совокупность связей (Г.П. Щедровицкий) либо отношений (Г.С. Щур) [Щедровицкий 1964: 21-22; Щур 1964: 16, 26]. Для А.А. Реформатского и М. Холлидея, структуру формировали

парадигматические отношения, тогда как систему – синтагматические [Реформатский 1960: 30; Реформатский 1957: 28-29; Robins: 49]. С другой стороны, предпринималась попытка соотнести эти два понятия как часть и целое. С точки зрения системологии более адекватными нам представляются те лингвистические концепции, которые соотносят структуру со связями и отношениями между составляющими, считая эту внутреннюю упорядоченность частью целостного образования.

В истории развития структурных воззрений не получили единодушного решения и вопросы устройства языковой системы в связи с её субстанцией, синхронией и диахронией, что прослеживается ещё у истоков структурализма. Так, например, если Ф. де Соссюр, Л. Ельмслев и их последователи признавали язык чистой и строгой формой организации материи, утверждая примат синхронического подхода, то в фундаментальных трудах Бодуэна де Куртенэ присутствует мысль о сочетании актуально существующей субстанциональности с реляционностью, и характер его во многом обусловлен и материальными свойствами самих элементов и может меняться исторически [Кубрякова, Мельников 1972: 36]. Ф. де Соссюр писал, что «ни в какой другой системе не наблюдается такой аккуратности функционирующих значимостей, наличие такого огромного количества и такого разнообразия компонентов, которые при всём этом имеют такую строгую взаимозависимость» [Соссюр 1977:144].

Принимая первую точку зрения, в 50-60е годы XX века некоторые исследователи, например, отечественные философы И.Б. Новик и И.С. Алексеев, а также американские дескриптивисты исключали структурность из числа онтологических свойств, считая построение реляционных моделей лишь чисто методологической / гносеологической процедурой получения и фиксации знаний о системе, а её результат – теоретическими конструктами вне зависимости от природы объекта [Новик 1965; Алексеев 1965].

Заимствованная из физики и математики искусственная абсолютизация внутренних отношений при рассмотрении естественной системы в лингвистике имела своим результатом положение, «когда целостный объект её изучения...

пытаются подменить анализом лишь одного из её аспектов... и когда, в соответствии с этим, предлагают разрабатывать исключительно структурные методы исследования языковых явлений», ставя под сомнение возможность целостного описания языка [Кубрякова, Мельников 1972: 13, 24]. Вместе с тем чёткая дифференциация и понимание соотношения разных сторон системности в их причинной связи необходимы для исследования языка как сложной динамической системы.

Большинство современных лингвистов признают объективное существование структуры как аспекта системы. Утверждается не только познавательный, но и онтологический её характер, обеспечивающий существование языка как эффективной системы коммуникации. Установлена сложность языковой архитектоники, которая делает возможным взаимодействие различных подсистем и элементов во взаимной связи материи с формой и одного носителя информации – с другим [Горбунова 2013: 32]. По мере совершенствования структурной методологии выявлены и описаны не только парадигматические и синтагматические, значимостные и позиционные характеристики, определяющие способы дифференциации и нейтрализации, образования и преобразования знаков (т.н. внутренние связи), но и внешние связи языка как целостного образования с окружающими его надсистемами. При этом ещё в 70-е годы XX века Г.П. Мельниковым были намечены исследования языка не только в аспекте внутренней, но и внешней структуры. Как полагал исследователь, язык предстаёт как «элемент какой-то глобальной системы, в которой функционирует связь сверхвысокого яруса» [Мельников 1972:187].

Наиболее разработанными являются иерархическая, или уровневая, стратификационная (начиная с 50-х годов XX века) и полевая модели (70-80е годы в советской лингвистике) внутренней структуры языка.

Все уровневые модели, не охватывая, однако, всего состава, делят систему языка на отдельные блоки и предполагают, что единица каждого последующего уровня строится из единиц предыдущего. Логическая иерархичность определяется различной природой, или гетерогенностью его единиц [Кузнецова

1983] и в качестве идеи была постулирована дескриптивистами. На сегодняшний день в отечественном и зарубежном языкознании «разными учёными выделяется разное количество уровней – 3 (В.А. Звегинцев, Л.М. Васильев), 4 (И.П. Распопов, Э.В. Кузнецова), 6 (С.Лэм)» [Касымова 2009: 18].

Одну из первых уровневых моделей языка предложил французский лингвист Э. Бенвенист, выделивший в языковой структуре следующую иерархию уровней: меризматический (уровень дифференциальных признаков фонемы); фонологический; морфологический; знаковый, или лексический, и синтаксический уровни [Бенвенист 1974]. Частично схожий набор стратумов присутствует в концепции американских учёных С. Лэмба, Д. Локвуда и Г. Глисона: фонемный (уровень плана выражения), морфемный, лексемный и семемный (уровень плана содержания). При этом разводятся единицы языка (фонон, морфон, лексон, семон) и речи (фон, морф, лекс и сема) с учётом инвариантно-вариантных отношений виртуально и актуально представленных элементов [Попова, Стернин 2007б: 202]. Среди наиболее развёрнутых моделей, предложенных отечественными лингвистами, выделим модели И.П. Распопова и Л.М. Васильева. Первая из них, включая в себя известные сегодня фонологический, морфологический, лексический и коммуникативно-синтаксический ярусы, допускает также промежуточные уровни: морфологический (единица – грамматическая форма), лексико-морфологический (единица – словообразовательный тип) и конструктивно-синтаксический (единица – синтаксическая конструкция) [Распопов 1976].

В стремлении охватить все известные единицы языка как плана выражения, так и содержания Л.М. Васильев различает три яруса: фонетический (единица – звукотип), лексико-грамматический / формальный (основная единица – словоформа, посредник между ярусами 1 и 3) и семантический (единица – семема), каждый из которых членится далее на три уровня разной сложности. Так, первый ярус включает уровни фонологических признаков, фонем / звуков и фонетических синтагм; второй объединяет уровни морфем / морфов, лексем / словоформ и лексико-грамматических синтагм. В семантический ярус входят

уровни семантических компонентов, семем и семантических синтагм в рамках композиционных единиц [Васильев 1990: 27-33].

Как можно видеть, в истории языкознания прослеживаются различные концепции уровневой модели системы языка. Все их объединяет стремление лингвистов выделить в своём объекте некоторые классы единиц, как правило, связанные между собой иерархически. В основе выделения таких подсистем могут лежать различные аспекты элементов языка, а именно принадлежность плану выражения или плану содержания (Л. Ельмслев, Л. М. Васильев), знаковый, незнаковый или суперзнаковый характер единиц (Т. В. Булыгина, Г. А. Климов, В. А. Звегинцев), функция единиц (Ж. Вандриес, С. Лэм, А. А. Реформатский, Ю. С. Маслов), конкретная или абстрактная природа элемента (Л. М. Васильев), соотнесенность со структурными компонентами или синтагмами (Л. М. Васильев).

По общему мнению, каждый относительно самостоятельный уровень структуры включает в себя подсистему более или менее однородных элементов, связанных парадигматическими / синтагматическими отношениями в языке и синтагматическими – в речи; при этом менее сложные единицы конституируют более сложные и представляют наиболее простой случай вышестоящей единицы [Солнцев 1977: 63, 84, 89, 183; Маслов 1968: 93]. Специфика каждого яруса языковой системы делает их сравнительно автономными. Однако заметим, что это не исключает взаимообусловленности и структурно-функциональных переходов между ними, не исключает наличия различных перекрёстных линий, явившихся предметом особого внимания приверженцев топологического подхода к уровневому строению языка [Топоров 1962; Pike 1959: 37-38].

«Живая игра» взаимосвязей разноуровневых единиц получили более чёткое отражение в полевой модели языковой системы (Й. Трир, Э. Косериу, Й.Л. Вайсгербер, А.В. Бондарко, Г.С. Щур, В.Г. Адмони, Е.И. Шендельс, Ю.Н. Караулов и нек. другие). С позиций ономаσιологического подхода данная модель была выстроена по ядерно-периферийному принципу, который, отметим, вполне соответствует пониманию языкового строения как нечёткого множества.

Теоретик языка Г.С. Щур определил поле как «способ существования и группировки лингвистических элементов» с общими инвариантными свойствами [Щур 1974: 135].

Ориентация на полевое видение языковой структуры рельефно показала, во-первых, возможность передавать сходные смыслы разноуровневыми единицами, во-вторых, неравноценный статус элементов в обладания теми или иными признаками и, в-третьих, раскрыла диффузность границ между традиционными уровневыми подсистемами. Факты глубокого взаимодействия грамматических и лексических средств передачи аспектуальности, темпоральности легли в основу теории функционально-семантического поля А.В. Бондарко [Бондарко 1971; Бондарко 2002]. Центр поля составили единицы, а именно грамматические формы, передающие соответствующие категории изосемично, то есть наиболее чётко, однозначно, специализированно для данного языка. В процессе полевого моделирования при отнесении единицы к ядру (центру) или периферии во внимание принимается, как правило, более подробный, чем в уровневой теории, перечень характеристик. Он включает в себя объём выражаемого значения, первичная / вторичная функция элемента, его частотность, стилистическая окраска, сочетательные возможности [Полевые структуры... 1989: 45-46, 61; см также Денисенко 2004: 45; Широколобова 2013: 652; 180]. В свою очередь, периферийные формы располагаются вокруг центра, постепенно удаляясь от него и вступая в пересечения с другими полями, где элементы интегрированы уже иной семантической функцией. В результате воссоздаётся непрерывный континуум функционально-семантических структур языковой системы. Иногда функционально-семантическое поле может содержать несколько более или менее целостных зон (секторов), то есть быть полицентричным. Примерами таких полей, как представляется, выступают поля, соотносимые с фундаментальными категориями состояния, причины, качественности, субъектности, объектности и нек. другие.

С использованием полевого подхода получили объяснение факты, противоречащие стратификационной модели системы языка. Однако в силу

чрезвычайной сложности и неисчерпаемого разнообразия проявлений порядка в языке даже «при любом прогрессе в развитии структурных методов и возрастании их эффективности никогда не удастся построить такую абстрактную математически стройную структуру языка, которая бы объективно отразила все его свойства» [Кубрякова, Мельников 1972: 65]. Сложность взаимосвязей частных подсистем, как и их единиц, остаётся не до конца изученным явлением и сегодня.

С развитием психо- и нейролингвистики, однако, установлено, что «сеть отношений в языковой структуре является отображением сети нервных связей в мозгу человека» [Попова, Стернин 2007б: 206]. Соответственно этому в контексте модульной, или многослойной модели структуры языка в 80-е года XX века Д.Л. Спиваком были определены своего рода уровни наиболее и наименее устойчивых в сознании языковых средств. В ходе изучения речемыслительной деятельности человека в изменённых состояниях сознания (в ситуации шока, стресса, воздействия алкоголя, наркотиков и некоторых медикаментов) было выяснено, что с усилением данного состояния в распоряжении говорящего дольше всего сохраняются средства экспрессии, глаголы, местоимения, частицы и стереотипные выражения, входящие, таким образом, в ядро языковой системы. Другие компоненты, напротив, послойно утрачивают активность [Спивак 1983].

Функциональный подход к системе языка

Рассмотренные характеристики состава и структуры системы языковой, как уже было видно выше, во многом обусловлены её назначением, или функциями. В первой половине XX века данная зависимость стала предметом специального и многолетнего внимания в трудах пражских лингвистов, которые подчеркивали обусловленность структуры функциями. В рамках функционального подхода к языку говорят о взаимной согласованности структуры, субстанции и функции. Такой подход лежит в русле т.н. конструктивных дефиниций реальной системы в отличие от дескриптивных (см. п. 1.2 главы 1). При этом речь идёт как о функциях естественного языка в целом, так и о функции отдельных единиц в составе единиц более высокого уровня. Во втором случае функциональная

нагрузка элементов и связанные с ними существенные либо несущественные признаки становятся главным критерием при различении и отождествлении системных единиц. На сегодняшний день в научной среде нет единства мнений по поводу набора, статуса и наименований языковых функций: от одной или двух, коммуникативной / экспрессивной, функции (Н.И. Жинкин, Г.В. Колшанский, Л. Блумфильд; В.З. Панфилов, В.А. Богородицкий) до трёх и более частных функций, которые признаются вариантами коммуникативной либо интерпретируются как самостоятельные (полифункционалисты К. Бюлер, Э. Сепир, В.А. Аврорин, В.А. Звегинцев, А.А. Леонтьев, Ю.С. Маслов, Н.Г. Комлев, Н.Ф. Алефиренко и многие другие). Г.П. Мельников считал, что коммуникативно-функциональная природа языка играет роль детерминанты, определяющей типологическое своеобразие и сходство языков мира. Соответственно, акцентируя в анализе функциональную грань языка, лингвисты говорят о существовании моно-, би- и полифункциональных моделей [Комарова 2016: 10].

Очевидно, неоднозначность в решении вопроса определяется не только исходными посылками учёных, но и функциональной сложностью языковой системы, её тесной, многоликой и не всегда прозрачной связью с практическим опытом человека. В направлении от низшего уровня к высшим разнообразятся и усложняются не только материально-структурные свойства частных подсистем, но и соотнесение их с внеязыковой действительностью, а значит, и характер выполняемых ими функций [Кубрякова, Мельников 1972: 75].

Вместе с тем общее признание знакового характера языка позволяет единогласно считать его главным и полифункциональным инструментом мысли и коммуникации, т.е. когнитивно-коммуникативным феноменом. В истории языкознания соотношение языка и мышления многие годы находилось в центре внимания психологических теорий функционирования языка (Х. Штейнталь, А.А. Потебня, В. Вундт, А. Марти, К. Бюлер), а сегодня активно и целостно разрабатывается в лингвокогнитологии. Научный поиск этой отрасли полагает в основу утверждение о том, что с помощью естественного языка обеспечивается ориентация человека в мире и обществе, в т.ч. его воздействие на них, через

получение, переработку, хранение и передачу информации, закодированной в языке/речи и относящей к любой сфере жизни и ситуации (универсальность языковой системы). Существенной для нашего исследования является роль естественного языка в когнитивных процессах и механизмах. Активно участвуя в концептуализации и категоризации познаваемого мира, язык служит неотъемлемым средством структурирования сознания и человеческой мысли как для других, так и для самого говорящего. Вследствие этого он воплощает в себе и отчасти определяет собой результаты названных процессов, доступные исследователю на уровне фактов языковой концептуализации/категоризации. Сущность концептуализации состоит в формировании целостных единиц знания, в качестве которых выступают концепты. Соотнесение познаваемого с определённой рубрикой опыта на основе общего для этой рубрики концепта и в опоре на объективные либо субъективные признаки соответствует процессу категоризации [Болдырев 2009: 28; Болдырев 2012: 19, 21; КСКТ 1997: 42].

С осмыслением коммуникативной природы языка сопряжена принципиальная для лингвистики дихотомия языковых и речевых образований, выделенная структуралистами в поиске постоянного и устойчивого. Решение этого вопроса, как известно, варьировалось от кардинального противопоставления двух явлений по линиям «социальное – индивидуальное», «существенное – побочное», «системное – асистемное», «пассивное-активное» (Ф. де Соссюр, В. Порциг, Л. Ельмслев и их последователи) к явному или интуитивному признанию их органической взаимосвязи большинством учёных (А. Гардинер, А.И. Смирницкий, Э. Косериу, А. Мартине, Т.П. Ломтев, Ю.М. Скребнев, В.Д. Аракин, Г.В. Колшанский, Б.А. Серебренников, О.П. Касьмова и другие). Было осознано, что язык, будь то социальное знание или абстрактная конструкция исследователей, представлен в индивидуальных речевых актах, т.е. выступает их «ингредиентом» [Серебренников 1970]. Оба явления принадлежат реальности, по своему системны, диалектически соотносятся как «общее – отдельное» и одинаково принадлежат сознанию носителей языка [Карцевский 1965]. Речевое воплощение (актуализация) является формой существования всех абстрактных

элементов языка в коммуникативном процессе. По существу система направляет и реализует узус, в котором системные потенции и свойства языковых единиц проявляются лишь частично [Серебренников 1970; Будагов 1978: 8]. В области индивидуального, в свою очередь, находятся, прежде всего, немотивированные системой особенности фонетики, идиостиля и креативности в речи индивидов.

В современном языкознании специфические признаки его объекта в ряду других функциональных семиотических систем выражены аксиомами языкового знака, среди которых историческая устойчивость связи между экспонентом (означающим) и содержанием (означаемым), одновременная изменчивость и асимметрия двух сторон знака, содействующая многообразию выражаемой информации и экономии когнитивных ресурсов. Сочетание стабильности и динамичности на уровне элементов и системы в целом наиболее благоприятно для выполнения языком названного круга задач и отличает язык от других семиотических систем. Так, с одной стороны, консервативный фактор, особенно характерный для литературной формы языка, способствует взаимопониманию коммуникантов, обеспечивает сохранение информации в течение длительного времени, охватывающего ряд поколений и социальных групп [Серебренников 1970; см. также: Горбунова 2013: 52, Иванова 2005: 186; Даль 2009: 104]. «...Постоянно прослеживается мощная тенденция к сохранению языка в состоянии коммуникативной пригодности, которая нередко сказывается в противодействии начинающимся преобразованиям» [Серебренников 1970]. С другой стороны, важные для обсуждения изменения социальной жизни, появление новых потребностей, а также внутрисистемные факторы служат пусковым механизмом для приспособления языковой системы к новым реалиям. Это содействует эффективному выполнению языком общественно выработанных функций, так что преобразования на уровне функции чаще опережают формальные и создают промежуточные классы единиц или единиц, отличных по частотности и коннотациям [Горбунова 2013: 58, 60] (ср. динамическую концепцию В. фон Гумбольдта о языке как созидательной деятельности общества) [Серебренников 1970; Карцевский 1965]. «Новые функциональные отношения

накладываются на старые, сосуществуют с ними или постепенно их изживают» [Серебренников 1970], что увеличивает функциональную сложность языковой системы. Однако эти изменения частичны и осуществляются без резких перестроек, создавая иллюзию статичности, подобно тому как «всякий организм, язык, эволюционируя, остаётся функционально тождественным самому себе» [там же]. В сравнении с живой природой говорят о существовании у языковых явлений «жизненных циклов» и стадий (И.А. Бодуэн де Куртенэ, Л.В. Щерба, Г.О. Винокур, Е.Д. Поливанов, Э. Даль), которые формируют свойства этих явлений в диахронии и в совместном рассмотрении характеризуют состояние системы языка. Для иллюстрации фаз «жизненного цикла», к примеру, на уровне грамматики норвежский лингвист Э. Даль приводит последовательный переход от изоляции к агглютинации, затем к флективному строю и вновь к изолирующему, характерный для естественных языков. В качестве зрелых явлений в языках мира исследователь выделяет такие как развитая словообразовательная система, синтетическая морфология и, как следствие, наличие словоизменительных классов, согласования, выделяемость категории рода, маркирование падежа [Даль 2009: 122].

Каждое синхронное состояние представляет собой итог постоянного диахронического движения, которое одни исследователи считали «игрой» случайностей (Ф. де Соссюр, Л. Блумфильд), другие считали явлением со своими закономерными принципами, утверждая системность не только синхронии, но и диахронии (И.А. Бодуэн де Куртенэ, Н.В. Крушевский, С.Д. Кацнельсон, А. Мейе, многие другие лингвисты второй половины XX-XXI вв.).

Гомеостатичность, или способность сохранять устойчивость как фундаментальное свойство системы языка не получила специального рассмотрения в лингвистических исследованиях. Однако опыт исследовательской практики располагает целым рядом фактов, содействующих стабильности естественного языка и её пригодности в разных условиях общения. Большое значение в этой роли принадлежит избыточности языковых единиц и связей между ними (материальная и структурная избыточность), нормально не

свойственной другим знаковым системам. Наличие в системе таких «подкрепляющих» элементов и структур позволяет уменьшить дестабилизирующее воздействие локальных изменений на всю систему и обеспечить относительное равновесие её параметров. Избыточность языка проявляется, например, в дублировании семантических и грамматических признаков в речи, находит выражение в разной изменчивости разных уровней языка, в компенсации утраченных элементов и перегруппировке имеющихся, в наличии синонимов, а также существовании разных форм бытования языка и связанных с ними средств. Так «оптимальная система... эксплуатирует избыточность, уже присутствующую в ней», причём большая часть избыточности речевых сообщений приходится на долю грамматики [Даль 2009: 29], поскольку именно она формирует своего рода логический каркас мысли.

В концепции Г.П. Мельникова, стремившегося применить целносистемный подход к языку как адаптивной кодирующей системе, способы сохранения устойчивости и изменчивости в каждом конкретном языке определяются характером детерминанты. Детерминанта, в понимании исследователя, представляет собой наиболее оптимальный для функционирования способ взаимного приспособления особенностей структуры и субстанции на всех уровнях данного языка при учёте ограничений со стороны этих параметров (ср. лексикализация китайского языка и обратная тенденция к грамматикализации в семитских языках) [Мельников 1973: 201-202]. Можно предположить, что в терминах современной теории систем это понятие приближено к понятию аттрактора. Если считать детерминанту главным способом функционирования, характерной тенденцией, то именно ею, по мысли Г.П. Мельникова, задаются «пределы возможных изменений и их темпы», а также многие универсальные и специфические свойства языков как следствия настраивания по определённой детерминанте [Мельников 1973: 186]. С этой точки зрения объяснение получает использование менее надёжной субстанции после наиболее надёжной, а более сложной единицы – после простейшей для выполнения данной функции [там же:

187]; при этом установлено, что объём выполняемых функций сужается, специализируется для более сложных языковых единиц.

Противоположной точки зрения в отношении детерминизма языковых изменений придерживается Б.А. Серебренников, который, помимо «целенаправленных тенденций и их различных конкретных проявлений» усматривает также нецеленаправленные процессы вне какой-либо выраженной тенденции [Серебренников 1970], связывая этот факт с общественной природой языковой системы. Наряду с внутренними свойствами языка, коммуникативные нужды общества в данный исторический период рассматриваются как ещё одна важнейшая движущая сила языковых преобразований, инноваций, усложняющих либо упрощающих систему. Тем самым подчёркивается взаимосвязь двух факторов и необходимость выхода в среду, в которой существует язык. Получает признание относительно автономный характер феномена: язык обусловлен социальными нуждами, однако до известной степени развивается обособленно.

Сходную позицию разделяют многие отечественные и зарубежные лингвисты прошлого и текущего столетий. Так, например, французские функционалисты критиковали генеративную грамматику Н. Хомского за отрыв от реальности; Э. Бенвенист призывал выйти за пределы внутренних значимостей в осмыслении сущности языка [Будагов 1978: 9-10]; И.А. Бодуэн де Куртенэ, помимо внутренней, выделяет внешнюю историю языка, которая определяется соотношением языка с внеязыковой действительностью. По словам Р.А. Будагова, система языка есть «продукт и выражение речевой деятельности общества» (Ср. фигуральное выражение Ф. де Соссюра: «Язык – это клад, практикою речи откладываемый во всех, кто принадлежит к одному коллективу»). Соответственно, характеристики состава, многоярусной структуры и речевые манифестации языка «представляют собой результат длительного накопления... знаковых... единиц, необходимых для обозначения различных явлений действительности, а затем и отвлеченных понятий, сопровождаемого постоянным стихийным стремлением говорящих, с одной стороны, к чёткому звуковому различению каждого отдельного знака и недопущению звукового смешения

различных знаков, а с другой стороны – к наибольшему упрощению конструкций высказываний путем сведения их к немногим общим формальным схемам, максимально облегчающим процесс речевого общения» [Будагов 1978: 31-32]. На плодотворность вовлечения в анализ экстралингвистических факторов указывает и Е.С. Кубрякова: такой подход позволяет избежать односторонности чисто структурной позиции и дать объяснение причинам языковой динамики [Кубрякова, Мельников 1972: 54]. Два рассматриваемых подхода, структурный и функциональный, В.А. Виноградов детализирует на основе описаний «изнутри», с анализом языка как закрытой системы с её существенными внутренними признаками, и описаний «извне», в русле которых языковая система предстаёт как открытая система, функционирующая и изменяющаяся в контакте с другими системами [Виноградов 1969: 257]. А.А. Реформатский вводит различие понятий речевого и бытового контекстов [Реформатский 1996: 60-61]. Таким образом, естественный язык начинает рассматриваться лингвистами менее автономно и более адекватно своим системным свойствам, в единстве упорядоченности и контекстуальной вариативности с учётом конкретных коммуникативных нужд. Он предстаёт как элемент сверхсложного комплекса и начинает осмысливаться как открытая, а значит, динамическая система, адаптирующаяся к широкому социальному контексту своего существования, который по отношению к ней представляет собой надсистему (метасистему). Такая трактовка оказывается более благоприятной для научного представления объекта от его целостности к составляющим в их взаимосвязи. Более того, она согласуется с универсальным для мироздания вторым законом термодинамики о гомеостатичности и сохранении порядка в открытой системе за счёт обратных связей со средой, поскольку любая замкнутая система аккумулирует дезорганизующие флуктуации и, как следствие, стремится к разрушению. Регулирующие воздействия среды дают импульсы и активизируют внутренние синергетические возможности языковой системы, позволяя ей качественно наращивать лишь те флуктуации, которые совершенствуют её как орудие общения. Язык, таким образом, характеризуется способностью «по-разному реагировать на разные типы

изменений и на перестройку, осуществляемую внутри разных участков его строения» [Серебренников 1970: 144]. Эту способность языка как системы адаптивной Г.П. Мельников считал полезной и уникальной [Мельников 1973].

К условиям функционирования языковой системы в этой интерпретации причисляется весь комплекс связей между языковой и другими системами, обусловленными в той или иной мере структурно, субстанциально и исторически. При этом, как и в случае иных незамкнутых систем, свойства предназначения, критерий качества, количественный состав и параметры организации формируются под закономерным влиянием метасистемы.

В понятие внеязыковой среды включены общественные и межличностные отношения, культурно-исторический контекст и мир человеческой психики – всё то, что в рамках коммуникативной лингвистики на рубеже XX и XXI веков стало осмысливаться как внешний, прагматический контекст дискурса, или «языка в живом общении» [Бенвенист 1974: 296, 300]. Исследованию дискурса сегодня посвящено множество работ, демонстрирующих возможность различных подходов и интерпретаций этого феномена. Расширение круга речевых категорий, значимых при изучении дискурса, созвучно основному требованию развитого функционального подхода – рассматривать языковые процессы в тесной связи с потребностями коммуникативной деятельности и человеческим фактором в языке [Кильдибекова, Гафарова 1998].

Как считается, коммуникативно-прагматический контекст дискурсивной деятельности формируется и описывается посредством категорий социо- и прагмалингвистики, в числе которых актуализируемые в речи характеристики участников общения (индивидуальные, социальные, в т.ч. статусно-ролевые, национально-культурные и общечеловеческие); условия речевого взаимодействия (хронотоп, специфика коммуникативной среды); организация общения (интенции, стратегии общения и их развёртывание); способы коммуникации («канал и режим, тональность, стиль и жанр общения») [Карасик 2002: 200-201; см. также Гаспаров 1996: 10; Маслова 2007: 35]. Посредством этих сторон речь как действие

и текст как её результат оказываются «вплетёнными» в ситуацию, в том числе на уровне зарождающихся семантических сдвигов. Язык, таким образом, рассматривается как общественно развиваемый феномен.

Представление о самоорганизующихся, адаптивных системах пришло в лингвистику из кибернетики; определённое влияние, вероятно, оказали биологическая наука и натурфилософия языка, сближающая естественный язык с живым организмом [Арнольд 1991: 22; Кубрякова Мельников 1972: 34]. Приспособление языковой системы к среде осуществляется в результате стихийного выбора говорящими тех или иных вариантов (узуса) либо осознанно – в процессе направленной кодифицирующей деятельности специалистов (нормы).

В последней трети XX века на основе представления о динамичности системы языка складывается лингвосинергетика – функциональная концепция языка, призванная выявить и объяснить внутренние организационные процессы, возникающие за счёт нелинейного поведения языковых структур под влиянием многофакторной коммуникативной среды (А.В. Бондарко, В.И. Аршинов, Я.И. Свирский, Г.Г. Москальчук, И.А. Герман, Н.Л. Мышкина, В.Н. Базылев). Большое внимание здесь уделяется преодолению языковой системой функциональных отклонений от равновесного состояния.

В теории адаптивных систем невозможность полностью предсказать способы адаптационных процессов, глобальные последствия малых флуктуаций (т.н. «эффект бабочки») в сочетании со сложностью иллюстрируют стохастичность (нелинейность) и мягкость языковой системы. Чем сложнее объект, тем более не линейно его функционирование. Нелинейность обусловлена также действием внутриязыковых противоречивых тенденций, существенных для лингвосинергетики, – антиномий кода и текста, узуса и возможностей, говорящего и слушающего, асимметричности языкового знака и антиномии двух функций языка, собственно информационной и экспрессивной, с разрешением которых сопряжено языковое развитие [Русский язык... 1968: 23-24]. Как и сама отображаемая действительность, язык не вмещается в рамки организаций со строго детерминированными и прозрачными причинно-следственными связями,

не допускает жёстких идеализаций и не может быть задан набором необходимых и достаточных свойств, хотя и предполагает определённую упорядоченность [Карпов 1992: 20, 42; Арнольд 1991: 20; Герман 2000: 19-20]. Поэтому в научном исследовании «...стремление к абстрактной точности лингвистического объекта оборачивается, как правило, искажением или даже утратой его» [Герман 2000: 13]. Гораздо продуктивнее для понимания этого объекта становится использование теории нечётких («пушистых») множеств [Заде 1976], а значит, и принципа вероятности тех или иных признаков, отношений, единиц. А.В. Бондарко, имея в виду данные свойства, определял место языка в ряду «сложных организованных систем диссипативного характера» [Бондарко 1971:113].

Промежуточное положение языковой системы между жёсткими и мягкими системами [Налимов 1979: 93; Даль 2009: 42] вызывает разночтения в интерпретациях этого свойства в науке и при обучении языку. В зависимости от опыта и задач интерпретанта она рисуется образцом строгой регламентации и порядка или, напротив, в ней усматривается хаотичность, неопределённость и текучесть.

Для языка как нелинейной системы тем более адекватной предстаёт полевая организация языковых микросистем (группировок языковых единиц), допускающая разную степень принадлежности элемента некоторому множеству на основании ряда признаков, присущих этому элементу. Единицы в центральной зоне обладают полным набором признаков группировки; периферийным компонентам поля свойственны лишь некоторые из этих признаков и одновременно – признаки других языковых полей, что обеспечивает «соприкосновение» микросистем и непрерывность связей между ними.

В терминах нечётких множеств может быть описано и такое важнейшее свойство языковой системы, как вариантность/инвариантность её единиц, находящее выражение на всех уровнях структуры. В трудах американского логика Л. Заде при разработке математических методов описания языка это свойство положено в основу разграничения лингвистической переменной (абстрактного, эталонного слова или предложения) и лингвистических значений (конкретного

воплощения, «наполнения» переменной), совокупность которых представляет собой множество с размытыми границами [Заде 1976].

Позиционная и функциональная вариативность единиц языка своей очевидностью привлекала умы лингвистов на протяжении всего XX века и стала предметом теории языка как характеристика его сущности, распространившись из области фонологии на словообразовательные, лексические и грамматические подсистемы. В свою очередь, при изучении фонетической системы понятие инварианта было фигурально экстраполировано из математики, где это понятие подразумевает «свойство величин, уравнений, законов оставаться неизменными, сохраняться при определенных преобразованиях координат и времени» [Инвариантность 2019]. Ясную лингвистическую интерпретацию этого понятия предложили В.М. Солнцев и В.Н. Ярцева в её работе «Контрастивная грамматика». Автор считает, что инвариант определяется путём абстрагирования «того общего, что в той или иной мере присутствует в ряде единиц, понимаемых в таком случае как варианты по отношению к инвариантному началу, как бы выносимому за скобки для данного ряда языковых единиц или языковых форм» [Ярцева 1981: 56] (см. схожую трактовку в работе американского математика Э.Т. Бэлла [Bell 1945]). Инвариант как идеализированный объект концентрирует в себе характеристики, общие для конкретных вариантов-модификаций, образующих класс единиц в языке и речи и «отклоняющихся» по свойствам от инварианта в некоторых пределах [Солнцев 1977: 38-39, 214]. То есть инвариант есть абстракция, обобщающее частные формальные / семантические модификации единицы, или, выражаясь словами Г.Г. Москальчук, выступает посредником между ними [Москальчук 2003: 65]. Диалектически инвариант, его варианты и речевые экземпляры соотносятся как общее, особое и единичное, отдельное [Маслов 1975: 59].

По мнению Н.Н. Альбекова, инвариантный подход в отличие от атомарного выявляет не отдельность, а единство ряда компонентов системы, составляющих своего рода микросистемы. При этом выбор того или иного варианта говорящим связан с преодолением точки бифуркации в направлении, наиболее вероятном для

данной речевой ситуации. С этой точки зрения язык может быть охарактеризован как превращённая форма, а инвариантный принцип структурирования – как внутренний фактор системной устойчивости [Альбеков 2021: 64, 73, 118-119].

В отечественной лингвистике в свете инвариантности-вариантности и разграничения языка и речи подробно описаны триады единиц разной степени сложности: «фонема-аллофоны-звуки (фоны)», «морфема-алломорфы-морфы», «лексема (слово)-словоформы-лексы», «структурная схема предложения-её парадигматические варианты-речевые высказывания». Установлены правила нейтрализации однородных единиц и их вариантов. Абстрактные функциональные единицы (инварианты), обладающие данными системозначимыми свойствами, соответствуют элементам языковой системы, а экземпляры – вариантам, получающим свою актуализацию в речи. Р.О. Якобсоном отмечалась инвариантность мотивов и образов в художественной литературе [Якобсон 1983].

Функциональное варьирование стилей, социальных форм существования языка, а также основных его элементов – яркий пример полиморфичности в естественном языке, которая придаёт ему высокоорганизованную гибкость. Кроме того, перифрастические возможности разных языков мира, наличие в них нескольких лексико-грамматических способов выражения более или менее сходного содержания (т.н. языковая избыточность) увеличивают эту гибкость за счёт эквививальности функционирования языковой системы.

Высокая организация и сложность языковой системы определяется, кроме того, наличием у неё интегративных качеств, что является фундаментальной характеристикой открытых динамических систем.

Идеи языковой интегративности в лингвистических исследованиях

Выявление целостных свойств объекта во взаимодействии с другими характеристиками находится в кругу специфических задач, выделяющих, как отмечалось, собственно системный подход среди других научных методов. Методологически это положение обосновывается тем, что вслед за пониманием

отдельных сторон объекта на следующей ступени познания необходимо овладеть закономерностями их существования и взаимосвязи в составе исторически изменчивого целого.

Идеи единства языковых уровней неоднократно высказывались лингвистами, предпринимались и частные попытки дать им объяснение. Однако эти наблюдения носили попутный, фрагментарный характер и приписывались отдельным элементам языка, а не системе в целом. Поэтому они не послужили основой для обобщений и не были развиты в самостоятельные концепции, освещающие роль этого явления в устройстве и функционировании объекта лингвистики.

В числе ранних идей о языковой интегративности находятся представления В. фон Гумбольдта о согласованности частей языка, каждая из которых подчиняется целому, но в то же время служит для него структурно-функциональной «опорой». Поиски языковой целостности не были чужды и работам советских, а также зарубежных лингвистов XX века. Так, в рамках Пражской школы понятие внутренней солидарности введено Й. Вахеком для обозначения единства фонетической, лексической и грамматической подсистем как в синхронии, так и в диахронии. В.Н. Ярцева, устанавливая типологические черты языков, указывала на специфику оппозиций в зависимости от свойств элементов, их образующих [Ярцева 1968: 11]. В качестве проявления целостности можно рассматривать явление семантического согласования, подробно описанное в композиционной семасиологии при изучении комплексных знаков.

Свойство системной целостности легло в основу дефиниции, сформулированной В.Н. Топоровым. При известной независимости от незначительных отклонений система языка, по его мнению, есть «совокупность элементов, организованных таким образом, что *изменение, исключение или введение нового элемента закономерно отражается на остальных элементах*» (выделение наше. – Д.М.) [Топоров 1962: 9-10]. Стремясь осмыслить языковой феномен интегрально и от абстрактного к конкретному, Г.П. Мельников создал учение о детерминанте как ведущей тенденции языкового строя. Авторы раздела

«О понятии языковой системы и структуры языка» Г.П. Мельников и Е.С. Кубрякова приводят целый ряд языковых фактов, демонстрирующих зависимость свойств целого от взаимодействия субстантных и структурных характеристик: семантическое различие синтаксических единиц, состоящих из одинаковых компонентов, но имеющих разные структуры; наполнение словообразовательных структур разными морфемами, а структурных схем предложения – разными лексическими элементами; дифференциация значений в парадигме синонимов [Кубрякова, Мельников 1972: 27-28]. В рамках современной когнитивной теории языка взаимодействующая целостность знаковых единиц осмыслена с точки зрения их взаимодействующего вклада в создание языковой картины мира. Как считается, лексика во многом отражает вещную, логико-денотативную экстралингвистическую сторону действительности, грамматика же фиксирует наиболее абстрактные познавательные категории (предмет, признак, количество, состояние, действие) и отношения между предметами и явлениями.

В свою очередь, Э. Бенвенист одним из первых подчёркивал особое проявление целостности – эмерджентность композиционной единицы, то есть неожиданное появление у неё нового качества, не свойственного её составляющим и возникающего за счёт особого наложения их свойств в иерархической структуре. К примеру, данное свойство проявляется на уровне построения знаковых единиц из не знаковых, в области конструирования предикативных единиц-предложений из не предикативных словоформ [Бенвенист 1965: 441]. На материале преобразований нижестоящих единиц в вышестоящие по определённым моделям то же свойство было отмечено трансформационной грамматикой. При анализе плана содержания некоторых производных слов и фразеологизмов говорят об идиоматичности (А.М. Пешковский, В.М. Солнцев, О.П. Ермакова), или фразеологичности (М.В. Панов, В.В. Виноградов, В.В. Бабайцева) семантики, имея в виду невыводимость значения целого из суммы его частей (эмерджентность содержания знака). Как можно заключить из работ Е.Н. Князевой, эмерджентность смысла – типичное свойство сложных коммуникативных систем, поскольку смысл не дан реципиенту априори, а

творится и транслируется индивидом во всяком акте их применения [Князева 2013].

Большое исследование феномена языковой и речевой эмерджентности предпринимает Н.Н. Альбеков, по мнению которого, данное качество обуславливается 1) кооперативным влиянием многомерных сторон духовной, чувственной, мыслительной деятельности человека на формирование актуального значения; 2) функциональной автономностью единиц высших единиц по отношению к нижестоящим в иерархической структуре; 3) детерминирующим влиянием целого на части в синергетическом процессе [Альбеков 2021: 30, 97]. Как было показано выше, оно имеет специфику выражения на различных уровнях языковой системы.

Эмерджентные качества – следствия целостности языкового образования, результат определённых способов объединения свойств его компонентов, несводимых только к материальным или структурным признакам. В современной науке о языке синтагматически обусловленные проявления целостности постулируются для двусторонних элементов; односторонние же фонетические единицы, как считается, интегративностью не обладают. Что касается взаимосвязи различных параметров языка между собой и с целым, то признаётся «двусторонняя зависимость и двусторонняя обусловленность свойств целого и его элементов: структура целого воздействует на элементы, элементы же определяют складывающуюся или существующую структуру. С одной стороны, ряд свойств обуславливается только их местом в данном объекте, с другой стороны... составленностью целого именно из данных элементов, с их вполне конкретными субстантными свойствами...» [Кубрякова, Мельников 1972: 27]. При этом разным участкам системы языка присуща неодинаковая степень целостности, что, в частности, выражают различная восприимчивость на воздействие среды и масштабы перестройки в ответ на внутренние изменения.

2.3. Когнитивные исследования языка как новый этап развития системного подхода в лингвистике

Об антропоцентричности исследований языка в лингвокогнитологии

На современном этапе развития лингвистики определённы новые возможности в создании интегративного описания естественного языка открывает антропоцентрический подход к его исследованию. Включение в теорию и практику лингвистического анализ самых разных аспектов жизнедеятельности субъекта-человека в наши дни стало характерной приметой трудов по языкознанию. Вследствие вхождения в исследовательский обиход координаты человеческого фактора вопрос о структурно-функциональном единстве языковой системы, о соотношении в ней частей и целого, сохраняя свою актуальность, получает особое звучание на материале как совершенно новых, так уже известных языковых явлений. Отметим, что этот факт вполне согласуется с диалектическим представлением о развитии истории по спирали, включая историю науки: выделенные ранее аспекты языковой реальности освещаются с привлечением качественно и количественно более состоятельных теорий и методов, а значит, получают разработку на более высоком когнитивном уровне.

Активно ориентируется на установки антропоцентрических исследований когнитивная лингвистика, представляющая собой важнейшее направление науки о языке в рамках гораздо более масштабной когнитивной науки – когнитологии. Постановка актуальных задач и достижения лингвистической когнитологии вполне согласуются с главным предназначением глобальной «когнитивной» программы – установить принципы и закономерности мыслительной деятельности человека, а значит, «понять, каким образом человек с его относительно ограниченными возможностями оказывается способным перерабатывать, трансформировать и преобразовывать огромные массивы знаний в крайне ограниченные промежутки времени» [Петров 2004]. Исторически эта задача была поставлена в процессе разработки искусственного интеллекта,

подобного человеческому. Она потребовала более или менее чёткого понимания когнитивной деятельности в виде процессов ментальной обработки и организации информации, поступающей к человеку по разным каналам.

Под когнитивной деятельностью, как правило, подразумевается человеческая «активность, связанная с приобретением, организацией и использованием знания» [Найссер 1981: 10] в процессе какой-либо деятельности и поведения; «процесс... отражения сознанием человека окружающей действительности и преобразования этой информации в сознании» [Попова, Стернин 2007а: 8]. В целостном, процессуальном и статическом, понимании когниция охватывает единство сознания, мышления, знания и всех лежащих в их основе мыслительных процессов, механизмов, сопровождающих как теоретический, так и повседневно-практический опыт освоения мира человеком. Пытаясь проникнуть в существо этого сложного, многоаспектного явления, помимо лингвистики когнитология задействует и объединяет усилия «федерации наук», по фигуральному выражению В.З. Демьянкова. Среди них – психология, нейрофизиология, философия, логика, антропология, теория информации и искусственного интеллекта – специальные дисциплины, предмет которых так или иначе затрагивает вопросы познания. Термин «когнитология» в этом смысле выступает как «зонтичный термин для целого ряда наук» [Кубрякова 2004: 7], среди которых психология и лингвистика, по общему мнению, обладают наибольшим эвристическим потенциалом. Общепризнанным является положение о том, что естественный язык, в своей семиотической ипостаси и полифункциональности, вплетён едва ли не во все виды человеческой (в том числе и мыслительной) деятельности, координируя и выражая их. Ещё Ф. де Соссюр и И.А. Бодуэн де Куртенэ в до-когнитивный период указывали на существование языка и его единиц в психике индивидов как членов определённого языкового сообщества. Представители младограмматического направления также новаторски отмечали тесную связь языка, его развития с жизнью индивидуумов [Науменко 1968: 85].

Как следствие, именно исследования языка и речемыслительной деятельности позволяют выявить, объяснить и смоделировать общие аспекты когниции, дают ключ к пониманию действий человека «с информацией, начиная с её обработки по всем каналам, её поступления извне в мозг человека, её фиксации, возможностей её извлечения из памяти, её хранения» [Ивашкевич 2012: 183; см. также Fausonnier 1999: 102]. Не подлежит сомнению тот факт, что когнитивные характеристики языка детерминируются этими нейрофизиологически обусловленными познавательными процессами и «теми биологическими ограничениями, которые налагаются на обработку информации...» [Кубрякова 2004: 237], что связывает когнитологию и с теорией информации. В этой связи приведём также ставшее аксиомой психолингвистики утверждение о том, что реальный материальный базис языковых структур возникает за счёт биологической и биохимической активности ансамблей нервных клеток в соответствующих структурах мозга [Попова, Стернин 2007б: 207].

Таким образом, центральный объект когнитологии – познавательная деятельность – оказывается существенным и для лингвистики, делая необходимым рассматривать языковую систему не имманентно, а «в контексте» познавательных процессов, с использованием понятия о когниции, иными словами – во взаимодействии со средой, в роли которой выступает концептуальная система человека как управляющий и в то же время принимающий фактор. Методологический постулат когнитивного подхода к языку устанавливает степень адекватности лингвистической теории в зависимости от того, в какой степени и насколько обоснованно при анализе «учтено единство и взаимодействие... трёх миров: **реального, мыслительного и языкового**» [Зубкова 2002: 13]. Природа и функции языковых явлений интерпретируются соотносительно с их когнитивной основой.

Поскольку в основе когнитивного подхода лежит убеждение в причинно-следственной взаимосвязи когнитивных и языковых структур [Кибрик 1994: 126], то в отличие от подходов бихевиоризма или же нейропсихологии

лингвокогнитологи, исследуя когницию на языковом / речевом материале, стремятся формулировать свои гипотезы и выводы в терминах самих мыслительных репрезентаций и процессов. В этом случае ментальные состояния и их взаимодействия не сводятся единственно к связи «стимул-реакция» и более абстрагируются от материального субстрата мозга [Демьянков 1994: 17-19]. Одновременно в противоположность генеративной трактовке языковой системы как автономного модуля ментальной деятельности лингвистическая когнитология отрицает эту кардинальную отдельность, отмечая связь языка с когнитивными сущностями, признавая за языком один из модусов познания, «составляющий вершину айсберга, в основании которого лежат когнитивные способности, не являющиеся чисто лингвистическими, но дающие предпосылки для последних» [Демьянков 1994: 23]. В основе речемышлительной деятельности исследователи усматривают комплекс эволюционно выработанных человеком когнитивных способностей, таких как адаптивная гибкость мышления, опережающее отражение действительности (планирование), способность к ментальным репрезентациям и моделированию, вычислениям и рекурсии, умение строить логический вывод, формирование новых знаний на базе имеющихся сведений [Черниговская 2008; см. также Демьянков 1994: 22]. По предположению Т.В. Черниговской, уже на ранних стадиях филогенеза человек мог обладать когнитивной гибкостью и способностью к абстрактному мышлению [Черниговская 2008]. Р. Джекендофф подчёркивал сложность переработки информации на уровне речемышлительной деятельности, требующей «синтеза активности всех перцептуальных систем» [Jackendoff 1984: 62]. Следует отметить также синтез разных доминант речемышлительной деятельности, в которой говорящий, выбирая языковые средства, принимает во внимание тему сообщения (тематическая доминанта), учитывает особенности и роль субъектов коммуникации (субъектная доминанта), лингвокультурные особенности речевого общения (социокультурная доминанта), тактико-стратегический компонент дискурса (инструментальная доминанта), коммуникативные намерения адресата (интенциональная доминанта) [Хазимуллина 2018: 22]. Являясь одной из

когнитивных способностей, язык, несомненно, ориентирован на человека, фиксирует в себе антропоцентричность человеческого сознания, так что «смотрит на мир» глазами своего носителя [Рахилина 2000: 338].

Соответствие когнитивной проблематики традиционным интересам отечественной лингвистики неоднократно отмечалось исследователями. По мнению Е.С. Кубряковой, становление и активное развитие этого направления в нашей стране с конца XX века по настоящее время обусловлено его обращением к таким неизменно актуальным темам отечественного теоретического языкознания, как соотношение языка и мышления, главные функции языка, принципы номинации, роль человека в языке и языка для человека [Кубрякова 2004: 11]. Немаловажной представляется и корреляция его с «методологическими основами советской лингвистики, т.е. пониманием того, что развитие языка и сознания неразрывно связаны с развитием общества, с историей народа – носителя языка» [Арнольд 1999: 94]. Весьма показательным в этом смысле наблюдение И.А. Бодуэна де Куртенэ, сделанное ещё на рубеже XIX-XX веков, согласно которому «из языкового мышления можно выявить целое своеобразное языковое знание всех областей бытия и небытия, всех проявлений мира, как материального, так и индивидуально-психологического и социального (общественного)» [Бодуэн де Куртенэ 1963: 312].

Новый шаг в разработке сложных отношений языка и мышления видят в когнитивной лингвистике З.Д. Попова и И.А. Стернин [Попова, Стернин 2010: 6]. По мысли Н.Ф. Алефиренко, этот новый шаг заключается во введении третьего звена в дихотомию «язык – мышление» и переосмыслении её на почве трихотомии «язык – мышление – сознание», что расширяет и углубляет постановку вопроса о структурах хранения знаний в сознании человека и вызывает к жизни новые задачи исследования. С ориентацией на их решение накопленный в лингвистике опыт изучения связей языка и мышления сочетается с разработкой новых теорий и методов изучения этой проблемы [Алефиренко 2008: 76-77].

В фокус внимания помещаются способы объективации структур знания семиотическими системами, первостепенной из которых является язык, либо, в обратном направлении, предметом изучения становится овладение общественно-историческим опытом с помощью языка [Попова, Стернин 2010: 7; см. также Писаренко 2002]. Перекликаются с этой мыслью рассуждения Н.Н. Болдырева, который связывает новизну лингвокогнитологии с выходом исследований в многоплановую систему человеческих знаний и интерпретацией значений языковых единиц в контексте этой системы [Болдырев 2008]. Созвучными представляются идеи Е.Г. Беляевской, которая в фокусе инновационных по духу лингвокогнитивных исследований видит формирование и структурирование смыслового содержания при выполнении когнитивной программы [Беляевская 2009: 180]. Отсюда – принципиальное теоретико-методологическое положение о том, что через изучение семантики языковых знаков посредством специфических методов можно выяснять свойства ментальной «инфраструктуры» и концептосферы того или иного народа, особенности национального, группового либо индивидуального мышления. Центральными при постановке этих задач являются понятия когнитивной и языковой картины мира, концепта и концептосферы, а также концептуализации и категоризации как ведущих познавательных процессов, через которые реализуется когниция. Данные процессы выражают интерпретативный характер человеческого познания, обеспечивают выделение и конфигурирование единиц знания, иными словами лежат в основе познавательной деятельности человека. В результате концептуализации путём интеграции отдельных характеристик умопостигаемого в нашем сознании образуются концепты, или мысленные конструкты предметов и явлений окружающего мира, выделенные в рамках той или иной концептуальной области и организующие элементы разнородных знаний в системе. Концептуальная интеграция – одна из ключевых когнитивных способностей человека, наряду с рекурсией, апперцепцией, аналогией, мыслительным моделированием, категоризацией.

В свою очередь, задача категоризации состоит в отнесении познаваемых объектов (и стоящих за ними концептов) к определённым мыслительным рубрикам на основе сходных характеристик. В исследованиях языковой системы как системы репрезентации знаний естественным образом учитывается «их типология и структурная организация, а также общие принципы и механизмы соотношения когнитивных и языковых структур» с точки зрения указанных основных познавательных процессов [Болдырев 2010: 17]. При этом если более ранняя версия отечественной лингвокогнитологии концентрировалась на соотношении форматов знания с их репрезентациями в языке, то XXI век характеризуется становлением и укреплением её когнитивно-дискурсивной версии. Подчёркивая реальную взаимообусловленность познания и общения, она сочетает в себе идеи собственно когнитивного и коммуникативного языкознания, что помогает углубить представления о многомерности человеческого фактора в языке [Манерко 2013: 466]. В этом случае существенно, что каждое языковое явление рассматривается и получает объяснение на пересечении различных внутренних и внешних факторов, предопределяющих «не только ... *его место* относительно самой языковой системы... и относительно тех более (высоких) систем, частью которых является сам язык», но и «по *его роли* в познавательной и коммуникативной деятельности» (выделено нами. – Д.М.) относительно данного ситуативного контекста [Голованова 2011: 13].

Как писал Т. ван Дейк, намечая когнитивную теорию прагматики, в поле научного внимания находятся не только вербализованные структуры и закономерности когниции, но и их связи со стратегиями успешности речевых актов [Ван дейк 2000: 12, 20]. Иными словами, в русле «когнитивной теории употребления языка» (термин Т. ван Дейка) предпринимаются попытки установить естественную корреляцию между когнитивными, собственно языковыми и коммуникативно-прагматическими, в том числе социокультурными параметрами, ответив на вопрос «как служит языковая система со всеми её составляющими и когниции, и коммуникации» [Кубрякова 2004: 406]. Главной целью становится создание интегративной модели, которая была бы способна

объяснить феномен языкового знания в «архитектонике» и в действии, в процессах порождения и восприятия речи, в неравнообъёмном участии внутрисистемных и внешних факторов. Таким образом, более объёмно учитывается фактор среды, что способствует лучшему уяснению существа структурно-функциональной целостности языковой системы как системы открытой, в единстве её состава, структуры и применения в человеческом обществе. Так кооперация прежде самостоятельных моделей-описаний большой системы взамен их конфронтации обеспечивает более масштабное, реалистичное и достоверное её видение.

О системологической адекватности подхода лингвокогнитологии к естественному языку

Идея взаимной обусловленности этих параметров находит выражение уже на первом, инструментальном, методологическом уровне, определяющем алгоритм исследования, и, как следствие, реализуется затем на конструктивном, практическом уровне получения лингвистического знания. Следовательно, можно говорить о том, что, в соответствии с ожиданиями от самодостаточной парадигмы лингвистических исследований, она более адекватно отражает суть своего объекта, позволяет лингвистам лучше ориентироваться в целостном и многомерном пространстве «языка для человека». И, несмотря на то что как в России, так и во всём мире лингвокогнитология сегодня достаточно разнородна по исследовательским концепциям⁸ в рамках сложившихся школ, по приоритетным задачам и методам их решения, их объединяет стремление

⁸ Обращают на себя внимание характерные замечания исследователей на этот счёт. Так, например, различия между лингвокогнитивными школами, по мнению Р.М. Фрумкиной, в конечном счёте приводит к тому, что «на вопрос “что это?” ответ будет дан “кто это” [Фрумкина 1999: 86]. Акцентируя отсутствия чётко очерченных границ лингвистической когнитологии, Т.Г. Скребцова фигурально уподобляет её ядерно-периферийной структуре в духе прототипического подхода Э. Рош [Скребцова 2011: 24].

рассматривать языковые и речевые факты в соотнесении с когнитивной средой и «с тем опытом, который они в качестве структур знания отражают» [Писаренко 2002]. В этом, по мнению Е.С. Кубряковой, заключается универсальный метод когнитивной лингвистики [Кубрякова 1999: 5]. Это общее стремление нашло выражение в ряде взаимосвязанных принципов, которые, по верному замечанию Т.Г. Скребцовой, обеспечивают внутреннее единство когнитивной лингвистики [Скребцова 2011: 29]. В настоящее время они принимаются большинством лингвокогнитологов, составляют теоретико-методологический базис и формируют новые перспективы исследовательских поисков в рассматриваемом направлении.

Часть этих программных установок следует из антропоцентризма когнитивных исследований языка и раскрывает онтологические аспекты мыслительно-языковой обусловленности. Другая группа принципов носит в большей степени методологический характер и содержит своего рода предписания для интерпретаций языковой системы в конкретных лингвокогнитивных практиках, раскрывая специфику данного направления.

К первой группе упомянутых принципов допустимо отнести, по-видимому, такие из них, как *принцип антропоцентричности / антропоцентризма*, закономерно вытекающий из связи с когницией (признание главенствующей роли человека в устройстве и использовании языка), *постулат о примате когнитивного* (программное видение языка неотъемлемой частью познания), *принцип креативности речевого мышления* (понимание субъекта речи как активно воспринимающего, перерабатывающего информацию и использующего собственный опыт при выборе языковых единиц и формировании их значений; интерпретирующая деятельность мышления как посредник между языком и действительностью); *трактовка владения языком как одной из когнитивных способностей человека*; *принцип нерелевантности противопоставления знания языка и знания о мире* (свойственная речемыслительной деятельности опора на целый спектр знаний, как общезначимых, «усреднённых», словарных, так и индивидуальных, энциклопедических; влияние широкого когнитивного контекста

на семантику единицы языка), *принцип репрезентации знаний на ментальном и языковом уровнях* (что объясняет существование концептуальной и языковой картин мира), *принцип главенства физического (моторного, перцептивного) опыта*, в частности телесного, во взаимодействии человека с окружающим миром и организации его концептуальной системы; *постулат о ведущих когнитивных процессах* (концептуализация и категоризация как основные познавательные процессы, имеющие уровневый характер и различные итоги в зависимости от целей человеческого познания); *принцип неоднородности, многоуровневости плана содержания языковых единиц*; *постулат о концепте как ведущей единице когнитивного освоения мира*; *принцип интегративности* (взаимодействие единиц различных языковых уровне при формировании смысла); *принцип признания множественности картины мира* (см. труды Е.С. Кубряковой, Н.Н. Болдырева, Т.Г. Скребцовой, С.В. Киселёвой, А.Н. Баранова, Д.О. Добровольского, Е.В. Дзюба).

Среди принципов второй группы укажем *принцип междисциплинарности исследования*, или *принцип экспансионизма* (призыв использовать данные различных наук при изучении языка с когнитивных позиций), *принцип когнитивного обязательства* (стремление «согласовывать свои объяснения человеческого языка с тем, что известно об уме и мозге...» [Lakoff 1990: 40], получая тем самым психологически реальные выводы) и *субъективистский подход к значению*, *принцип функционализма* (внимание к функциональным проявлениям языка в его сопряжённости с многоаспектной деятельностью мышления и сознания), *принцип равноправия когнитивной и коммуникативной языковых функций*; *постулат о приоритете семантических исследований* (поскольку именно в семантике выражается связь языка и когниции, центральным объектом лингвокогнитологии выступает именно значение в его статике и динамике), *принцип многофакторности* (признание влияние различных факторов внутри- и внеязыкового характера, психологических, коммуникативных и культурных, на формирование и функционирование единиц языка), *принцип экспланаторности* (установка не столько на описание, сколько на объяснение

языковой реальности с точки зрения когнитивных процессов); *постулат о множественности воплощения когнитивных структур в языке*; *принцип концептуального единства языка и речи* (рассмотрение языка и речи как единого объекта когнитивной лингвистики), *принцип разграничения концептуального и семантического уровней*, обусловленный ментальной и языковой репрезентацией знаний; *принцип структурно-функциональной целостности* (понимание холистической взаимообусловленности структуры, формы и функций языковой системы); *принцип системности* (изучение языкового явления с точки зрения его роли для метасистемы); *доминантный принцип организации языкового сознания* (выделение и структурирование вербализованного знания сообразно тем или иным когнитивным приоритетам) (см. работы Дж. Лакоффа, Бесединой Н.А., Болдырева Н.Н., Дзюба Е.В., Добровольского Д.О., Баранова А.Н., Скребцовой Т.Г.).

Установки, стоящие за названными принципами, в своей согласованности создают единые отправные позиции для ориентации в закономерностях и сложностях мыслительно-языкового взаимодействия на фоне совокупного действия факторов лингвистического и экстралингвистического, в том числе коммуникативного и культурного, порядка, не ограничиваясь лишь их констатацией. В контексте задач нашего исследования это представляется перспективным не только по линии «движения к сознанию» и моделирования человеческого интеллекта, но и по линии «возвращения к языку» в рамках когнитивной семасиологии, что предполагает объяснительное, «углубленное исследование языка с помощью когнитивного категориально-терминологического аппарата» [Попова, Стернин 2007а: 9, 15]. Для нас концептуально важным является то, что именно в лингвокогнитологии языковая система рассматривается в принципиально неразрывной связи с важнейшим – когнитивным – компонентом её среды и, согласно одному из принципов, во взаимообусловленности структуры и функций (ср. теорему Гёделя о полноте описания сложной системы через исследовательский выход за её пределы). Со всей очевидностью, это в большей степени соответствует реальности естественного языка в лингвистических

исследованиях, и, таким образом, правомерно предположить, что когнитивная лингвистика, как она представляется в идеале, призвана дать более реалистичную картину языковой системности и в этом плане обладает особой общелингвистической ценностью. Она приближает исследователей к разгадке «чёрного ящика» организованной сложности естественного языка.

На основании вышесказанного *принцип системности*, выдвинутый в числе базовых для лингвокогнитивных исследований, может получить более широкое истолкование, распространяясь из области изучения роли языковых фактов в среде на изучение языка в естественных взаимосвязях его системных свойств функционирования, строения и развития. В этом смысле обогащение лингвистической науки когнитивными изысканиями воплощает новую ступень развития системного подхода к языку.

Сопоставительный анализ содержания лингвокогнитивных и системологических принципов приводит к заключению, что в основе теоретико-методологических принципов когнитивной лингвистики лежат сущностные характеристики языковой системы, с которыми, в свою очередь, связаны принципы существования открытых динамических систем (см. параграф 1.2 I главы). Напомним, что к числу этих свойств с точки зрения теории систем (системологии) относятся дискретность и многообразие состава, наличие системообразующего признака-критерия качества, структурная организация и интегративность, наличие определённого круга функций, способность к развитию, гомеостатичность, адаптивное взаимодействие со средой на базе механизмов обратной связи, а также динамичность как смена состояний и поведения системы, проистекающие из возможностей такого взаимодействия. Когнитивное моделирование языка помогает приблизиться к объяснительному его описанию в диалектическом единстве системно значимых характеристик, а значит, более адекватно представить его природу и функционирование.

Что касается признаков строения системных объектов, то наблюдаются следующие парные корреляции научных принципов: многообразия (в общей

теории систем) – креативности речевого мышления (в когнитивной лингвистике), гетерогенности – многоуровневости плана содержания языковых единиц.

Многие из принципов когнитивной лингвистики в своём содержании методологически и онтологически обращены к функциональному блоку системных признаков, в которых важное место занимает факт взаимодействия каждой реальной системы со средой. В лингвокогнитивной проекции речь идёт о бытовании языковой системы в ментальном окружении, которое составляет важнейший компонент среды её качественной определённости, развития и функционирования на протяжении тысячелетий, а в новой парадигме языкознания включается и в моделирование языковой реальности (ср. принятые в когнитивной лингвистике постулат о примате когнитивного; принципы междисциплинарности и когнитивного обязательства, разграничения концептуального и семантического уровней, антропоцентричности, креативности речевого мышления, а также нерелевантности противопоставления знания языка и знания о мире).

Если в иных лингвистических парадигмах природная сопряжённость языка со средой как свойство открытых систем оставалась за пределами специального внимания, то в русле когнитивной лингвистики представление о языке как о важнейшем семиотическом инструменте репрезентации концептуального содержания легло в основу методологического положения о целесообразности обращения к принципам и механизмам соотношения когнитивных и языковых структур. Значительную роль сыграла вытекающая отсюда постановка вопроса о многоплановом влиянии ментальной среды на вербальную коммуникацию и, как следствие, о сущностной корреляции мыслительного и языкового, на которую, собственно, указывает сам термин – *речемышлительная деятельность*. В состав ментальной среды входят разнообразные когнитивные процессы, а также результаты переработки информации, упорядоченные в концептуальную систему, содержащие элементы перцептивного, логико-понятийного и эмоционального, индивидуального и социального опыта человека. В отличие от структурализма, где проводилась чёткая граница между языковыми и экстралингвистическими знаниями, когнитивный подход к семантике активно учитывает социокультурный

опыт языкового сообщества (т.н. фоновую информацию), оказывающий влияние на формирование смысла языковых значений.

На связь языковой реальности с когнитивно обусловленными структурами отчётливо указывал Ж. Фоконье [Fauconnier 1990: 151]. Созвучные идеи были высказаны в более ранних трудах выдающегося советского психолога Л.С. Выготского. В исследованиях, посвящённых развитию речемыслительной деятельности, учёным был выдвинут тезис о том, что «общение, основанное на разумном понимании и на намеренной передаче мысли и переживаний, непременно требует известной системы средств» [Выготский 1956: 50-51].

Для изучения разных аспектов соотношения языка с миром когниции в настоящее время разработаны и продолжают развиваться специальные методы и приёмы когнитивных исследований языка, такие как концептуально-репрезентативный анализ, концептуально-таксономический, концептуально-матричный анализы, метод концептуального моделирования, методика скетч-фреймов и некоторые другие. Общим основанием всех этих методов являются системологические *принципы целеполагания и принцип качества*, то есть представление о том, что цель, поведение и, вообще говоря, качество системы задаются надсистемой более высокого порядка и направлено на достижение и поддержание такого состояния, которое является благоприятным для реализации системой своей цели [Ермак 1997]. Признавая, что язык выступает в роли присущего человеку уникального средства структурирования, кодирования и репрезентации информации о мире (ср. когнитологические принципы антропоцентричности, креативности речевого мышления, а также постулат о примате когнитивного), лингвистическая когнитология в качестве надсистемы, определяющей выполнение языком его ведущих функций, коммуникативной и когнитивной, рассматривает мир человеческой когниции и концептуальную систему как его часть. Абстрактные (символические) системы, в числе которых находится язык, призваны «обслуживать» мыслительную деятельность как вторичные реальности, с помощью которых возможно моделировать фрагменты человеческого опыта и тем самым – отражать и творить мир. Историей

человечества подтверждён тот факт, что для ориентации человека в окружающей среде (природной, социальной) естественный язык является наиболее эффективной семиотической системой. Это объясняется тем, что при выполнении когнитивной функции он содействует структурированию сознания и формированию картины мира у каждого представителя языкового сообщества. Тем самым язык выступает как уникальная «кодовая» подсистема сознания и мышления, опосредующая для человека реальность.

Предполагается, что организационное устройство и семантическая сторона языка аккумулируют в себе результаты познания его носителями окружающей действительности, и эти результаты обладают разным содержанием, относятся к разным уровням абстракции, так что «усваивая язык, мы усваиваем не только отдельные знаки – мы усваиваем системы категоризации мира, системы опыта и знаний, и, наконец, системы ценностей» [Кубрякова 2001: 33]. Пользуясь терминологией Г.П. Мельникова, когнитивный континуум во всей его полноте можно, таким образом, считать своего рода внешней детерминантой, которая определяет главный способ функционирования системы языка и сообразно которому последняя самонастраивается, оптимизируется в своих параметрах по конкретной детерминанте [Мельников 1973].

Идея структурно-функциональной обусловленности, получившая широкое применение в когнитивной лингвистике, коррелирует с системным *принципом функциональности*. Напомним, что данный принцип подчёркивает зависимость внутренней организации открытой системы от выполняемых ею функций. Достижение и сохранение оптимального внутреннего равновесия, благоприятного для выполняемых функций, также определяет любого системного объекта [Анохин 1973]. О причинно-следственной зависимости функций и устройства языковой системы в рамках докогнитивной лингвистики писал Э. Косериу, предлагая понимать естественный язык «сначала как функцию, а потом как систему, <...> поскольку язык функционирует не потому, что он система, а, наоборот, он является системой, чтобы выполнять свою функцию и соответствовать определённой цели» [Косериу 1963: 156].

В лингвокогнитологии в качестве наиболее важного функционального системообразующего параметра принимается участие языковых единиц в хранении, переработке и обмене знаниями. Названные задачи когнитивного освоения мира образуют фактор, определяющий структурные и целостные черты организации языка и речевых произведений; фактор, ограничивающий и упорядочивающий взаимосвязи между элементами. Такая взаимообусловленность принимается во внимание при анализе результатов и закономерностей когнитивных процессов на основе разноуровневых языковых средств, моделируемых как в их статике, так и в динамике (ср. в общей теории систем *принципы моделируемости и множественности описания системного объекта во взаимодействии его моделей*). При анализе дискурсивной деятельности учитывается, что вербальное общение всегда задействует определённые когнитивные процессы: «посредством слова мы... указываем направление процессов концептуализации и категоризации, стремимся “пробудить” знание соответствующих категорий и отношений репрезентации между ними» [Болдырев 2009: 72]. Тем самым углубляется понимание коммуникативной функции языка и общения как двустороннего координирующего процесса, затрагивающего концептуальные системы участников коммуникации. С одной стороны, происходит языковая объективация когнитивного опыта (в том числе прагматических установок, знания дискурсивных практик) субъектов речи, и, с другой, с помощью языковых знаков в сознании собеседника активизируются структуры знания и направления оперирования с ними. Поэтому, как справедливо полагают исследователи, адекватное описание языковых явлений возможно лишь в когнитивно-дискурсивном рассмотрении, а приоритетная роль в изучении дискурса принадлежит лингвистической когнитологии.

Сказанное выше позволяет говорить о том, что в отношении функционального системообразующего фактора когнитивизм в языкознании, с одной стороны, поддерживает баланс исследовательских интересов к формальному и содержательному планам языка [Алефиренко 2008: 75]. Следовательно, вопреки другому известному мнению, данный подход, хотя и

сформировался в преодолении границ структурного языкознания, однако в своих установках частично использует его достижения, образует с ним взаимодополняющее содружество двух моделей сложного объекта. Вместе с тем этот подход гармонично сочетает в себе значимые для лингвистики аспекты информационного моделирования мира: психическую репрезентацию данных о мире и передачу знаний в обществе [Чернейко 2005: 63; Evans, Green: 11]: новые обозначения «создаются не только для того, чтобы фиксировать результаты познавательной и эмоциональной деятельности человека, но и для того, чтобы сделать эти результаты достоянием других людей» [Кубрякова 2004: 63]. Опираясь на изложенные выше позиции, когнитивная лингвистика признаёт за словом единство сознания, обозначения и коммуникации [Шарандин 2013: 78].

Осознание ограниченности имманентного подхода к языковой системе, реализованное во многих установках когнитивизма, также вполне согласуется с таким онтологическим свойством языка, как *сложность*. Известно, что феномен языка демонстрирует многочисленность своего состава, структурную и функциональную сложность, отличается широким разнообразием процессов взаимодействия с многомерной и не менее сложной когнитивной средой. Кроме того, сам по себе человеческий фактор в языке является самодостаточным критерием для отнесения языковой системы к числу сложных феноменов.

При поддержке этого сущностного свойства и в соответствии с системным *принципом выбора* происходит наиболее оптимальная самоорганизация единиц и категорий системы языка, позволяющая этой системе включаться в ментальную деятельность человека и соответствовать актуальным потребностям. В ходе изучения взаимосвязей когнитивных и языковых структур каждая из перечисленных выше сторон языковой сложности получает разработку на материале разноуровневых фактов языка. В частности, значительно продвинулась научная мысль в понимании *полиморфизма* как аспекта сложности, общего для концептуальной и языковой системы. Данная онтологическая характеристика определяется принципом многообразия каждой реальной системы («чем

многообразнее система, тем она устойчивее» [Ермак 1997]) и также получает разработку в когнитивной лингвистике.

Лингвокогнитологию в этом отношении интересует присущее человеческому мышлению свойство фиксировать в сознании различные прагматически существенные стороны одного и того же объекта действительности и упорядочивать поступающую информацию в различных конфигурациях знания. Всё это создаёт определённые «оттенки» мировидения языкового коллектива / отдельной языковой личности, расширяет интерпретационные перспективы человеческого мышления. На уровне речемыслительной деятельности эта способность служит предпосылкой множественной языковой репрезентации знаний, к примеру, выражается в явлении «калейдоскопичности» [Бабушкин 1996: 64] концептов, в отборе разнообразных мотивирующих признаков, полагаемых в основу номинации.

Организационный аспект взаимодействия с многоплановой когнитивной средой, в ходе которого формируются и проявляются свойства языковой системы (ср. лингвокогнитивные принципы экспланаторности, функционализма и многофакторности), теснейшим образом связан со способностью открытых систем к адаптации на основе механизма обратных связей. Напомним, что в системологии *принцип обратной связи*, как параметр внешней структуры, утверждает причинность поведения систем как ответной реакции на воздействие среды с целью адаптивного изменения своих характеристик. Считая манифестацию концептуального содержания важнейшим предназначением объекта лингвистики, логично вести речь о преобладании в языке положительных обратных связей с когницией, что можно считать одним из проявлений антропоцентрической природы языка. Естественный язык, ориентированный в своём функционировании на ментальную деятельность человека, процессы концептуализации и категоризации мира, осуществляет «синхронизацию» возможностей структуры и состава с требованиями мыслительных процессов, с формами осмысления мира: «знаки должны удовлетворять требованиям мысли» [Арнольд 1999: 96] (ср. *принцип специализации элементов* в теории систем).

Поэтому язык непрерывно преобразуется в той мере, в какой того требуют процессы умственной работы человека: кодирование, структурирование и передача информации. Соответственно, допустимо вести речь о природно обусловленной положительной обратной связи языковой системы с когнитивной средой. В основе этой кооперативной работы лежит информационный обмен двух систем, который имеет характер ресурсной связи. Так, семантическое пространство языка, особенно в лексике, «откликается» на концептуальные изменения и служит своего рода «входом» воздействия компонентов среды на язык. Внутрисистемное синергетическое приспособление языковых средств под нужды когниции, в свою очередь, служит примером связей преобразования. Положительная структурная связь устойчиво сохраняет язык в роли эффективного когнитивного средства. Следует отметить, что эта функция поддерживается одноимённой обратной связью и со стороны самой концептуальной системы. Об этом свидетельствуют возможности языка не только объективировать работу когниции, но и влиять на мыслительные операции, конструировать их, принимая участие в формировании картины мира. Концептуально-языковая взаимодействия – одна из немногочисленных иллюстраций стабилизирующей роли положительных обратных связей, которые при этом являются взаимными, равноправными. На сегодняшний день лингвокогнитология располагает множеством интересных фактов, в каждом из которых своеобразно «кристаллизуются» результаты упомянутой положительной обратной связи. Частные её иллюстрации обнаруживаются на разных «участках» системы языка и становятся предметом изучения разных направлений лингвокогнитологии (логического, когнитивно-дискурсивного, концептологического, лингвокультурологического, философско-семиотического). В целях исторической преемственности социальной коммуникации положительная обратная связь языка со средой, в том числе когнитивной, регулируется нормотворческой, кодифицирующей деятельностью лингвистов, с помощью «целенаправленного упорядочения всего, что касается языка и его применения» [Крысин 2005], отбора и распространения определённого круга

языковых фактов. Консервативная сторона нормы в условиях влияния человеческого фактора ограничивает действие неконтролируемых положительных связей, сохраняет единообразие языковых средств как общее основание для информационных взаимодействий между людьми. Роль обратных связей между концептуальной и языковой системами, взаимодействий их компонентов, внешних и внутренних факторов в сложных процессах самоорганизации и развития является сегодня предметом когнитивной лингвосинергетики [Бронник 2009].

Методологическая установка лингвокогнитологии на объяснительный анализ структурно-функциональной целостности явлений языка, кроме того, прокладывает путь к более глубокому пониманию *интегативности* языковой системы. С применением различных версий концептуального анализа на уровне процесса и результата активно исследуются холистические *эмерджентные качества* лексической, словообразовательной и грамматической семантики (ср. *принцип эмерджентности* в учении о системах).

В центр исследовательских интересов помещаются механизмы не композициональной интеграции и модификации единиц знания, целых ментальных пространств и их характеристик, служащие основой взаимосвязанного развития концептуальной и языковой систем. Последовательно учитывается способность человеческого мышления путём «домысливания данных опыта из контекста» [Тлегенова, Байтемирова 2015: 139], привлекая фоновые знания выходить за пределы виртуального значения единиц при формировании их актуального речевого смысла. С этих позиций подробно рассматриваются разноуровневые новообразованные структуры языка, обладающие регулярной или ситуативной идиоматичностью, имплицитностью.

Выводы по главе 2

Итак, последовательное рассмотрение системных свойств языка, а также критериев их выделения, как они представлены в современной лингвистике, даёт нам возможность обозначить следующие выводы:

1. Интенсивное формирование системных представлений в XX веке содействовало укреплению понятия системы, в том числе на почве гуманитарных и социальных наук. Без выраженной связи с системологическими позициями лингвисты сконцентрировались на частных языковых микросистемах, фактах, характеристиках. Были предприняты попытки проникнуть в сложность, адаптивность, антиномичность, материально-идеальный характер человеческого языка с привлечением системного метода, рассмотрены признаки устройства, функционирования и эволюции (см., к примеру, работы Н.Н. Альбекова, И.В. Арнольд, Э. Бенвениста, И.А. Бодуэна де Куртенэ, Л.М. Васильева, И.А. Герман, Э. Даля, В.Н. Денисенко, А.В. Карпова, А.Е. Кибрика, Э. Косериу, Э.В. Кузнецова, А. Мартине, Г.П. Мельникова, А.А. Реформатского, А.И. Смирницкого, В.М. Солнцева, Ф. де Соссюра, Т. Хонкела, В.Н. Ярцевой). Наиболее распространённой аспектной моделью языковой системы в рамках осознанно системного подхода стала структурная.

2. Многоплановость и необозримость естественного языка, а также приверженность к тому или иному направлению приводили к разночтениям в интерпретации базовых понятий при построении системных лингвистических моделей, к неравнообъёмному отражению системных характеристик в дефинициях языка (насчитывается от 22 до 52 вариантов определений). По-разному интерпретировались понятия «система», «структура», «функция», разнообразные мнения высказывались о соотношении идеального и материального в языке (ср. концепции В. фон Гумбольдта, Ф. де Соссюра и В.М. Солнцева), о количестве его функций (от 1 до 6), основных единиц и уровней (ср., скажем, теории Т.В. Булыгиной, В.А. Звегинцева, Л.М. Васильева, Э. Бенвениста, С. Лэма и Ж. Вандриеса). В настоящее время более или менее общей является

трактовка языка как *семиотической функциональной системы, служащей для передачи и хранения информации в обществе и имеющей в своём составе иерархию подсистем*. В аспекте же материального / идеального начал в данном исследовании была принята трактовка В.М. Солнцева, согласно которой язык определяется как *вторичная материальная система, ориентирующая свою материальную субстанцию на информационные процессы и, таким образом, на кодирование семантической (идеальной) информации*.

3. Членимость языковой системы на однородные и разнородные элементы представляет её характеристику, выделенную на наиболее архаичной, элементарной ступени постижения системности. Дискретность проявляется в разложении композиционных единиц на составляющие, а знаковых единиц – на материальную и идеальную стороны их сущности. С конца XIX века в набор языковых единиц лингвистического описания включается фонема, морфема и слово (лексема) как центральная единица, номинативный знак, тесно связанный с другими уровнями.

4. В числе основных системных свойств языковых единиц, по итогам проведённого обзора, фигурируют *членимость и функционирование в цепи единиц, участие в выражении смысла, воспроизводимость, наличие иерархических, парадигматических и синтагматических связей, неделимость в пределах своего уровня, наличие, как и у других систем, системоприобретённых и системообразующих признаков*. Различные единицы проявляют эти свойства по-разному, в зависимости от уровня языковой структуры и условий функционирования.

5. По мере совершенствования структурной методологии в лингвистике были выявлены и описаны внутренние и внешние связи языковых единиц. Со стороны внутренних связей в русле структурализма XX века установлены парадигматические и синтагматические, значимостные и позиционные характеристики элементов, участвующие в их дифференциации и нейтрализации, образовании и модификациях. В конце XX-XXI вв., вследствие обращения к проблеме «система-среда», исследовательский ракурс смещается на внешние

связи языка как антропоцентричного образования с окружающими его надсистемами.

6. В настоящее время лингвистика располагает различными концепциями о соотношении системы и структуры, структуры и состава, а также устройства языковой системы в связи с её субстанцией, синхронией и диахронией (ср. концепции различных школ структурализма, структурной и целносистемной типологии, младограмматизма, структурализма и антропоцентрической лингвистики). По мере оформления системного подхода с середины XX века возникает тенденция к более последовательному разграничению терминов «система» и «структура», при этом системность всё отчётливее осознаётся не только в синхроническом, но и в диахроническом плане.

7. Среди моделей языкового устройства господствуют *иерархическая* и *полевая*. Первая из них, выделяемая на базе иерархических отношений, включает в себя сравнительно автономные подсистемы уровней с относительно однородными в функциональном отношении элементами, конституирующими вышестоящие единицы, которые служат «сферой» функционирования нижестоящих. При этом языковая реальность характеризуется наличием межуровневых структурно-функциональных переходов, вследствие чего более адекватной представляется полевая модель устройства языка, получившая активную разработку в трудах В.Г. Адмони, А.В. Бондарко, Г.С. Щура, Р.М. Гайсиной, В.Н. Денисенко и нек. других исследователей. В её современном прочтении такая модель допускает группировку разноуровневых в традиционном понимании языковых единиц, обладающих различным статусом, более и менее центральным, относительно некоторой функциональной задачи.

8. Закономерное детерминирующее влияние на характеристики состава и структуры языка оказывает её предназначение, что имплицитно собой конструктивные определения системы. *Именно функция*, по мнению Г.П. Мельникова, *выступает детерминантой языковой системы в данном социуме*, играя определяющую роль в установлении типологических черт языков мира. Эта справедливая точка зрения может быть дополнена идеей Б.А. Серебренникова о

неполной предсказуемости языковых явлений внутренними законами под влиянием общественной жизни, что в системологической интерпретации звучит как *нелинейность, стохастичность* языкового функционирования под влияние субъективного фактора среды. В наше время, принимая функциональный подход, исследователи говорят о взаимной согласованности состава, структуры и функций языка на уровне отдельных частей и целой системы.

9. По поводу набора, статуса и наименований языковых функций в наше время нет единства мнений. *Монофункционалисты* (Н.И. Жинкин, Р.В. Пазухин, Л. Блумфильд) в качестве базовой выдвигают коммуникативную функцию, полагая большинство других её вариантами; *полифункционалисты* склонны считать их самостоятельными функциями, относя к сфере собственно языка или речи. Соответственно, различаются моно-, би- и полифункциональные модели языковой системы, однако наиболее распространённой в науке о языке является полифункциональная трактовка её объекта. Функционально специфические признаки языка как знаковой системы представляют её универсальность, способность к широкому комбинированию элементов, асимметрия двух сторон языкового знака, историческая устойчивость связи между экспонентом и содержанием и вместе с тем полезное сочетание стабильности и динамичности частей. Отметим также материальную и структурную избыточность, которая создаёт восполняющие возможности, повышает тем самым гомеостатичность естественного языка, позволяя ему оптимально функционировать в роли средства когниции и коммуникации.

10. С осмыслением коммуникативной природы языка сопряжена принципиальная для лингвистики дихотомия языковых и речевых образований, предусмотренная ещё структуралистами в поиске постоянного и устойчивого. Исторически лингвистика шла от кардинального противопоставления этих феноменов явлений по линиям «социальное – индивидуальное», «существенное – побочное», «системное – асистемное», «пассивное-активное» к явному или интуитивному признанию их органической взаимосвязи. Было осознано, что оба явления по-своему системны и диалектически соотносятся как общее и отдельное.

11. В сравнении со свойствами строения целостность языковой системы получила в науке меньшую разработку. В числе ранних идей о языковой интегративности находятся представления В. фон Гумбольдта, который, рассматривая соотношение части и целого, на материале языка отмечал их взаимозависимость, кооперативность, так что часть, по утверждению мыслителя, хотя и зависит от целого, но одновременно служит опорой для него. В XX веке, в частности, представителями Пражской, Московской лингвистических школ, было постулировано единство фонетической, лексической и грамматической подсистем как в синхронии, так и в диахронии, что стало одним из базовых положений типологического изучения языков. При анализе смыслового согласования комплексных знаков на смысловую целостность последовательно указывают композиционная семантика и её идейные предшественники (Е. Гродзинский, М. Бирвиш, С. Джонс, Ю.Д. Апресян, Н.Г. Комлев, И.А. Стернин, З.А. Харитончик), а невыводимость их формальных / смысловых актуализаций из суммы присущих аспектов подчёркивает сегодня лингвистика конструкций (А. Голдберг, С. Грис, А. Стефанович, Е.В. Рахилина, В.Ю. Меликян, Ч. Филлмор).

12. *Эмерджентность* композиционной единицы, как появление у неё нового качества, не свойственного её составляющим, впервые явно представлена в трудах Э. Бенвениста (ср. появление знаковости при сочетании не знаковых единиц, предикативности – в соединении непредикативных словоформ). Отмеченное свойство реализуется в формальных, смысловых, функциональных аспектах и неодинаково присуще разным участкам языковой системы. Как считается, эмерджентные качества зачастую рождаются в речи под влиянием как внутри-, так и внеязыковых факторов: относительной автономностью разноуровневых единиц, комплексным влиянием на язык социокультурных и когнитивных сторон коммуникации, а также главенством целого над частью в ходе самоорганизации (Н.Н. Альбеков).

13. Расширение круга системных свойств объекта, находящихся в поле внимания лингвистов, связано с установившимся в науке о языке приоритетом объяснительного анализа, а также преодолением ограничений, характерных для

автономных аспектных моделей языка. В такого рода модели вводится антропоцентрический компонент, в результате чего естественный язык начинает осмысливаться как элемент сверхсложного антропометрического комплекса, как *открытая естественная динамическая сложная идеально-материальная система, занимающая промежуточное положение между жёсткими и мягкими системами, которая адаптируется к задачам человеческой когниции, а через неё – к широкому социокультурному контексту.*

Вследствие свершившихся новаций помимо *внутрифункциональных*, складываются *внешнефункциональные* концепции языкового феномена. Возникают стыковые научные отрасли, исследующие человеческий язык в сопряжении с различными компонентами его многомерной среды (когницией, нейрофизиологией, культурой и историей народа). Выход в среду, безусловно, дополняет и углубляет понимание природы языка, развивающееся от субстанционального (атомистического, элементарного) научного взгляда черед структурный к собственно системному.

14. Когнитивное описание языка предусматривает его системную функцию *в предназначении служить инструментом концептуализации и категоризации, средством структурирования сознания, вовлечённого в приобретение, организацию, хранение и использование знаний.* В этом отношении предстаёт очевидной обоюдная связь языка и речи с когнитивной средой и информационными процессами, что делает закономерной регулярную обусловленность ею свойств языкового строения.

15. Итоги проведённого анализа теоретико-методологической базы лингвокогнитологии в интересующем нас аспекте убедительно указывают на согласованность исходных установок когнитивного подхода с рядом фундаментальных принципов существования систем. Как следствие, базовые ориентиры лингвокогнитивного исследования дают более реалистичную и полную картину организованной сложности языка, и это указывает на особую общелингвистическую ценность лингвокогнитологии.

Достоинство когнитивной лингвистики, таким образом, заключается также и в том, что, реализуя структурно-функционально-целевой подход, эта область знания весьма адекватна системной природе языка и оптимальна для его анализа как системы. Когнитивизм в языкознании создаёт условия для более полноценного охвата различных, в том числе глубинных, аспектов системно-языковой онтологии. В формате единой теории мыслительно-языкового взаимодействия, разрабатываемой сегодня, он даёт почувствовать органичные системные связи, казалось бы, разрозненных фактов языковой антропоцентричности, становление и актуализация которых происходит в неразрывной связи с когницией. Такая специфика лингвокогнитологии вполне отвечает историческому движению научного знания по спирали, с анализом уже известных проблем и аспектов на более высоком теоретико-методологическом уровне.

В заключение отметим, что внедрение в анализ общеметодологических достижений и универсального метаязыка теории систем способно повысить степень логичности и объективности исследований языковой когниции. Подобный подход обладает продуктивностью для выработки новых теоретических программ и методов анализа «синхронной работы» мыслительной и языковой систем, что является необходимым для самодостаточной отрасли науки. Моделирование фактов языка как открытой системы на общем основании – в соотнесённости с процессами концептуализации и категоризации мира – обеспечивает причинное понимание процессов и механизмов языка, позволяет выявлять главные и второстепенные его закономерности, предсказывать векторы развития, а именно эти вопросы вызывают наибольшие трудности при изучении системных объектов. Освещение концептуализации и категоризации мира с точки зрения системных характеристик языка – задача следующих разделов нашей работы.

ГЛАВА 3. СИСТЕМНАЯ ПРИРОДА ЯЗЫКА В АСПЕКТЕ ПЕРВИЧНОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ МИРА

Данной главой открывается практический раздел нашей работы, в котором системные характеристики языка рассмотрены в свете различных аспектов его когнитивной функции. В этом, напомним, заключается специфика предпринятого нами подхода как *нового концептуально ориентированного взгляда* на системность естественного языка. В рамках предложенного раздела исследования объектом выступают свойства строения, а также интегративные параметры языковой системы. Внимание сосредоточено на участии этих параметров в первичных и вторичных процессах познания с учётом их лингвоментальной природы. В качестве характеристик строения принимается состав и структура (внешняя и внутренняя) первичных знаковых средств, кооперативность и эмерджентность подвергаются анализу как проявления языковой целостности. В опоре на теоретико-методологический базис лингвокогнитологии и с привлечением материала различных языков, преимущественно русского, показано, каким образом формируются и функционируют данные характеристики на уровне становления и закрепления первичных концептов и какие принципы существования языка как сложной адаптивной системы в основном задействованы на этом участке мыслительно-языкового взаимодействия.

3.1. К вопросу о роли языка в концептуальном членении мира

Обусловленность природы языка мыслительными задачами связана с различными этапами когнитивной деятельности, которая, согласно У. Найссеру, включает в себя приобретение (фиксацию) и формирование, организацию и использование знаний [Найссер 1981: 23]. Логика и психология познания

объясняют данный факт тем, что естественный язык входит в единую «архитектуру» с другими когнитивными способностями, обеспечивая совместно с ними успешную ориентацию человека в окружающей действительности за счёт переработки информации. Более того, в современной антропоцентрической лингвистике язык признаётся формой существования сознания человека и в этом смысле может рассматриваться как подсистема когниции, производная от сознания [Кубрякова 2012: 10; см. также Бронник 2008]. Об этом косвенно свидетельствуют и выделенные в п.1.3 группы дефиниций, характеризующие язык как антропоцентричный феномен.

Следовательно, когнитивная среда в виде тех или иных мыслительных механизмов и ментальных репрезентаций оказывается не глобальным пассивным фоном существования языковой системы, а предполагает установление активных обратных связей с этой системой на основе информационного обмена. Семантическая память с её вербальными ресурсами не является автономной от структур знания, а задаёт «направления» для их формирования и обеспечивает последующее взаимопонимание участников языкового коллектива, координацию знаний [Манаенко 2012: 25, 31], согласование их индивидуальных концептуальных систем. «Закрепляющей» формой отражения действительности в памяти человека, когнитивным коррелятом фрагментов опыта на этапе как речевого, так и доречевого осмысления служит ментальная репрезентация. При этом языковые знаки / их комбинации играют роль материальной опоры для обобщения и построения ментальных моделей, что приобретает особую значимость в условиях отсутствия перцептивного подкрепления со стороны объектов. Тем самым знаки языка выполняют символическую функцию, конвенционально активизируя массивы информации, позволяя в речемыслительной деятельности воссоздавать целостные психические репрезентации по части некоторого концепта [Бейтс 1984; Павилёнис 1983]. Представители идеалистического направления в философии полагали, что способность мыслить и действовать посредством символических форм в отрыве от наглядного опыта есть уникальное, необъяснимое свойство человеческого

духа. В сочинении «Философия символических форм» немецкий философ Эрнст Кассирер интерпретирует это свойство как то неотъемлемое качество, которым человек отличается от животного [Кассирер 2002: 40-41, 46]. Внутреннее опосредование мышления «сперва значениями, а затем словами» – важнейшая область синхронной работы языковой и мыслительной систем на основе обратных связей, среди которых преобладают положительные.

Психологи считают специфическим свойством когнитивного аппарата человека филогенетические способности человека к обобщённому и опосредованному отражению объектов действительности в сочетании с выделением бытийных связей между ними [Зимняя 2001: 160]. Эволюционно данное свойство формируется благодаря возникновению естественной знаковой системы, служащей координации трудовой деятельности коллектива, с последующим отделением, абстрагированием её кода от практической деятельности. А.Р. Лурия усматривает в этом постепенный переход от симпрактического слова как синкретичного знака, «вплетённого» в конкретную человеческую деятельность, к слову более абстрактному и развивающему системные связи с другими словами. С опорой на лексический знак неясные побуждения и волевые импульсы постепенно трансформировались в осмысленные кванты знания [Бенвенист 1974: 104], так что, в свете организующей функции языка (А.А. Потебня) он превратился в необходимое условие мышления «даже в полном уединении» [Потебня 1989: 49]. Это позволило передавать любую информацию за пределами конкретно-деятельностных ситуаций, распределяя её в линейном речевом потоке и «совершая умственные эксперименты над вещами» [Лурия 1998: 38; см. также Лурия 1998: 33, 155]. Речь стала выделяться как самостоятельная сознательная деятельность, включая в себя не только слова, но и целые высказывания.

Влияние когниции на язык в плане воздействия среды на систему находит не только эволюционное выражение, но реализуется также и синхронически, являясь системообразующим внешним фактором номинативных и коммуникативных актов постольку, поскольку они предполагают знаковую

фиксацию либо передачу мыслительного содержания, определённым образом организованного и востребованного для обсуждения. Это содержание, овнешняемое с помощью знаков языка (языковая картина мира), представляет важнейшую часть *опосредованной* картины мира [Попова, Стернин 2007а: 37]. Сам факт существования языковой картины мира базируется на отношении субстанциональной и структурной репрезентации между когницией и языком.

Содержание элементов вербализованной картины мира формируется, овнешняется и доступно участникам коммуникации через посредство языковых единиц. Поднимая вопрос о соотношении языка и мышления, а также о механизмах порождения речи представители психологической науки, а также психологического направления в лингвистике считали значение элементарным единством общения и обобщения, регулярным способом схематизации мыслимого и, соответственно, речь представляли инструментом не только выражения, но и формирования мысли с помощью языка. В этом русле А.А. Потебня подчёркивал, что «язык есть средство не выражать уже готовую мысль, а создавать её» [Потебня 1989: 130]. Наблюдениям А.А. Потебни созвучны слова Л.С. Выготского, утверждающего, что «в речи мы формулируем мысль, но, формулируя её, мы сплошь и рядом её формируем» с использованием знаков языка [Выготский 1956: 350]. С этими мыслями перекликаются выводы, полученные по итогам новейшим исследований. Так, например, установлено, что специфика грамматического строя языка оказывает влияние не только на картину мира, но и на способности выполнять конкретные когнитивные операции, что лишний раз свидетельствует о двунаправленной связи языка и когниции. Так, согласно новейшим исследованиям, носители языков с левым ветвлением (японский, аварский) лучше запоминают начальные фрагменты последовательностей, тогда как конечные фрагменты лучше сохраняются в памяти тех людей, чей родной язык – это язык с правым ветвлением (английский, русский и многие другие индоевропейские языки) [Amici 2019]. Кроме того, значительная часть опыта, как известно, приходит к человеку через язык.

Сформировавшиеся в науке положения о связи коммуникативной и мыслеформирующей, коммуникативной и номинативной функций позволили говорить о единстве языка и речи в их общей взаимосвязи с когнитивной средой [Зимняя 2001: 26]. Вместе с тем роль языка в познании не абсолютна, хотя и носит доминирующий, собственно человеческий характер: часть знаний приобретается и выражается на основе невербального мышления или с привлечением знаковых систем иной природы, то есть без обращения к ресурсам языка (ср., скажем, семиотику искусства, невербальные компоненты общения). Поэтому судить о когнитивной картине мира по языковой хотя и возможно, но в ограниченном объёме.

Обобщая вышесказанное, отметим, что, участвуя в познавательной деятельности человека, языковой феномен выступает и средством и продуктом мысли одновременно. Он целесообразно выступает как ведущее знаковое средство оформления и объективации результатов концептуализации и в этом смысле является материально-идеальной подсистемой когниции. По своей природе он отвечает всем критериям, задающим степень участия семиотической системы в познавательных процессах. По сравнению с другими системами знаков естественный язык обеспечивает хранение и трансляцию когнитивно выделенной информации на качественно более высоком уровне, служит базой для продуцирования нового знания, обладает широкой комбинаторикой и функционально-семантическим богатством, содействующими адекватной передаче мыслительного содержания [Мечковская 2007: 232]. Выступая как посредник между членами социума и спроецированной действительностью (форма «семиотического посредничества» [Кравченко 2004: 46]), язык оказывает на каждого из нас сильное воздействие, детерминируя в определённой степени интеллектуальное развитие, нашу картину мира, её составляющие и структуру.

Один из ведущих процессов познания, процесс концептуализации мира, направлен на выделение минимальных единиц организации опыта и мышления. Концептуализация действительности совершается при непосредственном участии элементов языка, которые обеспечивают формирование и закрепление концептов.

С точки зрения системологии этот факт может рассматриваться как сущностный аспект языковой системы, образующий целевую детерминанту её функционирования. Вслед за Н.Н. Болдыревым в когнитивном ключе она может быть определена следующим образом: «отражать и интерпретировать процесс и результаты познания мира и самого языка, т.е. служить... средством осмысления онтологии мира, его концептуализации...» [Болдырев 2005: 347]. Таким образом, в иерархии функций языка как лингвоментального феномена вовлечённость в процесс и механизмы концептуализации занимает первостепенное место.

В результате исходной, первичной, концептуализации складываются универсальные единицы знания – концепты, которые фиксируют в сознании новые элементы опыта [Кубрякова 2004: 319], частично вербализуются и служат впоследствии базой для образования вторичных мыслительных структур. Важную роль здесь играют аналитические механизмы человеческой когниции, содействующие ментальному членению самых разных сфер опыта, а также избирательная фокусировка внимания, позволяющая устанавливать перспективу интерпретаций и компенсировать ограниченность ресурсов человеческой памяти в познании чрезвычайно многоликой внеязыковой действительности. В данном контексте следует иметь в виду креативный характер человеческого мышления, благодаря которому мыслительное содержание упорядочивается и интерпретируется тем или иным образом. Пополнение когнитивной среды новыми элементами регулируется человеческими интенциями во взаимодействии с миром, а также совокупностью механизмов концептуализации. Процесс образования концептов базируется на максимально возможном упрощении воспринимаемой многообразной действительности до наиболее значимых прагматических характеристик. «Определяемая особенностями социально-экономического, общественного развития практическая деятельность избирательно направляет познавательную активность на значимые для этой деятельности объекты, их признаки...» [Зимняя 2001: 21]. Погружаясь в конкретный социокультурный контекст, такие реалии могут приобретать особую ценность и коммуникативную значимость, придавая языковому сознанию

этноспецифичность. Следовательно, взаимосвязь языка и культуры его носителей, как и сама возможность аккумулятивной функции естественного языка, имеет концептуальный базис.

Концепт содержит в себе комплекс всех знаний о некотором фрагменте человеческого опыта, включая итоги коллективных / индивидуальных интерпретаций этих знаний. Он вбирает в свой состав не только вербализованные, но и невербализуемые, имплицитные, а то и вовсе неосознаваемые признаки фрагментов действительности, для экспликации которых необходима специальная рефлексия носителя языка или исследователя. Со стороны когнитивной метасистемы это обусловлено комплексным, многофакторным характером познания в объективном единстве логико-когнитивного, перцептивного, аффективного и языкового опыта [Залевская 1999: 283; Ананьев 1960: 9]. Концепт, таким образом, может пониматься и функционировать как некий инвариант сознания социума, с одной стороны, и, с другой, – как единица индивидуальной психической реальности. В «Кратком словаре когнитивных терминов» он определяется как обладающая дискретностью и относительно упорядоченной структурой «оперативная... единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и... картины мира, отражённой в человеческой психике» [КСКТ 1997: 90]. Эти сущностные характеристики логично определяют широкий набор основных функций концепта в качестве ключевой единицы метасистемы. В их числе – структурирование новой информации в памяти; обеспечение мыслительных процессов; аккумуляция, хранение и передача знаний об окружающей действительности (информационной базы) для ориентации человека в мире; участие в выработке стратегий и тактик, организующих поведение человека.

3.2. Субстанциональные свойства языковой системы в свете первичной концептуализации мира

На уровне *субстанциональном* концептуально-языковые взаимосвязи вовлекают в своё действие три вида онтологических пространств: концептуальное (картина мира и существования в нём человека), семантическое (именующее элементы картины мира языковых личностей) и семиотическое (правила организации социального бытия с помощью знаков языка) [Прохоров 2005: 84]. Согласованное функционирование этих сущностей гармонизирует состояние когнитивной системы, обеспечивает её динамическое равновесие во взаимодействии с внешним миром, выступающим для неё метасистемой более высокого порядка. Как следствие, оба подхода – 1) проникновение в когнитивную природу системы языка и 2) системную сущность языковой когниции – «не может не учитывать... общие принципы и механизмы соотношения когнитивных и языковых» единиц в знаковой деятельности, закономерности распределения информации в ней «с точки зрения основных познавательных процессов» [Болдырев 2010: 17].

Языковые знаки, исконные или заимствованные, обеспечивают формирование и закрепление концепта в сознании человека. Тем самым они вносят вклад в выполнение языком не только когнитивной функции, но и аккумулятивной, столь значимой в онтогенезе человеческого сознания. В случае заимствованных слов вроде *толерантный, система, инвестиция, флешмоб, интерфейс* конституирующая для когниции функция вербальных знаков дополнительно проявляется в том, что с их помощью достигается трансфер концептуальной единицы из одной культуры в другую. Вместе с тем, в отличие от механизмов когниции, они определяют эти процессы не полностью. Языковая картина мира, семантическое пространство и отдельное значение не тождественны концептуальному плану, хотя и сопрягаются с ним обратными связями. Семантика единиц языка передаёт лишь востребованную и, что важно,

допустимую для обсуждения в рамках данного сообщества часть концепта. Природа этого явления отсылает к одной из универсальных характеристик строения систем: в реальных системах «неизмеримо чаще ...встречается *неизоморфное отражение* одного объекта другим, когда отражаемые свойства воспроизводятся не в виде слепка, полного отражения», а накладывают отпечаток свойств отражаемого, в том числе с частичным их преобразованием (курсив наш – Д.М.) [Ханадеева 2019]. Это расхождение можно наблюдать на уровне ряда лексических фактов, иллюстрирующих своего рода асимметричность «сторон» лингвоментального целого, когда наличие в сознании некоторого концепта сочетается с отсутствием его закрепляющей лексической номинации. Такое соотношение имеет место в области внутри- и межъязыковых лексических лакун, не обусловленных этнографическими реалиями: *белый* → *белизна*, *чёрный* → *чернота*, *коричневый* → \emptyset , *оранжевый* → \emptyset ; *лететь* → *летя*, *бежать* → \emptyset ; *белый* → *белить*, *злой* → *злить*, *щедрый* → \emptyset ; рус. *сдавать в багаж* – исп. *facturar*, рус. *двоюродный брат* – исп. *primo*, рус. *давать премьеру* – исп. *estrenar*, рус. *братья и сёстры* – исп. *hermanos*, рус. *имеющий весёлый глаза* – исп. *ojialegre (adj.)*, рус. *в короткой юбке* – исп. *faldicorta (adj.)*, рус. *сутки* – исп. *veinticuatro horas*, рус. *однокурсник* – исп. *compañero del mismo año*, рус. *однолюб* – исп. *el hombre que ama toda su vida a una sola mujer*. Одну из иллюстраций неполного изоморфизма между семантикой языкового знака и концептуальным содержанием находим в различиях объёмов дефиниционного минимума и психологически реального значения (ср., например, отсутствующее в толковых словарях значение ‘капельница’ у слова «система», выявленное по итогам проведённого нами САЭ). Пример подобной асимметричности даёт также феномен языкового табу, которое может привести к утрате номинации определённых сакральных реалий (ср. религиозное имя Яхве у арабов, исконные названия медведя и змеи у славян). Необходимо, кроме того, иметь в виду относительность языкового расчленения действительности. На это указывает, например, довольно распространённый феномен межъязыковых различий в означивании, казалось бы, одной и той же сферы действительности, что является одной из причин лакунарности в

лексических системах. Так, в отличие от других славянских языков в языках южнославянской группы для обозначения земляники существует родовое слово «ягода» / «јагода» и, напротив, в австралийском языке аранта наличествует множество видовых обозначений при отсутствии родового имени категории ягод. Уместно также вспомнить неравнообъёмные системы глаголов движения в русском (около 30 активных единиц) и испанском языках (около 15 широкоупотребительных глаголов). Из сказанного очевидно, что реконструировать и моделировать единицы мысли по данным языка возможно лишь в некоторой степени.

Р. Джекендофф предлагает считать исходными, основополагающими такие концепты, которые соответствуют универсальным свойствам мироздания (вещь, место, событие, свойство, состояние, количество, объём) [Jackendoff 1993: 17]. В свою очередь, Н.Н. Болдыревым выделены важнейшие аспекты реальности, в плоскости которых лежат первичные знания о мире в любой культуре и с которыми соотносятся концепты, возникающие ещё на этапе доречевого осмысления: «человек», «фауна», «флора», «артефакты», «физические характеристики объектов» [Болдырев 2013: 6].

Опора концептуального отражения мира на ресурсы языка приводит к тому, что в реальности концепт оказывается связующим звеном между механизмами речи и познавательной деятельности, между когнитивной метасистемой и семантикой её языковых «коррелятов». Языковые знаки активизируют и объективируют концепты, существующие в сознании коммуникантов. С участием ряда когнитивных механизмов содержательные и структурные компоненты концепта ложатся в основу языковых значений: их многоуровневого содержания, структуры, функционирования и развития. Узуальные лексические значения, подобно вершущке айсберга [Кубрякова 2004: 348], фиксируют в системе лишь наиболее существенную, общезначимую для данной культуры часть содержания концепта, которая усваивается по мере социализации и с которой в той или иной мере ассоциируется вся заключённая в концепте информация. Передавая из поколения в поколение это психологически яркое содержание, значения языковых

единиц задают «**границы...** означаемого концептов *сознания* каждого члена данного социума» [Манаенко 2012: 28]. На уровне антропоцентрического подхода к языку в лингвофилософии В. фон Гумбольдта это было подчёркнуто ещё в XIX веке, а в XX веке лингвоспецифичность мыслительной деятельности отмечалась Б. Уорфом, одним из авторов гипотезы лингвистической относительности, который писал: «Мы расчленяем природу в направлении, подсказанном нашим родным языком. Мы выделяем в мире явлений те или иные... типы совсем не потому, что они самоочевидны...» [Уорф 1999: 98].

Об актуальности именуемого концепта свидетельствует наличие у него лексических номинаций, хотя каждому концепту необязательно соответствует словесный знак [Бабушкин 2001: 53]. Именно слово в первую очередь соотносится с репрезентациями концепта в памяти пользователей языком и выполняет при этом целый комплекс когнитивно ориентированных функций: номинативную, абстрагирующую, информационно-накопительную, дейктическую, эмотивную, метаязыковую [Морковкин 2007: 43].

Информационная ресурсная связь языковой и концептуальной систем отражена во многих определениях термина «значение», предложенных с позиций когнитивного подхода, как-то: «понятия, связанные знаками» (М.В. Никитин) [Никитин 1996], «концепты, схваченные знаком» (Е.С. Кубрякова) [Кубрякова 1991], «когнитивные структуры, включённые в модели знания и мнения» [Болдырев 2014: 106]. Раскрывая сущность этой связи детальнее, Р.И. Павилёнис указывал на когнитивно ориентированную функцию значений языковых единиц давать возможность человеку, «манипулируя... вербальными символами, манипулировать концептами... <...> и строить новые концептуальные структуры», обусловленные не только познаваемой действительностью, но и самой концептуальной системой [Павилёнис 1983: 113-114]. Системологическая интерпретация этого положения позволяет заключить, что семантическая сторона языка предстаёт в качестве сигнатуры языковой системы, то есть в роли той её части, которая наиболее тесно взаимодействует со средой (в данном случае когнитивной), а через её посредство, – со всем умопостигаемым миром. «Язык

через значение выходит в мир», так что в фигуральном смысле «значение – это тропинка, которая соединяет язык с внеязыковой реальностью» [Пятаева 2004: 53].

Адаптация характеристик строения языка и, в частности, субстанциональных характеристик к его предназначению служить концептуализации опыта отвечает системному *принципу качества*. Напомним, что к свойствам строения причисляются конститутивные характеристики его *состава (субстанции)* и структуры, которые, в приложении к феномену языка, связаны между собой и в то же время ориентированы на свойства ментальной среды. Эта ориентация воплощается не только на уровне означивания концептов или активации мыслительного содержания с помощью знаковых единиц (репрезентативный аспект языка [Болдырев 2013: 6]). Она выражается также и в том, что признаки состава и структуры языковой системы демонстрируют определённую степень организации (семиотический аспект языка [там же]), которая рождается как адаптивный «отклик» языковой системы на когнитивные потребности пользователя и поддерживает её гомеостатичное функционирование как лингвоментального феномена.

Одно из условий системной организации состоит в существовании определённого круга *ограничений на разнообразие элементов и их состояний* в языковой системе. Возможность этих ограничений обеспечивается когнитивными и языковыми механизмами работы с поступающей информацией или с уже имеющимися знаниями. И если способность формировать концептуальные репрезентации, творчески использовать мыслительные стратегии присуща говорящим как общечеловеческое свойство психики, то конкретное наполнение мыслительных единиц, а также способы их вербализации более субъективны и отражают социокультурный личностный опыт носителя языка.

Креативность человеческого мышления, сопровождающая концептуализацию мира, представляет один из важнейших когнитивных факторов организации, поскольку лежит в основе отбора и конструирования смысла языковых единиц сообразно ситуации общения, выбранной когнитивной опоре и

структурирующей схеме «упаковки» знаний. Осуществляя жизнедеятельность в окружающей среде, человек-интерпретатор активно воспринимает и продуцирует информацию под влиянием собственных, физических, социально-психологических, и ситуативных параметров речемыслительной деятельности. Каждый акт восприятия есть акт применения соответствующей схемы, ведущий к отражению в сознании определённых аспектов среды [Найссер 1981: 35]. Как утверждает принятый в когнитологии субъективистский подход к значению, говорящий, в соответствии с избранной когнитивной схемой, «сознательно осуществляет выбор языковых средств для описания той или иной ситуации» и «формирует смыслы, а не воспроизводит их в готовом виде» [Болдырев 2014: 26]. Выборочная (селективная) концептуализация действительности в языке / речи подчиняется психофизиологическим возможностям и прагматическим мотивам говорящего, выступающего в роли интерпретатора ситуации и, одновременно, в роли участника определённого лингвокультурного сообщества.

В основе прагматических мотивов познания лежит *детерминанта когнитивной метасистемы*, организующая семантическое пространство в соответствии с системным принципом качества. Она определяет собой интенциональный аспект познавательной деятельности и, как следствие, регулирует конкретные установки, способы и результаты репрезентации мира в языке, концентрирует и упорядочивает его элементы вокруг наиболее глобальных форм общественного сознания: мифологии, философии, искусства, религии, собственно науки и повседневного обихода (о формах общественного сознания в языке см. работу [Пятаева 2004]). Каждой из них присущи доминирующие типы мышления: наглядно-действенный, наглядно-образный и логический; практический и теоретический; творческий и репродуктивный [Маклаков 2001]; вербальный и невербальный [Серебренников 1988: 191-196], обеспечивающие целесообразную для них выборку и конфигурацию знаний. Эти наиболее общие способы умственного постижения мира специфичны в плане концептосферы и, следовательно, актуальной для них картины мира: мифологической, мировоззренческой, художественной, религиозной, научной и бытовой (наивной).

Так, различная степень умственного проникновения в сущность явлений лежит в основе разграничения обыденной и научно адаптированной семантики слова, соотносимого с выделенной А.А. Потебнёй оппозицией ближайшего и дальнейшего значений. Если в не терминологическом, обиходном употреблении семантический объём слова ориентирован, скорее, на стихийный опыт взаимодействия с миром и на весь коллектив пользователей языком, то термин подчиняется рациональной детерминанте освоения действительности, назначение которой – «освещать... мнимый хаос и открывать в нем стройность, порядок, систематичность, причинную связь» [Бодуэн де Куртенэ 1963: 96]. Поэтому в языке профессиональной коммуникации он фиксирует все стороны денотата, признанные релевантными в данной области знания. Закономерно, что дефиниции научных понятий, как правило, более детализированы, развёрнуты и стремятся к унификации и выполнены на высоком уровне абстракции. На этом основании сформулированы требования полноты, а также моносемичности содержания терминов в языке профессиональной коммуникации. Например, в одном из современных толковых словарей лексема «звезда» определяется соотносительно с Солнцем как типичным прототипом, предложено следующее толкование, передающее не более 5 отличительных сторон объекта: ‘1. *Небесное* тело, по своей природе *сходное с Солнцем*, вследствие *огромной отдалённости* видимое с *Земли как светящаяся точка на ночном небе*’ [Ефремова 2000]. Несомненно богаче в этом плане сущностное определение звезды, представленное в словаре астрономических терминов и подробнее передающее физические и химические свойства объекта: ‘гравитационно-связанная и пространственно-обособленная масса вещества во Вселенной, в которой на некотором интервале времени происходят термоядерные реакции синтеза химических элементов’ [Словарь астрономических терминов]. Кроме того, обыденная единица, в отличие от узкоспециальной, характеризуется лексической омонимией и многозначностью, относящейся, однако, уже ко вторичной концептуализации: «II ж. 1. Геометрическая фигура с остроконечными выступами, равномерно расположенными по окружности. || Предмет в форме такой фигуры. 2. Воинский

значок такой формы, носимый на форменном головном уборе. || Знак отличия, орден, имеющий такую форму. III ж. разг. Морское беспозвоночное животное типа иглокожих с ярко окрашенным телом, напоминающим такую фигуру; морская звезда. IV м. и ж. разг. Тот, кто прославился в области какой-либо деятельности и пользуется широкой популярностью; знаменитость (в искусстве, литературе, спорте и т.п.). V ж. разг. Светлое пятно на лбу лошади, коровы и т.п.» [Ефремова 2000]. Для сравнения можно привести также описания фундаментального для нашей работы понятия, понятия системы, в толковых словарях и научных трудах разных лет. Общенаучный инвариант (конструкт) возможных дефиниций представлен в виде дескриптивных или конструктивных истолкований системы (см. параграф 1.3. нашей работы), фиксирует признаки, маркирующие системность объекта, и сформулирован на наивысшем уровне абстракции: «“целое”, состоящее из взаимодействующих “компонентов”», находящихся в тех или иных отношениях между собой и со средой [Берталанфи 1969: 61]; «не всякая совокупность элементов, а лишь такое образование, в котором все элементы настолько тесно связаны, что данное образование противостоит внешним телам как нечто единое» [Мелюхин 2010: 247]; «конечное множество функциональных элементов и отношений между ними, выделенное из среды в соответствии с определённой целью в рамках определённого временного интервала [Сагатовский 1973: 13-14]; «такой комплекс избирательно вовлеченных компонентов, у которых взаимодействие и взаимоотношение приобретают характер взаимодействия компонентов на получение фокусированного полезного результата» [Анохин 1973]. Проникнув в наивную картину мира как номинация важнейшего свойства мироздания, этот исходный инвариант сокращает объём значимых признаков, испытывая воздействие обиходной детерминанты. Кроме того, уже на уровне вторичного познания он начинает прилагаться к самым разным материальным и не материальным объектам, обладающим несколькими прототипическими характеристиками инварианта вплоть до неформальных общественных движений, бытовых планов и регулярного распорядка. Вследствие этого за пределами специального общения

активно развивается многозначность лексемы, что одновременно указывает на актуальность концепта и его вовлечённость в дальнейшие когнитивные процессы. В результате слово «система», по данным толковых словарей, насчитывает 13 лексико-семантических вариантов и, согласно сводным дефинициям, может получить следующее описание (в одну структуру сведены определения, предложенные в Малом и большом академических словарях, толковых словарях С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой; под редакцией Т.Ф. Ефремовой и Г.Н. Складневской):

1. ‘Множество взаимосвязанных элементов (предметов, явлений, взглядов, принципов, знаний и т.д.), образующих некоторую целостность, единство на основе общего признака, назначения’.

2. ‘Порядок, обусловленный правильным расположением чего-л. в определённой взаимосвязи’.

// ‘Продуманный план’.

3. ‘Принятый, установленный порядок в отношении некоторого круга явлений, отношений’.

4. ‘Устройство, структура, представляющая собой единство взаимосвязанных, закономерно расположенных и совместно функционирующих частей’.

5. ‘Форма организации, устройства чего-л. (хозяйственных, государственных, политических, общественных и т.п. единиц)’.

6. ‘Форма общественного устройства, общественный строй, формация’.

7. ‘Совокупность хозяйственных, государственных единиц, родственных по задачам и объединённых организационно’.

8. ‘Сложное техническое или электронное устройство, состоящее из механизмов, действующих согласованно’.

// ‘Тип, марка, конструкция каких-либо машин, сооружений’.

9. ‘Совокупность принципов, служащих основанием какого-либо учения, мировоззрения’.

// ‘Совокупность методов, приёмов, правил осуществления чего-л.’.

10. 'Неформальное молодёжное объединение, движение'.
11. 'Операционная система'.
12. 'То, что стало нормальным, обычным, регулярным распорядком (разг.)'.
13. 'Совокупность элементов, объединённых по общему признаку; классификация, группировка' [Миронова 2019: 122-123].

Креативный подход речемыслительной деятельности к отбору и организации концептов явно манифестирует актуализация одного и того же концепта в разных дискурсивных типах. В этом утверждении мы придерживаемся понимания дискурса, согласно которому данный феномен выступает как социальный шаблон коммуникации со своими приоритетами относительно доминирующего типа ментальности, относительно фрагментов картины мира и реализуемых прагматических установок. В современной дискурсологии аксиоматичен тот факт, что интенциональный компонент дискурса задаёт особенности языковой концептуализации обсуждаемого фрагмента мира. Это чётко выявляется не только при сопоставлении обыденного употребления его номинантов с научным, но и, например, с экспликацией некоторого концепта в религиозном дискурсе. Весьма показательное для нас исследование в этом отношении было предпринято М.С. Берендеевой, рассмотревшей особенности религиозной языковой картины мира на материале объективации концептов ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ, МОЛИТВА И ПОДВИГ. Исследование показало, что угасание религиозной детерминанты, ведущая к десакрализации представлений, вызывает изменение состава и перераспределение ядерных и периферийных концептуальных признаков исходного знания, т.е. изменение их структуры. Так, в ядре догматической картины мира, основанной на представлениях Московского Патриархата, ядерным, например, для концепта МОЛИТВА является признак 'общение, единение с Богом', более периферийным – 'просьба-мольба, обращённая к Богу или святым'; в рамках не догматической картины мира верующих прихожан признак 'просьба-мольба к Богу или святым' занимает ядерное положение, а в приядерной зоне появляется признак 'обрядовый элемент'. В свою очередь, наивное сознание, сохраняя в ядре элемент 'просьба-

мольба к Богу или святым' допускает мысленное приложение этого концепта к просьбе, адресованной человеку [Берендеева 2015: 169-170]: *Перед тем как покинуть секретаршу, я решил предпринять последнюю отчаянную попытку: – Я, знаете, я... – глазами, полными мольбы и унижения, смотрю на секретаршу)* [НКРЯ]. Аналогичный процесс имеет место в случае с концептом ПОДВИГ: в его ядро входит представление об искупительном подвиге Христа, ближе к периферии находится компонент 'подвижничество как аскетический христианский подвиг', который в религиозной картине мира прихожан, наряду с 'подвигом во имя родины', начинает занимать ядерное положение; на уровне обыденной сферы в ядре оказываются по сути не первичные, исходные для концепта, а вторично приобретённые характеристики 'подвиг во имя Родины', 'военный подвиг'. К периферийным автор относит, в частности, представления о трудовом или военном подвиге [Берендеева 2015: 173-174].

Влияние когнитивной детерминанты на лексическую концептуализацию прослеживается и со стороны семантической истории слов, что может быть связано с развитием уровня абстракции его носителей. Скажем, на сегодняшний день психологически наиболее яркое значение глагола «бить», одного из древнейших в русском языке, представляет генерализованная семантика физического воздействия посредством нанесения ударов 'Ударять, колотить' [Кузнецов 2000]. Однако исконное значение глагола детерминировалось более конкретным, практико-ориентированным характером мышления. Соответственно, индоевропейская праформа *bheia- и общеславянское *biti через специализированные «значения» синкретично именовали совершенно определённые ситуации деструктивного воздействия в зависимости от поставленной цели, а именно ситуации умерщвления живого существа; причинения ему физической боли; деформации/разрушения твёрдого неживого объекта [Миронова 2017: 31]. При этом когнитивная антропоцентричность реализуется здесь в признании исходной точкой отсчёта действия человека, хотя, по заключению Г.И. Кустовой, человек приспособил удар для достижения своих

целей, лишь «...действуя по аналогии с природными процессами» [Кустова 2005: 65].

Каждая из существующих картин мира соотносится с определённым кругом передающих её языковых репрезентантов, которые, сосуществуя в рамках одного национального языка, обеспечивают множественность конструирования, картирования мира [Дзюба 2015: 17] и тем самым демонстрируют благоприятную для системы функциональную совместимость элементов. В когнитивном аспекте они согласованы также и в том, что совместно выражают комплексный характер концептуализации мира. Так, форматы знания, различные по содержанию, а также по степени абстракции коррелируют с этапами «последовательно углубляющегося процесса познания: от чувственного восприятия, на основе которого формируется *конкретно-чувственный образ* предмета или явления» (ср. в онтогенезе конкретный образ близкого человека при актуальном восприятии), «через промежуточные этапы обобщения чувственных образов в форматах *представлений* и *схем*» (ср. обобщённый образ родственника вне ситуации непосредственного восприятия) «к “освобождённому” от второстепенных признаков *понятию*» (ср. освоение существенных признаков родства в опоре на лексические знаки) и, на его основе, к более сложным концептуальным структурам, интегрирующим несколько понятий [Кудрина 2009: 347] (ср. формирование в картине мира подсистемы концептов близких людей). Каждый этап познания коррелирует с определённым видом когнитивной деятельности, или уровнем концептуализации. Для первичного освоения мира речь идёт об эмпирическом, аффективном и перцептивно-образном познании на начальном этапе и, на более поздней ступени, о логико-понятийном постижении действительности при осмыслении объекта [Магировская 2009: 79; см. также Лурия 1998; Сеченов 2014]. Это находит выражение в существовании двух уровней вербализованного концепта: бытийного, основанного на предметно-практическом мышлении, и рефлексивного, основанного на теоретическом знании [Попова, Стернин 2010: 195]). В филогенезе выделение рационального этапа языковой концептуализации стало возможно с развитием у слова общей

предметной отнесённости в отвлечении его от конкретной трудовой деятельности человека (ср. упомянутый выше переход слова от симпрактической к абстрактной единице).

Отмеченные антропометрические факторы в сочетании с объективным многообразием онтологии мира создают неоднородность процессов концептуализации по их «направленности, степени обобщения, объёму получаемых знаний, и, соответственно... результатам, а также по тем когнитивным и языковым механизмам, которые задействованы в этих процессах» [там же: 69]. Мы получаем концепты разной сложности и абстракции, сформированные дополняющими друг друга способами [там же: 39].

Это субъективно-объективное разнообразие служит предметом внимания одного из направлений лингвоконцептологии с целью выработки критериев, на основании которых могла бы производиться естественная классификация вербализованных мыслительных единиц по различным сторонам их онтологии. В актуальном состоянии этих разработок выделенные классификационные основания могут быть условно сведены в две обширные взаимосвязанные группы критериев, по которым может быть охарактеризован один и тот же концепт. Первая группа ориентирована на более статичные свойства концепта, присущие ему имманентно как уже сложившейся мыслительной единице. Вторая группа акцентирует различные характеристики функционирования концепта в речемыслительной деятельности представителей данной культуры, то есть включает признаки, выявляемые в динамике его бытования. В рамках первой группировки существенны такие аспекты концептуальных единиц, как *уровень абстрактности содержания* (передающие конкретные натурфакты и артефакты: ДЕРЕВО, КОЛЛЕКТИВ, СВЕЧА или ментефакты: ВЕРА, МАТЕРИЯ, СПРАВЕДЛИВОСТЬ), *наиболее или наименее значимый статус в культуре народа* (например, универсальные: ПРОСТРАНСТВО, СЕМЬЯ, СВОЙ – ЧУЖОЙ и групповые: ПОДВИЖНИЧЕСТВО, КОМПОНЕНТНЫЙ АНАЛИЗ, ИНВЕСТИЦИИ; образы: МАТЬ, РУСЬ, идеи: ГЛАСНОСТЬ, ЛИБЕРАЛИЗМ, символы: МИРОВОЕ ДРЕВО, БАБОЧКА, БЕРЁЗА), *происхождение в данном*

языковом сообществе (исконные: КНЯЗЬ, СОБОРНОСТЬ, ГОСТЕПРИИМСТВО, МАСЛЕНИЦА для русской культуры и заимствованные: ТОЛЕРАНТНОСТЬ, ИМИДЖ, ПРЕЗИДЕНТ, ХЭЛЛОУИН), эмпирические: ВОДА, УНИВЕРСИТЕТ, ЗЕМЛЯ и рефлексивные: ВЗАИМОВЫРУЧКА, КОНЦЕПЦИЯ, ЭФФЕКТИВНОСТЬ). К этой же группе когнитивных аспектов примыкают *отображаемая сфера действительности* (фундаментальные свойства онтологии: ПРОСТРАНСТВО, ВРЕМЯ, СВОЙСТВО, СИСТЕМНОСТЬ, ЧИСЛО; природа: ЛЕС, ВОДА, ОГОНЬ, СНЕГ, ПОГОДА; артефакты: ДОМ, КОМПЬЮТЕР, ИКЕБАНА, ПОСУДА, АВТОМОБИЛЬ; социальные отношения: ЛЮБОВЬ, СВОБОДА, ДРУЖБА, ВОЙНА, БРАТСТВО; эмоции: СЧАСТЬЕ, ЛЮБОВЬ, УДИВЛЕНИЕ, ПЕЧАЛЬ, СТЫД; искусство: ЛИТЕРАТУРЫ, ЖИВОПИСЬ, МУЗЫКА, ТАНЕЦ, ГАРМОНИЯ; наука: (ФИЛОЛОГИЯ, МОНОГРАФИЯ, НАУЧНАЯ ШКОЛА, МЕТОД, М.В. ЛОМОНОСОВ) и нек. другие [см., к примеру, Маслова 2004]; *передаваемый формат знания* (простые (конкретные образы, представления, схемы: ЮГО-ЗАПАДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ, ПОДРУГА ЭЛЬВИРА, ТРЕУГОЛЬНИК, ЯЧЕЙКА); понятия: ЗДАНИЕ, МОРФЕМА, СПРАВЕДЛИВОСТЬ) и сложные (гештальты: СТОЛ, МАЛИНОВКА, КОЛОКОЛ; пропозиции, фреймы, сценарии: УНИВЕРСИТЕТ, ЧТЕНИЕ КНИГИ, ПУТЕШЕСТВИЕ; категории: УЧАЩИЙСЯ, МЕБЕЛЬ, РОДСТВЕНИКИ; матрицы: СИСТЕМА, КУЛЬТУРА, СТИЛЬ [о форматах знания см. Болдырев 2014]).

Другую группу представляют критерии, позволяющие, скажем, описать концепт с точки зрения *принадлежности индивидуальному или коллективному субъекту, наличия / отсутствия регулярной вербализации, типичной дискурсивной сферы (или сфер) функционирования*.

Благодаря чувствительности системы языка ко всем этим факторам (ср. *принцип многофакторности* в лингвокогнитологии) обеспечивается оптимальное, регулируемое разнообразие состава естественного языка, что в свете теории систем, безусловно, способствует его гибкости и функциональной устойчивости. Известно, что в языках мира наличествует множество альтернативных средств

умственного членения и обозначения некоторого фрагмента опыта, важность которого в культуре носителей прямо пропорционально числу таких средств. Гетерогенность языковых единиц с точки зрения передачи концептуального содержания отвечает *постулату о специализации компонентов системы* постольку, поскольку в едином номинативном поле репрезентанты концепта, лексико-фразеологические, грамматические, словообразовательные единицы, «овнешняют» разнообразные «границы» содержания концепта и осуществляют это с различной степенью полноты (от частицы понятия до концептуальных структур), распределяя информацию зачастую неодинаковым образом. Какие-то концептуальные характеристики затушёвываются, иные – акцентируются, за счёт чего языковые выражения, в которых один и тот же фрагмент опыта манифестирован неодинаково, оказываются семантически не эквивалентными. Дифференциация знаковых единиц, объективирующих один и тот же концепт, организует ресурсы языка, ограничивая их смысловые задачи. Каждой единице, узальной или окказиональной, в системе отводится своё место, что предстаёт как частная иллюстрация *взаимной дополнительности (кооперативности)* элементов внутри системы на материале естественного языка, которая детальнее рассматривается в п. 3.4. Проиллюстрируем сказанное на примере концепта КОЛИЧЕСТВО. Данный концепт передаёт фундаментальное качество действительности, осмысливается в проекции на разные сферы опыта и объективируется в русском языке единицами разной природы: *количество, число, огонь / искра, большой / малый, высокий / низкий, крупный / мелкий, лёгкий / тяжёлый, книжн. великий / разг. малая толика, разг.-сниж. амбал / карлик* [Ефремова 2000], *народ – народы, один, два, три... сколько угодно, от мала до велика, очень (добрый)*. Как следствие, избыточно дублетные номинанты концепта, по *закону отсутствия лишнего*, устраняются из системы или приобретают семантическое либо стилистическое своеобразие. В синонимической парадигматике это хорошо иллюстрирует известная в истории русского языка системная конкуренция южнославянизмов и русизмов, когда в ряде случаев первые были вытеснены восточнославянскими параллелями (*корова* вместо *крава*,

молот вместо *млат*, *мрак* вместо *морок*) или наоборот (ср. *шлем* вместо *шелом*, *благо* вместо *болого*, *время* вместо *веремья*). В других случаях устранение непродуктивной избыточности основывалось на языковых механизмах постепенной семантической дифференциации или развития у слова стилистической «маркировки» (ср. ЛЗС «порох» и «прах», «сторона» и «страна», «здоровый» и «здравый», «буква» и «литера»; «берег» – нар.-поэт. «брег», «золото» – трад.-поэт. «злато», «голос» – устар. «глас»). Подобные процессы затрагивают не только пары исконных и заимствованных дублетов, но и единицы одного этимологического гнезда, к каким, например, относятся «стлать» и «стелить» (псл.**steljo*, **stȕlati* ‘накладывать, упаковывать, расстилать’ [Фасмер 1987]). На фоне совпадения их исконной семантики лексеме «стелить» присуща, скорее, разговорная окраска: СТЕЛИТЬ... (св. постелить). что. Разг. = Стлать [Кузнецов 2000], однако, по данным НКРЯ, сегодня этот вариант проникает и в иные сферы коммуникации, практически вытеснив инфинитив «стлать». Отметим, что такого рода оптимизация парадигм касается исторически родственных имён не только первичных, но и вторичных концептов, поименованных, например, производными словами. Так, вследствие системной дифференциации в истории латинского языка семантически разошлись полные и синкопированные фонетические варианты слова: *facilis* (‘лёгкий, нетрудный’) → *facilitas* (1. ‘лёгкость’) / *facultas* (1. ‘возможность, удобный случай’), *providere* (1. ‘увидеть раньше’, 2. ‘предвидеть’) → *providens* (2. ‘предусмотрительный’) / *prudens* (1. ‘сознательный’) [Тронский 2001: 94; Дворецкий 1976: 411, 413, 829, 830].

Упомянутая выше возможность альтернативного представления концепта в языке на основе *положительной обратной связи* с концептуальной средой выступает одной из предпосылок *сложности* языковой системы. Одновременно с точки зрения функциональной эффективности это позволяет говорящему достигать относительно сходный смысловой результат, используя различные языковые формы (синонимы, перифразы и аллегории, вариантные образования), а

значит, наделяет язык в действии системным качеством эквивинальности [Кубрякова 1991: 59].

Организация элементов языка относительно концептуальной среды имеет своё выражение и на уровне разграничения значения и смысла, виртуального и актуального значений [Кобозева 2009: 55]. Первое базируется на тематических концептах – ментальных репрезентациях фрагментов опыта из разных областей жизнедеятельности. По утверждению Н.Н. Болдырева, за такими концептами стоит более или менее фиксированный результат лингвоментального взаимодействия, абстрактный конструкт-инвариант различных употреблений, «запечатлённый» в долговременной памяти человека в виде элементов декларативного или процедурного знания. В основе речевого смысла, напротив, лежит операционный концепт [Болдырев 2014: 72-73], фиксируемый в рабочей памяти человека и сформированный непосредственно в речемыслительном акте, при актуализации языковой единицы в динамике естественной коммуникации. Содержание тематического концепта в этом случае конфигурируется с учётом актуальной коммуникативно-прагматической информации за счёт приложения определённых когнитивных механизмов. Исследователи ассоциируют соотношение этих двух типов концептов с «противопоставлением фигуры и фона (Л. Талми), профиля и основания / базы (Р. Лэнкер), ментального пространства и ментальной области (Ж. Фоконье)» [там же: 74], с разграничением уровней мыслительных репрезентаций, с одной стороны, и их дискурсивно-коммуникативной обусловленности, с другой [Зайченко 2014: 47]. Процесс «кристаллизации» смысла, таким образом, находится в соответствии с феноменом актуализации сигнатуры при функционировании открытой динамической системы. При передаче концептуального содержания на уровне конкретного речевого смысла такую сигнатуру исходно образует языковая семантика, принадлежащая номинантам актуализируемых тематических концептов.

Итак, обращение к базовым установкам лингвокогнитологии, подтверждённым на конкретном материале, показало, что участие вербальных знаков в образовании и закреплении первичных концептов является

системообразующим фактором для всего семантического пространства языка. Последнее, таким образом, рисуется как *сигнатура системы естественного языка*, взаимодействующая с элементами когнитивной среды наиболее тесно. Данный фактор также обуславливает ведущее положение когнитивной и аккумулятивной функций языка как полифункциональной сущности. Когнитивно детерминируемая организация его субстанциональной стороны достигается в соответствии с *принципами многофакторности и качества*, когда актуальная детерминанта когнитивной метасистемы (интенциональный аспект познавательной деятельности коммуниканта) направляет, определяет собой количество и качество ограничений на разнообразие языковых единиц в рамках той или иной формы общественного сознания и разновидности картины мира. Такие ограничения когнитивной природы во многом становятся возможными благодаря селективности внимания, а также способности человека отражать действительность с разной степенью обобщения, конструируя её в своём сознании. Регулируемое разнообразие состава естественного языка отвечает *закону специализации компонентов системы*: обеспечивая коммуникативную полноту и соответствуя креативности человеческого мышления, вербальные репрезентанты концептуальных единиц объективируют фрагменты знаний неодинаковым образом. Каждый из них предназначен фиксировать ту или иную и только прагматически существенную часть концепта, так что языковая картина мира отражает концептуальную неизоморфно. На уровне состава такая специализация наделяет языковую систему большей *сложностью*, однако и делает её более пригодной в информационном обмене и воздействии, наращивает её полезное свойство *эквивифинальности*, означающее здесь возможность, употребляя различные, в ряде случаев взаимозаменяемые, языковые средства, достигать сравнительно сходного смыслового результата. Одновременно субстанциональная специализация поддерживает *гомеостатичное* и *гибкое функционирование* языка как лингвоментального феномена.

3.3. О роли языковой структуры в первичной концептуализации действительности

Существенное влияние на организацию языковой системы оказывают не только когнитивно обусловленные ограничения состояний её элементов, но и, безусловно, *закономерный, упорядоченный характер процесса концептуализации* и его результатов в когнитивной метасистеме. По общему мнению философов и психологов [Алексеев, Панин 2005; см. также Сосновский 2019; Кошелев 2008], предпосылка *структурирования познавательных процессов* коренится в системной онтологии самого мироздания, которая предусматривает определённую связь предметов и явлений между собой и с окружающей средой. Это полностью согласуется с современными физическими представлениями о мире и делает закономерной структурированность умственных подходов и ментальных репрезентаций действительности. Естественный язык как открытая система опосредованно, через познающего субъекта, отражает в своей *структуре* организацию феноменов экстралингвистической реальности [Абдуразаков 1991] (ср. также концепцию ментального лексикона). В рамках внешней структуры осуществляется информационный обмен языковой системы с когнитивной, в результате которого структурные свойства языка детерминируются когнитивно обусловленными структурами [Fauconnier 1990: 151].

Такого рода причинно-следственные отношения неоднократно отмечались не только зарубежными, но и отечественными учёными. В частности, ещё в 70-х годах, анализируя лексический материал, Р.А. Будагов указывал на то, что в основе закономерностей лексики любого языка лежат закономерности мышления [Будагов 1974: 56]. В работе «Логика и лингвистика» находим слова О.Н. Лагута о том, что в языке многое системно «и подчинено закономерностям, предопределённым сознанием человека» [Лагута 2000: 22]. Этот ряд может продолжить мысль В.И. Карасика о том, что обусловленное языковым опытом сознание «при всей его текучести и континуальности системно...», ведь «любой

его компонент, любые единицы, которыми оно оперирует, неизбежно связаны – прямо или опосредованно – с другими единицами» [Карасик 2002: 33]. На связь организации языковой концептосферы с «достаточно устойчивыми моделями восприятия и постижения мира» указывает также Ю.Е. Прохоров [Прохоров 2005: 91]. В этом ключе одна из задач моделирования языковой картины мира связывается с проникновением в то, каким образом составляющие язык элементы *упорядочены в соответствии с организацией наших знаний* [Стернин 2007: 36, 46]. Собственно говоря, именно это стремление – выявить структурные мыслительно-языковые связи, реализуемые на уровне вербализации форматов знания, или образных схем в терминологии Р. Лэнэкера, – легло в основу целостной концепции когнитивной грамматики, призванной выявить и объяснить устройство языка с позиции устройства когнитивного пространства. Предпринимая субъективистский подход к значению, за семантическими конструкциями автор этого подхода усматривал структуры «ментального опыта», а роль языковых форм сводил к активации последних в сознании говорящего [Langacker 1991].

В трудах по когнитивной психологии уровень системного, а значит, и структурированного ментального картирования мира, связывается с собственно человеческим этапом когнитивного развития, наступающим с трёхлетнего возраста. По мере взросления человека, в ходе которого развиваются его семиотическая способность, вербально-логическое мышление и речемыслительная деятельность, данный этап в основном завершается [Лурия 1998: 67]. На этом качественно новом уровне миропостижения «целостные предметы предстают в виде партитивных систем – взаимосвязанных совокупностей своих частей» [Кошелев 2008: 196]. Отмеченный факт вновь свидетельствуют о том, что человеческое сознание не просто отражает мир – оно активно и целесообразно организует процесс познания и мыслительные единицы.

В ходе первичной концептуализации единицы мыслительного содержания определённым образом упорядочиваются, что позволяет считать результаты этого

процесса, концепты, мыслительными *конструктами* предметов или явлений. Постольку, поскольку кодирование и закрепление концептов в памяти человека структурированы [Красных 2003: 64], эти ключевые единицы мысли, с одной стороны, связаны в единую глобальную сеть – концептосферу. Последняя представляет собой информационную базу сознания и мышления, упорядоченную совокупность знаний людей о себе и о мире [Попова, Стернин 2010: 61-63]. Структурные отношения концептов в когнитивной среде вырастают из мыслимых связей между составляющими их концептуальными признаками. С другой стороны, внутренняя организация концепта сама по себе упорядочена и содержит структурированный по полювому принципу комплекс характеристик, различных по когнитивному модусу (образные, понятийные, интерпретирующие) и прагматической яркости (ядерные и периферийные по значимости). Полевая организация придаёт «архитектуре концепта» гибкий, мягкий характер, оптимальный для адаптивного функционирования концептуальной системы в соответствии с её предназначением. Такая структура позволяет вписывать в концептосферу новые элементы знания, возникающие в результате углубления когнитивного опыта и обогащения культуры человека.

Структурные свойства когниции распространяются не только на тематические концепты, но и на операционные концепты, складывающиеся «в действии» при формировании актуального смысла в контексте, когда на основе фокусируемых сторон объекта с использованием ряда когнитивных механизмов происходит конфигурирование, или форматирование, участков концептуальной области с учётом требований коммуникативной ситуации. В действие вступают «вычислительные» операции мышления над психическими репрезентациями мира, именуемые переработкой информации по аналогии с технической сферой [Демьянков 1994: 19].

При изучении алгоритмов и продуктов этих операций широкое хождение в когнитологии получили понятия формата знания и когнитивной структуры. Под форматом знания обычно подразумевается ментальная репрезентация, рассматриваемая с учётом когнитивного модуса её элементов (образный,

понятийный, гештальтный форматы знания) и / или структурных связей между ними (пропозиции, фреймы и сценарии, категории, матрицы). Термин «фрейм» иногда используется как общее обозначение концептов, если необходимо акцентировать их структурированную природу [Болдырев 2000]. В более узком понимании фреймом считается объёмный иерархически структурированный концепт. Фрейм вбирает в себя стандартные знания о некотором повторяющемся фрагменте человеческого опыта и позволяет на этой основе интерпретировать любую ситуацию в ракурсе стереотипного знания (ср. научную интерпретацию фрейма как комплексного знания – структуры данных для представления стандартной ситуации в трудах М. Минского [Минский 1979]).

Термин «когнитивная структура» в лингвистической литературе, как и термин «фрейм», подчёркивает сведение концептуальных единиц в некоторую структуру и, согласно В.В. Красных, обозначает нечленимую в данной функции «когнитивную единицу, хранящую “свёрнутое” знание и/или представление» об окружающем мире (феноменологические когнитивные структуры) или о языке (лингвистические когнитивные структуры как часть языковой и речевой компетенций) [Красных 2003: 64]. В силу естественной сопряжённости концептуальной и языковой систем оба вида структур интегрируются между собой в реальном функционировании. Эта идея является ключевой в концепции ментального лексикона – глобальной когнитивной структуры, организующей языковую способность и семантическую память человека. Ментальный лексикон (внутренний лексикон, ассоциативно-вербальная сеть) складывается на основе условно выработанных ассоциативных связей [Мартинovich 1997] единиц познавательного опыта, во-первых, между собой и, во-вторых, с передающими их знаками языка. Сущность внутреннего лексикона допустимо определять статически и динамически, и в этом плане, по образному выражению Е.С. Кубряковой, он представляет собою не только единый «склад» языковых и неязыковых знаний, а и «действующую систему, в которой каждая единица “записана” с инструкцией её использования, с данными о её оперативных

возможностях, притом по всем мыслимым линиям её употребления – прагматическим, семантическим, чисто формальным» [Кубрякова 2004: 369].

Благодаря сопряжённости языковых и неязыковых связей заключённые в нём ментальные репрезентации могут активироваться как вербальными, так и невербальными стимулами. Согласно теории двойного кодирования, на референциональном и ассоциативном уровнях обработки сигналов вербальные стимулы приводят в действие невербальные структуры и наоборот [Paivio 1986: 67-70, 121-122]. Центральной единицей этой ментальной сети является слово, связанное с другими словами многомерными ассоциативными связями, обусловленными как экстралингвистически, так и практикой речи «как естественный итог постоянного существования человека не только в мире вещей... но и в мире слов...» [Абрамов 2001: 125]. «Когда мы произносим слово, относящееся к некоторому фрагменту реальности, мы определяем отношение данного феномена к другим возможным феноменам (с которыми он так или иначе соотносится...): то есть определяем его место в общей картине мироздания», – пишет Б.А. Успенский [Успенский 2007: 104]. Контроль всплывающих ассоциаций со стороны человеческого сознания организует их избирательную активацию, однако потенциально все они присутствуют в долговременной памяти.

Таким образом, когниция оказывается не хаотичной, а упорядоченной за счёт связей элементов в составе мыслительных структур. В статическом отношении то или иное «конструирование концептов» подчиняется законам композиции элементов знания в концептосфере и внутреннем лексиконе на основе ассоциативных связей. В динамическом отношении «архитектура когниции» [Fodor 1983] обеспечивается универсальными для человеческого мышления когнитивными механизмами, имеющими нейрофизиологический субстрат. Наличие разветвлённой ассоциативной структуры как проявление системной организации внутреннего лексикона облегчает и ускоряет доступ к его единицам в процессах манипулирования ими при порождении и понимании речи.

Один и тот же концепт может быть представлен разными форматами знания (т.н. калейдоскопичность концепта [Бабушкин 2001: 56]), что является следствием системно-структурной полиморфичности концептуальных единиц и их вербальных репрезентантов. По *принципу положительной обратной связи*, такая полиморфичность элементов репрезентируемой среды находит частичное вербальное выражение. Сравним, к примеру, *искалечить судьбу* (сценарий), *разгадать судьбу* (инсайт), *ухабы судьбы* (схема) [Маслова 2004: 35]; система-*муравейник* (представление), *построение финансовой системы* (сценарий), *обнаружить систему* (инсайт), *многоступенчатая система* (схема), *политическая система* (фрейм) [Миронова 2019: 45].

Специфика когнитивных форматов знания, как она представлена в языке / речи при обработке и передаче информации, остаётся в сфере интересов современной лингвокогнитологии и принимается во внимание в исследованиях различных аспектов концептуализации (первичной и вторичной). Лингвоментальная сущность естественного языка в плане его внешних структурных связей со средой раскрывается в современных исследованиях при моделировании как первичных, так и вторичных процессов: фреймовой организации вербализованных знаний, в поиске роли пропозициональных структур в словопроизводстве и репрезентации ментальных пространств, в исследованиях метафорических и метонимических механизмов. В целях изучения конструктивного аспекта этих явлений разработаны специальные методы когнитивной семантики: метод фреймовой семантики, метод концептуально-репрезентативного анализа, матричный анализ, метод моделирования полевой структуры концепта или концептуального поля, моделирование психологически реального значения с привлечением ассоциативного эксперимента.

С помощью метода фреймовой семантики устанавливаются тесно связанные между собой лексемы, которые организованы вокруг некоторого фрейма – кластера знаний о типичных ситуациях [Дейк 1989: 16]. В качестве примера фигурирует, скажем, сценарный фрейм ПОХОД В МАГАЗИН, который определяет ассоциативные и лексические связи между номинациями *купить*,

продать, товар, продукт, деньги, магазин, касса, очередь, цена, качество, марка и нек. другими, первичными с точки зрения современного языкового сознания.

На основе лексических структур может, кроме того, исследоваться устройство концептуального поля. На первом плане здесь оказывается реконструкция фрагмента опыта в опоре на доступную исследователю совокупность значений языковых знаков, которая транслирует коммуникативно значимую часть концептосферы социума. Понимание того, что погружённый в речь лексический знак не только обеспечивает своего рода «сжатие сюжета» [Телия 2005: 15], но и «запускает» целый комплекс взаимосвязанных концептов...» [Гольдберг 2009: 106], позволяет, отталкиваясь от слова, реконструировать связанные с ним межконцептуальные связи, проследить концептуальное освоение заимствования, ориентированное на уже имеющиеся единицы, или воссоздать психологически реальные фрагменты ассоциативно-вербальной сети.

Большое место в организации структурных отношений в концептосфере занимают оппозитивные логические связи концептов. Эти связи также закономерно манифестируются в семантике языковых репрезентаций, образуя фундамент для системных противопоставлений – парадигм в долговременной памяти человека. Именно парадигматическая организация знаковых средств, по мнению А.Р. Лурии, составляет первейший принцип структурирования языка [Лурия 1998: 158-159], именно он лежит в основе идеографической организации лексики. Зачастую парадигмы основаны на иерархизированной структуре сем, которая восходит к иерархической связи ряда концептов [Кравец 2001: 20]: ЖИВОЙ ОРГАНИЗМ → РАСТЕНИЕ → ВИД РАСТЕНИЯ: *растение* – ‘Организм, питающийся неорганическими веществами воздуха и почвы и способный создавать из них органические, обычно прикрепленный к месту своего обитания, представляющий одну из форм жизни на Земле и составляющий вместе с животными организмами живую природу’; *роза* – ‘1. Кустарниковое растение семейства розовых с крупными душистыми цветками красных, розовых, белых или жёлтых тонов и со стеблями, обычно покрытыми шипами’; *лилия* – ‘1.

Многолетнее луковичное растение с прямым высоким стеблем и крупными красивыми цветками в виде колокола'; *лотос* – 'Южное водяное растение с красивыми крупными цветками'; *бархатец* – 'Травянистое декоративное растение семейства сложноцветных с перистыми листьями и красновато-жёлтыми цветками', или УЧРЕЖДЕНИЕ → ЗАВЕДЕНИЕ → ВИД ЗАВЕДЕНИЯ: *учреждение* – 'Организация, ведающая какой-либо областью управления, хозяйства, торговли и т.п.>'; *заведение* – '1. Учреждение, предназначенное для воспитания, обучения (обычно с определением)'; *колледж* – '1. Название некоторых средних специальных учебных заведений (обычно техникумов или училищ)'; *институт* – '1. Высшее учебное заведение'; *университет* – '1. Высшее учебно-научное заведение, объединяющее в своём составе несколько факультетов, на которых представлена совокупность различных дисциплин, составляющих основы научного знания'; *школа* – '1. Учебное заведение, которое осуществляет общее образование и воспитание'; *интернат* – '1. Среднее, обычно специализированное, учебное заведение для детей и подростков, в котором учащиеся живут, находясь на полном или частичном государственном обеспечении', или ДВИЖЕНИЕ → ВИД ДВИЖЕНИЯ: *идти* – '1. Перемещаться, двигаться, ступая, делая шаги (в один приём и в одном направлении)'; *бежать* – '1. Продвигаться вперёд, попеременно то одной, то другой ногой быстро и резко отталкиваясь от земли (о человеке или животном)'; *ползти* – '1. Передвигаться по поверхности всем телом или на коротких ножках в определённом направлении (о пресмыкающихся, насекомых и т.п.)'; *ковылять* – 'Идти, прихрамывая или с трудом, медленно'; *шагать* – '1. Идти размеренным шагом; маршировать'; *фланировать* – 'Прогуливаться, прохаживаться безо всякой цели'; *улепётывать* – 'Поспешно уходить, убегать от кого-либо или откуда-либо; удирать' [Ефремова 2000]. Наличие такого рода иерархических структур как в концептосфере, так и в языке тесно связано с процессом категоризации, с их местом в составе категории, и поэтому они будут рассмотрены подробнее в других разделах работы.

Межконцептуальные связи организуют не только оппозиции концептов, лежащие в основе языковых парадигм, но и речевые преобразования

тематических концептов в операционные. При этом если парадигматика базируется на *принципе взаимодополняемости элементов* в системе, то для синтагматики существенна *согласованность* их семантических характеристик в микросистеме вышестоящей единицы. В основе синтагматических отношений лежат межконцептуальные связи, адекватно передающие онтологические связи объектов в реальном или вымышленном мире. За семантическим согласованием имён и предикатов, а также аранжировкой «просвечивает» опосредованная процессом концептуализации «логика соотношений вещей и их свойств» [Кравец 2001: 22], относительно которой устанавливается линейная организация знаков в составе единиц более высокого уровня. Воплощённая сущностными аспектами языка (семиотическим, репрезентативным, интерпретационным), эта структурная логика определяет собой связность текста, как и возможность достраивания смысла на основе инференций. В данном ключе обратим внимание на иконичный порядок компонентов в составе биномиальных коллокаций, где первому элементу соответствует первичный для когнитивного опыта элемент: *день и ночь, альфа и омега, жизнь и смерть, сегодня и завтра, гром и молния, вопросы и ответы* [Буб 2019]. Более или менее объективный порядок компонентов ситуации зафиксирован и в некоторых других идиомах. Например, линейная структура афоризма *Пришёл, увидел, победил* отражает естественный ход событий, как и многочисленные обыгрывания (модификации) этой единицы в художественных и публицистических текстах, в том числе комического плана. Ср. *Пришёл, увидел... и унёс* (цитата из выступления «Клуба весёлых и находчивых»); *Пришёл, увидел, отобрал* [Life.ru]; *Пришёл, увидел и ушёл* [Личутин]; *Пришёл, увидел, убежал* [Добренко]; *Пришёл, увидел, наследил!* (из фильма «Они сражались за Родину»).

Согласно концепции когнитивной грамматики Р. Лэнэкера, организация концептуального содержания при формировании значения и смысла осуществляется с привлечением шести структурирующих схем. Автор концепции различает среди них выделение профиля и основания, определение уровня конкретизации, выделение когнитивного контекста осмысления объекта, фокусировка тех или иных элементов объекта, выбор перспективы, установление

фигуры и фона как параметров когнитивной выделенности вербализуемых знаний [Langacker 1991]. По мнению Р. Лэнэкера, формирование значений самых разных языковых единиц может быть сведено к согласованию профиля и базы (основания), которое заключается в выделении и вербальной репрезентации одной или ряда характеристик (профиля) в некоторой когнитивной области (основании) [там же: 135, 137]. К примеру, слова-термины *элемент, структура, организация, функция, интегративность* и т.д. профилируют конкретные характеристики когнитивной области СИСТЕМА, соответствующие релевантным параметрам системного объекта.

Суммируя результаты системологической интерпретаций структурной стороны мыслительно-языкового взаимодействия, отметим исходную обусловленность структуры памяти, а также познавательных процессов реальными связями объектов познания. С помощью когнитивных механизмов процесс и результаты первичной концептуализации упорядочиваются, образуя мыслительные конструкции в виде *структуры внутренних признаков концепта и его внешних связей в концептосфере*, имеющей нейрофизиологический субстрат. Положительные обратные связи языка с когницией образуют *внешнюю структуру языковой системы* и служат динамической основой манифестации мыслительных структур посредством конструктивных свойств языка. Согласно *принципам детерминизма и квалитета*, его элементы в синхронии и диахронии упорядочены в соответствии с организацией наших знаний во внутреннем лексиконе. Этот порядок определяется, с одной стороны, полевой структурой характеристик концепта и его конкретным форматом, с другой, устанавливается логическими отношениями между концептами как ключевыми единицами мысли (ядерно-периферийными, иерархическими, эквивалентными и эквиполентными). В сфере действия этих отношений находятся номинанты каждого концепта, появляясь и утрачиваясь в системе, вступая во внутриязыковые связи между собой или с вербализациями других концептов. При этом если парадигматика базируется на *принципе (отражательной) взаимодополняемости элементов системы*, то для синтагматики важна *согласованность, совместимость их*

характеристик. Следовательно, субстантные ограничения, задающие объём и качество знаковых единиц, оказывают опосредованное влияние на их структурный потенциал.

Когнитивная детерминация языковых структур имеет место как в статике, так и в функциональной динамике системы. При передаче актуального смысла языковой знак (его речевой вариант), как «превращённая форма», передаёт когнитивную структуру с учётом требований коммуникативной ситуации. При этом за счёт сопряжённости языка с концептуальной средой ментальные репрезентации во внутреннем лексиконе могут активироваться и вербальными, и невербальными стимулами. Ассоциативные связи во внутреннем лексиконе облегчают и ускоряют доступ к его единицам в процессах порождения и понимания речи.

Взаимопереплетение свойств состава и структуры языка даёт системоприобретённый интегративный эффект, придающий языковой системе лингвоментальную устойчивость функционирования. Некоторым проявлениям языковой интегративности в контексте первичной концептуализации мира посвящён следующий параграф нашей работы.

3.4. Интегративные качества системы языка как средства первичной концептуализации мира

Специфика естественного языка как системного образования выявляется не только в характере его строения и функций, но и, безусловно, в области его *интегративных качеств*. Структурное и функциональное единство частей, согласно учению о системах, является тем сущностным параметром, который позволяет констатировать в некотором объекте системную организацию. Напомним, что такое единство, или *интегративность, целостность* предполагает взаимозависимое функционирование компонентов системы, содействующее

реализации её ведущей цели. В результате этого системный объект приобретает качества, не присущие его отдельно взятым компонентам и имеющие разную степень проявления на разных участках системы.

В настоящее время лингвистика и, в частности, композиционная семантика располагает, скорее, фрагментарными, нежели полными и последовательными описаниями интегративных характеристик своего объекта. Вместе с тем в той или иной мере эти характеристики охватывают все знаковые уровни языка, что вполне объяснимо исходя из его системной сложности. Поэтому закономерно, что на данном этапе когнитивных исследований предметом особого внимания стало взаимодействие в языке и дискурсе разнотипных мыслительных единиц.

С одной стороны, интегративность играет роль в естественном функционировании языка, обеспечивая выполнение его различных, в том числе когнитивных задач, в частности, при формировании единиц знания. С другой стороны, она отслеживается в уже наличном, статическом измерении, в центре которого находятся целостные свойства языка или его частей как результат актов познания вне конкретной актуализации. Кроме того, в функциональном плане существенная для когнициии интегративность языковой системы может задействоваться как при порождении вербализованных концептов и концептуальных структур, так и при их актуализации в дискурсе (ср. в этой связи понятия диахронической и синхронической эмерджентности в работе [Альбеков 2021]). В обоих случаях интегративность может проистекать из внутренних, синергетических характеристик языковой системы или, по принципу квалитета, обуславливаться извне целостными характеристиками концептуальной метасистемы.

В соответствии с определениями целостности в системологии одно из фундаментальных проявлений интегративности состоит в системообразующей *кооперативности* лексических, грамматических, словообразовательных единиц. Каждая из них, будучи когнитивно обусловленным элементом системы, с той или иной регулярностью передаёт часть концепта, явленную в определённом формате знания: если «репрезентация создаёт ментальные целостности», то «символизация

отбирает какие-то части, которые должны представлять это целое» [Бейтс 1984: 96]. Тем самым каждый знаковый элемент вносит, как правило, свой частный, уникальный вклад в функционирование языка как инструмента когниции. В каждом акте общения интенции говорящего, выступающие частью когнитивной метасистемы, ориентированы на единицы языка, передающие целесообразное для текущих интенций содержание. Онтологическое взаимодействие (кооперация) репрезентативной и семиотической сторон языка, лексической и грамматической семантики обеспечивает возможность формирования адекватного смысла при помощи средств данной знаковой системы: лексическое значение профилирует в сознании определённую когнитивную область – актуализируемое содержание тематического концепта, грамматическое значение транслирует наиболее общие логические категории и структурирует концептуальное содержание по семиотическим правилам данного языка [Панасенко 2010: 202]. Гармоничное сочетание этих «специфических активностей», их взаимная настройка выступает как гомеостатический фактор [Тармаева 2010: 2; см. также Даль 2009: 54-55]. Такого рода фактор поддерживает систему языка в состоянии, благоприятном для фиксации и выражения первичного концептуального содержания. Целостность, понимаемая как кооперативность языковых элементов, обеспечивается их системной специализацией и одновременно – функциональной взаимодополняемостью (кооперацией) и, в этом ключе, частичной автономностью.

Частной иллюстрацией вербальной кооперативности может служить словоформа. Она, как известно, предполагает единство лексического и грамматического значений [Шарандин 2009: 239-240], на что указывает и внутренняя форма термина «словоформа». При этом взаимосвязанные грамматические концепты (в частности, род, число и падеж русского существительного) могут передаваться в её составе одним или несколькими показателями (аффиксами, служебными словами). В области первичной концептуализации внутривербальная интеграция [там же] абстрактных грамматических концептов и совместимых с ними лексических,

конкретизирующих, наблюдается в сфере лексико-грамматических разрядов: одушевлённых / неодушевлённых (*сестра, брат; книга, стол*), абстрактных и конкретных (*вера, удача; дерево, вода*) существительных, глаголов совершенного и несовершенного вида (*встретить, решить; встречать, решать*), переходных и непереходных (*видеть, читать; жить, бежать*).

Такая системная кооперативность лексического и грамматического значений реализуется, скажем, в единстве функционирования грамматического числа, передающего абстрактный концепт КОЛИЧЕСТВО, и лексического значения в пределах словоформы; при этом актуализация числовых форм, как известно, чувствительна к онтологической исчисляемости / неисчисляемости концептуализируемых феноменов: *костюм – костюмы, лекция – лекции*, но *молоко – \emptyset , разум – \emptyset , свет – \emptyset* . В языках с криптоклассной системой координация лексических и грамматических средств выражения количества воплощается по-особому, а именно в зависимости формы его репрезентанта от характера лексического денотата. Так, нумеративные конструкции в китайском языке в обязательном порядке предполагают использование счётного слова (всего наличествует около 100 слов), избираемого соответственно рубрике опыта. Скажем, счётное слово 条 (*tiáo*) применяется в отношении продолговатых объектов, 双 (*shuāng*) при исчислении парных предметов, 辆 (*liàng*) маркирует повозки и экипажи, тогда как 节 (*jié*) употребляют в отношении занятий, уроков, так что имеем: 一条线 *yī tiáo xiàn* ('одна полоса'), 一双皮鞋 *yī shuāng píxié* ('одна пара кожаных ботинок'), 一辆汽车 *yī liàng qìchē* ('один автомобиль'), 一个课 *yī jié kè* ('один урок') [Грамматика китайского языка... 2021]. Подобным образом в языке фула, одном из самых распространённых в Африке, два семантических плана соотносятся так, что выражающий число аффикс регулярно реагирует на класс существительного. Скажем, для наименований людей используются форманты -o (*neddo* – «человек», *gorko* – «мужчина») и -be (*yimbe* – «люди», *worbe* – «мужчины»), при том что сами словоформы одного или множества лиц образуют здесь различные классы [Зубко 2001: 37-38].

Комплементарность номинантов концепта как предпосылка системной целостности имеет выход в другой её аспект – воздействие компонента на целое, системы – на среду. Так, изменение объёма номинативного поля концепта за счёт пополнения или архаизации его элементов влияет на потенциал национального языка репрезентировать данный концепт. Следовательно, оно способно вызывать сдвиги и в соответствующей языковой картине мира, что мы можем наблюдать по итогам развития компьютерных технологий. За почти уже тридцать лет лексика ИТ-сферы заметно расширила свой состав и активно проникает в повседневный речевой обиход, расширяя знания говорящих. Освоение новых реалий, связанных с устройством и функционированием компьютерной техники (*винчестер, интерфейс, курсор, модем, флеш, браузер, Гугл...*), одновременно ведёт к значительному расширению номинативного поля концептов КОМПЬЮТЕР и, более абстрактного, ЭВМ (около 4500 единиц [Семак 2019]). Напротив, утрата в XX веке бытовавшего ранее слова *сударь* (устар. ‘Форма вежливого, учтвого обращения к мужчине’ [Кузнецов 2000: 1287]) и его «женского» варианта сократило потенциал русского языка в объективации концепта ВЕЖЛИВОСТЬ.

Интегративностью характеризуется не только парадигматический, но и синтагматический блок системы языка, участвующий в конструировании первичного знания. Этот факт может быть системологически интерпретирован в свете универсального закона, согласно которому в системах с иерархической структурой природа компонентов вышестоящего уровня отличается от природы нижестоящих единиц. Как было показано в главе 2 нашей работы, при построении моделей языковой системы это свойство неоднократно отмечалось у двусторонних единиц и устанавливалось на основе иерархии их базовых системообразующих функций (конституирующей и семасиологической, номинативной, предикативной и коммуникативной). С точки зрения общей теории систем появление у композиционной единицы новых семантических свойств объясняется рекомбинацией связей между её составляющими в их

линейном сочетании друг с другом⁹. Дополнительно это обусловлено стохастическим усилением фоновых, имплицитных характеристик значений [Муратов, Поварич 2012: 272].

В контексте изучения когнитивно обусловленной целостности примечательно мнение А.Л. Шарандина, полагающего в основу семантической интеграции типы знаний, выраженные смысловыми компонентами [Шарандин 2009: 239]. Языковая интеграция вербализованных концептов может наблюдаться в рамках концептуальных пространств (часто – в случае матрицы) или на уровне когнитивных признаков сложных концептов (т.н. топология концепта) [Бабенко 2019: 34-35]. Такой взгляд, в частности, позволяет объяснить интегративность смысла высказывания согласованием концептуальных характеристик, стоящих за компонентами лексических значений, относительно признаков «стержневого» предиката. С другой стороны, интегративное единство высказывания базируется на содействии грамматических и лексических репрезентантов концепта. В ходе взаимодействия этих разноуровневых единиц происходит сопряжение признаков грамматических концептов¹⁰ с характеристиками лексических по определённой когнитивной схеме, выбранной в зависимости от когнитивной доминанты в данной ситуации общения (о понятии когнитивной доминанты см. работу: [Фурс 2009]).

⁹ Показательное наблюдение в этой связи делает Дж. Тейлор, отмечая, что в конструкции «прилагательное + существительное» актуализация её компонентов относительно когнитивного контекста создаётся их семантическими конфигурациями, вызывающими эмерджентный эффект [Taylor 1992: 9-10, 21].

¹⁰ Согласно исследованиям синтаксической репрезентации знаний, релевантные для этой сферы концепты связаны с важнейшими для познания сторонами реальности, которые отражены в ряде синтаксических явлений, таких как время и модальность (реальность / гипотетичность, наличность, возможность, необходимость, истинность и ложность), утверждение и негация, повествовательность, вопросительность и побуждение, активность и демиактивность, определённость и неопределённость [Фурс 2009: 282].

В лингвистике XX века целостность синтаксической конструкции и её лексических заместителей в высказывании не раз отмечалась отечественными и зарубежными мыслителями, например, в работах Б. Рассела, Р.О. Якобсона, Э. Бенвениста, И.П. Распопова, Н.Ю. Шведовой, В.А. Белошапковой, З.Д. Поповой. В русле композиционной семантики это явление описывалось в терминах согласования лексических значений (Л. Теньер, Э.Косериу, В.Г. Гак, Г.А. Золотова), которые, помимо данного конкретного слова, содержатся «в партнёрах по речевой цепи» [Норман 2019: 37, 513]. Такое согласование правомерно отнести к фактам полезной избыточности, которой подкрепляется гомеостатичность функционирования языка в роли средства коммуникации: *Такси* ('средство передвижения') *быстро* ('характеристика действия по скорости') *прибыло* ('движение') /к аэропорту/ ('конечная точка движения'); *Многие садоводы* ('выращивают растения') *сегодня выращивают* ('ухаживать для роста') *кусты* ('растение') *боярышника* ('растение') [Кузнецов 2000]. В лингвокогнитивном ключе высказывание можно представить как микросистему, реализующую процесс конструирования и трансляции знаний о некотором событии. Высказывание отражает комплекс значимых характеристик (участников и иных параметров) события, которые накладывают системные ограничения на форму и содержание его вербальных составляющих. Основу высказывания, со стороны когнитивной надсистемы, составляет, прежде всего, некоторый типичный шаблон ситуации (А. Голдберг), или синтаксически репрезентируемый концепт (Л.А. Фурс), зафиксированный сознанием носителей языка в виде пропозиции и объективируемый в языке / речи фреймом (Ч. Филлмор). Так, например, можно говорить о том, что современный русский язык располагает специальными конструктивными шаблонами для передачи первичных концептов акциональных событий ($N_1 V_f(N_4)$ – *Розалия готовит обед*), репрезентаций бытийного, экзистенциального содержания ($Cor_f N_1$ – *Это утро, радость эта, / Эта мощь и дня и света, / Этот синий свод... (А. Фет)*) или качественно-характеризующего, квалитативного ($N_1 Cor_f Adj_{f/1/5}$ – *Студенты готовы к экзамену*).

Целостность высказывания как микросистемы складывается в индивидуальном речевом акте и определяется установлением сиюминутно актуальных связей между лексическими и грамматическими концептами, передаваемых разноуровневыми средствами. Эти связи устанавливаются с опорой не только на явные, но и на инферентные смыслы, выводимые по принципу кооперации П. Грайса и следующих из него максим (условий коммуникативного сотрудничества). Как показали наши наблюдения, появление имплицитных смысловых компонентов зачастую продиктовано действием максим количества («передавай ровно столько информации, сколько нужно в данной ситуации») и релевантности («не отклоняйся от темы»). Достраивание определённых суждений в опоре на внеязыковую реальность позволяет участникам общения соблюсти эти важнейшие максимы кооперативного речевого контакта и обеспечить динамическое равновесие микросистемы высказывания. В результате косвенные выражения вроде *Вы не могли бы закрыть дверь?*; *Вы выходите?* (вопрос в транспорте); *На улице дождь!* (в адрес собеседнику, готовому выходить из дома без зонта); *Скоро уже выходные* (при планировании личной встречи); *Знаешь, у нас закончился хлеб* (с намёком на поход в магазин) функционируют как вполне нормальные.

Природа концептуально-языкового взаимодействия, движущей силы этих преобразований, может описываться вслед за Л.В. Бронник следующим образом: «приводимая в активное состояние источником внутренней (например, эмоции, интенции) или внешней (например, исходящий от другого вопрос) энергии (информации), когнитивная система приходит в неравновесное состояние. Выход из беспорядочного (хаотического) состояния происходит за счет когерентного, согласованного поведения ее частей – концептуальной и языковой подсистем. В результате рождается новое когнитивное состояние (мысль, идея, образ и т.п.), которое получает внешнее или речевое, выражение» [Бронник 2008]. Композиционная целостность имплицитного и эксплицитного позволяет реализовать здесь главную функциональную задачу предложения – «максимально

эффективным способом отразить денотативную ситуацию и реализовать коммуникативные намерения говорящего» [Фурс 2009: 285].

Неполная выводимость смысла высказывания из значений слов и синтаксических отношений, таким образом, может приводить к тому, что оно выступает как феномен не только кооперативный, но и *эмерджентный*, то есть такой, который содержит дополнительные смысловые «наращения» и за счёт этого качественно отличается от суммы своих компонентов. Данное свойство было отмечено Э. Бенвенистом [Бенвенист 1964] и поддержано многими синтаксистами второй половины XX века.

На то, что речевой смысл – это интегративная связь конкретных значений, одним из первых указывал психолингвист Н.И. Жинкин [Жинкин 1982: 87]. Раскрывая когнитивно-семиотическую природу смысла, А.С. Кравец объяснял этот феномен особыми синтагматическими программами, увязывающими слова в предложения [Кравец 2001: 23]. Использование когнитивного подхода даёт возможность заключить, что синтаксическая эмерджентность раскрывает перед исследователем ещё одну грань интегративных качеств естественного языка, соотносительных по принципу репрезентации со структурами мысли.

Данное свойство стало особым предметом внимания в грамматике конструкций, где конструкция – это языковое выражение, у которого форма или семантика не выводится из формы или значений составных частей за счёт взаимодействия, наложения свойств разноуровневых компонентов [Goldberg 1995: 4]. В противоположность вербоцентрической концепции, развиваемой А.А. Дмитриевским, Л. Теньером, А.А. Холодовичем, Р. Лэнэкером, названный конструкционный подход исходит из того, что смысл высказывания выводим из актуальных значений синтаксических партиципантов, однако лишь частично. «И в употреблении конструкции, и при заполнении любой её переменной нас ждут самые неожиданные (на первый взгляд) ограничения, обусловленные как раз результатом взаимодействия компонентов на всех уровнях – от просодического до лексико-семантического и прагматического», а также языковым значением самой конструкции [Рахилина 2010: 14]. В системологической интерпретации это

указывает на эмерджентную целостность конструкции как многокомпонентной единицы в результате взаимоналожения характеристик её компонентов. Данную особенность конструкции по-своему отмечал автор упомянутой концепции Ч. Филлмор, по мнению которого непредсказуемость итогового смысла обусловлена многоплановой взаимной зависимостью свойств компонентов в сочетании с функциональными требованиями к каждой из её составляющих; при этом системное целое главенствует над его частями [Fillmore 1992] (ср. положения композиционной семантики о влиянии языкового опыта на сочетаемость и, напротив, о влиянии законов комбинаторики на реализацию смыслового потенциала слова) [Храковский: 296; см. также Норман 2009: 513].

По общему мнению, именно семантическая, а значит, и концептуальная сторона регулярно предопределяет состав и взаимодействие компонентов конструкции, влияет на совершающиеся в ней преобразования. Как следствие, смысловой стороне принадлежит главенство также и в формировании эмерджентных свойств конструкции. Со стороны говорящего эти процессы регулируются механизмами первичной интерпретации вербализуемой ситуации, её участников и обстоятельств (профилирование / дефокусирование, перспективизация её фрагментов (в частности, выделение фигуры и фона), установление иерархии и согласование концептуальных признаков). По принципу положительной обратной связи языка с когницией, оживление ассоциаций между семантикой вершинного глагола и мыслимым шаблоном ситуации, стоящим за данной конструкцией, приводит к целевому смысловому согласованию всех компонентов высказывания, к добавлению или устранению сем в этих целях [Апресян 1974: 81]. Эти когнитивные и языковые механизмы в частном случае лежат в основе каламбурных конструкций, целостный семантический эффект которых направлен на создание комического в речевом произведении. С точки зрения первичной концептуализации обращают на себя внимание конструкции, в которых специфическое взаимодействие фонетических, грамматических и лексических характеристик мотивировано стилистическими задачами языковой игры и может быть реализовано сопряжением синтаксических единиц,

содержащих омоним: *Его заела не среда, а вся неделя в целом* (Э. Кроткий); *На пикнике, под тенью ели / Мы пили более, чем ели* (Д. Минаев); *Я прежде думал, что быть взрослым – это круто / <...> Тебя никто уж точно не поставит в угол // Всё так и есть, конечно, но теперь за всё / Плачу; и плачу / Плачу и плачу; // За дом, за дачу / За поход к врачу /* (Д. Корзинов). Присущая языку возможность организовывать передаваемое содержание неодинаково приводит к тому, что часть валентных характеристик глагола иногда не получает актуализации. Поэтому при интеграции лексической и синтаксической семантики форма и значение конструкции не всегда оказываются изоморфными друг другу [Фурс 2009: 284]: *Секретарь написала письма ещё вчера – Секретарь уже написала письма.*

Таким образом, можно заключить, что эмерджентные качества конструкции появляются, по всей видимости, под влиянием двух основных причин: это усиление либо устранение некоторых компонентов значения для преодоления диссипативного состояния в концептуальной системе и, как следствие, рекомбинация связей (формальных, смысловых) между этими компонентами. Названные причины определяют контекстуальные изменения элементов конструкции и создают её целостное значение.

Выводы по главе 3

Языковой и теоретико-методологический материал, рассмотренный в данной части исследования, свидетельствует о *детерминационных положительных обратных связях* (связях подчинения) *структурно-субстанциональных*, а также *интегративных свойств* языковой системы со средой в направлении от когниции к языку. В данном случае связи этого типа благоприятны для концептуального освоения мира, для обобщения фактов и построения ментальных моделей в опоре на знаки языка, что представляет важнейший аспект его когнитивной функции. Такая эволюционно установившаяся естественная связь оказывается настолько тесной, что наделяет

естественный язык статусом когнитивной способности человека. Язык призван фиксировать и передавать результаты концептуализации во множестве ситуаций, так что в этой роли адаптирует вышеназванные свойства относительно элементов и структур когниции, как, собственно, и сам системный характер языка восходит к системности когниции. *Гетерогенность* знаковых элементов и структур, их организующая *специализация*, *взаимодополняемость* и *согласованность* как проявления системной совместимости (в парадигматике и комбинаторике) «подстраиваются» под структурно-содержательные свойства концептов, чему способствуют не только реализуемые здесь когнитивные схемы обработки информации, но и исторически выработанные языковые механизмы. При актуализации некоторого значения взаимодействие того или другого приводит к формированию конкретных смыслов. План содержания языкового знака начинает выступать в виде «превращённой формы» (термин Г.П. Мельникова), наиболее оптимальной для данной речевой ситуации. В статике и динамике адаптация рассмотренных характеристик языка к его предназначению служить концептуализации опыта осуществляется в русле системных принципов *детерминизма*, *квалитета* и *координации* в качестве ведущих.

Системологическая интерпретация *интегративных качеств* языковой системы в их связи с когницией позволила нам выявить их специфический вклад в функционирование языка как гибкой и универсальной системы, существующей в единстве отражательно-ориентированного и вербально-ориентированного содержания. Установлено, что целостность естественного языка проявляется на каждом уровне его структуры, однако, с когнитивной точки зрения, семантическая эмерджентность при передаче концептуального содержания во многих случаях обусловлена механизмом интеграции уже существующих ментальных единиц, так что эмерджентная семантика складывается не столько в рамках первичного, сколько вторичного познания мира. *Кооперативная интегративность*, а также *эмерджентность* языковых единиц дают возможность сообща, разнообразно и одновременно экономно передавать

широкий спектр первичных концептов и концептуальных структур, в том числе на уровне нерегулярных употреблений.

Манифестируя в себе процессы и результаты познания мира, в историческом масштабе единицы языка приобретают конститутивную роль для формирования концептуальной системы, что имеет особую важность в онтогенезе, а также при межкультурных контактах. Таким образом, с большей точностью следует говорить о *двунаправленной структурной связи языка с когницией (управление – подчинение)*, композиционным субстратом которой служит система нейронов, образующая морфологическую, материальную сторону мыслительно-языкового взаимодействия. Функциональный субстрат этих связей составляют когнитивные и языковые механизмы, регулирующие информационный обмен двух систем в ходе их взаимной организации, в том числе параметры языковой системы относительно задач концептуализации.

ГЛАВА 4. ВТОРИЧНАЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ МИРА КАК СФЕРА ПРОЯВЛЕНИЯ СИСТЕМНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК ЯЗЫКА

4.1. Развитие концептуальной системы как предпосылка формирования вторичных значений языковых единиц

Анализ естественного языка в контексте процессов концептуализации раскрывает и такие стороны его системы, которые способствуют *развитию* этой системы в соответствии с принципами целенаправленного детерминизма, выбора и качества. Чувствительность к явлениям развивающейся среды при отображении действительности отличает стихийные семиотические системы от искусственных [Мечковская 2007: 204]. Как и в случае первичных актов познания, историческая подвижность в сфере знаковых уровней возникает как результат обратной ресурсной (информационной) связи языка с когнитивной средой, когда на модификации концептуальной системы он реагирует ростом качеств, гомеостатически сохраняющих его в роли универсального и одновременно гибкого инструмента речемыслительной деятельности. Участвующие в развитии языковой системы когнитивные, а также её имманентные механизмы определяют последовательное усложнение характеристик строения системы знаков в направлении их оптимальной, компактной для функционирования организации. В жизненном цикле языка как сущности динамической такие процессы и механизмы особенно характерны для этапов становления и зрелости.

Концептуальная система, будучи сложноорганизованным феноменом сама по себе, находится в постоянной адаптации, реагируя на расширение сведений человека о мире и новые запросы языкового коллектива. Это обеспечивается тремя основополагающими характеристиками когниции человека. Первая характеристика представляет собой способность ассоциативно осмысливать новые фрагменты опыта в опоре на уже существующие в сознании концепты, что

делает возможной вторичную, в том числе языковую концептуализацию мира. Данная способность является неотъемлемой частью повседневного мышления и реализуется в процессе концептуальной деривации, которая предполагает «развитие содержания исходных концептов и концептуальных структур в результате установления соответствующих межконцептуальных связей» [Болдырев, Панасенко 2013: 6]. По мнению Л.В. Бабиной, главный итог этого процесса заключается в обогащении концептуальной системы новой структурой знания. «Получив языковую репрезентацию», вторичные структуры «становятся неотъемлемой частью концептуальной системы, создавая, в свою очередь, основу для её дальнейшего развития и сохраняя деривационные связи с исходными структурами» [Бабина 2009: 132]. В этом отношении новообразованные когнитивные структуры «интерактивны» вдвойне: с одной стороны, они направлены на познаваемый мир и неязыковую ориентацию (эмпирический опыт человека), но, с другой, «отсылают» к уже сложившимся ментальным единицам, сочетающим в себе внеязыковое и соответствующее языковое знание (опыт речемыслительной деятельности).

Другая предпосылка концептуального развития, тесно связанная с первой, обусловлена собственно человеческой спецификой мышления, а именно его креативностью в обработке мыслительного содержания. Уже в самой дефиниции термина «мышления» содержится указание на целенаправленное творческое создание новых идей, прогнозирование событий и действий [Спиркин 1983], так что в сущности любая мыслительная операция, направленная на получение знания, носит по-своему креативный, конструкционный характер. Получая информацию эмпирическим или теоретическим путём, «субъект... перерабатывает, дополняет, классифицирует... её, создавая новую... информацию более высокого когнитивного уровня...» [Буянова 2014: 207].

Не менее существенна для концептуальной деривации природная склонность субъекта мысли интерпретировать познаваемое с точки зрения его собственного, «биологического и социального опыта» [Раздубев 2017: 71] и, таким образом, сквозь призму субъективных оценок и эмоций, фоновых знаний, мнений

и стереотипов. В иерархии уровней концептуализации это достигается на этапе вторичного осмысления человеком себя и внешнего мира. Об особой когнитивной значимости данного этапа пишет Д.В. Ушаков, полагая, что мы имеем дело с полнокровным собственно человеческим познанием мира тогда и только тогда, когда переработка информации сопровождается оценкой того, «что полезно, что вредно, а что – безразлично» [Ушаков 2009: 7]. Как следствие, лингвисты и семиотики говорят о выражении в языковом знаке *акта определённого понимания*, об интерпретативности, а потому *вариативности воплощения смыслового задания*, хотя оно и «протекает в рамках общих закономерностей» [Колшанский 1975: 17; см. также Лосев 1982: 121]. Как писал У. Найссер в своей работе «Познание и реальность», каждый акт восприятия есть прежде всего «акт модификации соответствующей схемы, настроенной на отражение определённых свойств среды» [Найсер 1981: 35].

Упомянутые факторы детерминации концептуальных преобразований задействуют свойства внимания (*селективность, широта, фокус, динамика*), способность сравнивать объекты (*категоризация, метафоризация, аналогия, сравнение по принципу фигура-фоновых отношений*) и осуществлять перспективизацию (*установление ракурса осмысления, выбор дистанции и системы координат, динамики / статики представления, множественности / единичности, эмоциональности / рациональности изложения, определение дейктических отношений и фокусирование / дефокусирование*), воспринимать действительность гештальтно (*схематизация отношений, отношения на основе динамики силы, релятивные отношения*) [Крофт, Круз 2004: 46; см. также Ирисханова 2013: 95]. В условиях межкультурной коммуникации интерпретационные механизмы могут быть направлены на переосмысление концепта одной лингвокультуры в рамках другой [Юзефович 2017: 106].

Поскольку антропометричность составляет неотъемлемую сторону человеческого мышления, вербального или невербального, интерпретирующая функция языка, на наш взгляд, может рассматриваться как сущностный аспект функции когнитивной. Подчёркивая интерпретативную сущность языковой

картины мира, Н.Н. Болдырев указывает, что она «передаёт не столько сам мир, сколько то, как видит и понимает объекты и явления, структуру мира человек, выделяя конкретные аспекты и характеристики, т.е. то, как *конструирует* (а не просто отражает) окружающий мир человек в своём сознании» (курсив наш. – Д.М.) [Болдырев 2015: 8]. В языковедческом аспекте под конструированием подразумевается такой лингвоментальный процесс, который позволяет с участием языка строить мыслительные репрезентации объектов / ситуаций и вербализовать соответствующие концепты по-разному (ср. понятие формата знания или образной схемы Р. Лэнэкера), на основе «структурирования и переструктурирования полученных знаний», с выбором той или иной перспективы, точки отсчёта, языковых средств, то есть за счёт *«особого акцента в репрезентации объектов и событий...»* [Вяльях, Максимова 2019: 429].

Отмеченные свойства адаптации системы языка в когнитивной среде образуют основу для проявления его антропоцентричности, экспериенциальности под воздействием различных территориальных, социокультурных, мировоззренческих доминант познания в конкретной коммуникативной ситуации. Таким образом, языковая картина мира в целом и семантика отдельных языковых единиц сочетает характеристики онтологии мира с индивидуально-психологическими и национальными особенностями его осмысления, что было неоднократно отмечено в трудах когнитивного (Ю.Д. Апресян, Е.В. Урысон, Е.С. Яковлева, А.Д. Шмелёв, Анна А. Зализняк, Е.В. Рахилина, О.А. Корнилов, М.В. Пименова, В.И. Карасик, У. Чейф, Р.В. Лэнэкер) и до-когнитивного порядка (В.Н. Телия, Н.Д. Арутюнова, Е.М. Вольф, Л.М. Васильев, И.Б. Левонтина, Н.В. Уфимцева, Э. Сепир, Б.Л. Уорф, А.А. Потебня, Й. Л. Вайсгербер...). Выработка методик и концепций, служащих постижению антропоцентрических сторон языковой концептуализации, входит сегодня в круг важнейших задач и достижений лингвокогнитологии.

4.2. Субстанциональные параметры языковой системы во вторичном осмыслении мира

Как следует из предыдущего параграфа, интерпретационный аспект языковой системы охватывает широкое разнообразие «способов и механизмов... вторичной интерпретации знаний о мире с помощью языка» [Болдырев 2013: 6]. В исследовании мы опираемся на когнитивно-дискурсивное определение языковой интерпретации, согласно которому перед нами особый вид лингвоментальной деятельности, «основанный на механизмах концептуальной деривации» и находящий выражение в языке и речи [Болдырев, Панасенко 2013: 6]. К способам языковой интерпретации правомерно отнести 1) передачу смысла синонимическими, в том числе межуровневыми средствами (см. *васильковый, сапфирный, ультрамариновый, син-еват-ый, немного синий, с синим оттенком*, передающие оттенки основного цвета спектра, или *шагать, маршировать, топать, брести, шествовать, тащиться, плестись, двигаться* при передаче аспектов пешего передвижения человека; ср. также *невдомёк, не иметь понятия, ни в зуб ногой; удалось, вышло, сложилось*); 2) дискретное или недискретное представление смысла (рус. *задавать вопрос – спрашивать, иметь представление – представлять, прийти к соглашению – договориться, третья планета от Солнца – Земля; англ. to have a look – to look; to take a walk – to walk, to make an agreement – to covenant; исп. .hacer preguntas – preguntar* ('спрашивать'), *pasear – dar un paseo / dar una vuelta* ('прогуливаться'), *ponerse de acuerdo – convenir* ('договориться')); 3) экспрессивно-оценочное или прагматически нейтральное (*опоздать – прост. припоздниться, идти – плестись, смеяться – хихикать, удача, фортуна – рок; шпион – контрразведчик, знаменитый – пресловутый, зачинщик – инициатор – сподвижник*), 4) имплицитное и эксплицитное с актуализацией ядерных или периферийных языковых единиц (ср. использование вопросительных высказываний в функции прямого или косвенного, а также риторического вопроса): *Ты не дашь мне свой конспект?*

[ЖРР]; *Я к вам пишу – чего же боле? / Что я могу ещё сказать?* (А.С. Пушкин). Перечисленные техники языковой интерпретации подробнее освещены в [Сергеева 2003: 25-26]. Эти феномены иллюстрируют нелинейность, многообразие и эквивиальность функционирования языка, поскольку открывают широкие возможности для успешного осуществления коммуникативного замысла и подчинены не только социокультурным канонам, но и индивидуальному выбору говорящего.

Интерпретации подвергаются, как правило, такие элементы концептуальной среды, которые занимают приоритетное положение в практическом опыте носителя языка. Как следствие, они представлены в семантических сферах повседневной деятельности, относительно которых выстраиваются жизненные интересы. Это элементы концептуальных областей «человек», «общество», «фауна» и «флора», «артефакты», «функциональные характеристики объектов» [Панасенко 2014а: 17; Болдырев 2015: 9]. Именно эти сферы, в терминах системологии, образуют концептуальную сигнатуру, которая задействуется во вторичном познании и фиксируется языковыми знаками. И если первичное «конструирование» мира с помощью языка (интерпретация в широком смысле), как считают когнитологи, направлено на коллективную схематизацию и классификацию, селекцию, генерализацию или конкретизацию номинируемых объектов, то в узком смысле языковое конструирование подразумевает субъективный срез опыта говорящих.

Языковая интерпретация активизирует взаимонаправленные обратные связи между языком и когницией. С одной стороны, язык интенционально репрезентирует конфигурации коллективного знания, субъективные по объёму, содержанию и структуре (связь репрезентативного и интерпретационного аспектов языка) [Болдырев 2018: 38]; языковые форматы вторичного знания, как и первичного, адекватны мыслительным структурам. С другой стороны, акты интерпретации опосредованы языком, в том числе его субстанциональными характеристиками. Именно язык формирует концепты модусного типа, предоставляет когнитивные модели и альтернативные знаковые способы

вербализации результатов интерпретирующей деятельности, что позволяет говорить о сопряженности интерпретационного и семиотического аспектов его системы. Тем самым он содействует постоянному развитию своей среды – когнитивной базы индивида и социума.

На уровне соотношения «концептуальная система → языковая система» положительные обратные связи со стороны последней обнаруживают факты влияния детерминанты познавательной деятельности на характер избираемых средств языковой интерпретации. Это явление для языков мира, по-видимому, универсально и раскрывается при анализе вербализации в дискурсе некоторого вторичного элемента концептосферы. Так, например, когнитивная специфика рекламного и художественного дискурсов, связанные с ней коммуникативные требования определяют характер речевой актуализации одного и того же концепта, скажем, концепта СИСТЕМА.

Рекламная коммуникация, как известно, институциональна и подчиняется установке на информирование, а также воздействие в целях продвижения товара на рынке продаж. В частности, она реализуется с помощью тактик аргументации, переакцентуации признаков и позитивной дифференциации продукта как такого, который наиболее эффективен для реализации запросов клиента, а потому наиболее выгоден для него на фоне конкурентных. Соответственно этому в контексте коммерческой деятельности вторичные знания о системе (система как техническое устройство; марка чего-л.; способ деятельности; учение; форма социального и политического устройства) перерабатываются и транслируются в тесной связи с ключевыми концептами ВЫГОДА и ПРОДАЖА, вокруг которых в данном случае выстраивается детерминанта когниции. Как следствие, в русскоязычном дискурсе наиболее часто профилируются и подвергаются актуализации следующие вторичные слои концепта СИСТЕМА: **‘способ осуществления деятельности’ – 65%** (*Хотите добиться стойкого насыщенного цвета и закрасить седые волосы? Великолепный цвет – результат системы окрашивания от DECORÉ [Новинки косметики] // «Лиза», 2005*], ОАО «Саянскхимпласт» с 2006 года постоянно поддерживает в действии

комплексную систему менеджмента [Реклама // «Эксперт», 2014], *Пылесос Samsung с новой вихревой системой фильтрации «Twister»*. Если вы слегка рассеяны и, вернувшись домой с работы, уронили за диван ключи, деньги и серьгу из фамильного гарнитура... не стоит, на ночь глядя, передвигать мебель, утомлять себя, любимого, и беспокоить соседей [Татьяна Врацкая. Пылесос Samsung с новой вихревой системой фильтрации «Twister» (2002) // «Homes & Gardens», 2002.09.13]); **‘электронное или техническое устройство’ – 40%** (*Система кругового обзора позволит припарковаться легко, быстро и безопасно, когда вокруг совсем немного места, наблюдая за каждым манёвром автомобиля с высоты птичьего полёта* [Реклама // «Русский репортёр», 2013]; *Наибольший угол обзора оптимален для человеческого зрения, поэтому в системе домашнего кинотеатра трансфокатор CP – X 403 значительно выигрывает у «дальнозоркой» оптики конкурентов* [Дмитрий Лысак. Представительский класс // «Stuff», 2003.03.06]); **‘модель, марка чего-л.’ – 12%** (*Поступления новых разработок фирмы Polisan в магазинах системы «Ордер». Скидки на керамическую плитку и обои в магазине «Электроника» на Алексеевской* [Отвечай – и выиграешь! (2002) // «Биржа плюс свой дом» (Н. Новгород), 2002.08.12]; *Оборудование осветительными приборами кино-фабрик. Запасные части к аппаратам всех систем. Ново!* [Реклама // «Советское фото», 1926]) [Миронова 2017].

Свойства художественного дискурса, напротив, подразумевают личностно-ориентированное общение, которое со стороны автора детерминируется задачей творчески вербализовать некий значимый фрагмент субъективной картины мира. Поэтому эстетическая функция языка доминирует здесь над информационной, а функция воздействия рассчитана на фасцинативный отклик реципиента, предполагает его духовное обогащение. Ключевые концепты изыскиваются здесь прежде всего в области уклада человеческой жизни, в мире природы или металитературного знания. Такое свойство мироздания, как системность, часто подвергается языковой концептуализации в соответствующих этим областям когнитивных контекстах. Анализ поэтического дискурса, проведённый в данном

аспекте с использованием НКРЯ, позволяет заключить, что в отличие от дискурса рекламы в фокус рефлексии помещается социально-политическое «прочтение» системы (~75%) и реализуется в гражданской лирике 2-ой половины XX века. Вокруг этого концептуального слоя выстраиваются основополагающие для гражданской поэзии фрагменты мировидения, определяется ракурс гражданской позиции. Субъективно-ориентированная специфика поэзии и особенности жанра влекут за собой преобладание здесь не столько телеологических и утилитарных, как в рекламе, сколько нормативных и психологических оценочных смыслов, которые выстраиваются вокруг концептов небезразличных для оценки реалий социального уклада: ПАТРИОТИЗМ, ГРАЖДАНИН, РОДИНА, ГОСУДАРСТВО, ОБЩЕСТВО [Гражданская поэзия 2020]. С позиции созерцателя действительности авторы стихотворений выражают преимущественно отрицательные интерпретации, опираясь при этом на фоновые знания о беззащитности отдельного человека перед строгим, бескомпромиссным укладом политической системы: *Рычит ли собака, мычит ли корова, / Система на страже.* / [Ю.П. Кузнецов], *Тут к вопросу подойти – / Шутка не простая: / Кто в Системе, кто в Сети – / Тоже Сеть густая* [А.Т. Твардовский]; о её скудности, однообразии: *Тоска периферийная по центру / сидеть среди отмеченных Системой* [В.Б. Кривулин], *Один соглядатай сменяет другого / Газета все та же* [В.Б. Кривулин]; о противоречивости и несправедливости существующего режима: *...Не трагедию, / даже не драму, / Записал, а скорей, панораму / Социального напластованья и срез / Разнослойной системы...* [И.С. Холин]; *Суета сует и обман, / Словом, полный анжамбеман. / Сунь два пальца в рот, сочинитель, <...> / Потому что система – ниппель* [С.М. Гандлевский]. Вторичный понятийный слой концепта, соответствующий способам осуществления практической деятельности, выделяется в случае метапоэтической рефлексии, например, при осмыслении роли авторского идиостиля: *Лаборатория поэта – / Его черновики. / На них есть верная замета / Его души, его руки. // Священнодействует над темой, / Колдует над своей / Периодической системой / Любвей и нелюбвей* [Д. Самойлов]; *Не стал я создавать систем, / пишу лишь то,*

что вижу, / и с чем я был, остался с тем, / не поднялся я выше [Б.А.Слуцкий] [Миронова 2018].

Отсылочность и экспериенциальность вторичной концептуализации проявляются на уровне отдельных языковых средств и одновременно затрагивают глобальные параметры существования систем. К примеру, они ложатся в основу критерия качества языковой системы, выделяя группы знаковых элементов по характеру их интерпретирующей функции. Являясь системой гетерогенной, несущей в себе «отпечаток» неоднородных когнитивных процессов и механизмов концептуализации, естественный язык объединяет в себе единицы, соотносимые с разными модусными концептами: концептами **эмоций** (*радость, грусть, удивление, тревога, страх...*), **отношений к чему-, кому-л.** (*любовь, ненависть, симпатия, гордость, доверие...*) и **оценок** (*хороший, плохой, интересный, эффективный, красивый, добрый, вредный...*), **детерминативности** (ср. *артикли или постфиксы в европейских языках, указательные, неопределённые, определительные местоимения в русском языке*), **аппроксимации** (ср. в русском языке выражение точности или приблизительности с помощью аранжировки (*три года – года три*), наречий (*определённо три года – примерно, приблизительно три года*), предлогов (*около трёх лет*), фразеосхем (*нет / не прошло и трёх лет*), однородного ряда (*через два или три года*), **релятивности событий** (ср. *передачу таксисных отношений соотносительности событий в сложном предложении, в явлении согласования времён или наличия соотносительных форм времени прошедшего или будущего плана*), **отрицания** (*непогода, не найти, никакой, не с кем, невозможный, нет, отсутствовать, нехватка*), **эвиденциальности** (ср. *русские вводные конструкции авторизации по мнению кого, как отмечает кто, согласно кому / чему или фразеологизмы слышать своими ушами, видеть своими глазами и т.д.*), **персуазивности** (*совершенно точно, вряд ли, наверное, скорее всего, видать, кажется; как на духу, вот те крест, одна баба сказала...*) и т. д.

Наряду с первообразными, естественный язык располагает производными единицами, служащими для интерпретации познаваемого. Феномен производности охватывает использование уже существующих знаков языка для

обозначения новых или уже известных денотатов, что демонстрирует лексическая и семантическая виды деривации, вторичное употребление морфологических форм (*ходить в шелках, сибирские красоты, ароматические масла; А он возьми и скажи!, Возьми он с собой палатку, можно было расположиться в лесу*), разнообразные модификации конструкций словосочетания и предложения (ср. такие иллюстрации, как *года три* вместо *три года; Вошла и стоит у входа* с опущением субъектного компонента или *Мальчик рос здоровым* с контаминацией структурных схем).

Интерпретирующие единицы весьма разнообразны и выполняют как функции, общие с первичными единицами (номинативную, эмотивную, метаязыковую, оценочную, абстрагирующую...), так и специфические задачи (ср., скажем, образно-эстетическую и компрессивную функции лексических единиц *ознаменоваться, грядущий, ратовать* и *зачётка, дистант, МГУ*, а также специальное назначение сложного предложения передавать *логически связанный комплекс событий*). На основе механизма фигуру-фоновых отношений могут быть сгруппированы словообразовательные феномены (имеющие мотивированность), лексические (метонимический перенос), грамматические (дейктические средства, существительные и глаголы, соотношение между семантической и формальной организацией предложения, темой и ремой) [Скребцова 2011: 153].

Таким образом, наблюдается некоторая *специализация* языковых явлений на передаче интерпретирующего содержания определённого типа. Единицы вторичной природы расширяют номинативные, перифрастические и выразительные возможности национального языка, обусловленные принципом его адаптивного развития как когнитивно-коммуникативного феномена. Одновременно, обнаруживая связи с исходными когнитивными и языковыми единицами, вторичные элементы участвуют в структурировании сознания, облегчают процесс оперирования языковыми знаками в оптимальном соотношении репродуктивной и операционной стратегий [Гаспаров 1996: 57]. В

таким ключом они оказываются благоприятными для нужд концептуальной метасистемы.

Основанные на мыслительно-языковом взаимодействии генетические и функциональные характеристики единиц вербальной интерпретации определяют *организацию* этих элементов в языковой системе, в той или иной мере ограничивая их объём, а также направления «конструирования» действительности. Так, в соответствии с прагматической направленностью интерпретации всю совокупность вторичных языковых средств можно подразделить на идентифицирующие и характеризующие [Болдырев, Панасенко 2013]. Характеризующая или идентифицирующая направленность задаёт определённые границы концептуальных оснований их семантики в языке и дискурсивном употреблении. За каждым из этих типов языковой интерпретации стоят конкретные механизмы, которые определённым образом конфигурируют, то есть организуют концептуальное содержание в составе значений и смыслов вторичных языковых форм, задают векторы переосмысления исходного знания (интегральных, дифференциальных признаков и целых слоёв концептов). Следовательно, можно говорить о существовании двух функциональных модулей-подсистем интерпретирующих вербальных единиц, выделяемых по характеру их функций.

Так, идентифицирующая интерпретация задействует рациональный компонент осмысления чувственной или абстрактной информации и опирается на механизмы селекции, метафоры / метонимии (*голова* поезда, *свежая редакция* журнала), установления когнитивного контекста и выбора перспективы (*купля – продажа*, *занять – одолжить*; *система* скидок, *акустическая система*, *избирательная система*; *Она радуется – У неё радость*), генерализации или специализации мыслительного содержания (*чернила* (жидкий краситель любого цвета), *балык* (солёная вяленая рыба), *платье* (женская одежда), активизации пропозициональных схем, в том числе при передаче стереотипов (ср. *гендерный стереотип о женщинах как слабых и робких (= объектах) и о мужчинах – сильных и агрессивных (субъектах)*) [Гриценко 2004]). Все эти когнитивные

механизмы направлены на освоение и означивание нового фрагмента опыта [Болдырев, Панасенко 2013: 7] и коррелируют с кругом определённых ресурсов языка.

Средства характеризующей интерпретации, напротив, в своей организации и функционировании опираются прежде всего на аксиологический и эмотивный модусы переработки информации, которые обладают собственной значимостью для жизнедеятельности человека. Названные модусы интерпретации предполагают выражение субъективной позиции говорящего (эмоций, отношений, оценок, мнений) относительно некоторого социально закреплённого знания и нормативного положения дел [Болдырев, Панасенко 2013: 7; Панасенко 2014а: 15, 37]. Семантика вторичных характеризующих знаков складывается в первую очередь с помощью механизмов концептуальной метафоры, инференции и интеграции с модусными концептами (*широта* эрудиции, *великолепный* момент, *строить* жизнь; ходить – *слоняться*, голубой – *лазурный*; прийти часа в два; дворовая *собаченция*; *По её словам, Иван приехал вчера, Я видела своими глазами* приезд Ивана; Она утверждает, что, *мол, Иван приехал вчера*).

Субъективные смыслы языковых единиц, выполняющих функцию характеризующей интерпретации, создаются на основе *комплексной сигнатуры концептуальной системы*, а именно в опоре на знание естественных объектов, с одной стороны, и, с другой, на содержание модусных концептов оценки, эвиденциальности, тональности, приблизительности, экспрессивности, отрицания, аппроксимации, определённости / неопределённости и нек. других [Болдырев 2013: 7]. Следовательно, зависимость этих интерпретирующих концептов от дескриптивных знаний человека, именуемая в когнитивистике релятивностью их взаимодействия [Категоризация 2012: 111-112], составляет системообразующий и организующий характеризующие единицы фактор. В случае собственно авторских, окказиональных интерпретаций характеризующие признаки некоторой композиционной единицы, по-видимому, имеют системоприобретённый статус, как, например, выделенные (квазиоценочные) единицы в следующих высказываниях: *В этом сезоне бывшая чемпионка мира остановилась в шаге от*

пьедестала; Эта задача достаточно сложная и поэтому вызывает у него интерес.

Различия в области интерпретируемых концептов, их тематических сфер, функций и форматов знания детерминируют семантическое многообразие разноуровневых вторичных элементов языка / речи, которые, в соответствии с принципом необходимого разнообразия, в комплексе означивают широкий спектр антропоцентрических интерпретаций. Благодаря вербальным средствам интерпретации достигается адекватное и экономное с точки зрения концептуальных и языковых ресурсов и при этом эквивалентное кодирование новых ментальных сущностей.

Лексическая и семантическая деривация как ведущие языковые механизмы, скоординированные с концептуальным развитием, позволяют зафиксировать переосмысленную структуру знания в соответствии с организацией языка, особенностями концептосферы и креативности коммуниканта. Так, производное слово фиксирует прагматически значимое для субъекта концептуальное объединение в виде «свёрнутой» пропозиции, организованной по психофизиологическим законам и словообразовательным моделям (типам), предусмотренным данным языком. Результирующий сложный концепт основан на интеграции одной или нескольких тематических областей с категориальными концептами высокой степени абстракции. Совместно они передаются дискретной структурой производного слова и организуют межчастеречные поля: *весельчак* (Психическое свойство + Человек), *Дома снова веселье* (Психическое состояние + Состояние среды), *веселеть* (Психическое состояние + Процесс + Субъект-носитель состояния), *веселить* (Психическое состояние + Процесс + Субъект-каузатор состояния + Объект воздействия).

Креативность речевого мышления, основанная на концептуальной неоднородности и полиморфичности, находится сегодня в центре концептуально-репрезентативного анализа, направленного на выявление разноуровневых средств манифестации заданного концепта в их связи с форматами мыслительного содержания. Напомним, что полиморфичность проистекает из системных

возможностей трансформации компонентов целого и, соответственно, является одним из источников разнообразия, вариативности языковых / речевых феноменов, изомерийной, когда изменение формы, структуры меняет содержание, или не изомерийной, когда модификация структуры сохраняет значение без изменения. В области вторичных единиц примером не изомерийного полиморфизма (если отвлечься от смысловых различий внутренней формы) выступают единицы номинативного поля концепта, скажем, производные слова – абсолютные синонимы, за которыми стоят различные акценты, или «образы обозначаемой или же описываемой действительности» [Кубрякова 2004: 432]. Так, носителями диалектов русского языка одуванчик может именоваться *летучка*, *пухлянка*, *молочник*; зафиксированы диалектные наименования сковороды, выделяющие то действие (*жарница*), то результат (*оладница*) и материал (*чугунка*) [Кемеровская... 2001: 252]; наименования ветреной зимней непогоды, различающиеся интенсификацией непогоды (*метель* – *буран*), передвижением снега (*метель* – *вьюга*), звуковыми эффектами (*пурга* – *вьюга*) [Новый объяснительный словарь синонимов 2003: 535]. Ср. в русском литературном языке *лютик едкий* (от *лютый*) – *куриная слепота*; *лётчик* – *авиатор*, *врач* – *медик*, *языковед* – *лингвист*, а также профилирование различных сторон денотата, организующее значения слов в разных языках: лат. *aquilegia* ('водосбор') – рус. *колокольчик*, болг. *възглавница* – рус. *подушка*, рус. *гречневая каша* ('каша из крупы, завезённой греками') – словацк. *pohánková kaša* (букв. 'языческая каша') – исп. *rapilla de alforfón* ('каша из ядрицы гречихи') – итал. *grano saraceno* ('зерно сарацинов').

Наличие мотивировки у дериватов выступает как системообразующий фактор его организации в актуальной обратной связи с каждым из совмещённых концептов – концептами ономаσιологического базиса, признака и предиката, лежащими в номинативной структуре производного слова. Семантическое производство, в свою очередь, базируется на выборе перспективы (сдвиг фокуса внимания) внутри одной понятийной сферы либо на взаимодействии разных понятийных сфер и сохраняет при этом языковую форму выражения. В действие

вступают семантический сдвиг или семантический перенос [Лапшина 1998], которые, соответственно, соотносимы с механизмами метафоризации или метонимизации / специализации / генерализации. Метафоризация, как природная закономерность аналогического мышления, зачастую используется для осмысления недостаточно освоенных абстрактных реалий и может быть воспроизводима (узуальная метафора) либо производима (авторская, художественная метафора): *время бежит; крепкая дружба; Никита вписался в эту систему, как правильно подобранный кусочек мозаики в общую картинку, И вот уже мечтою странной / Душа наполнилась моя* [НКРЯ]. Обращаясь к мотивации вторичных знаков, можно согласиться с мнением Е.Е. Хазимуллиной об организующей роли этого феномена в динамике языка и когниции. «Языковая система самоорганизуется под влиянием психофизиологических свойств человека, формирует разнообразные типы внутренней мотивированности своих средств (формальный, семантический, значимостный, функциональный), реализующиеся в речи», – отмечает исследователь [Хазимуллина 2015: 151].

Итак, вовлекаясь в процессы получения и передачи знаний о мире, естественный язык как открытая система обнаруживает регулирующие принципы своего существования, которые характеризуют его как систему динамическую. Информационные обратные связи с концептуальной средой обеспечивают дальнейший рост качеств, укрепляющих статус языка в роли универсального и гибкого средства познания и коммуникации. С той или иной мерой активности данные процессы и механизмы сопровождают все этапы жизни когнитивно-семиотической системы как динамического образования, от возникновения до ликвидации (в случае, например, исчезнувших языков), но особенно характерны для этапов становления и зрелости этой системы. В частности, они определяют последовательное усложнение свойств его строения, но в то же время направлены на оптимальную их организацию и компактность функционирования.

Специфика интерпретирующих вербализаций, определяющая отсылочность их семантики к первичным языковым и когнитивным структурам, а также их

теснейшая связь с субъективным опытом говорящих, задаёт критерий качества различных подсистем этих единиц с точки зрения их генезиса и функций. Интерпретируя исходное концептуальное содержание в рамках идентифицирующего или характеризующего осмысления, такие вторичные элементы соотносятся друг с другом по *принципу специализации* и, кроме того, подчиняются *принципу необходимого разнообразия*, что позволяет передавать широкий спектр смыслов в антропоцентрическом измерении действительности. Продолжая наше исследование, обратимся к структурным характеристикам вербальных феноменов, задействованным во вторичной концептуализации.

4.3. Структурные характеристики языка и вторичная концептуализация мира

Структурные взаимосвязи вербальных единиц образуют постоянный фактор организации интерпретирующего содержания и имеют важное значение как для концептуальной, так и для языковой системы. В соответствии с системными постулатами *детерминизма*, *выбора* и *качества* характеристики внутренней и внешней, морфологической и динамической структуры языка устанавливаются на таком качественном уровне, чтобы благоприятствовать развитию когнитивной метасистемы, с одной стороны, и, с другой стороны, адекватно передавать вторичные смыслы. Сохраняет актуальность высказанная А.Е. Кибриком мысль о том, что для выполнения собственного предназначения язык «должен иметь не произвольную природу... а именно такую, которая оптимально согласована со способами его использования» [Кибрик 2002: 32-33]. Это предполагает определённое, функционально целесообразное структурирование смыслового содержания при помощи языковых и когнитивных механизмов постольку, поскольку в основе семантических структур лежат ассоциируемые со знаками структуры концептуальные и каждая такая конфигурация стоит за отдельным

значением слова в языке и речи. Осваивая мир в опоре на уже известные элементы концептосферы, когнитивный аппарат человека упорядочивает и ассоциативно встраивает новые знания в сеть имеющихся у него ментальных репрезентаций. *Организирующими ограничениями* в этом процессе являются психофизиологические возможности индивида, его социальные, культурные, территориальные особенности, а также сама специфика ситуативного контекста. Это вполне соответствует принципу апперцепции и структурированному характеру познавательной деятельности, осуществляемой с помощью когнитивных моделей. Обращаясь к данному аспекту когниции, отечественные лингвисты-когнитологи ведут речь о зависимости интерпретирующей активности мышления от индивидуальных и коллективных схем интерпретации [Болдырев 2016: 13]. Такие схемы (модели) участвуют как в формировании, так и в процессе хранения и оперирования знаниями, то есть в работе индивида с тематическими и операционными концептами. Упорядоченная организация вторичного когнитивного опыта облегчает и ускоряет доступ к его компонентам в условиях речемыслительной деятельности. Как следствие, языковая система прибегает к различным видам мотивированности «особенностями памяти, кодирования информации в мозге человека, структурой действительности», так что в этом смысле произвольность языка и речи оказывается существенно ограничена [Хазимуллина 2015: 151].

Положительная обратная связь языка с когницией приводит к тому, что закономерности структурной организации вторичных знаний ложатся в основу вторичных вербальных структур. На данное соотношение структур указывали многие зарубежные и отечественные исследователи, разрабатывая когнитивные теории языковых явлений: Дж. Лакофф и М. Джонсон – в своей теории концептуальной метафоры, Э. Рош – в рамках прототипического подхода, Р. Лэнэкер – в контексте когнитивной грамматики, Ч. Филлмор – на уровне фреймовой семантики, Ж. Фоконье – в теории ментальных пространств, Н.Н. Болдырев – при изучении взаимодействия мыслительных и языковых структур). Поскольку в основе вторичных единиц лежат различные итоги концептуальной

деривации, то всё множество способов, моделей и механизмов интерпретации в языке базируется на межконцептуальных связях и сопряжении концептуальных признаков внутри новообразованных структур. Пользуясь терминологией Л.В. Бабиной, взаимодействие концептуальных характеристик во вторичном концепте главным образом подчиняется организующим принципам интегративности и композиционности [Бабина 2003]. Н.Н. Болдырев подчёркивает разнообразие способов композиции исходного и новообразованного концепта и выделяет здесь модели «части-целого», «нейтрализации», «усиления или ослабления определённой характеристики», «градации степени проявления признака», а также «изменения перспективы репрезентации концепта» [Ивашкевич 2016: 57]. Таким образом, *системоприобретённые связи* двух концептов, обусловленные развитием концептосферы, вырастают из отношений между сопрягаемыми концептуальными признаками.

Предпосылка структурирования семантической информации создаётся также за счёт связей производности вторичных концептов с исходными, что достигается на основе логических отношений между ними. Эти связи можно свести к трём типам концептуальной деривации: конкретизирующей, трансконцептуальной и абстрагирующей [Тупикова, Семухина 2019]. Они считаются универсальными, однако выбор той или иной схемы интерпретации и содержание результирующих структур зависят от когнитивного опыта и интенций говорящего.

В первом случае новый фрагмент опыта базируется на конкретизации или оценке отдельных концептуальных признаков и репрезентируется в семантике *оценочных лексем*, во внутренней форме *производных слов, фразеологизмов, эвфемизмов и дисфемизмов*. При этом наличествует комплексное участие морфологического и функционального аспектов структуры. К примеру, морфологическую сторону номинативной структуры производного слова составляет пропозиция, лежащая в основе вторичной лексической единицы. Функциональная её сторона усматривается в иерархии ролей каждого из элементов этой структуры. Доминирующим компонентом с точки зрения

коммуникативно-номинативных задач признаётся ономаσιологический базис, представленный аффиксом или целым производящим словом, а ономаσιологические признак и предикат (связка) считаются подчинёнными элементами в организации лексического содержания [Кубрякова 2004: 408, 414]. В русле учения Ж. Фоконы ономаσιологический предикат может рассматриваться в роли концептуального коннектора [Fauconnier 1994], логически связывающего между собой ментальные области с помощью функциональных, предметных или признаковых характеристик. Так, в номинативной структуре слова *подоконник* ономаσιологический базис, выраженный суффиксом *-ник-*, выражает предметную интерпретацию именуемого, ономаσιологический признак (*под-*) указывает на пространственную локализацию по отношению к релятуму, обозначенному в корневой морфеме; ономаσιологический предикат, связывающий базис с признаком, соответствует релятуму, то есть объекту, относительно которого устанавливается пространственное положение другой сущности [Бороздина 2012]. В сложных словах вроде «вагоноремонтный», «восточноевропейский» сопряжённость концептов базиса (*абстрактное указание на свойство с помощью суффиксов*), признака (*вагон-*, *восточн-*) и связки (*ремонт-*, *европ-*) на базе когнитивного механизма развития позволяет интерпретировать и вербализовать сложное качество объекта [Бабина, Феденко 2015: 42-43]. Скрытый предикат ‘профессиональная деятельность’ обнаруживаем в функциональной структуре наименований лиц *писатель* и *регулирущик*. Следует отметить, что фокусируемые характеристики сопряжённых концептов определяют собой не только значение, но и синтагматический потенциал деривата: *университетское образование* (профилируется признак ‘уровень образования’), *университетская площадка* (профилируется признак ‘принадлежность’), *университетское совещание* (профилируется признак ‘место’), *университетский слёт* (профилируется признак ‘субъект действия’).

Таким образом, существующие в системе языка словообразовательные модели, бытующие на нейрофизиологической, когнитивной и собственно языковой основах, представляют собой схемы компактной вербализованной

композиции пропозиционально связанных концептов. Эти модели позволяют с необходимостью избежать развёрнутых суждений, а словообразовательное гнездо демонстрирует возможности по-разному выделять слоты фрейма, репрезентирующего общую типичную ситуацию в картине мира. Соотнесённость концептов словообразовательного гнезда в рамках общего фрейма создаёт ассоциативные, а на уровне языка – эпидигматические отношения лексем. В современной лингвокогнитологии анализ концептуальных оснований производного слова, стоящих за ним унаследованных и новых знания структур проводится методом скетч-фреймов [Бабина 2008].

Следующий, трансконцептуальный, вариант формирования вербализованных структур мысли заключается в когнитивной опоре на уже существующую в языке номинацию. Вместе с тем последняя представлена здесь в новой функции – выражать итог интерпретирующих мыслительных процессов «внутри одной (*метонимия*) или между разными областями знания (*образное сравнение, метафора... идиоматизация, прецедентные феномены*)» (курсив наш. – Д.М.) [Болдырев 2018: 39; см. также Тупикова, Семухина 2019: 865]. В данном ряду языковых явлений семантическая деривация является наиболее частотной. Функциональные связи между исходным и вторичным концептами, стоящими за полисемантом, поддерживаются использованием общей знаковой формы. Такой способ структурирования языкового сознания содействует стратегически экономному и упорядоченному оперированию ресурсами памяти при образовании / воспроизведении вербальных единиц [Гаспаров 1996: 57]. Одновременно оно позволяет реализовать ряд системных принципов: *иерархичности* (ср. историческую производность и когнитивную зависимость вторичных ЛСВ от более раннего), *многообразия* (ср. соответствие количества, а также содержания ЛСВ разного рода концептам, подлежащим вторичной фиксации) и *экономии* (ср. возможность сокращения языкового / речевого кода за счёт передачи ассоциативно связанных концептов единым экспонентом знака). В случае вторичных метафорических выражений актуальные связи сопряжённых ментальных областей создают образность внутренней формы. Это позволяет не

только акцентировать приоритетные характеристики обсуждаемого, но и устойчиво закрепить вторичную лингвоментальную единицу в структуре сознания.

Необходимо отметить существование разных концепций когнитивной организации полисеманта, когда речь идёт об организации знаний в его структуре. Эти концепции выдвигают различные принципы тех системообразующих связей, которые на когнитивной основе «скрепляют» исходное значение с производными. В отечественной науке едва ли не наибольшее распространение получили концепции лексической инвариантности С.А. Песиной и сетевая модель Р. Лэнэкера. Первая модель подчёркивает влияние языкового опыта, а именно типичных, регулярных употреблений, за счёт которых в сознании говорящих складывается прототипическая когнитивная структура, содержащая в себе инвариантные для всех значений концептуальные признаки. Эти признаки лежат в основе наиболее абстрактного языкового значения, или лексического инварианта. Дальнейшее лексико-семантическое варьирование объясняется профилированием и конфигурированием элементов этой инвариантной структуры [Песина 2011; см. также: Песина, Латушкина 2014]. В конкретных условиях речи, с учётом параметров ситуации, приводится в действие тот или иной из них. Например, абстрактный семантический инвариант слова «ветвь» ‘боковой отросток’ сводит воедино номинации побега дерева, линии родства и, скажем, филиала в составе предприятия; стена как ‘вертикальная плотная часть...’ объединяет между собой метафоры *стена дождя*, *люди идут стеной*, *стена тумана* [Песина, Латушкина 2014; Песина, Латушкина 2016; Ефремова 2000; Ожегов, Шведова 2003; МАС 1999].

Р. Лэнэкер, в свою очередь, предлагает сетевую модель полисеманта, противопоставляя её инвариантному подходу и, в целом, идее абстрактной генерализующей схемы. Синтезируя в себе «теорию прототипов и категоризации» [Langacker 1991: 266], данная модель опирается на отношения концептов – узлов сложной мыслительной структуры, устанавливаемые путём схематизации (специализации и генерализации содержания: ‘circular entity’ → ‘circular object’;

‘circular entity’ → ‘arena’, необязательно круглой формы) или расширения за счёт метонимии или метафоры: ‘circular object’ → ‘circular piece of jewelry’, ‘circular mark’ [Langacker 1991: 3; Langacker 1988]. Отдельные признаки или целые пропозиции, выделяемые в рамках одной либо нескольких ментальных областей, выступают как своего рода коннекторы. Они обеспечивают функциональную сторону межконцептуальных связей, а в языке, как можно видеть, реализуются наличием общих сем в содержании ЛСВ, что часто просматривается и в словарной дефиниции.

При метонимизации языковая форма репрезентирует итог мыслительного структурирования за счёт сдвига фокуса внимания в рамках стереотипных предметных отношений [Гак 1977]. Реализуется индексальность как способность мышления достраивать целое по части (или наоборот) и воспроизводить один элемент денотата на основе другого, в частности, передавать концепты субъекта, места, результата действия на основе номинации самого действия (*редакция выпуска продолжается* → *дружная редакция, адрес редакции, свежая редакция*). Структурная организация метафоры, напротив, затрагивает разные концептуальные области (две – в теории Дж. Лакоффа и четыре – в работах Ж. Фоконье, М. Тернера). Уже известные признаки и структуры знания (области-источника) по определённой модели проецируются в сферу вновь познаваемого (концептуальную область-цель). Происходят более или менее конвенциональные межконцептуальные переходы, которые схематизируются за счёт многоликих моделей онтологической, ориентационной, структурной метафор по сходству формы (*боксёрская груша*), цвета (*малиновый закат*), звучания (*серебряный голос*), месторасположения (*ветка путей, голова поезда*), пространственных ориентиров (*центр интересов, приподнятое настроение, в счастье и в радости*), структуры действия (*нырнуть в толпу, противоборство сторон*) и нек. другие. Комплексное участие этих организующих механизмов характерно для метафтонимии, явления, описанного в начале 90-х годов Л. Гуссенсом (*прикусить язык, аплодировать переменам* [Goossens 1990]).

Третий, абстрагирующий, тип концептуальной деривации [Тупикова, Семухина 2019: 865] влечёт за собой появление таких единиц, исконных или заимствованных, которые закрепляют вертикальные межконцептуальные связи в рамках новообразованных интегративных структур. Это влечёт за собой появление таких многозначных единиц, которые означивают матричные объединения концептов, а в структуре ЛСГ – категориальные. Образование этих парадигматических структур отражает движение мысли от конкретного к наиболее абстрактному или наоборот и может быть, в частности, проиллюстрировано специализацией значений слов *система*, *культура* и *наука*. Так, наиболее абстрактные знания о системе как упорядоченной совокупности элементов, объединённых единой целью, по матричной модели уточняются в контексте когнитивных областей ЭКОНОМИКА, ПОЛИТИКА, ОБЩЕСТВО, НАУКА, ФИЛОСОФИЯ, ТЕХНИКА, КОМПЬЮТЕРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ, ПРАКТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, БЫТ и МЕДИЦИНА [Миронова 2019: 153]. Другой пример: когнитивная матрица концепта НАУКА вербализуется в её проецировании на реалии природы, человека и общества, техники, в соответствии с чем выстраиваются как сама типология наук, так и их *терминологические системы* (ср., к примеру, более и менее узкоспециальные термины из области биологии: *биосфера*, *систематика*, *биоценоз*, *фотосинтез*; лингвистики: *языковая личность*, *естественный язык*, *идиолект*, *коммуникативное сознание*, *функционально-семантическое поле*; социологии: *социальная роль*, *социальная стратификация*, *референтная группа*, *респондент* [Словарь-справочник по социологии 2011; Социологический словарь 2010]; экономики: *хозяйствующий субъект*, *денежная система*, *экономический подъём*, *система национальных счетов* [Экономический словарь 2006]; машиностроения: *технология машиностроения*, *сборочная единица*, *износ*, *коррозия* [Машиностроение 2022]; информатики: *база данных*, *информационная сеть*, *безопасность информационной системы* [Словарь-справочник терминов... 2014]).

Концептуальная деривация находит регулярное выражение и на уровне грамматических структур, которые в этом случае не только раскрывают

принципы организации языка как системы коммуникации, но и, выступая схемами вторичного познания, интерпретируют знания о фрагментах опыта, «представляя их в качестве конкретных и абстрактных, физических и ментальных субъектов, объектов, действий, процессов, состояний, отношений, статических и динамических признаков и используя различные виды... синтаксической связи, разные типы синтаксических единиц и их коммуникативных типов» [Болдырев 2016: 17]. При формировании смысла синтаксических единиц говорящий соотносит имеющиеся в его сознании элементы языкового и неязыкового знания (синтаксических моделей и сведений о мире) со знанием коммуникативно-прагматического контекста, структурируя таким образом концептуальное и вербальное содержание. Так, по-разному интерпретируются в языках мира вербализованные концепты субъектно-объектных отношений (ср. *активный и пассивный залоги, надежное маркирование в языках номинативного, эргативного, активного и нейтрального строя*) или, скажем, логические взаимосвязи событий в сложном предложении гибкой структуры (*Кто будит, тот рано встаёт – Тот рано встаёт, кто будит; Он изучает иностранные языки, потому что любит путешествовать – Он любит путешествовать, поэтому изучает иностранные языки – Он любит путешествовать и изучает иностранные языки*). В интерпретационном речевом акте может модифицироваться порядок компонентов структурной схемы или полнота их реализации, что отчётливо иллюстрирует феномен регулярных реализаций модели предложения, демонстрирующих изомерийный полиморфизм этой единицы языка: *Вася рос в деревне* ($N_1 V_f$); *После трёх лет Вася начал активно расти* ($N_1 \text{Cop} \text{Inf}$); *Вася рос здоровым* ($N_1 V_f \text{Adj}_{1/5}$); *Рос в деревне* ($\emptyset V_f$). Маркировочная разновидность интерпретирующей функции языка [Ирисханова 2014: 11] отмечается лингвистами на примере актуального членения высказывания, когда естественный язык позволяет объективировать значимостный статус сообщаемого, данное и новое в его информационной структуре.

Суммируя изложенное, подчеркнём, что структурные взаимосвязи как важнейший системный параметр играют весьма существенную роль в организации интерпретирующего содержания. В существовании реальной системы установление этих взаимосвязей, внутренних и внешних, морфологических и динамических, системообразующих и системоприобретённых, происходит сообразно с принципами *детерминизма*, *выбора* и *качества*. В целях адаптации к развивающейся концептуальной среде качество структурных связей должно оптимально содействовать развитию картины мира носителей языка, с одной стороны, и служить адекватной передаче интерпретирующих смыслов, – с другой. Это достигается за счёт функционально целесообразного структурирования семантики при помощи языковых и когнитивных механизмов, обслуживающих процесс концептуальной деривации, конкретизирующей, трансконцептуальной или абстрагирующей. При этом во многих случаях обусловленная *принципом функциональности положительная обратная связь* языка с когницией порождает участки изоморфизма в организации вторичных знаний и производных вербальных структур. Сопряжение единиц концептосферы служит средством обогащения и организации когнитивного опыта в сознании человека и, по принципу этого типа причинной связи, находит выражение в естественном языке. Проявления целостности как следствие интеграции вербализованных концептуальных сущностей находятся в центре внимания далее.

4.4. Интегративные качества системы языка в осуществлении вторичной концептуализации мира: кооперативность и эмерджентность

Динамичность концептуальной системы, её постоянное развитие во взаимодействии человека с окружающей действительностью проявляется также на уровне системной целостности. Сообразно *принципам функционального*

детерминизма и *кавалитета*, ведущим в рассматриваемом взаимодействии, аспекты концептуальной целостности находят прямое выражение в реальности языковой. Увеличение числа концептов, отражающих новые сведения о мире в определённых структурах знания, придаёт концептуальной системе большую сложность за счёт роста в ней интегративных качеств. Эти качества обусловлены функциональной *взаимозависимостью* единиц знания, а также связанных с ними когнитивных механизмов. В организационном аспекте отметим принцип их целесообразной *кооперации*, *координации* между собой в познавательных процессах, что является частным случаем взаимосодержащей зависимости элементов системы. Данный аспект целостности отличает гармоничную системную организацию от хаотического набора компонентов, функций и процессов.

Системообразующие параметры целостности концептуальной среды не безразличны к *эмерджентным*, *нелинейным процессам*, сопровождающим появление новых концептуальных сущностей. В настоящее время доказано, что в развитии природы и общества увеличение объёма единиц и структурных связей в системе повышает её структурно-функциональную целостность, которая, в свою очередь, создаёт предпосылку для прямо пропорционального нарастания эмерджентных системных свойств. Вызывая те или иные трансформации, они выступают как условие перехода количественных изменений в качественные и стимул для рождения новизны на каждом витке эволюции [Князева 2000: 79; см. также Комлев 2006: 134]. Напомним, что эти трансформации, или «превращённые формы» (в терминологии Г.П. Мельникова), обусловлены, во-первых, уникальным взаимоналожением свойств компонентов системы и, во-вторых, утратой одних и фокусировкой других при установлении новых системных связей, так что каждый из элементов в составе целого теряет прежнюю идентичность.

Результаты этих нелинейных процессов полезны в том отношении, что, укрепляя оптимальное многообразие сложной системы, они содействуют эффективности её функционирования. Таким образом, они согласуются с

кардинальным положением синергетики о *гомеостатичной программе самоорганизации системного объекта*, то есть такой, которая позволяла бы ему устойчиво функционировать в среде в соответствии с предназначением. Так, на уровне когнитивной деятельности человека результаты концептуальной деривации, фиксируемые вторичными средствами языка, расширяют возможности альтернативного конструирования картины мира.

При анализе когнитивно обусловленной эмерджентности, выраженной в языке, уместно иметь в виду принципиальную *иерархичность холистических параметров системного целого в его развитии и функционировании*. Данная синергетическая закономерность задаёт возрастающую сложность и относительную автономность задач каждого вышестоящего уровня структуры за счёт специфической композиции свойств нижестоящего стратума. Поэтому не композиционные качества чаще проявляются как признаки структур, относящихся к более глобальному, превосходящему уровню [Honkela, Nuvarinen, Vaurnen 2005: 131]. Это положение весьма актуально для системы сознания и мышления, которая способна усложняться за счёт *эмерджентного слияния* (блендинга) концептов, ментальных пространств, а значит, содержащихся в них различных аспектов информации [Виноградова 2015: 83].

Способность к совмещению ментальных пространств – одна из базовых характеристик когниции; ей приписывается конституирующая роль в процессе интеллектуальной эволюции человека [Turner 2001]. Концептуальная интеграция, согласно Ж. Фоконье и М. Тернеру, заключается в умственной проекции между структурами двух и более ментальных областей. За счёт концептуальной интеграции в этом случае организуются нелинейные новообразованные структуры знания – бленды (от англ. blend – ‘смешение, сплав’), не сводимые по содержанию к сумме элементов исходных пространств. Приоритет такого способа концептуального развития объясним в плане экономии когнитивных усилий, поскольку бленд, являясь целостной и компактной «упаковкой» знания, позволяет легче сохранять их в памяти, извлекать и оперировать ими [Fauconnier, Turner 1996]. Развитое до навыка оперирование блендами наделяет мыслительную

деятельность гибкостью и значительной сложностью. Оно делает в принципе возможным передачу информации о некотором положении вещей в единстве его коммуникативно значимых характеристик из разных областей жизнедеятельности. Возникая и преобразуясь непосредственно в речемыслительной деятельности, новообразованные ментальные пространства представляют собой иллюстрацию нестабильных эмерджентных феноменов.

Концептуализация на основе слияния ментальных пространств лежит в основе вторичных значений многозначного слова. Так, семантика зооморфизмов (*лиса, сурок, байбак, осёл, верблюд, лебёдушка, ласточка*) интегрирует исходные фреймы ЖИВОТНЫЕ и ЧЕЛОВЕК с актуализацией и дефокусированием отдельных характеристик. Тот же когнитивный принцип служит для производства мутационных (то есть менее предсказуемых) значений слов вроде *аквалангист* = пространство 1 концепта СРЕДСТВО ДЕЙСТВИЯ + пространство 2 концепта ПРОФЕССИЯ; *синяк* = пространство 1 ЦВЕТ + пространство 2 ЧЕЛОВЕК; *стеклярус* = пространство 1 МАТЕРИАЛ + пространство 2 РУКОДЕЛИЕ, а также формирует значения относительных прилагательных, сочетаемость которых высвечивает тот или иной реляционный аспект в общем ментальном пространстве: *грибная поляна* = пространство 1 концепта ГРИБ + пространство 2 концепта ЛЕС, реляционный признак 'содержащий в изобилии', *грибной дождь* = пространство 1 концепта ГРИБ + пространство 2 концепта ПОГОДА, реляционный признак 'вызывающий появление чего-л.', *грибная корзинка* = пространство 1 концепта ГРИБ + пространство 2 концепта ПРЕДМЕТ БЫТА, реляционный признак 'вместилище чего-л.'.

На синтаксическом уровне механизм концептуальной интеграции организует смысл высказываний, за которыми стоит операционный концепт, интегрирующий один или несколько исходных фреймов типичных сведений о феноменах окружающей действительности. Наибольшей эмерджентностью, понимаемой как уникальный и не суммативный смысловой результат, обладают высказывания с компонентом имплицитной информации. К примеру, объединение в целое фреймов «успех» и «отношение к любимому человеку» в

ходе порождения адекватного причинно-следственного смысла высказывания *Он добился высоких результатов ради своей любимой* становится возможным за счёт инферентного обращения к фоновым социальным знаниям, реализуемого на уровне навыка при осмыслении ситуации. Другой пример – высказывание *Стало историей время Горбачева и его последователей, пришло время людей, способных брать ответственность на себя*, прозвучавшее в российском предвыборном дискурсе. Эмерджентность данного высказывания, порождаемая импликатурой ‘прежняя власть не брала ответственность на себя’ при интеграции аспектов фрейма «эпоха» (‘динамичность’, ‘субъекты-персоналии и их характеристика’), прагматически иного свойства. Она используется интенционально и позволяет манипулировать сознанием электората, скрыто воздействовать на него с целью произвести впечатление для повышения собственного имиджа (тактики побуждения и размежевания [Михалёва 2009]). В свою очередь, в высказывании *Сергей Лавров – глава Министерства иностранных дел* новый смысл эмерджентен, скорее, лишь в плане уникальности и рождается в результате профилирования, а затем связывания в единое целое различных аспектов фрейма «Министерство иностранных дел» (‘структура организации’, ‘её субъекты-персоналии’).

Эмерджентность может усиливаться в результате рекурсивного связывания простых предложений, которые не отражают реального положения вещей. Смысл таких высказываний содержит имплицитную информацию, предполагает умозаключение на основе инференций. Так, в частности, образуются условные периоды, относящиеся к плану ирреального: *Если бы коалы не питались листьями эвкалипта, то, возможно, обитали бы не только в Австралии* (интегрируются пространство 1 концепта КОАЛА + пространство 2 ЭВКАЛИПТ + пространство 3 МЕСТО ОБИТАНИЯ); *Если бы в прошлом году весна была тёплой, урожай был бы лучше* (пространство 1 ПОГОДА + пространство 2 УРОЖАЙ). Таким образом, формирование бленда в конкретном контексте и на фоне конкретных задач коммуникации не позволяет считать его полностью непредсказуемым, стохастичным.

Модели композиции бленда основаны на мысленном установлении новых связей между концептуальными единицами, на отображении первичных мыслительных конструкторов во вторичные [Fauconnier, Turner 1996]. В лингвокогнитологии соотносительно с интерпретирующей речемыслительной деятельностью, с её динамикой и результатами бленды исследуются в комплементарном использовании фреймовой теории (Дж. Лакофф, М. Джонсон), теории ментальных пространств (Ж. Фоконье, М. Тёрнер). Межконцептуальные связи описываются с привлечением схем части – целого, градации, усиления, ослабления либо полной нейтрализации когнитивных признаков, «изменения перспективы репрезентации концепта» [Ивашкевич 2016: 57; см. также Беседина 2008: 46].

Исследуя возникновение эмерджентных смысловых приращений и способы их представления, важно понимать характер композициональности ментальных пространств, который связан с определёнными этапами преобразования концептов при создании бленда. Согласно М. Тёрнеру, обычно эта вторичная структура проходит путь, состоящий из ступеней композиции (composition), завершения (completion) и развития, уточнения (elaboration). Речь идёт об установлении новых связей между общими или различными исходными элементами двух пространств на первом этапе; о достраивании бленда новыми элементами за счёт инференций – на втором; на третьей ступени новообразованный концепт обогащается за счёт «мысленной симуляции» репрезентируемого [Turner 2000; см. также Карпова 2013: 552-553]. В процессе установления межконцептуальных связей выделенные на первом этапе когнитивные признаки согласуются, приспособливаются между собой, что, на наш взгляд, соответствует одному из динамических проявлений целостности когнитивной метасистемы. Соотносительно с понятием аккомодации эта ступень формирования сложной ментальной структуры рассмотрена Р. Лэнекером [Лэнэкер 1987]. Каждая из ступеней формирования бленда «отвечает» за определённые аспекты организации концептуального содержания, интересные и в системологическом освещении. Так, организующие ограничения, регулирующие

системозначимые свойства бленда и исходных областей, могут быть описаны в терминах факторов концептуальной интеграции, среди которых М. Тёрнер называет требования компактности бленда и лёгкости оперирования им, «отображение» в бленд прагматически существенных участков исходных областей и сохранение его связей с исходными областями [Turner 2000].

Эмерджентные качества бленда формируются на всех этапах его построения. На этапе композиции данное свойство закладывается вследствие выборочного отображения структурно-содержательных признаков исходных пространств в общее. Продолжающий его этап завершения подразумевает активизацию первичных инференций с опорой на имеющийся опыт носителя языка. Следующая ступень развития бленда связана с информационным обогащением совмещённых пространств за счёт умственной симуляции мыслимого события [Turner 2000; см. также Turner, Fauconnier 1995: 184-186]. Так, используя мыслительную симуляцию, мы формулируем конъюнктивные суждения (*Если бы... то...*), разного рода умозаключения, составляем планы, строим каламбуры, загадки, а на лексическом уровне – создаём номинации с фиктивным денотатом (*русалка, кентавр, царевна-лягушка*) и т.д.

Исходные и привносимые свойства концептов, совмещённых в бленд, определяют специфику итоговых ментальных репрезентаций, как и оптимальные способы их языковой объективации. Сложность этих ментальных единиц усиливается под влиянием креативности человеческого мышления при оперировании знаниями, в результате чего конструируемый смысл не является полностью предсказуемым: он антропометрически «творится тем», кто порождает либо извлекает его [Князева 2012: 91], опираясь на данные индивидуального и социального опыта, а также на собственные психофизиологические свойства.

Являясь вторичной материальной системой (в понимании В.М. Солнцева), ориентированной на систему когниции, естественный язык объективирует целостные мыслительные образования, реализуя положительные обратные связи с концептуальной средой. Он манифестирует их в структуре и семантике актуально либо виртуально представленных материальных единиц, на уровне узуса или

окказионального употребления. Смысл разноуровневых интерпретирующих единиц складывается с учётом отмеченных выше закономерностей синергетической зависимости концептуальных элементов. Эмерджентные характеристики вторичной языковой концептуализации также реализуются на уровне смысла. Вступает в действие релевантная для языка *интегративность*, как её понимает А.Л. Шарандин в работе [Шарандин 2009: 239]. По мнению автора, она предполагает согласование концептов как языкового, так и внеязыкового знания [Шарандин 2009: 239]. В силу сопряжённости двух систем явление вторичной концептуализации, таким образом, служит влиятельнейшим фактором среды, который усиливает функциональный потенциал языковой системы – служить формированию и передаче интерпретирующего смысла, адаптируя свои средства к потребностям метасистемы.

Проявления целостности языковой системы, рассматриваемой в ракурсе вторичной концептуализации, могут быть предметом статического или динамического моделирования, поскольку обнаруживаются как в одном, так и другом аспекте бытования этой системы. Так, *статически* кооперативную целостность обнаруживают различные виды системных отношений между вторичными языковыми единицами (иерархические, парадигматические и синтагматические), а также органическое соединение когнитивной, номинативной / коммуникативной функций вербальных интерпретаций. В статическом ключе могут быть представлены вторичные композиционные единицы языка или текста, а также отдельные языковые «техники», принимающие участие в кодировании вторичных концептов. В качестве примера обратимся к семантике оценочных слов, которая на микроуровне складывается и бытует как гетерогенное эмерджентное единство признаков дескриптивного, исходного (и более объективного), и ценностного, вторичного (и более субъективного), знания: *умный* – 1. ‘Тот, кто обладает хорошим, ясным умом; достаточно толковый человек’; *мещанство* – 2. перен. *Психология и идеология мещанина, характеризующиеся мелкими, ограниченными, собственническими интересами и*

узким идейным и общественным кругозором»; *‘Проявление такой психология и идеология в быту’* [Ефремова 2000].

В опоре на функциональную сопряжённость частеречных морфологических концептов в статике результата представлены гибридные значения причастий, деепричастий, номинализаций (*читающий, читая, чтение, доброта*), интерпретирующие один признак онтологии мира (действие или качество) сквозь призму другого (качество или вещьность).

С точки зрения *динамической* кооперативная / эмерджентная целостность выражается в процессах создания новых композиционных единиц или же на уровне актуализации говорящим уже существующих средств вербальной интерпретации. При нормальном функционировании языковой системы каждая единица, сочетаясь с другими, вносит свой вклад в образование новой концептуальной структуры, лежащей в основе интерпретирующего смысла языковых выражений разной сложности (*смышлёный – смyshлёный ученик – Смышлёный ученик украшает любую школу – Смышлёный ученик был приглашён на олимпиаду – Если бы Вася оказался менее смyshлёным, он не был бы приглашён на олимпиаду в этом году*).

Межуровневые связи, таким образом, воплощаются как в плоскости структурной, так и функциональной целостности, которая означает взаимообусловленность единиц морфемного, лексического, морфологического и синтаксического строя при формировании и вербализации вторичного тематического (языкового) либо операционального (речевого) концепта. Этот факт может быть, в частности, проиллюстрирован закономерностями морфотактики, накладывающими семантические ограничения на образование нового слова в зависимости от логической совместимости значений аффикса и мотивирующего слова (ср., например, в РЛЯ отсутствие обозначений неполноты признака, производных от мелиоративов: *умноватый, *симпатичневатый и другие подобные). Примером лексико-грамматической межуровневой обусловленности может служить распространённая в языках мира соотносительность качественных прилагательных / наречий и форм степеней

сравнения, за которой стоит способность параметрических концептов (термин В.И. Карасика) подвергаться интерпретации с точки зрения градации признака: *большой – больше – наибольший, мало – меньше; добрый – добрее – самый добрый, успешный – менее успешный – неуспешный, успешнее всех*. В содружестве с лексикой узуально используются также и грамматические средства синтаксиса (фразеосхемы), что позволяет передать градуируемый признак: *самый что ни на есть умный; вроде бы умный человек, а такую глупость говорит; умный, как никто другой в мире* [Дзюба 2012] и т.д. Другой иллюстративный факт – наличие в системе языка, скажем, русского или финского, средств партитивной падежной интерпретации «вещественной» семантики для выделения части из целого: ср. рус. купить хлеб – дать *хлеба*; включить воду – принести *воды*; фин. *Lapsi haluaa jäätelö-ä* (Ребёнок хочет *мороженого*), где *jäätelöä* – партитивная форма существительного *jäätelö* (*мороженое*).

К ряду иллюстраций функционально выявляемой целостности допустимо, видимо, причислить синтаксические явления, в рамках которых какой-либо лексический элемент встраивается в шаблон различных, в том числе чужих, конструкций. Наблюдается интегративный эффект влияния целого на компоненты, когда последние модифицируют свои значения вплоть до окказионального употребления. Данное явление «высвечивают», например, следующие выражения, в которых смысловая модификация выделенных словоформ возникает как результат морфологической транспозиции и/или семантической сочетаемости в составе различных конструкций: *Она лениво открыла дверь* (N_1V_f , образ действия) – *Ей лениво открывать дверь* (факт живой разговорной речи; $InfCorAdj_{f/1/5}$, состояние); *Он обошёл вокруг дома* ($Prep$) – *Он огляделся вокруг* (Adv); *Девочка сбила яблоко с дерева* (акциональный глагол) – *Ветер сбил яблоко на землю* (денотативная аналогия); *Mike has written a letter* (частновидовое значение результативности) – *Mike has ignored the homework today* (частновидовое значение интенсификации нереализованного действия).

Содействующий вклад лексических и грамматических элементов при формировании вторичных лингвоментальных структур иллюстрируют

перифрастические, сравнительные и, кроме того, фразеологические средства языка. Интерпретация реалий, выраженная описательными перифразами, достигается путём генерализации (*глава государства, гений литературы, привлечь связи*) или специализации (*широкая кость, быть навеселе, не первой свежести, звёзды с неба не хватает*) за счёт выбора определённого признака внутренней формы. Очевидно комплексное участие синтаксических конструкций, передающих абстрактный концепт ситуации, и словоформ, замещающих синтаксические позиции аргументов и конкретизирующих различные аспекты интерпретируемого, обеспечивает трансформационно-перифрастический потенциал языковых структур.

Фундаментальная для языковой системы лексико-грамматическая целостность, кроме того, лежит в основе синтаксических моделей (структурных схем предложения), используемых в целях вторичной концептуализации различных ситуаций. Со стороны говорящего в частном случае она может быть соотносима с различным референциальным выбором. Так, например, в русском языке активность / инактивность / роль обладателя у носителя предикативного признака регулярно выражается различием падежных форм предметных компонентов расширенной модели предложения: *Она радуется* (N_1V_f , активное выражение состояния) – *Ей радостно* ($((N_3)Cop_{3sn}Adj_{fsn}$, акцентируется внутреннее переживание) – *У неё радость* ($((N_2)Cop_3N_1$, субъект осмысливается как обладатель состояния); *Эти студенты* обычно хорошо работают на занятии (N_1V_f , реализуемое свойство) – *Этим студентам* сегодня не работается ($((N_3)V_{3sn}$ актуальное не контролируемое вполне состояние) – *У этих студентов* сегодня нерабочее состояние ($((N_2)Cop_3N_1$, субъект осмысливается как обладатель состояния).

Сравнительные конструкции, в свою очередь, сводят в сложную структуру интерпретируемый и фоновый концепты, при этом последний служит когнитивной опорой для установления аналогий и обогащает мыслимый объект сравнения новыми признаками. В зависимости от интенций говорящего

формирование этих вторичных структур имеет двоякую направленность. Они могут носить логический, акцентирующий различия объектов, либо более субъективный экспрессивно-образный характер [Гольдберг 2015: 25; см. также: Гольдберг 2013: 65]. И если синтаксическая конструкция в них создаёт пропозициональный абстрактный каркас сравнения (‘нечто / некто подобен чему-то / кому-то’), то лексические элементы выражают актуальное в данный момент времени интерпретирующее и интерпретируемое знание: *леопард быстрее, чем тигр, пион больше розы; ждать, как новогодний праздник; приветливый, как утренние лучи солнца* и многие другие употребления.

Подобным образом конструкции фразеологических оборотов в симбиозе с лексическими элементами транслируют вторичные структуры знания, позволяющие охарактеризовать некоторый фрагмент опыта в ракурсе разнообразных модусов интерпретации. Интерпретирующее значение фразеологизмов, преимущественно оценочное и эмотивное, формируется «на перекрёстке» схемной семантики и семантики лексической, создающей яркий образный план фразеологических единств (*Нашла коса на камень, Два сапога пара, Семь пятниц на неделе, Грызть гранит науки, Закинуть удочку*), сочетаний (*бархатный сезон, медовый месяц, брать за душу, почивать на лаврах*) или паремий (*Жизнь прожить не поле перейти; Лучшие синица в руках, чем журавль в небе; Кто в лес, кто по дрова; Как аукнется, так и откликнется*).

В конкретных речевых актах межуровневая целостность языковых единиц наблюдается в явлении контекстуального уточнения грамматически передаваемых концептов за счёт лексических, что сохраняет свою значимость как для первичной, так и вторичной концептуализации мира в языке. Отмеченный факт можно считать одним из проявлений *кооперативности* вербальных единиц в познании и коммуникации языкового сообщества.

В системной статике такого рода кооперативная целостность представлена широким кругом языковых парадигм (ср., к примеру, *группировки обще- и частнооценочных слов, средств выражения отрицания, вариантов грамматических категорий*). По принципу *специализации подсистем* они

взаимодополняют друг друга в общей функции – обеспечивать идентифицирующую либо характеризующую концептуализацию объектов, реализуя её факультативно или обязательно с точки зрения законов данного языка. С применением вариантов концептуального анализа эти подсистемы устанавливаются исследователем в теоретических или практических целях лингвистического описания.

Иная, эмерджентная, сторона целостности языковой системы выступает на первый план при рассмотрении интерпретирующих средств языка, семантика которых базируется на действии концептуальной интеграции. Подчеркнём, что именно этот механизм обладает свойством порождать приращения смысла, не выводимые из исходных составляющих.

Возникающие как динамическая сущность, вербализованные бленды могут носить нерегулярный, а то и единичный, собственно авторский характер (*Ни единою буквой не лгу; Страна Любви – великая страна! // И с рыцарей своих для испытаний / Всё строже станет спрашивать она //* (В. Высоцкий). В случае коммуникативной востребованности эмерджентные трансформации могут входить в узус, вплоть до функционирования в роли коммуникативных шаблонов, и закрепляться в строе языка (*Если друг оказался вдруг / И не друг, и не враг, а – так...; Лучшие гор могут быть только горы* (В. Высоцкий). В этом отношении трудно не согласиться с позицией Н.Н. Альбекова, который справедливо и совершенно закономерно указывает на речевые истоки эмерджентных явлений. Именно в речевой деятельности и в условиях комплексного влияния ситуативных (личностных, жанрово-стилистических и иных прагматических) факторов «приобретаются непрогнозируемые смыслы в структурно-оформленном целом» [Альбеков 2021: 9, 30, 111-112]. Более детально внешние факторы «кристаллизации» этих смыслов обозначены в статье И.Н. Ивашкевич, и в качестве ведущих они включают физический фактор (условия проживания), территориальный (место проживания), социальный (социальная среда и уровень жизни) и профессиональный (образование и практическая деятельность) [Ивашкевич 2016: 57].

Располагая всем потенциалом многообразного когнитивного опыта, существующего в единстве собственно языковых, коммуникативных и внеязыковых аспектов, «человеческая мысль способна приобретать самые неожиданные формы, выражающиеся в использовании своеобразных комбинаций... единиц. Соответственно, даже зная общую идею мысли, невозможно предугадать форму ее вербализации» [Альбеков 2021: 229], равно как невозможно исчерпывающе спрогнозировать операционный концепт-бленд, запечатлённый в ней посредством языковых механизмов. Основанный на нём функциональный смысл организационно ограничен, пожалуй, лишь когнитивными / языковыми универсалиями в сочетании с индивидуальными ресурсами картины мира коммуникантов. Данный вывод перекликается с концепцией семантической эмерджентности П. Вогта, где исследователь обращает внимание на зависимость приращений и векторов уникального становления смысла от закономерностей взаимодействия носителей языка с окружающим миром [Vogt 2005: 224].

Наиболее полно предметно-практический и эмоционально-рефлексивный опыт участников общения востребован и раскрывается в условиях эстетической коммуникации. В процессе развёртывания бытийного дискурса художником слова сопрягаются многоликие аспекты жизненного опыта, используются эмерджентные языковые репрезентации разной структурной сложности. Поэтому вторичное моделирование мира, организующее дискурс художественной литературы, обладает наивысшей эмерджентностью субъективных интерпретаций (неограниченным полем эмерджентности [Альбеков 2021: 228]). При осмыслении художественных произведений реципиентом в его концептуальной системе возникает синергетический эффект [Герман, Пищальникова 1999], в котором взаимодействуют элементы картин мира адресата и адресанта, а также самой конситуации. С этих системных позиций вполне ожидаемы отличия, возникающие между системой смыслов в сознании автора и сознании читателя, между содержанием авторского замысла и концептом литературного произведения у реципиента.

Интерес к исследованию синтаксической фразеологии, возросший в конце XX – начале XXI века (В.А. Белошапкова, Н.М. Шанский, Д.О. Добровольский, Л.Л. Иомдин, В.Ю. Меликян, А.В. Меликян, В.В. Посиделова, А.И. Остапенко, А.В. Чугуй), содействовал выявлению особой группы эмерджентных коммуникативных единиц – фразеосхем, бытующих преимущественно в обиходно-бытовой сфере. Высказывания, построенные на фразеосхемах, характеризуются эмерджентностью и широтой фразеосинтаксического значения, которые создаются как результат доминирования коммуникативно-прагматического, а именно экспрессивно-оценочного плана, предусмотренного схемой, над объективным содержанием и конкретным лексическим наполнением [Меликян, Меликян, Посиделова 2020: 44; Меликян, Меликян, Посиделова 2021: 48-49]. Так, в перечень фразеосхем русского языка входят, в частности, конструкции *С + так + С*, где *С* – фактически любое слово (*Сегодня так сегодня, Идти так идти*), *Есть + союзное слово + Inf* (*Есть куда идти, Есть с кем разговаривать, Есть от чего радоваться*), *То ли дело + N₁₋₆ [V, Adj₁₋₆, Adv, Pron₁₋₆]*! (*То ли дело обед! Зачем чёрный? То ли дело оранжевый!*), *Так и + V_f!* (*Так он ей и поверил!, Так я и отдал!*) [Белошапкова 1989: 645; Меликян, Меликян 2020: 45, 53]. Такие свойства фразеосхем, как их формально-смысловая идиоматичность, наличие собственной семантики, воспроизводимость в памяти человека и деактуализация синтаксических отношений между компонентами, наделяют эти единицы чертами основной единицы грамматики конструкций – зарубежной концепции конца 1980-х годов, полагающей в основу идею о не композициональности содержания языковых выражений [Рахилина 1998: 300]. В русле этого учения под конструкцией подразумевается нелинейная (в системологическом смысле) единица языка, которая обладает хотя бы одним непредсказуемым аспектом формы или содержания, что обусловлено межуровневыми взаимодействиями в организации её компонентов [Goldberg 2006; см. также Fillmore, Kay, O'Connor 1988].

Можно предположить, что вошедшие в обиход эмерджентные трансформации находятся в области своего рода *аттракторов* вторичной

речемыслительной деятельности (языковой обработки информации). Они поддерживают в коммуникативной системе благоприятное состояние для выполнения задач идентифицирующей / характеризующей интерпретации. С поправкой на востребованность в речевом общении они также адаптируют развитие языковой системы к изменениям в её концептуальной среде.

В когнитивном основании эмерджентного знака мыслительные деривационные связи с интерпретируемыми концептами чаще сохраняются, но под влиянием развития бленда, по мере воздействия на семантику многообразных социокультурных или языковых (формальных, контекстуальных) факторов эта концептуально обусловленная внутренняя форма может утрачиваться. Для примера обратимся к явлениям распада полисемии в результате дефокусирования цветовой характеристики, вызванного социокультурными причинами (*белый*^{1,2} – ‘цвет’ и ‘представитель движения антибольшевиков’), нивелировки признака сферы бытования (*блат*^{1,2} – ‘жаргон воров’ и ‘протекция, используемая в корыстных целях’), концептуального расхождения сфер осмысления концепта (*палата*^{1,2} – ‘комната в лечебных учреждениях’ и ‘государственное или общественное учреждение’). В свою очередь, грамматическое различие частеречной принадлежности способствовало обособлению значений в словах *добро* (сущ., наречие и частица), *гибель* (сущ. и предикатив), *знать* (глагол, сущ. и вводное слово) и нек. других. Утрата в русском литературном языке общеславянской номинации *коло*, выражающей идею круга, повлекла за собой потерю словообразовательной мотивации и, следовательно, смысловой соотносительности слов *кольцо*, *колесо*, *около*; с изменением технологии строительства деактуализация мотивирующей характеристики привела к тем же последствиям для лексем *город* и *огородить*. Формальный фонетический фактор, изменивший экспонент мотиватора, послужил причиной расхождений слов *облако* и *влачить*, *обволакивать*; *алфавит*, *альфа* и *бета* в ментальном лексиконе носителей русского языка [Ефремова 2000; Ахманова 1974].

Знаковые феномены языка, обладающие особой собственной идентичностью, можно подразделить на два типа в зависимости от характера

концептуальной сигнатуры, вовлечённой в интегративные межсистемные процессы. В первом случае семантика интерпретирующей единицы основана на активации и итоговой когнитивной сопряжённости концептов внутри одной области знания [Болдырев 2018: 39], то есть связь языка со средой задействует лишь один компонент концептосферы. Таковы ЛСВ и дериваты, сформированные на базе метонимии и, как следствие, основанные исключительно на рациональных ассоциативных связях (*Редакция* – ‘Отдел в издательстве, готовящий рукописи к печати’ → ‘помещение, где располагается такой отдел’, ‘Группа лиц, ...занимающаяся подготовкой и выпуском какого-л. издания’; *аккуратный* – ‘Соблюдающий во всём порядок, точность’ → ‘Содержащийся в порядке, чистоте’, ‘Сделанный, выполненный тщательно’, то есть ‘старательно, аккуратно’; *госпиталь* → *госпитализировать* – ‘Помещать в больницу, госпиталь для лечения’; *каша* → *кашеварить* – ‘Быть поваром в воинской части, в рабочей артели’ (т.н. периферийная мотивация) [Ефремова 2000]). Эти связи, как можно видеть, в наибольшей степени обусловлены объективной действительностью и потому носят сравнительно предсказуемый, менее стохастичный характер. Компонентный состав метонимических значений репрезентирует их более прозрачно, очевидно. Поэтому эмерджентность таких единиц носит, по видимому, менее выраженный характер по сравнению с образными вербальными средствами, которые более открыты влиянию субъективного опыта человека.

В другой группе языковых фактов значение фиксирует результат эмерджентной интеграции концептов из разных ментальных пространств [там же], и в этой ситуации, с позиции теории систем, перед нами более сложная, составная, концептуальная сигнатура, детерминирующая план содержания. Подобного рода структуры метасистемы характерны для формирования и репрезентации в языке скрытых (метафорических) и явных сравнений, многих производных слов, образных паремий и всех вербальных интерпретаций, основанных на модусных концептах. Одним из примеров является метафорический образ, лежащий в основе внутренней формы слов или фразеологизмов, складывается путём ассоциативного синтеза аналогичных

характеристик опорного (интерпретирующего, уже известного) и целевого (интерпретируемого, осваиваемого) концептов-фреймов из разных предметных или событийных сфер, что иллюстрируют языковые факты типа *барин* – 1. ‘Дворянин, помещик, представитель привилегированных слоёв общества (в Российском государстве до 1917 г.)’ → 2. перен. разг. ‘Избалованный, изнеженный человек, живущий в богатстве и ведущий праздную жизнь’, *молния* – ‘Гигантский разряд атмосферного электричества между облаками или между облаками и землёй (обычно в виде светящейся извилистой полосы)’ → ‘Вид срочной телеграммы’, ‘Застежка в виде двух полос материи с прикреплёнными к ним зубчиками, способными быстро сцепляться между собой’, *молнией* – ‘Стремительно, мгновенно’, *расцвет* – 1. ‘Время появления цветков, цветение (о растениях)’ → 2. перен. ‘Наивысшая степень... лучшая пора в развитии кого-л., чего-л.’; *барствовать* – разг. ‘Жить в праздности’ (многозначность на основе метафоры), *молниеносный* – ‘Стремительный, мгновенный’; *расцветать* – 2. перен. ‘Достигать поры расцвета физических и духовных сил, молодости, свежести, красоты’, *столбенеть* – ‘Цепенеть, терять способность двигаться...’ (мутационная деривация на основе метафоры). Фигуральная основа ФЕ как средство выразительности представлена в метафорических устойчивых единицах, как-то: *Нашла коса на камень, Глядеть как баран на новые ворота, Стать ершом, Два сапога пара, Всякий кулик своё болото хвалит, Одним миром мазаны, Одной верёвочкой связаны; Don't sell the skin till you have caught the bear (Не убив медведя, шкуры не продавай), When the cat is away, the mice will play (Без kota мышам раздолье), Don't change horses in mid-stream (Коней на переправе не меняют), The bird has flown the nest (Птица вылетела из гнезда), Dog does not eat dog (Собака не ест собаку)* [Мюррей 2008, Speake 2008].

В изложенных выше фактах семантическая эмерджентность возникает как результат когнитивных преобразований содержания слотов, входящих во взаимодействующие фреймы, и создаётся на всех этапах построения бленда. На ступени композиции она определяется нелинейным, антропоцентрически многообразным потенциалом выбора слотов и конфигурируемых признаков (ср. в

этой связи механизмы выделения, элиминирования / наведения слотов в работе [Сергеева 2003: 88-89]). Степень достраивания бленда за счёт инференций, как и этап его развития, кроме того, предполагает вовлечение в аналогию элементов как социального, так и индивидуального опыта носителя языка. Дальнейшее формирование концептуальной структуры со временем может трансформировать и нивелировать ассоциативные мотивирующие связи с опорным концептом, что ещё более усиливает невыводимость содержания знака из компонентов, ведёт к деэтимологизации (ср. явление архаизации мотиватора [Козинец 2009] как фактор «затемнения» мотивировки слов и ФЕ *чернила, бельё; вуалировать, застрельщик; Прописать ижицу, Тихой сапой*). Образные сравнения, родственные метафоре по аналогическим операциям, видятся нам менее эмерджентными целостными феноменами постольку, поскольку их языковое оформление овнешняет фоновое знание. Когнитивная опора прямо объективирована и представлена в семантике одного из компонентов сравнительного оборота: *Белый, как (медицинский) халат; Чёрный, как смородина / уголь; Разные, как небо и земля; Его как ветром сдуло; Плачет, как маленький ребёнок; ...Кто-то на небе / Нашу судьбу, словно свитер, связал / Две нитки, чтоб было теплее* (О. Ровная), *понятен, как ясный день*. Большой эмерджентностью, на наш взгляд, обладают компаративные единицы, смысл которых предполагает инферентное обогащение бленда более глубоким фоновым знанием, что, к примеру, демонстрируют выражения *Он быстрый, как леопард; Растут, как грибы после дождя; Стоит одиноко, как берёзка* (из личных записей живой разговорной речи – далее ЖРР); *Время как вода; Старо как мир; Гол как сокол; Вот собираются ниточки в ряд / Словно на улице окна, окна, окна...* (О. Ровная); *Тоска по родине... пристала, как серебро морского песка к коже подошв* (В. Набоков); *...Она изменяла ему для самоутверждения. Точила свои когти, как кошка о диван* (В. Токарева).

На уровне синтаксических единиц эмерджентный эффект достигается также «наведением» сем в контексте. Например, в высказывании *Нам там пообещают с три короба, а за это время галичан подомнут под себя* (Д. Новожилов, «Тридцать девятое царство. В когтях белого орла», 2014) сочетание ФЕ «с три короба»:

‘Прост. Экспрес. Очень много (наболтать, наврать, пообещать)’ [Фёдоров 2008] с глаголом «подмять»: ‘разг. Подчинить своей власти, своему влиянию’ [Кузнецов 2000] рождает коннотацию этической оценки. При реализации замысла передать идею женственности даже в тяжёлых условиях в высказывании *Такой же эдельвейс бежал под пулёмётным огнём... купить кружево на блузку* (Н.А. Лохвицкая, фрагмент из «Воспоминаний») слово «эдельвейс» приобретает коннотацию психологической оценки.

Оценочная коннотация представляет собой ещё один распространённый вид эмерджентного приращения в семантике характеризующих слов, а также единиц, больших, чем слово. Она возникает в результате интегративного синтеза признака аксиологического концепта (основание, или критерий оценки) с избранным признаком интерпретируемого концепта (аспект оценки). В русле нашего исследования существенно замечание И.А. Солодиловой, согласно которому метафорически приобретаемая оценочность является наиболее эмергентной тогда, когда оценочный элемент не наследуется из фрейма-источника, а актуально возникает в ходе становления бленда, включающего в своё содержание далёкие друг от друга концепты [Солодилова 2014: 39]. Иначе говоря, наиболее уникальной является оценочность, привносимая не на этапе композиции бленда, а на ступенях его завершения и развития, что даёт наиболее яркие, в том числе окказиональные метафоры вроде следующих: *жизнь проехала трамваем* по кому-л. [ЖРР], *дыханье долга, плавиться на огне желания* (Л. Улицкая), *Жизнь... склонна вить кольца, поднимаясь по спирали; ...Печаль пробралась в кухню* (В. Токарева), *Ночь распадётся на горящие окна, На фонари растянулась весна* (О. Ровная).

Производное слово также уместно рассматривать как эмерджентное единство, когда речь идёт о фразеологичности (идиоматичности) его значения, т.е. несводимости лексической к сумме значений морфем. С точки зрения концептуальной интеграции появление у слова фразеологичности может быть связано с содержательной спецификой концепта, выступающего в роли ономазиологического предиката номинативной структуры слова. Это касается тех

языковых фактов, в которых он не выражен формально и одновременно не столь типичен для данной словообразовательной модели, создавая своеобразную флуктуацию в семиотической технике языковой системы. Следовательно, в таких, например, словах, как *писатель*, *теплица*, *утренник*, не композициональность семантики деривата закладывается уже на начальном этапе построения бленда, а именно при согласовании характеристик концептов ономаσιологического базиса, признака и связки (предиката), интегрируемых в единую имплицитную пропозицию. Специфика связочного концепта как фактор идиоматичности производного слова может быть, кроме того, связана с формированием последнего по матричному типу, когда некоторое абстрактное содержание специализируется, уточняется за счёт концептуальных «проекций» в разные когнитивные контексты осмысления абстрактного. В этой связи приведём пример из области относительных прилагательных с продуктивными суффиксами -н-, -ск-, скажем, *осенний*, *морской*, семантика которых вне речевого контекста имеет самое широкое, абстрактное значение ‘относящийся к тому, что названо производящей основой’. Однако словообразовательное значение реляции, зачастую неединообразно, уточняется благодаря речевому развитию бленда при актуализации значения. Наблюдается контекстуальная специализация содержания связочного концепта. Е.С. Кубрякова описывает языковой и когнитивный механизмы формирования производных относительных значений следующим образом: «для формирования указанных значений необходимо, чтобы сочетающееся с прилагательным слово “вытащило” соответствующую долю значения и сочетающиеся понятия оказались кореферентными, совместимыми, т.е... чтобы активизировались связанные между собой фреймы» [Кубрякова 2004: 454]. В процессе номинации эти необходимые конкретизирующие связи актуализируются в составе словосочетания путём соотнесения реляционного эмерджентного смысла с концептами разных тематических сфер: *осенняя погода* ‘характерная для...’, *осеннее пальто* ‘подходящее для...’, *осенний мороз* ‘имеющий место в...’; *морской остров* ‘принадлежащий...’, *морское хозяйство*

‘имеющий объектом...’, *морской воздух* ‘характерный для...’, *морская зона* ‘пространство, занятое...’.

В лексемах с периферийной (метонимической) мотивацией [Земская 1989: 242-243] вроде *полковник*, *чернила*, *госпитализировать* эмерджентность семантики обусловлена не только концептом ономаσιологического предиката, но и интерпретацией концепта ономаσιологического признака с позиции части и целого. По-видимому, эффект этой интерпретации усиливается на этапе завершения (достраивания) нового ментального пространства, когда последний, в отличие от предыдущего примера, подвергается механизму генерализации.

Интересный с точки зрения целостности феномен представляет многозначность производных слов [Полянчук 2014: 457]. Появление нового значения сопровождается здесь развитием бленда, стоящего за исходным ЛСВ. Это приводит к переосмыслению значения форманта или основы, и в результате словообразовательное значение может становиться не прозрачным. Другими словами, образуется эмерджентная семантическая структура, как, например, у русского слова *подлатать* узуальное значение ‘поправить здоровье’ [Кузнецов 2000] или окказиональное ‘улучшить что-либо’, зафиксированное нами в повседневной речи, возникает в результате переосмысления исходного значения основы ‘починить заделать пробоины, дыры в чём-л.’ за счёт обогащения бленда более абстрактными характеристиками.

Рассмотренные интегративные явления подтверждают мысль о том, что свойство целостности языковой системы содействует выполнению ею когнитивной функции на этапе не только первичной, но и вторичной концептуализации мира. Данное свойство обнаруживается в разных своих проявлениях, которые в общем виде можно свести к *субстанциональной кооперативности интерпретирующих единиц*, с одной стороны, и, с другой, к *эмерджентной интегративности их виртуальной / актуальной семантики*. При этом в составе вторичных, особенно, композиционных единиц кооперативность может сопровождаться эмерджентностью. Во многом это предопределяется *конструкционной, креативной спецификой человеческого мышления*,

обладающего способностью не только к комбинаторике знаков, но и к интеграции стоящих за ними концептов.

Выводы по главе 4

В данном разделе были рассмотрены свойства строения и целостности, реализующие интерпретирующую функцию языковой системы в процессе вторичной концептуализации мира. В совокупности эти параметры обеспечивают её естественное гомеостатичное функционирование в триединстве социальных, интеллектуальных и, что существенно, личностных характеристик говорящего. Антропоцентризм выступает как природное свойство когниции, составляющее её сущность, что влечёт за собой выработку и целесообразную динамичность интерпретационного компонента языка. В ходе речемыслительной деятельности происходит постоянная взаимодейтельность интегративных, субстанциональных и структурных характеристик между собой и с когнитивной средой, что, в конечном счёте, порождает те или иные «акценты» в вербальном осмыслении реального и виртуального мира, определяет различия в понимании языковых выражений собеседником, формирует у него то или иное отношение к предмету речи. При этом, как и в случае первичной, вторичная концептуализация подразумевает такой внутрисистемный эффект взаимодействия признаков строения, который усиливает интегративные качества системы языка. На фоне процессов концептуальной деривации, сопровождающих образование вторичных концептов, интегративность вербализованных когнитивных структур здесь оказывается ещё более актуальной. Можно вести речь о системообразующих связях интерпретирующих языковых элементов между собой, с одной стороны, и специфицирующих (детерминирующих) связях с когнитивной средой по принципу «стимул – реакция». В обоих случаях эта связь является направленной.

Лингвоментальный характер развития концептуальной системы приводит к тому, что образование и функционирование вторичных структур знания в языке значительно определяются когнитивной средой, происходящими в ней

познавательными процессами. Но вместе с тем они обусловлены и внутренними характеристиками языковых средств: его семиотическими техниками (языковыми механизмами), собственной структурно-функциональной идентичностью, а также иерархией разноуровневых единиц по сложности. Некомпозициональность интерпретирующего содержания объективируется на каждом знаковом уровне языка и имеет специфическое воплощение. В продолжение исследования обратимся к анализу системных характеристик языка, как их объективирует феномен первичной категоризации мира.

ГЛАВА 5. СИСТЕМОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ХАРАКТЕРИСТИК ЕСТЕСТВЕННОГО ЯЗЫКА КАК ИНСТРУМЕНТА ПЕРВИЧНОЙ КАТЕГОРИЗАЦИИ МИРА

5.1. О сущности категоризации в когнитивном опыте человека

Ориентация человека в мире на основе языковой когниции представляет важнейший аспект взаимосвязи познавательных процессов с естественным языком. Совместная ориентирующая функция этих феноменов даёт возможность человеку, исходя из определённых интенций, путём регулярного информационного обмена оптимизировать свои отношения с окружающей средой. Опыт взаимодействия и поведение субъектов в ней опирается не только на содержание концептов, но и, что существенно, на категориальные преобразования обрабатываемой информации. Это вполне соответствует известному современной науке определению когнитивной деятельности как *«активности, связанной с приобретением, организацией и использованием знания»* (курсив наш. – Д.М.) [Найссер 1981: 23]. Под когнитивной категоризацией понимается «процесс образования и выделения самих категорий, членения внешнего и внутреннего мира человека сообразно сущностным характеристикам его функционирования и бытия», а также само «упорядоченное представление разнообразных явлений через сведение их к меньшему числу разрядов или объединений» [КСКТ 1997: 42]. Таким образом, вне человеческого сознания категорий как таковых не существует. Структурирование концептуальной метасистемы с помощью категорий обеспечивается данной с рождения способностью мозга к рубрикации, группировке окружающих объектов. В мыслительном процессе и его результатах это качество когнитивной среды находит регулярные конституирующие

проявления. Поэтому оно также помещается в поле внимания актуально при изучении системных свойств языковой когниции.

Явление категоризации мира человеком неоднократно отмечалось и с закономерным интересом описывалось в психологии, когнитологии, биологии, лингвистике. Оно интерпретировалось как природный задаток, обусловленный кооперативной работой сенсорного аппарата, моторной системы и нейронных ансамблей. К примеру, Е.С. Кубрякова отмечала включённость в категоризацию едва ли не всех когнитивных способностей: памяти, внимания, ощущения, воображения, логических операций сравнения и отождествления [КСКТ 1997: 42]. В динамике категорий находил причины изменений картины мира Дж. Лакофф [Лакофф 1987]. Направляющей для осмысления мира считали категоризацию представители философского знания. Так, античные мыслители связывали с ними врождённое знание вещей. В XIX веке И. Кант подчёркивал сводимость отдельных «созерцаний» в соответствующие категории, отмечая, что человек хранит знание в категориальной форме и может мыслить лишь с помощью категорий, вычлняя на этой основе объекты из континуума реальности [Кант 1994]. Представитель Марбургской школы немецкий философ Э. Кассирер, в свою очередь, полагал, что категориальная обработка воспринятого задаёт гносеологическую модель мира [Кассирер 2002: 47].

В созвучие с философскими наблюдениями, по данным онтогенетической лингвистики и психологии, ментальное расчленение реальности с опорой не столько на речевую, сколько на сенсомоторную деятельность обнаруживает себя ещё на довербальной стадии онтогенеза [КСКТ 1997: 93; Гуреев 2014: 92]. В этот период категоризации подвергаются первичные для человека фрагменты пространства, живые / неживые объекты и соотносимые с ними чувственные образы. Как и на раннем (первобытном) этапе развития человечества, сознание на этой ступени онтогенеза носит более конкретный и синкретичный характер [Лосев 1990]. Схематизируя окружающий мир, оно опирается на донаучные представления о природе и обществе. В языке их может фиксировать определённая морфема, специфическая сочетаемость, реализуемая в выборе форм

связанных слов, в выборе синтаксической конструкции (ср. понятие криптокласса в [Виноградов 2002]), а также того или иного, например, счётного классификатора, как мы наблюдаем в китайском или корейском языках. Так, в русском языке класс живых существ, соотносимый с одушевлёнными существительными мужского рода, в отличие от имён предметов маркируется в сочетаемости особой формой прямого дополнения. Более масштабное маркирование классов находим, например, в языках африканской семьи банту. Скажем, в языке ндонде варианты префиксальной морфемы *tu-*, *tw-* являются единым категориальным показателем класса людей и тотемных животных, таких как птица, собака, рыба (1-ый класс), *t-* указывает на растения, части растений и тела человека в пределах общего класса (3-ий класс), а приставочная морфема *lu-* маркирует объекты тонкой и продолговатой формы, как весло, корень, рог (11-ый класс) [Громова, Урб 2018: 6-7]). Счётное слово [tɛ:] употребляется при исчислении автомобилей, музыкальных инструментов и другой техники, тогда как слово [kɛ:] – при счёте иных предметов [Корейские числительные 2022].

С развитием абстрактного мышления и под влиянием многократного восприятия перцептивные образы трансформируются в элементарные обобщения – образы-представления [Шарандин 2010: 326]. Согласно Б.М. Величковскому, эти ранние итоги категоризации могут быть чрезвычайно широкими – такими, что учитывают лишь глобальные различия между живым и неживым [Величковский]. При переходе от эмпирического уровня к логико-понятийному осмыслению мира когнитивные процессы интенционально направлены на то, чтобы адаптировать между собой полученные знания сенсорной природы и онтологическую структурность окружающего мира. Этот параметр, наряду с многообразием действительности, исторически не раз создавал предпосылку для научных и донаучных, мифологических и актуальных воззрений о разумном устройстве Мироздания [Ушаков 2009: 6].

На уровне такого, обобщённого, познания миропорядка были выработаны специфические ментальные схемы, схемы категоризации, организующие в

сознании усвоение и передачу информации, дающие возможность целесообразно упорядочивать сформированные знания, легче извлекать их или апперцепционно использовать, структурируя новый когнитивный опыт. Наличие определённой архитектоники сознания [Петренко 1988], функциональной и морфологической его структуры, формируемой категоризацией, позволяет идентифицировать и различать объекты и, на этой основе, мысленно упорядочивать мир. Сводя в типизированную схему разнообразные проявления одной сущности, с помощью категорий «мы устанавливаем отношения и вырабатываем образ поведения с объектом в зависимости от свойств его категории» [Bruner, Goodnow, Austin 1956]. Заметим также, что реализация принципа апперцепции во всяком акте познания нового объекта означает формирование нового концепта в опоре на соотнесение с уже известным, заключённым в определённую рубрику опыта. Это свидетельствует о тесной природной связи концептуализации с категоризацией действительности. В этом отношении не теряют своей значимости слова Э. Кассирера о том, что для всякого познания необходим некоторый единый принцип, который объединял бы в целое единичные и при этом разнородные наблюдения [Кассирер 2002].

Современная когнитивная психология в качестве такого принципа усматривает как раз поиск тождеств и различий объектов действительности для последующей их категоризации. Соответственно, исследователей интересуют основания, аспекты, а также сами механизмы классификации реальных на основе идентичности или различий физических и абстрактных сущностей. В соответствии с двумя аспектами познавательной деятельности, статическим и динамическим [Фурс 2018: 75], категоризация представлена, с одной стороны, соотнесением объекта с мыслительной рубрикой опыта, а также процессом формирования самих этих рубрик посредством сочетания механизмов анализа, аналогии и синтеза. С другой стороны, на уровне сознания она предполагает конкретный результат разбиения онтологического пространства на классы объектов со сходными характеристиками, осмысленными через практический или

чисто теоретический опыт обращения человека с ними (см. приведённое выше определение в [КСКТ 1997: 42]).

Категоризация как результат представлена интегративной структурой знания о некотором концептуальном объединении предметов, лиц, явлений, а также о месте каждого из них «в таксономическом осмыслении мира», т. е. о «включении данного видового понятия в более общий, родовой класс» внутри одной категории (т. н. сущностная таксономическая категоризация) [Гольдберг 2012: 152]. Таким образом, формирование категории означает усложнение структур знания в направлении от концептов к интегрирующим уже несколько концептов категориям с соблюдением принципов когнитивной рубрикации.

Категориальный формат, как и другие формы осмысления мира, организует концептуальное содержание за счёт определённых ограничений на *ресурсы, локализацию и конфигурацию элементов знания*. В качестве материального субстрата этой когнитивной схемы выступает система элементов нейрофизиологической природы, задействующая определённые участки центральной нервной системы. На уровне идеального речь идёт о выделении концепта (-ов), вокруг которого (-ых) осуществляется мыслительная группировка объектов. Внутренние отношения между концептами категории и их признаками рисуются как её микроуровень, тогда как межкатегориальные взаимодействия осуществляются на макроуровне.

В настоящее время лингвокогнитологам известно, что сведение познаваемого в категории может осуществляться по инвариантному (родо-видовому, логическому, теоретическому) или же прототипическому (экспериенциальному) принципам. В последнем случае ведущий концепт категории вбирает в себя наибольшее число признаков, общих для членов категории [Болдырев 2009: 28]. Абстрактный и обобщённый характер этого «когнитивного стержня» категории подчёркивают не только психологи и когнитологи, но и философы, включая в определение категории обязательное упоминание о *всеобщих свойствах явлений*. Данные свойства фиксируются общественной практикой в виде фундаментальных понятий, участвующих в

функционировании мышления [БЭС 1991: 558; Войшвилло 1967: 117]. Алгоритм категоризации подробно описан в работах Н.Н. Болдырева и Е.В. Дзюбы, которые различают в этом процессе ряд последовательных этапов: выбор объекта и его признаков для когнитивной обработки → идентификация по выделенным признакам → отнесение к уже знакомой категории, классификация → присвоение данному объекту категориального имени [Категоризация 2012: 31; Дзюба 2015: 60; см. также Barsalou 1987: 102].

Весьма актуальными в контексте нашего исследования являются *принципы антропоцентричности и многофакторности* при формировании и функционировании концептуальной системы. Существенно, что категоризация обусловлена не только объективной онтологией внешнего мира и универсалиями работы мозга, но и субъективно-интерпретирующей природой сознания и мышления [Пылишин 1973; см. также Корнилов 2013]. В философии познания имеются различные точки зрения на связь между интенциями человека и характером когнитивных рубрик. С позиций классического философского подхода (Платон, Аристотель), категориально существенные признаки, обязательные для всех членов категории, совместно формируют «идею вещи» и совершенно не зависимы от человеческого сознания вплоть до того, что признаются врождёнными, «привносимыми» в человеческое сознание априори. Психологический подход (Э. Рош, Р. Браун, Б. Берлин, П. Кэй), напротив, утверждает влияние когнитивной организации человека на отбор и градуированный объём признаков категории в процессе выделения наиболее типичных объектов своего класса. В современной когнитивной науке уже считается доказанным, что ментальная обработка полученной информации происходит сообразно с соматическими, психическими, культураносными характеристиками, которыми обладает индивид. По общему мнению, признаки и механизмы, лежащие в основе схематизации опыта, подчинены не только общечеловеческим, но и групповым и личностным приоритетам, выполняющим функцию когнитивных доминант (ср. также близкое к этому, но более масштабное понятие когнитивной детерминанты как ведущего способа

функционирования концептуальной системы при получении, обработке и передаче информации, определяющего собой результаты познания в [Миронова 2019]).

Н.Н. Болдырев указывает на принципиальную необходимость учитывать доминантный принцип когниции как в исследовательской практике, при анализе языковых категорий, так и в практических целях успешного речевого общения [Болдырев 2018: 22]. Доминантный принцип в когниции человека – это его осознанная или неосознаваемая «ориентация... на определённые знания, их структуру и содержание, коллективно или индивидуально значимые элементы и ценности» [Болдырев 2019: 38-39]. Напомним, что доминанты находят многообразное выражение и проявляются в установлении перспективы, в выборе фокуса (фигуры) / динамики внимания, в отборе тех или иных категорий, фрагментов наивной либо научной картин мира, в разном их структурировании и, наконец, в использовании определённых механизмов формирования смысла и знаковых единиц для его передачи [Болдырев 2019; см. также Крофт, Круз 2004]. Доминантой могут служить фоновые знания, сформированные в индивидуальном опыте (скажем, широта и глубина теоретического / эмпирического когнитивного кругозора) или в опыте социальном (гендерная принадлежность, факторы ландшафта и культуры, включая влияние особенности места проживания и культуры, межкультурное взаимодействие, научно-технические достижения и влияние господствующей идеологии) [Шафиков 2004; Дзюба 2015].

В речемыслительной деятельности конкретные доминантные ориентиры выступают как фактор когнитивной среды, определяющий собой критерий качества, на основе которого средства языковой категоризации образуют соответствующие ему подсистемы. Весь спектр приоритетов, значимых для категоризации и находящих выражение в языке, может быть сведён в 4 класса в соответствии с предметом (темой) взаимодействия людей (тематический класс), особенностями их национальной культуры или субкультуры (социокультурный класс), в зависимости от эрудиции собеседников (субъектный класс) и их интенций в межличностном взаимодействии (инструментальный класс)

[Болдырев, Григорьева 2018: 22]. Так, одна и та же сущность на основе разных своих признаков может реализовывать множественность классификационных стратегий мыслящего субъекта, ментально и вербально вписываясь в различные классы в зависимости от когнитивного контекста, обусловленного обсуждаемой темой. Например, человек может быть первично категоризован с точки зрения социального статуса (*студент, аспирант; директор, шеф, барин, раб; гражданин, эмигрант; мать, отец, ребёнок, сын, дочь; доцент, профессор, чемпион*), присущих ему склонностей (*активный / пассивный, экстраверт / интроверт, холерик / сангвиник / флегматик / меланхолик*), физических качеств (*мужчина / женщина, высокий / среднего роста / низкий, полный / худой, блондин / брюнет*) и т.д. Действием тематической доминанты также объясняется соотнесение термина с разными рубриками в зависимости от области знаний, что в частном случае демонстрируют первообразные термины *инверсия* и *аккомодация*, которые располагают сегодня набором узкоспециальных дефиниций, а именно: *Инверсия* – ‘изменение обычного порядка слов в предложении’ (в *филологии, класс преобразований порядка слов*); ‘изменение структуры хромосомы, вызванное поворотом на 180° одного из внутренних её участков’ (в *биологии, класс преобразований структуры хромосомы*); такое преобразование ‘относительно данной окружности радиуса R с центром O... при котором точка P переходит в точку P', лежащую на луче OP на расстоянии $OP' = R_2/OP$ от центра O’ (в *геометрии, класс преобразований частей окружности*); ‘изменение конформации... циклической молекулы, в результате чего меняется ориентация заместителя относительно кольца’ (в *химии, класс преобразований формы молекул органических соединений*) [Инверсия 2022]; *аккомодация* – ‘приспособление глаза к ясному видению предметов, находящихся на различных расстояниях’ (в *биологии и медицине*); ‘частичное приспособление артикуляции смежных согласного и гласного’ (в *языкознании*) [Аккомодация 2022].

Приоритеты социокультурного плана лежат в основе известного лингвистике явления неодинаковой номинативной дробности лексико-семантических полей, что имеет особую значимость в межкультурной

коммуникации. Так, например, под влиянием факторов ландшафта и повседневной практики жители сельских российских территорий обладают большей эрудицией в познании природы (пересечение социокультурного и субъектного компонента детерминант), реалии которой в ежедневном укладе оказываются более востребованы в сравнении с городскими жителями. Как следствие, в речевом обиходе первые используют более широкую номенклатуру, например, птиц или грибов по сравнению с горожанами, для языкового сознания которых разнообразие этих обозначений менее актуально. В японской культуре, где социальной иерархии уделяется тщательное внимание, закономерно наличествует очень разнообразная группа языковых средств этикетной категории *кэйго* (разные слова или формы), способных маркировать статусный ранг членов общества и обусловленную им степень учтивости, вежливости со стороны адресанта. Языковая категоризация и выбор вербальной единицы при этом ориентируется на такие параметры общественной иерархии, как «возраст (младшие оказывают почтение старшим даже внутри одной семьи), ученик/учитель (родители ученика также уважительно относятся к преподавателю), мужчина/женщина (женщина будет находиться всегда на более низкой социальной ступени, даже если она занимает более высокую должность), пациент/доктор (пациент всегда вежлив к врачу, и к доктору обращаются так же, как и к учителю), продавец/покупатель, служащий фирмы/директор (служащий обязан называть начальника по должности), тот, кто оказал услугу/помощь по отношению к тому, кому оказали услугу/помощь, бизнес-отношения (особенно, если речь идёт о заключении сделки), близкие/неблизкие отношения», те, кто учился раньше / позже в одном учебном заведении [Кэйго... 2022]. Это может быть продемонстрировано на примере категории приветствий, сориентированных на определённое время суток и одновременно – на категории собеседников по социальному статусу: *рус. доброе утро* – *япон. ossu* (очень неформально), *ohayo:* (нейтральный вариант) и *ohayo: gozaimasu* (наиболее вежливый эквивалент), *рус. доброй ночи* – *япон. yasumi* и *oyasuminasai* (более вежливый эквивалент). В категорию вовлекаются также глаголы, прилагательные и существительные: *рус.*

возвращаться – япон. *kaeru* и *o-kaerini narimasu*, где префикс *o-* передаёт семантику учтвого отношения, рус. *говорить* – япон. *iu* (нейтр.) и *ossyaru* (вежл.), рус. *слушать* – япон. *kiki* (нейтр.) и *o-kiki ni naru* (вежл.), рус. *получать* – япон. *torau* и *o-ikenī naru* [Алпатов 2008]; ср. также рус. *собака* – япон. *inu* (нейтр.), *o-inu* (собака, принадлежащая уважаемому лицу) [Кэйго... 2022]. Более хрестоматийными примерами разной степени детализации являются сведения о богатой системе глаголов движения в русском языке (ср. англ. *arrive*, исп. *venir* / *llegar* – рус. *прибыть*, *прийти*, *приехать*, разг. *прикатить*, *прилететь*, *приплыть*), присутствие 241 наименований видов снега в шотландском языке¹¹, наличие более десятка слов-обозначений возрастных групп лошади в киргизском, несколько десятков названий риса у корейцев, а в саамских языках финно-угорской семьи – до тысячи номинаций оленей [В шотландском языке... 2015]. По степени абстракции современные языки могут различаться как лексически (наличие-отсутствие гиперонима), так и грамматически. Для примера можно обратиться, скажем, к подсистемам грамматической категории числа, где наблюдается не только противопоставление множественного числа единственному (современные индоевропейские, урало-алтайские, картвельские, нахско-дагестанские, африканские языкам банту), но и, помимо этого, маркирование двойственного числа (семитские языки, словенский, лужицкий языки, а также ненецкий, корякский) и, реже, двойственного и тройственного чисел (в папуасских языках) или так называемого паукального, указывающего на несколько объектов на фоне одного и многих (зафиксировано в полинезийских и дагестанских языках) [Число грамматическое 2022].

Другое проявление социокультурных доминант языковой категоризации воплощается в выборе несходных феноменов в качестве прототипа категории и, соответственно, в различии его ядерных номинаций. Например, результаты

¹¹ В то же время, к примеру, в юкатекском языке семьи майя (Мексика, Гватемала, Белиз) единственное слово обозначает лёд, иней, холод и прохладу. Сравним в этой связи *ziz:* ‘frió, fresco, helado’ [Diccionario de la lengua maya: 418], *zizpakental:* ‘estarse poniendo muy frío ó helada’ (выделено нами. – Д.М.) [Diccionario de la lengua maya: 421].

прямых и обратных ассоциативных экспериментов позволяют считать прототипами вежливости воспитанность и доброту в русской культуре, в итальянской культуре это доброта и любезность [Степыкин, Миронова 2020: 28-30; Степыкин, Миронова 2021: 92; Степыкин, Миронова 2020а: 73], а в британской культуре – хорошие манеры и порядочное поведение [Степыкин 2022: 193].

Инструментальный класс приоритетов категоризации, обусловленный интенциями говорящего, ярко представлен на уровне рубрикации явлений с позиции наивного или профессионального сознания. Так, профессиональная когнитивная база как результат объективного познания содержит значительно большее количество номинантов (терминов), освещающих существенные для её природы характеристики. Например, в отечественной лингвистической науке на основании чётких критериев разграничиваются *служебная и знаменательная, нейтральная и стилистически маркированная, исконная и заимствованная, активная и пассивная лексика* с дальнейшим членением каждой из этих базовых групп, тогда как обывателю – носителю русского языка чаще достаточно понимание слова в качестве цельнооформленной единицы, имеющей значение и фиксируемой на письме между пробелами. Подобным образом в противовес категории монологов лингвисты разграничивают, наряду с диалогом, полилог ('разговор между несколькими лицами' [ЛЭС 1990]), но в обыденном употреблении 'разговор между двумя или несколькими лицами' люди причисляют к диалогам (курсив наш. – Д.М.) [БТСРЯ: 257].

В музыковедении не всякое произведение может быть категориально определено как *музыкальная композиция*, а лишь такое, которое целенаправленно создано автором-композитором для воплощения конкретного творческого замысла [Музыкальная композиция 2021]. Однако в обыденном употреблении композицией называют едва ли не любое музыкальное произведение, в том числе и народное, о чём, в частности, свидетельствуют комментарии радиоведущих. Подобным образом в не профессиональном сознании расширяется категория песен, включая в себя порою не вокальные, сугубо инструментальные

произведения, вследствие чего номинация «песня» иногда прилагается и к последним (ср. *Включи мне ещё раз эту песню* (речь шла о композиции Поля Мориа) [ЖРР]).

Аналогичный, инструментальный, класс мотивов категоризации определяет, в частности, выбор среди слов-прагмем соответственно избранной речевой стратегии и нужным смысловым акцентам: ср. лексику в российском политическом или медиадискурсе при подаче некоторого негативного события («событие», «происшествие», «оказия», «несчастье», «катастрофа») или наименования лиц («бойцы», «защитники Отечества», «боевики»; «сподвижник», «соратник», «пособник», «соучастник», «сообщник»). Другая иллюстрация представлена, как правило, в бытовом дискурсе в виде расчленённых номинаций классов объектов. Внутренняя форма таких наименований фиксирует результат профилирования той или иной стороны объекта, функционально существенной здесь и сейчас: *Дай, чем писать; Надо найти, что подстелить; Жарко, налей что-нибудь холоденького* [ЖРР].

Субъектно обусловленные доминанты категоризации, определяющие влияние уровня эрудиции на знание концептов категории и классификационных стратегий, могут быть связаны с принадлежностью человека возрастной, гендерной, той или иной профессиональной группе. Так, по нашим наблюдениям, люди старшего поколения, возраст которых, согласно типологии Э. Эриксона, соотносим с поздней зрелостью (начиная с 65 лет), склонны обобщённо именовать *техникой* или *гаджетами* компьютер / ноутбук и его периферийные устройства (принтер, сканер, камера, микрофон, МФУ), чаще пользуясь, таким образом, суперординатными обозначениям, причём во втором случае расширяя его семантику (ср. в нормативном значении гáджет – 'небольшое устройство, предназначенное для облегчения и усовершенствования жизни человека', это фитнес-трекеры, смарт-браслеты, электронные пластыри, трикодеры, гидрокоптеры, экзоскелеты, смартфоны, планшеты, музыкальные плееры, игровые приставки, очки для дополненной и виртуальной реальности [Значение слова «гаджет» 2022]). Действие возрастной доминанты ярко прослеживается

также при сопоставлении явленной в языке категоризации объектов взрослым и ребёнком. Исследования детской речи (см., к примеру, работы Дж. Брунера [Брунер 1983; Bruner 1968] и Петербургской школы онтолингвистики [Семантические категории в детской речи 2007]) позволили установить, что категоризация мира в детском сознании отталкивается от некоторого перцептивного эталона, от чувственного образа реальности, творчески сформированного во взаимодействии с окружающей действительностью в качестве когнитивной точки отсчёта для дальнейшей рубрикации познаваемого. Исходная номинация закрепляется за конкретным объектом в бытии маленького человека (скажем, чашка – это его конкретная чашка, проблема – это определённый троллейбус, который они с родителями долго ждали). При этом первичные эталоны, особенно, в раннем детском возрасте, «могут значительно отличаться от нормативных» [Гагарина 2007: 21], и, чем старше ребёнок, тем чаще он группирует слова, базируясь на функциях именуемых объектов, и концептуально продвигается от перцепта к понятию [Брунер 1977]. В диалоге «взрослый – ребёнок» эта черта детской когниции имеет особое значение для соблюдения личностно-психологической уместности, когда, например, мама на улице называет любую собаку именем его собаки-игрушки, переводя собственное в нарицательное (*Смотри, какая гава у тётки Маши!*) или, обращая внимание ребёнка на какую-то сущность, воспроизводит характерный для этой сущности звук, уже известный ребёнку (*Смотри-ка, мяу-мяу к нам идёт, какая киса! Давай отойдём, а то би-би не проедет*) [ЖРР].

В плане гендерном представители мужского пола, например, в общем и целом, как правило, лучше владеют концептами видов автомобилей или электроинструментов, а также их номенклатурой (ср. *перфоратор, фрезер, дрель, электролобзик, реноватор, электрорубанок, штроборез* и т.д.). Женщины же лучше ориентируются в рубрикации косметических средств (*ухаживающие / декоративные, фабричные / ручной работы, повседневные / профессиональные, натуральные / минеральные / органические; тоники, скрабы, лосьоны, молочко,*

сыворотки, маски, помады, тени, крема, корректоры, консилеры, туши, маркеры и т.д.).

Индивидуальные (субъектные) различия лингвокогнитивной категоризации находят показательное выражение в сфере агнонимов, то есть таких лексем, которые неизвестны или малоизвестны носителям языка «в тот или иной период его истории» [Словарь лингвистических терминов 2010: 23]. Обычно таковыми являются неологизмы, устаревающие слова (внешние или внутренние заимствования) или же единицы ограниченного употребления, в том числе субстандартная лексика. В условиях отсутствия общедоступного словаря агнонимов русского языка за фактическим материалом мы обратились к «Словарю иностранных слов современного русского языка» Т.В. Егоровой, «Новому словарю русского языка» Т. Ф. Ефремовой, а также к эмпирической базе научных источников, посвящённых данной проблематике [Козырев, Черняк 2019; Липнина 2012; Мандрикова 2017; Черняк 2003]. Из данных источников было произвольно извлечено 7 единиц, составивших выборочную совокупность, то есть такое множество единиц, которое по охвату «кандидатов» в агнонимы включает все их типы и, как следствие, адекватно генеральной совокупности. В него вошли такие слова, имеющие вероятность агнонимии, как:

1. *адепт (сугубо книжное), хохмач (разговорное);*
2. *бомонд, бурсак, наперсник (устаревшие единицы, в том числе два иностранных);*
3. *мерчендайзер, фешенебельный (иностранные неологизмы).*

Данный материал использовался как стимульный для осуществления пилотных экспериментов (см. Приложение Д), которые, уже в данном объёме, продемонстрировали влияние субъективного объёма концептосферы носителя языка на организацию таксономической категории. Языковой материал, полученный в ходе свободного ассоциативного эксперимента, а также субъективного дефинирования, обнаружил зависимость между неодинаковой эрудицией респондентов и адекватностью соотнесения этих номинантов с таксономически верной рубрикой в индивидуальном лексиконе. Так, например,

респонденты женского пола, относящиеся, казалось бы, к одной и той же средневозрастной группе (30 человек 35-46 лет), владеющие русским языком как родным и имеющие одно инженерно-техническое образование, дали ответы, различные по следующим критериям: 1) наличие / отсутствие реакции; 2) отнесение именуемого к категории (*мерчендайзер* – работник магазина / дизайнер / компьютерщик / рекламодатель; *наперсник* – приспособление для шитья, что-то для швейных работ / медицинский предмет / кольцо / человек; *бурсак* – зверь / инструмент / человек; *адепт* – человек / состояние человека); 3) признаки, детализирующие категорию, первичные или вторичные (*мерчендайзер как работник магазина*: продавец, грузчик, торговый представитель, дистрибьютор; *наперсник как человек*: приближённый, жулик, обманщик, ставленник, опекун, ученик, помощник; *бурсак как животное*: барсук, бурундук; *адепт как человек*: последователь / ученик / собеседник / член религиозного сообщества / студент / тот, кто испытывает привязанность). Отмеченные сдвиги в категориальной принадлежности таких лексем, обусловленные неодинаковым качеством индивидуального лексикона, создают зоны «коммуникативного риска» [Черняк 2003], или риска возникновения коммуникативной неудачи, когда речевое произведение не выполняет своего исходного предназначения или выполняет его менее эффективно.

В рамках антропоцентрической парадигмы выявлено, что генерализующей схематизации обычно подвергаются наиболее важные для культурного сообщества, а потому выделенные в самостоятельную сущность реалии. Зачастую они обладают практической ценностью или маркированы каким-либо ярким свойством, благодаря которому заметно отличаются от других объектов. Недаром деление первых концептуальных классов было основано на профилировании интенционально значимых характеристик (классификаторов) размера и формы, свойств материалов, бинарных признаков, как *свой-чужой*, *опасное-безопасное*, *съедобное-несъедобное*, *подвижное-неподвижное* [Борискина 2010]. Из всего многообразия сторон познаваемого доминантными для категоризации, как правило, становятся значимые в практическом отношении, частотные и более или

менее постоянные признаки, что в концептуальной системе имеет организующий смысл. Отмечая неодинаковую релевантность разных сторон объекта, исследователи говорят о градуированности членов категории. Последние могут быть связаны внутренней (обусловленной онтологией отображаемого) или внешней градацией (обусловленной человеческим, психологическим или социокультурным, фактором) [Дзюба 2015: 86]. Одним из примеров обыденных категорий с внутренней градацией можно считать лингвоментальные категории природных явлений (ветра, осадки, температура, цветовые характеристики и т.д.), для которых характерна разная степень некоторого признака, скажем, признака интенсивности: *морось – дождь; холод – мороз – стужа; штиль – ветер – буря – шторм – тайфун; красный – алый, рдяный; рыжий – оранжевый* [Словарь синонимов русского языка; БТСРЯ: 36, 557, 1107, 1136].

Как показали итоги исследования [Миронова 2022а], проведённого с привлечением психолингвистического эксперимента (см. Приложение Е), ядерно-периферийное, градуальное устройство в повседневном сознании обнаруживает, к примеру, категория системных феноменов. Прототипом здесь выступает структурированное целостное множество элементов, как правило, общей природы, а указание на функцию системы занимает ближнепериферийное положение. Степень её устойчивости имеет дальнепериферийный статус в отличие от более яркого статуса в условиях профессиональной коммуникации. В этой связи уместно вспомнить определение системы, данное в специальном дискурсе: «совокупность интегрированных и регулярно взаимодействующих или взаимозависимых элементов, созданная для достижения определенных целей, причём отношения между элементами определены и устойчивы, а общая производительность или функциональность системы лучше, чем у простой суммы элементов» (курсив наш. – Д.М.) [Батоврин 2012: 172]).

Внутреннюю градацию отраслевых категорий проявляют категории слов и фразеологизмов в лингвистике. Прототипические признаки *номинативности, автономности, переместимости, отделимости, дистрибутивной самостоятельности* в их полном наборе свойственны прежде всего категориям

знаменательных слов на фоне служебных. Фразеологические единицы (в широком понимании фразеологии), обладая сверхсловностью и воспроизводимостью, могут отличаться уровнем идиоматичности (ср. *притча в языцах, во всю Ивановскую*, с одной стороны, и *За спрос не бьют в нос, Красота спасёт мир*, с другой), синтаксической расчленённости (ср. фразеологические выражения vs фразеологические сращения, единства, сочетания) и устойчивости (ср. единицы, обладающие возможностью варьирования компонентного состава и их линейного порядка: *камень с души / с сердца свалился, смотреть / глядеть другими глазами, с открытым / поднятым забралом; сгореть со стыда и со стыда сгореть, баклуши бить и бить баклуши, Цыплят по осени считают и Цыплят считают по осени*).

Случаи внешней градации категорий, определяемые индивидуальными чертами психики и культурных ориентиров пользователей языком, оказывают влияние на статус концепта в естественной категории. Например, в речи лиц с недостаточным уровнем образованности просторечные варианты лексем, такие как «ложить» (вместо «класть»), «ихний» (вместо «их»), «рубель» (вместо «рубль»), «узюм» (вместо «изюм»), отличаются большей частотностью и, таким образом, в языковом сознании этой группы носителей языка зафиксированы как ведущий стилистический вариант синонимической категории. Под влиянием внешних антропоцентрических факторов в позицию психологически центрального могут выдвигаться также единицы, нарушающие лексико-семантическую норму. Так, к ряду вышеизложенных иллюстраций на фоне нормативного можно добавить такие коммуникативные факты, как отклонение в использовании слова «обратно» при выражении повторности действия (*Вчера не дождалась и обратно им позвонила; Смотри-ка, обратно яму в этом месте копают; Сейчас обратно на задние лапы встанет (о кошке)*), смешение паронимов, передающих одну категорию, вплоть до полного вытеснения их лексикона одного из них в пользу функциональной экспансии другого: «одеть» вместо «надеть» (*Ну ты же идёшь / дак я говорю ... пальто одень [НКРЯ]*), «невежа» вместо «невежда» (*Дак он невежа в этих вопросах!*). На Южном Урале,

возможно, не без поддержки контактных тюркских языков, где эти смыслы также сочетаются в одной лексеме¹², в речевом обиходе фиксируется просторечное употребление вопросительного слова «зачем» вместо «почему» [МАС 1999]. При актуализации категории причинности снимается интенциональность. О таком употреблении свидетельствуют фрагменты бытового дискурса вроде: *Завтра я, наверное, не поеду в город. – Зачем?! Погода будет хорошая; – Он пока ещё не женился. – Зачем?! Вроде парень видный* [ЖРР].

В свою очередь, такие внешние факторы конструирования категории, как особенности этических воззрений индивидов в сочетании с уровнем их притязаний воздействуют на градацию концептов внутри категории морально-нравственных качеств человека, вызывая варьирование центрального элемента по признаку добропорядочности. Так, скажем, решительные, энергичные поступки кого-либо могут квалифицироваться как поступки *смелого, амбициозного* или же *наглого* человека. Скромность окружающих может служить прототипом *стеснительности, неприспособленности к жизни* для одних и *тактичности* – для других.

Следовательно, можно действительно утверждать, что и категориальное осмысление мира, будучи частью когниции, одновременно действует и универсально, и этнокультурно, и индивидуально, ориентируясь на избранную субъектом познания когнитивную доминанту, на его субъективную позицию по отношению к миру. В этом смысле, характеризуя реальные процессы категоризации, исследователи говорят не столько об отражении объектов в сознании человека, сколько о *конструировании* мыслительных репрезентаций этих объектов, о субъективно окрашенном наложении схематизированных концептуальных структур на осмысляемые фрагменты мира [Левицкий 2010: 117]. Разрабатывая теорию функционально-семантического поля, А.В. Бондарко

¹² Скажем, в контактном башкирском языке имеем *ни өсөн, нинә* – ‘зачем, для чего, почему’ [Хисамитдинова, Муратова 2014: 115], а также *өсөн* – ‘чтобы, ради; из-за’ [Хисамитдинова, Муратова 2014: 117]).

учитывал этот факт, отделяя универсальный фундаментальный базис от комплекса понятийных категорий *конкретного языка* [ЛЭС 1990: 385]. Разнообразная феноменология объектов действительности в сочетании с воздействием субъективной позиции интерпретатора приводят к *полиморфности* языковых категорий, которую в современной теории категоризации описывает принцип множественности и разнородности оснований (стратегий) рубрикации объектов [Дзюба 2015: 80-81].

Ещё одна общечеловеческая доминанта, организующая результаты категоризации, связана с вычленением внутри категории концептов разных уровней абстракции, среди которых доминирующее положение занимает срединный (базовый) уровень обобщения. Как считается, в естественном восприятии объектов этот уровень обладает наивысшей психологической значимостью, поскольку обладает целым рядом преимуществ биологического и праксеологического порядка. Так, концепты базового уровня приоритетны с точки зрения целостного восприятия объектов в естественном освоении мира. Сконцентрированные на данном уровне целостные форматы знания (гештальты), связывая воедино чувственные образы, сенсомоторные действия и вербальные символы, содействуют быстрому узнаванию фрагментов мира на уровне сущностных свойств познаваемого и практического обращения с ним [Величковский 2006]. Концепты базового уровня и их знаковые репрезентанты в процессе их использования, восприятия и переработки требуют наименьших затрат, содействуют экономному функционированию концептуальной системы и поэтому усваиваются легче и в первую очередь [Rosch, Mervis... 1976; Cruse 1977]. Вследствие такой функциональной оптимальности конкретные предметы и явления в обыденном познании концептуализируются в соотнесении с прототипическими категориями [там же: 34]. При этом отнесение некоторой сущности к более абстрактному или конкретному классу происходит лишь после сличения с прототипическими концептами базового уровня обобщения [Золотова 2010: 265]. Знание базового уровня категоризации отражает в себе максимальное из возможных число сторон объекта, значимых для носителя данной культуры, и

поэтому входит в ядро коммуникативного сознания этноса [Голованова 2010; Золотова 2010; Лакофф 2004; Хоффман 1986].

Итак, различная уровневая принадлежность концептов, их структурно-содержательная специфика, особенности формирования данной конкретной категории, а также актуальной когнитивной детерминанты приводят к широкому разнообразию категорий в человеческом сознании, в том числе и языковом, так что, по замечанию Е.В. Дзюбы, представляется затруднительным исчислить их и выстроить общую типологию на едином основании [Дзюба 2015]. Выделяя типы категорий с точки зрения более или менее известных оснований, по объёму (количеству подкатегорий и концептов) допустимо различать *открытые и закрытые* категории, что системологически рисуется как *ограничение на ресурсы* в организации когнитивной категории с учётом её жёсткости или мягкости относительно воздействий среды (в виде факторов исторического или социокультурного порядка). В этом отношении лексические категории, тесно связанные с концептуальной средой репрезентирующими отношениями, дают многочисленные иллюстрации открытых категорий, адаптивно реагируя на указанные выше факторы (ср., например, развитие категории русских наименований технических средств или лиц по профессии в постсоветский период). Закрытые категории как продукт человеческого мышления включают в себя определённый инвентарь компонентов, ограниченный самой природой некоторого феномена, как, например, выраженные в языке лексические категории наименований цветов радуги, музыкальных звуков (нот) и частей тела. Для естественного языка онтологична сравнительная устойчивость набора фонем в фонологической подсистеме, букв – в графической, граммем – в категориях грамматики.

По содержанию в лингвистических исследованиях [см., например, Дзюба 2015: 17, 75] разграничиваются категории *с доминирующим перцептивным (вещественным) компонентом* (конкретные категории: АВТОМОБИЛИ, ЗДАНИЯ, ПРЕДМЕТЫ ДОМАШНЕГО ОБИХОДА, ЖИВОТНЫЕ и РАСТЕНИЯ) или *абстрактно-логическим* (идеальные категории: ПРАВСТВЕННЫЕ

КАЧЕСТВА ЧЕЛОВЕКА, ДУХИ, МЫСЛИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ / СОЦИАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ, ПРОФЕССИИ). Степень обобщения концептуального содержания позволяет говорить о существовании не только базовых категорий, но и категорий высшей степени абстрактности (суперординатные категории: ВРЕМЯ, ЖИЛОЕ ПОМЕЩЕНИЕ, ТРАНСПОРТ, ПОСУДА), а также тех, что сформированы на более детальном уровне категоризации (субординатные категории: КВАРТАЛ, ПЕНТХАУС, МЕЖДУГОРОДНИЙ АВТОБУС, КОФЕЙНАЯ ЧАШКА). В сравнении с базовыми категориями знание категорий низшей и высшей степеней абстракции в большей мере ориентировано на работу логического мышления и энциклопедический опыт, в том числе профессионально обусловленный. С точки зрения предназначения структурировать знание о внеязыковых или языковых фактах и их свойствах выделены, соответственно, *отражательно-ориентированные* (феноменологические) и *вербально-ориентированные* (лингвистические) категориальные структуры [Кубрякова 2004; Красных 2003]. Это положение можно проиллюстрировать, сравнив, например, лексические категории ЦВЕТЫ, ПТИЦЫ, СПОРТСМЕНЫ, грамматически выраженные категории ЧИСЛО и РОД существительных, с одной стороны, и категории НАИМЕНОВАНИЙ ЛИЦ, ЧАСТЕЙ РЕЧИ, ПРОСТЫХ и СЛОЖНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ, МОНОФТОНГОВ и ПОЛИФТОНГОВ, с другой. Автоматический, неосознаваемый или же, напротив, осознанный, целенаправленный характер категоризации лежит в основе разбиения категорий на *интенциональные* и *неинтенциональные* [Дзюба 2015]. Интенциональный характер классифицирующей деятельности вербального мышления очевиден, например, в условиях формирования научной картины мира исследователями, создающими новое знание, которое закрепляется языковым знаком и получает своё место в терминосистеме данной отрасли. Осознанное целеполагание наблюдаем и в случае семантизации какого-либо слова, то есть при реализации метаязыковой функции естественного языка (*Монгольское пятно... это когда на копчике у человека / когда он только рождается / потом оно проходит / такой*

как бы синяк. Прямо на копчике. Называется / «монгольское пятно» [НКРЯ]; – Мам, а что такое «малахит»? – Камень такой драгоценный (выделено нами. – Д.М.) [ЖРР].

С точки зрения критерия новизны, следуя мыслям Ю.Д. Апресяна и С.Д. Кацнельсона, отметим также *формальные* и *содержательные* лингвоментальные категории. Если первые содержат общепринятый в данной культуре набор признаков для распознавания некоторого объекта, то вторые охватывают новые, ещё не ставшие типичными для коллектива стороны предмета [Апресян 1995; Кацнельсон 1986]. Зачастую, хотя и не всегда, возникновение такого рода категорий идёт в ногу с прогрессом цивилизации. Среди примеров на уровне русской языковой реальности – категория ТЕЛЕФОН, вербализованные концепты которой за последние 30 лет значительно обогатились новыми разноаспектными характеристиками (форма, размер, устройство, функции), категория ПОЧТА, которая пополнилась электронной, категория ПОЕЗД (теперь не только традиционный электропоезд, но и скоростные варианты: «Сапсан», «Ласточка» и под.), категория ТУРИСТ (не только наземный, но и космический), категория КОЛЬЦО (появилось, например, кольцо-хамелеон), категория БРАК (ср. гражданский брак как сожителство).

С развитием теории категоризации был обозначен ещё один критерий типологизации категорий, дающий возможность расположить их на шкале по степени когнитивных усилий, доступности формирования. Крайние полюсы такой шкалы занимают, с одной стороны, *категории, структурирующие чётко воспринимаемые человеком явления*, и, с другой, *категориальные репрезентации малодоступных феноменов*, полноценная рубрикация которых представляется затруднительной. В силу своей сложности и мимолётности данные феномены долгое время находились вне поля рассмотрения когнитологов. В отечественной среде с точки зрения языковой объективации они подробно изучаются Л.В. Калининой. Исследователь объединяет их в категорию «неуловимое» и причисляет к этому классу «пограничные эмоциональные состояния... творческие озарения; некоторые изменения природы; процессы, протекающие в микромире

или во Вселенной...» [Калинина, Трушков 2017: 78, 85]. Согласно проведённым исследованиям с использованием НКРЯ, сочетаемость адъектива «неуловимый» даёт возможность типологизировать такие сложно квалифицируемые реалии на чувственные ощущения, как правило, визуальные и аудиальные, соответственно главным сенсорным системам человека (*неуловимый аромат, запах, вкус, привкус; звук, шорох, зов, сигнал; оттенок, свет, силуэт, след*), факты мыслительной деятельности (*неуловимая идея, мысль, логика, категория, причина, связь*), внутренняя природа чего-л. (*неуловимая сущность, вещь, субстанция, материя, красота, грань*), отрезки времени (*миг, мгновение*), лица (*мститель, редактор, террорист, незнакомец, Фантомас, Джо*), движение, изменение (*неуловимое изменение, что-то неуловимое пронеслось, произошло, изменилось, проскользнуло, промелькнуло*) [Калинина 2016; НКРЯ]. Однако движение, запах и миг наиболее частотно категоризируются как явления неуловимые [Калинина 2016].

Обзор вопросов теории категоризации, существенных для нашей работы, позволяет отнести обобщённое структурирование мира к числу важнейших предпосылок, обеспечивающих не только *упорядоченно-прогностическое отражение действительности, но и эффективную речемыслительную деятельность*. Описанные характеристики, касающиеся назначения, содержания и принципов формирования категорий, очерчивают круг параметров концептуальной системы, которые, подчиняясь *принципу положительной обратной связи*, закономерно реализуются в языковом воплощении. Тем самым они вносят вклад в сохранение *критерия качества* системы языка – быть инструментом когниции, принимая во внимание «запросы» когнитивной детерминанты. *Функциональная устойчивость и надёжность* языковой системы как средства категоризации в большой мере базируется на свойствах её компонентов. В следующем параграфе диссертационного сочинения рассмотрим подробнее вклад субстанциональных качеств языка в обеспечение процесса и результата категориального структурирования мира.

5.2. Субстанциональные признаки языковой системы с точки зрения первичной категоризации мира

Динамичность и незамкнутость присущи системе языка не только в контексте задач концептуализации мира, но и категоризации познаваемого. Организующая координация естественного языка с концептуальной системой позволяет структурировать сознание и мышление через посредство знаков. Коллективные схемы рубрикации вносят целесодействующий вклад в возможность взаимопонимания собеседников, поскольку позволяют выстроить процесс передачи информации на едином лингвоментальном основании. Язык в этой ипостаси является средством «общения и обобщения» в процессах описания и конструирования мира [Выготский 1956: 50-51]. При анализе вербального упорядочения знаний с данной точки зрения он рассматривается когнитивной лингвистикой.

Если вслед за У. Матурана считать вербальную коммуникацию способом достичь согласованности взаимодействий [Maturana 1978], то в рамках речемыслительных интеракций категоризация создаёт для этого фундамент. Обеспечивая мыслительную группировку выделенных объектов, человеческий язык, передаваясь из поколения в поколение, служит для его носителя *ориентирующим* и *миромоделирующим*¹³ инструментом во взаимодействии со средой. Ориентирующее значение первичных лингвоментальных категорий проявляется как на уровне процедуры анализа, так и в процессе мыслительного синтеза объектов. С одной стороны, они обеспечивают членение многообразного мира, позволяют логически выявлять его праксеологически значимые элементы и связь между ними. К примеру, факты лексических и, как следствие, концептуальных лакун в картинах мира разных этносов затрудняют освоение

¹³ Предлагая эти определения, мы опирались на работы Е.С. Кубряковой и Е.И. Головановой, экстраполируя содержание этих трудов на лингвокогнитивную категоризацию.

новой культуры. С другой стороны, в генерализующем варианте категории организуют человеческое внимание, позволяя отвлекаться от многообразия действительности, выделяя сходные стороны окружающего. Тем самым они служат своего рода средством когнитивной экологии. В миромоделирующем ключе отметим, что вербализованные категории дают возможность осваивать новое на основе апперцепционного принципа, а также делать прогнозы исходя из уже имеющегося опыта, зафиксированного в знаковой форме.

В науке конца XX-XXI веков значимость категорий в речемыслительной деятельности становится общепризнанной. Она осознаётся вплоть до суждений о главенстве именно этой формы осмысления мира в процессах установления *положительных обратных связей* между языком и планом мысли: концептуальная метасистема сопрягается с языковой на уровне репрезентации категорий и их имён [Серебренникова 1988: 87]. В самом деле, «для того, чтобы передать какое-либо переживание или содержание сознания другому человеку, – писал Л.С. Выготский, – нет другого пути, кроме отнесения передаваемого содержания к известному классу, к известной группе явлений...», поэтому «высшие формы психологического общения возможны только благодаря тому, что человек с помощью мышления обобщённо отражает действительность» [Выготский 1956: 50-51].

Формирование языкового значения осуществляется путём соотнесения именуемого с какой-либо категорией когнитивного контекста. С другой стороны, усвоение ключевых понятий картины мира (пространственных, временных и нек. других), само обобщение коллективного опыта и его передача вне чувственного подкрепления объектов были бы невозможны без языка, без вербального мышления. В несколько утрированной форме это было ясно подчёркнуто номиналистами, утверждавшими исключительную роль имени в выделении категорий сознания.

Обладает ценностью также и прогностическая роль лингвоментальных категорий, которые, с развитием у индивида абстрактного мышления, способствуют опережающему отражению действительности (ср. «наполненные

образами» граммемы настоящего и прошедшего времени на фоне диахронически более поздней граммемы будущего времени [Боднарук 2017: 28]). В этом смысле они играют конституирующую роль для формирования определённой картины мира и ориентации в нём.

Языковой знак, как элемент идеальной символической системы, обслуживающей когницию, позволяет разграничивать категории и закреплять в сознании их обобщённое содержание. При этом, какую бы категорию ни передавал такой знак, он является функционально неделимым в плане мыслительной дискретизации мира и манипуляции категориями, так что и с этой точки зрения системологически может быть признан *элементом* (ср. утверждение Е.С. Кубряковой о существовании категорий «силой обозначения» [Кубрякова 2004: 316]). Собственно говоря, и декодирование передаваемой информации всегда означает соотнесение предмета речи с той или иной рубрикой опыта и, следовательно, ориентировано на взаимную активацию категориальных схем у говорящих. Все эти факты подтверждают мнение лингвокогнитологов о том, что вербальное общение и его специфика определяются содержанием, количеством и структурой категорий, передаваемых лексическими или грамматическими средствами.

С точки зрения репрезентативной сущности языка значения, *в соответствии с системным принципом качества*, складываются и функционируют в комплексе характеристик структуры и содержания категориального знания. Специфика означивания категориального содержания в каком-либо языке, в свою очередь, раскрывается при анализе семиотической стороны репрезентации знаний (в терминологии Н.Н. Болдырева [Болдырев 2013: 6]). Данный аспект отражает собой организацию процесса и результата формирования категориального значения / смысла на статическом и речевом уровнях, когда *принцип целеполагания системы* требует задействовать не только языковое, но и коммуникативное сознание. Последнее, в обсуждаемом случае, опирается на знание правил и способов общения при оперировании вербализованным категориальным знанием. Присвоение объекту категориального

имени, как и процесс его использования в определённых условиях общения, осуществляется на 4-ой ступени категоризации, если иметь в виду её языковой характер [Дзюба 2015: 60].

Находясь в *неразрывной функциональной связи с миром концептуального* и обслуживая его, категории естественного языка как системы идеальной изоморфны по своему составу существующим в сознании когнитивным категориям. Отметим также, что категориальный план языковой реальности обусловлен не только психофизиологическими универсалиями, но испытывает антропоцентрическое влияние когнитивной доминанты, которая охватывает и восприятие, и осмысление действительности. Кроме того, языковые категории, помимо когнитивно обусловленных черт (исходно *системообразующих*), приобретают дополнительные свойства (*системоприобретённые*), адаптирующие ментальные структуры к особенностям системы конкретного языка за счёт определённых преобразований. В действие вступают дискурсивные и языковые факторы, в том числе влияние нормы (*принцип полифакторности*), происходит пересечение феноменологической и «языковой логики». В этой связи лингвокогнитологи говорят о форматировании концептуального содержания с помощью языка, отмечая значительную, но неполную детерминированность «поверхностной реализации категории» в языке отображаемой действительностью или ментальными репрезентациями. Е.В. Дзюба на этой основе разграничивает две «области» лингвокогнитивной категоризации. Одна из них соотносится с ментальными процедурами профилирования, идентификации, сравнения и классификации, а другая – с «подведением нового знания *под категории языка* или *наложением языковых категорий* на фрагмент познаваемой действительности» (выделено нами. – Д.М.) [Дзюба 2015: 60]. Так, например, семантика лексических категорий, как известно, предполагает преобразование стоящих за ними концептов до «отображения» только коллективно значимой части, что позволяет лингвистам разграничивать понятия вербализованного концепта и лексического значения. Актуализация синтаксического концепта, передающего тот или иной класс ситуаций, в том числе первичных, связана с

использованием определённой языковой техники, участвующей в выражении грамматических смыслов (ср. выбор позиционной схемы высказывания, полнота / эллиптичность, маркировка синтаксических отношений).

На наш взгляд, языковые механизмы этого явления, такие как лексическая семантика, структура предложения, речевой контекст [Беседина 2010: 35], выделяемые Н.А. Бесединой в роли факторов, уточняющих в тексте содержание морфологических категорий, актуальны также для передачи синтаксически- и лексически ориентированных категорий. Таким образом, во всей полноте системообразующих и системоприобретённых качеств, когнитивных и языковых механизмов категориальная система от языка к языку имеет своеобразные характеристики состава, устройства и содержания.

Вместе с тем общность человеческого мышления и сознания на протяжении многих веков наводила лингвистов на мысль о существовании в языке глобальных, наиболее универсальных категорий. Начиная с античной истории делались попытки очертить круг такого рода конституирующих языковых категорий. Последние выделялись на разных основаниях, в зависимости от теоретических позиций, при этом далеко не всегда адекватно учитывалась взаимосвязь языка с когницией. Так, Н.Ю. Шведова по существу отождествляла фундаментальные категории Аристотеля с лингвокогнитивными, поскольку последние, как полагает исследователь, выводятся из семантики наиболее *абстрактных слов* [Шведова 2005: 452]. С основными языковыми категориями по сути связана также идея элементарных значений (семантических примитивов), сформулированная Ю.Д. Апресяном и А. Вежбицкой (при разработке унифицированного семантического метаязыка для интегрального описания языковой семантики). По замыслу, элементарные значения должны были передавать некоторое инвариантное содержание для обширных групп лексики, не допуская дальнейшего разложения на компоненты, то есть, в системологическом понимании, такие значения должны были представлять собой семантические элементы. Инвентарь элементарных значений предполагался как достаточный для истолкования слов с более сложной семантикой [Апресян 1995: 486-481]. Однако

чаще, с появлением собственно лингвистических работ, глобальные языковые категории изыскивались в области грамматики, которая фиксирует в слове онтологические стороны реалий.

По мере развития и укрепления функциональной лингвистики горизонты данного поиска расширились в учении о функционально-семантических категориях, объективируемых разноуровневыми языковыми средствами. Предтечей этого учения, по общему мнению, выступают рассуждения И.И. Мещанинова о понятийной категории, под которой подразумевается общий для всех или большинства языков семантический признак, имеющий различные, зачастую лингвоспецифичные, способы выражения (лексические, морфологические, синтаксические). Важно отметить, что исследователь связывал их появление с работой человеческого сознания, характеризуя понятийную категорию хотя и в числе языковых категорий, но в качестве «отражателя... действительных норм сознания» в ходе освоения мира [Мещанинов 1978: 238]. Вместе с тем категории сознания и языка не отождествлялись, к чему призывал в своих исследованиях и современник И.И. Мещанинова Э. Бенвенист [Бенвенист 1974]. Во второй половине XX века факт объективации понятийных категорий в языке был закреплён введением в лингвистический обиход термина «семантическая категория». Концепция функциональной грамматики А.В. Бондарко выделяла грамматикализованное ядро и распространяющую лексико-грамматическую периферию поля единиц, сформированного вокруг семантической категории. Кроме того, в рамках этой концепции была признана возможность неодинакового статуса одних и тех же семантических категорий в разных языках мира, постулировался их явный или скрытый характер. Разграничивались также понятийный и вербальный уровни, и это закреплялось обозначением категорий каждого уровня отдельными терминами (ср., соответственно, темпоральность – время, модальность – наклонение, персональность – лицо... [ЛЭС 1990: 216]).

В отличие от философского и собственно лингвистического подходов лингвокогнитивный подход помещает в область интересов языковые категории

разного масштаба и разных уровней языковой структуры. Категоризация предстаёт как сложная функция когниции, направленная на организацию концептуального содержания с помощью схематизированных структур знания, объективированных в категориях лексики и грамматики. Однако остаётся актуальным сложившееся в середине XX века представление о языковых категориях как о группировке языковых единиц на основе некоторых общих признаков и отдельных классов таких единиц. Одной из иллюстраций подобного подхода является определение категории в словаре лингвистических терминов О.С. Ахмановой, согласно которому языковые категории – это «общие свойства различных классов и разрядов языковых единиц, конституирующие эти классы и получающие разнообразное языковое выражение: морфологическое, синтагматическое, просодическое и т.п. - при различном содержании (грамматическом, лексическом, стилистическом и т.п.)» [Ахманова 1966: 185]. В этой трактовке трансформируется исходное, философское, понимание категории как *всеохватывающего*, общего понятия.

Ещё одно важнейшее положение лингвокогнитивной теории категоризации, релевантное для субстанционального уровня естественного языка, состоит в признании комплексного характера формата категории. Она органично сочетает в себе три аспекта [Болдырев 2009: 29], соотнесённых с антропометрически существенными параметрами категоризации: феноменологическое знание членов категории (знание действительности), знание концептуальной основы рубрикации объектов и, безусловно, организующие принципы их объединения в комплексную единицу концептосферы. Первые два аспекта связаны с субстанциальными свойствами языковой системы наиболее тесно, поскольку их проявление на уровне вербализованных категорий в наибольшей степени обусловлено набором номинантов данной категории, а также их семантическими характеристиками, объективирующими концептуальную общность членов одного класса. Третий аспект, отсылающий к устройству категории, сориентирован, скорее, на характеристики языковой структуры, то есть на связи и отношения номинантов категории.

Языки мира характеризуются широким многообразием единиц для выражения категориальных значений, однако эти гетерогенные единицы могут быть сведены в подсистемы на основе *функционального критерия качества*. Под *функцией* в данном случае подразумевается системообразующее для естественного языка свойство компонентов разных уровней передавать определённый вид значений, в том числе категориальных. В современной антропоцентрической лингвистике с этой точки зрения говорят о существовании двух типов первичных категорий: грамматических и лексических. *Специализация языковых элементов* на выражении того или иного типа категорий реализуется в том, что каждая из соответствующих подсистем обладает характеристиками, специфичными относительно целого (системы языка в целом) или универсальными в рамках данной категориальной группировки. Эти характеристики предопределены концептуальным базисом языковой категории, а именно лежащим в её основе типом когнитивной категории, а также степенью её устойчивости / динамичности. С системных позиций можно вести речь об *организующей роли* когнитивной категории постольку, поскольку характер соответствующего ей когнитивного контекста накладывает определённые ограничения на вербализующие ресурсы категории (т.е. участвующие в её трансляции элементы) и на механизмы её формирования / функционирования. То есть в мыслительно-языковом взаимодействии каждая из подсистем языковых категорий является *сигнатурой* по отношению к выделенным в сознании когнитивным категориям. Так, в соответствии с *принципами специализации и обратной связи*, репрезентация отражательных категорий, осуществляется, как правило, лексическими элементами. Функционально они обеспечивают членение и структурирование фрагментов внешнего мира в сознании и речевой деятельности. Вербально ориентированные категории, напротив, как известно, закрепляются и транслируются грамматическими элементами (знаковыми формальными показателями, моделями). В единстве формы и содержания последние призваны отражать наиболее принципиальные характеристики системно-языкового устройства и семиозиса с помощью данного языка. Это то,

что М.В. Пименова именует языковой логикой [Пименова 2010: 122], а Н.Н. Болдырев – «онтологией самого языка» [Болдырев 2006: 9-10]. С точки зрения системных ограничений на ресурсы (концептуальной метасистемы и системы языка) грамматические элементы нередко фиксируют значимые для мышления понятия о всеохватывающих свойствах бытия, «элементарные познавательные категории», такие как предмет, признак, качество, количество, действие, состояние [Кацнельсон 2001]. Так, первичными категориями грамматики допустимо, на наш взгляд, считать категорию рода в классе номинаций живых существ, число существительных и, а также глагольную категорию времени (если отвлечься от явлений функциональной транспозиции и согласования времён). В этих случаях свойства реальности передаются наиболее объективно, с преобладанием отражательного, а не антропоцентрического конструкционного компонента «я-интерпретатор». Недаром, как свидетельствуют типологические изыскания, «языки без грамматической категории числа – это явление значительно более редкое, чем языки без категории рода, падежа и определённости/неопределённости» [Число грамматическое 2022]. Грамматические категории онтологичны для языка, поэтому при овладении языком как объектом когнитивная систематизация самих категорий и выражающих их единиц представляет собой первичную категоризацию свойств знаковой системы познающим субъектом.

Вместе с тем отмечается условность разбиения языковых категорий на грамматические и лексические [Борискина, Кретов 2003]. Ссылаясь на репрезентацию одного и того же содержания грамматическими средствами в одном языке и лексическими – в другом, лингвисты указывают на существование лишь типологических тенденций и, в этом русле, конкретных языковых техник. По наблюдениям Л. Талми, например, понятия расстояния, размера, формы, цвета тяготеют к лексическому выражению, а количественные понятия вроде ‘чётный’, ‘нечётный’, ‘дюжина’ никогда не выражаются грамматически [Талми 1999]. Рассматривая данный вопрос с когнитивных позиций, важно не забывать о том, что естественный язык, как инструмент познания, во многом детерминирован

концептуальной метасистемой. Поэтому зачастую вышеназванные лингвистические характеристики одновременно коррелируют с глобальными категориями картины мира, с её опорными абстрактными смыслами, универсальными культурно маркированными «схемами» человеческого опыта. Содержание таких устойчивых «схем» наиболее регулярно передаётся языком и отсылает не только к языковой, но и к внеязыковой действительности, так что, по словам Дирвена, могут считаться «грамматическими гештальтами» [Dirven 2005: 19]. В частности, это можно проиллюстрировать существованием в языке частей речи, категории числа или падежа, передающего онтологический класс отношений; категорий аспектуальности, постоянства / изменчивости признака. Такие языковые категории, на наш взгляд, сочетают в себе свойства отражательных и лингвистических структур знания.

Выполняя в системе языка *особую организующую роль*, вербально ориентированные грамматические категории регулярно, на уровне навыка воспроизводятся в речи. Как было доказано в функциональной грамматике, они отличаются большей формализацией и меньшим разнообразием по сравнению с лексически- и словообразовательно передаваемыми категориями. Закономерным образом в концепциях традиционной и функциональной лингвистики ядром категориального плана языка считаются грамматические категории, и в этом русле именно учение о грамматических категориях оказывается наиболее разработанным. В науке нашего времени грамматические реалии не теряют своей актуальности и сегодня находятся в центре внимания лингвокогнитивного изучения категоризации. В силу такой системообразующей роли грамматической категориальной подсистемы, онтологичной для языка, входящие в неё категории и элементы-граммемы представляют собой гораздо более закрытый класс по сравнению с обращённой в изменяющийся мир подсистемой лексических категорий.

Применение когнитивного подхода позволяет говорить о том, что в основе *многообразия* грамматических элементов лежат различия в содержании, когнитивном статусе, а также принципах устройства элементов среды –

ментальных категорий. Кроме того, эти различия затрагивают направления классификационного процесса в сторону обобщения либо конкретизации. Соотнесение с этими системообразующими параметрами позволяет, в частности, по-новому трактовать традиционные подразделения грамматических категорий на классификационные и словоизменительные, синтаксические и не синтаксические (морфологические) (А.М. Пешковский, А.И. Смирницкий, И.А. Мельчук), суперкатегории и категории простые. Существование в языке *классифицирующих* и *словоизменительных* грамматических категорий характеризуется не только способом выражения той или иной граммемы, но, концептуально, различными по «ментальной глубине» процессами категоризации мира. Классификационные категории, где среди первичных – род номинаций живых существ, в этом отношении являются более глубинными, архаичными [Виноградов 2010]. *Суперкатегории* (ВРЕМЯ, ПРОСТРАНСТВО, СВОЙСТВО, СОСТОЯНИЕ, ЧЕЛОВЕК, ЧИСЛО и многие другие) на фоне *простых категорий* отличаются большей информационной значимостью для адекватного представления ситуации, обобщая в себе большее число её характеристик.

В соответствии с *принципом организации*, вышеназванные типы грамматических категорий как отдельные сущности по-разному представлены элементами языка, иными словами, требуют различных ограничений на объём, свойства и функциональные состояния элементов. Так, оппозиция «суперкатегории – простые категории» задействуют различное число элементов - лексических единиц: первые присущи словам различных частей речи (см., например, грамматические категории рода и числа в русском языке), тогда как вторые выявляются у слов лишь одной части речи [Новодранова 2010: 340], скажем, глагольная категория времени. Классификационные категории постоянны для лексемы и объективируются в любой её словоформе (среди первичных грамматических категорий таков род существительных). Словоизменительные категории существуют в виде набора частных грамматических значений, конкретизирующих общее категориальное значение, выбор того или иного из них задаётся контекстом. Существование *морфологических* и *синтаксических*

категорий, в свою очередь, опирается на репрезентацию единицами соответствующих языковых уровней когнитивных категорий разного содержания. В такое взаимодействие вовлекаются более простые (морфологические) или сложные, представленные концептуальными структурами (синтаксические) компоненты когнитивной среды, которые манифестируют для человека наиболее абстрактные и постоянные рубрики опыта.

Морфологические категории (время, число, род и нек. другие) совместно с эксплицирующими их морфемами и формами специализированы упорядочивать в сознании и коммуникации наиболее регулярные, постоянные и объективные черты фрагментов окружающего мира. Среди них – «временные, количественные параметры, степени признака и реальности / ирреальности действия» [Беседина 2010а: 363]. Соотносимые с ними концептуальные образующие лежат в основе «однородных грамматических значений» в парадигматическом ряду форм, организуя своего рода «каркас... в который “выливается” содержание», передаваемое лексикой [там же: 364]. На те же глобальные характеристики мира ориентирована наиболее древняя и естественная лексико-грамматическая подсистема – части речи. В филогенезе и онтогенезе формирование этой подсистемы через всё большую *дифференциацию её членов* соотносимо с усложнением классификационно-познавательной деятельности человека, что также свидетельствует о природной сопряжённости концептуальной и языковой систем. Так, лингвисты говорят о развитии аналитической способности человека, которая выражается в последовательном становлении ряда простейших категорий, начиная с категории существительного. В соответствии с принципом вещьцентризма человеческого сознания для обыденного опыта первичной оказалась именно категория вещи, синкретично отражающая объект с его признаками и действиями. И только затем были выделены глагол, прилагательное, наречие, служебные части речи, передающие многообразные реляции между объектами, действиями, признаками [Гуреев 2014: 95; см. также Караулов 1997: 49]; внутри каждой части речи обозначились семантические прототипы (скажем, акциональные номинации физических действий для глаголов

[Болдырев 2003: 55]). По другой версии, близкой жестовой гипотезе происхождения языка, первичными частеречными элементами явились местоимения как «потомки» иконических и указательных жестов первобытного общения (Н.Ю. Шведова, М. Томаселло) [Гуреев 2014: 92-95]. Так или иначе в истории человеческого языка части речи есть первая автономная *специализированная подсистема элементов, служащая целям категоризации*. Ключевые части речи в наиболее общем виде сигнализируют о жизненно важных аспектах материального, социального, психического опыта, а также выражают ключевые аспекты преобразования информации – референцию (существительные), модификацию (прилагательные) и предикацию (глагол) [Кубрякова 2004: 222-223]. Соответственно, установленные в системе языка частеречные признаки (функция, формальные средства и сочетательные свойства) дают возможность субъектам речи в информационном обмене идентифицировать описываемый фрагмент мира и само слово.

В случае передачи концептуальных структур на уровне синтаксических категорий обобщённое знание, синтаксически фиксируемое структурной схемой предложения и её частями – пропозициями, соответствует ментальной репрезентации категорий типизируемых событий, в структуре которых говорящий выделяет приоритетные пропозиции. Модель предложения, согласно А. Вежбицкой, на самом высоком уровне абстракции закрепляет с помощью грамматических категорий обобщённый «семантический шаблон» ситуации (ср. в этой связи идеи схемной семантики о роли этих устойчивых шаблонов в формировании и интерпретации высказывания в работах [Рассел 1999], [Белошапкина 1989]). Так, класс ситуаций, где наличествует «отношение между субъектом и его... действием или процессуальным состоянием» [Структурные схемы... 1980], закрепляется моделью с координируемыми компонентами N_1V_f (*Друзья идут в парк, Ученик решает задачу*). Если его признак является свойством или состоянием [Структурные схемы... 1980], то в основе высказываний могут лежать модели $N_1Cop_fAdj_{f1/5}$ (*Стол в аудитории новый, Этот материал ещё мягкий*) и $N_1Cop_fN_{2...pr}/Adv_{pr}$ (*Книга на твоём столе – из*

России, Друзья всегда рядом). Всевозможные ситуации могут быть простыми или комплексными, что выражается в существовании моно- и полипропозитивных моделей предложения.

Посредством феноменологических когнитивных форматов, в том числе первичных, закладываются также содержательные категории текста (тип речи, информативность, тема и смысл, когерентность и завершённость, смысловые фокусы). Наряду с формально-структурными категориями (членимость, когезия, диалогичность / монологичность, формальная завершённость, композиция [Гальперин 2007; Таюпова 2011]), они служат критерием типологии разновидностей текстов как лингвистических объектов, включая коммуникативно-функциональную типологию (ср. традицию выделения эпических, лирических, драматических произведений; исторических, любовных, детективных, фантастических романов; художественной и нехудожественной прозы; информативные, императивные и этикетные жанры). Онтологическая, интенциональная (прагматическая) и формальная стороны предложений [Манаенко 2010: 399-400] представляют собой *системообразующие для речевой и системоприобретённые для мыслительной единицы параметры*: категориальная схема события приобретает эти характеристики (стороны) в результате преобразований в вербализованное знание с помощью когнитивных и языковых механизмов.

Итак, многообразие грамматических категорий и частных значений организует языковую реальность, передаёт опорные смыслы языковой картины мира и, как следствие, образует закрытый класс формально маркированных единиц. В этом сходном целеполагании их онтология отвечает *принципам функциональной координации и совместимости элементов категориальной системы*.

Иное, наиболее конкретизированное, членение мира с помощью языка обеспечивают элементы словарного фонда языка, служащие для закрепления и передачи тех или иных лексических категорий. В отличие от более древней подсистемы частей речи, исходно ориентированной на онтологию и языка, и

мира, средства лексической категоризации составляют первичную и специальную подсистему для упорядочения концептов естественных объектов. В этом отношении Н.Н. Болдырев характеризует лексическую категорию как «языковой аналог категоризации» естественных объектов на основе разнообразных сходств между ними [Болдырев 2006: 9-10]. Следовательно, *концептуальная сигнатура* таких категорий представлена категориями отражательного типа и ориентирована на репрезентативный аспект сознания и языка. В целостной картине мира каждая категориальная группировка лексических единиц профилирует и выражает определённый объём релевантных для человека знаний, и в этом состоит ключевая функция лексических категорий. На уровне слова наиболее рельефно раскрывается обратное влияние языка на когницию. Именно слово «объективирует для говорящего существование той или иной категории» и тем самым организует языковое сознание с точки зрения его категориальных ресурсов, «накладывая ограничения на возможность выбора, регламентирует их...» [Кубрякова 2004: 308, 313]. Поэтому слово признаётся центральной единицей хранения знаний в их таксономической репрезентации (*здания, автомобили, журналы, грибы, птицы* и т.д.) или собирательной репрезентации (*транспорт, мебель, молодёжь, посуда, канцелярия* и т.д.) [Кубрякова 2004: 306; Дзюба 2015: 74]. Появление нового слова в языке знаменует выделение и конвенциональное закрепление в сознании говорящего новой отражательной категории; слово участвует в речевой объективации соответствующей категории и поэтому закономерно является членом открытого класса. В отличие от грамматических единиц оно наиболее репрезентирует в речи тематическую и субъектную доминанты и, таким образом, с точки зрения организующей роли, лексикон каждого языка накладывает ограничения на ресурсные возможности её вербальной передачи. Субстанциональные ресурсы любой лексической категории, в том числе первичной, представлены совокупностью лексем – членов номинативного поля концепта, лежащего в основе данного мыслительного класса. Не имея обязательных формальных показателей, идея лексической категории фиксируется в основе слова. Как правило, под влиянием социокультурной

доминанты обобщающее наименование получают наиболее значимые для данной культуры категории, и формируются они путём профилирования наиболее актуальных и типичных сторон осмысляемого. Последние запечатлены концептуальными признаками и компонентами значения. Менее выделенные категории получают описательную вербализацию: «Объекты, выделяемые по цветовой характеристике», «Объекты, выделяемые по признаку ‘квадратная форма’» и т.д.

Чем важнее определённая категория объектов для данной культуры, тем более детализирующих членов она содержит в себе и тем самым обуславливает заметное многообразие своих лексических репрезентаций, или, говоря словами В.И. Карасика, увеличивает номинативную плотность. Один из закономерных примеров в этой связи представляет ряд наименований разного вида путешествий в английском языке в отличие от исконной лексики современного русского языка, таких как *travel*, *trip*, *journey*, *voyage*, *cruise*, *tour*. Предпосылку сравнительно высокой номинативной плотности этой категории, по-видимому, составляет тот факт, что история Великобритании и её формации тесно связана с эпохой географических открытий. В XVI – XVIII веках активное развитие капитализма в этой стране вызвало необходимость поиска новых заокеанских земель, источников ценных металлов и удачных торговых путей. Как следствие, особую значимость приобрели когнитивные репрезентации (концепты, категории) разного вида путешествий, получившие лексическую языковую фиксацию. При этом семантика членов соответствующей категории дифференцирует аспекты не только транспортных средств, но и длительности, цели, а также характера природной среды, где совершается движение: *travel* – ‘путешествие на большие расстояния’ (*He wrote an interesting book about his travels in the East* – Он написал интересную книгу о его путешествиях на Восток), *journey* – ‘поездка, как правило, на большие расстояния по суше при наличии определённого места назначения’ (часто в контекстах с указанием времени поездки: *The journey to Russia will not take more than two weeks* – Путешествие в Россию не займет более двух месяцев), *voyage* – ‘довольно длительное путешествие по морю, иногда по воздуху’ (*It was a*

voyage from Cyprus to the continent – Это было путешествие из Кипра на континент; *a voyage into space* – космическое путешествие), *trip* – ‘недолгое путешествие в какое-то место на короткое время с конкретной целью по суше или по воде на любом виде транспорта’ (*a business trip* – ‘деловая поездка’, *a pleasure trip* – ‘увеселительная прогулка’), *tour* – ‘турне, экскурсия с целью осмотреть достопримечательности иностранного государства, во время которого делаются остановки в разных местах следования’ (*a world tour* – ‘кругосветное путешествие’, *a cycling tour* – ‘велотур’), *cruise* – ‘увеселительная прогулка на корабле, яхте, лодке или другом плавучем средстве’ (*We took a Mediterranean cruise* – Мы совершили круиз по Средиземному морю) [Разница между *trip*, *travel*, *journey*..; Kinds of travelling].

С другой стороны, слово может служить материальным носителем знаний высокой степени абстракции, что иллюстрируют суперординатные наименования категорий и названия абстрактных сущностей (абстрактные имена). Выделение абстрактной сущности связано с глубоким осмыслением действительности, длительным наблюдением и рефлексией, поэтому в онтогенезе экспонент абстрактного слова усваивается раньше, чем его содержание [Чернейко 2010: 105-106]. Выделение категории, стоящей за абстракциями, предполагает включение целого комплекса когнитивных механизмов «высшей индуктивно-дедуктивной формы ментальной деятельности человека» [там же: 66] и всегда сопровождается остранением человеческого разума от физической реальности [там же: 6, 45, 66]. В толкованиях значений слов наиболее абстрактные онтологические «измерения» действительности (ПРЕДМЕТ, СВОЙСТВО, ОТНОШЕНИЕ, КОЛИЧЕСТВО, ДЕЙСТВИЕ, СОСТОЯНИЕ, ИНТЕНСИВНОСТЬ...) обычно коррелируют с архисемами (наиболее обобщённым, категориально-лексическим, компонентом значения) [Кацнельсон 2001; Апресян 1995; Вежбицкая 1999; Уральская семантическая школа... 2011]. Возьмём для примера толкования производной глагольной лексики или имён процессов: «бурить» – ‘Делая отверстия в чём-л., пробивать... грунт, горную породу, используя специальные приспособления...’, «бить» – ‘Ударять кого-, что-л. чем-л., занося руку или какое-л. другое орудие и

опуская его с размаху на кого-, что-л.', «вязать» – '*Изготавливать... что-л., используя специальную технику протягивания свободных нитей через петлю*', где «изготавливать» – '*Делать... какую-л. продукцию при помощи инструментов, каких-л. приспособлений, машин*', «учить» – '*Постигать... что-л., много раз повторяя, запоминая что-л...*', «понимать» – '*Постигать... что-л. очень хорошо, глубоко, становясь сведущим, прекрасно разбирающимся в чём-л.*' [ТСРГ 1999: 272, 274-275, 313, 317]; «бегать» – '1. = Бежать (1-3 зн.)... *действие* повторяющееся или совершающееся в разных направлениях', «акция» – *Офиц.* '*Действие, выступление кого-л., предпринимаемое для достижения какой-л. цели...*', «диалог» – '1. *Разговор* между двумя или несколькими лицами' (курсив наш. – Д.М.) [БТСРЯ 2000: 34, 63, 257]. Ср. также семантику прилагательных, производных в русском языке и служащих изосемичными средствами выражения более или менее постоянных характеристик, свойств: «сладкий» – '*Имеющий приятный вкус, свойственный сахару, мёду и т.п. (о пищевом продукте)...*' [Словарь синонимов... 2010: 47], «благородный» – '*Отличающийся безукоризненной честностью... великодушием; ему*' (курсив наш. – Д.М.), «ориентальный» – '*Характерный для стран Востока*' [БТСРЯ: 82, 725], а также некоторых существительных: «акциденция» – *Филос.* '*Случайное, преходящее, несущественное свойство... предмета*', «атрибут» – *Филос.* '*Необходимое, существенное, неотъемлемое свойство предмета или явления*', «преимущество» – '1. *Качество... выгодно отличающее кого-, что-л. от других...*', где «качество» – '*Существенный признак, свойство, отличающее один предмет или одно лицо от другого*', «оптимизм» – '*...Склонность во всём видеть хорошие, светлые стороны*', где «склонность» – '1. *Способность, постоянное влечение к чему-л....*'; [БТСРЯ: 34, 51, 423, 721, 963, 1196].

С функциональной стороны за выбором и декодированием слова стоит концептуально-языковое взаимодействие, которое обусловлено подведением предмета речи под ту или иную отражательную категорию за счёт активизации в памяти ряда существенных признаков. Иначе говоря, при выполнении языком коммуникативной функции лексические элементы выступают ведущим языковым

механизмом, который указывает собеседникам обоюдное направление категориальной обработки предмета речи. Этот процесс значительно детерминирован психологической яркостью элементов базового уровня категоризации, которая имеет свой вес как при употреблении того или иного слова, так и в ходе формирования значения слов. В обыденном общении выбор номинации обычно происходит в пользу наиболее частотной, достаточно конкретной по значению и стилистически нейтральной лексемы, то есть в пользу слов, причисляемых к базовому уровню категоризации в данный период развития языка и концептуальной системы. Значения первых слов в детском лексиконе, как установлено, также образуются в опоре на выделяемые ими базовые категории, и эти значения выучиваются в первую очередь, впоследствии помещаясь в ядро лексикона [КСКТ 1996: 14].

В отношении набора и функционального состояния элементов лексической категории не менее важную организующую роль играет *когнитивная детерминанта*, определяющая выбор того или иного способа функционирования концептуальной системы [Миронова 2019: 22], и, как следствие, вариативность картин мира (религиозно-мифологическая, философская, художественная, научная). Отсылая к этому фактору среды, определяющему членение онтологического пространства, лингвокогнитологи обосновывают существование обыденной, научной и профессиональной вариантов языковой категоризации [Дзюба 2015], или конкретно-предметной и абстрактно-системной (см. подробнее: [Кравченко 1996]). Связь с тем или иным типом категоризации служит *критерием качества*, объединяющим лексические элементы в подсистемы двух последовательно развившихся логик: эмпирической (практической, чувственной) и научной (логико-теоретической).

Повседневно-практическая ориентация обыденного мышления по своим задачам и методам противопоставляется сущностному, научному познанию мира, в том числе его приложению к решению производственных задач в конкретных условиях (в случае профессиональной категоризации [Дзюба 2015: 62]). Интенция приблизиться к наиболее полному, точному и объективному знанию вещей влечёт

за собой преобладание понятийного модуса когниции и прагматическое равноправие её членов. Субъект научной лексической категоризации стремится учесть максимум характеристик изучаемого явления, отразив разные его стороны, и при этом старается соблюсти логическую выверенность описаний, что ведёт к большей детализации наименований, с одной стороны, и высокой степени абстракции, с другой. Система терминов и номенов (видовых терминов), составляющая метаязык той или иной отрасли, репрезентирует комплекс логических категорий (качество, количество, инструмент, время, пространство...), выстраивается на них. Это иллюстрирует, в частности, терминологический аппарат когнитивной семантики, в содержании которого вербализуются идея времени (ср. *диахроническая концептология, внутренняя форма, семантическая перспектива слова*), категории количества (*номинативная плотность, номинативная дробность, прототип, долговременная / кратковременная память*), качества (*формат знания, репрезентативный / семиотический / интерпретационный аспекты языка, макрокомпоненты концепта, ступени языковой концептуализации и уровни языковой категоризации, декоративное и процедурное знание*), инструмента (*языковая концептуализация и категоризации, когнитивных механизмов, языковая интерпретация, когнитивная доминанта, методы лингвокогнитивного анализа*). Отражая взаимосвязь отраслевых понятий, терминосистема позволяет специалистам ориентироваться в соответствующей области знания и описывать её в пределах созданной таксономии, в том числе создавая новое знание (ср. моделирующая и ориентирующая функции терминологии [Голованова 2011]).

Повседневное мышление, нацеленное на обыденный житейский опыт, наоборот, фиксирует лишь прагматически значимые фрагменты стихийного опыта, которые являются отправными при идентификации и различении классов явлений [Чернейко 2010: 238; Корнилов 2013: 37]. Поэтому среди членов лексической категории, соответственно прагматической значимости и яркости, могут быть выделены обозначения более или менее типичных членов категории, а сами наивные категории имеют не столь чёткие границы. Часто

межкатегориальные взаимопереходы, создающие диффузность категорий, достигаются за счёт вторичной языковой категоризации, когда в действие вступает интерпретация первичных категорий. Это имеет место, например, при осмыслении времени через пространство (*бежит, летит, что-то занимает время*), психических состояний через более доступные для понимания физические (*на душе лёгкость / тяжесть, тоска съедает, радость окрыляет*) или при интерпретации эмпирических параметров в момент постижения внутренних, психических, нравственных, качеств человека (*твёрдая воля, кремень, жёсткий характер, податливый человек, высокие помыслы, низкие поступки*). В предельном случае нечёткость межкатегориальных границ наблюдается в явлении эврисемии [Плоткин 1989], или широкозначных слов вроде *вещь, случай, история* [Амосова 1963] и обусловлено уже вторичным дефокусированием различительных признаков до максимально обобщённого понятия, приложимого в своём объёме к широчайшему кругу денотатов (ср. исходно категория ВЕЩЬ подразумевает 'всякий предмет, изделие бытового обихода, личного пользования, трудовой деятельности', СЛУЧАЙ – 'непредвиденное событие, происшествие', ИСТОРИЯ – 'действительность в процессе развития' [Кузнецов 2000: 123, 404, 1213]).

Базовые категории научного познания и коммуникации, вбирая в себя опыт научного познания, нередко оказываются выше- или нижестоящими по уровню абстракции для обывателя. Кроме этого, как мы отмечали в [Миронова 2019], основа систематизации и проверки на истинность здесь задаётся самой жизненной практикой без применения специальных верифицирующих средств и подвергается влиянию множества внешних факторов (социальный статус человека, гендерные отличия, уровень образования, возраст, место проживания и т.д.).

Специфика ситуативно обусловленной когнитивной детерминанты, наряду со структурно-содержательными особенностями личностной концептосферы говорящего, играет роль *системообразующего фактора* в процессе формирования категориальных смыслов в дискурсе. Упорядоченные в рубрики

тематические концепты и статические категориальные значения подвергаются лингвокогнитивной обработке, испытывая влияние данных условий когнитивной среды. В результате этого, на уровне речевых единиц, объективируются функциональные категории как единицы операционального знания (ср. понятие операциональных концептов в [Болдырев 2013: 9, 10]).

Итак, субстанциональный план языковой реальности в аспекте категоризации характеризуется большим многообразием, сочетанием в нём устойчивости и изменчивости. Это вполне оправданно для сложной открытой коммуникационной системы и весьма обусловлено влиянием когнитивной детерминанты, ведущей к дифференциации в языке специальных подсистем, «обслуживающих» определённые мыслительные категории-сигнатуры. Каждая из языковых категорий подчиняется определённым принципам организации, которая выражается в наличии ограничений на объём и качественное состояние элементов категории в её статике и функционировании. Кроме этого, наблюдается сущностная организационная для языка сопряжённость и согласованность лексических (*аналоговых*) и грамматических категорий (*организующих коммуникацию*). Их репрезентанты многообразны, как и вербализуемые ими элементы когнитивных категорий, и специализированы на выполнении соответствующих задач мыслительного упорядочения мира в сознании и коммуникации. Как следствие, лексические единицы по сравнению с грамматическими в большей степени чувствительны к тематической доминанте общения. Ориентация на один из двух видов задач и спецификация этих задач на уровне отдельных лексических или грамматических категорий исторически служила и продолжает служить в лингвистике функциональным критерием качества, интегрирующим единицы в рамках языковой категориальной подсистемы. По традиции термином «категория» в языке именуется как само это интегрирующее начало в виде семантической категории, так и инвентарь репрезентантов категории (прежде всего, слов и их форм). В статике и функционировании языковой системы отмеченные категории имеют конституирующее значение, поскольку задействуются на всех этапах вербального

общения, а именно в процессах когнитивной обработки поступающей информации, в ходе её знаковой фиксации и последующей передачи лексическими или грамматическими элементами. О единстве двух этих видов категорий свидетельствуют и переход между ними, возможный с увеличением степени условности и обобщения в отражении фрагментов опыта, а также степени осознанности при оперировании категориями.

5.3. О роли структурных признаков системы языка в первичной категоризации объектов

Разнообразные аспекты внешней и внутренней структуры языка играют большую роль в осуществлении категоризации и моделировании её исследователем. Связи и отношения, выстроенные по линии категоризации и категорий, – это та область, относительно которой едва ли не наиболее актуально звучат слова Ж. Фоконье о причинной обусловленности структурной организации языка когнитивными структурами [Fauconnier 1990: 151]. В этом смысле закономерно, что данный аспект взаимодействия ментальной и языковой категориальных подсистем является предметом специального внимания в когнитивных исследованиях.

Конструктивные свойства языковой и концептуальной систем выходят на первый план в самом определении категории в качестве особого лингвоментального *формата* знания. Как известно, формат знания предполагает определённое соотношение элементов; различия между форматами знания заключаются не только в содержании, но и в структуре представления информации [Болдырев 2009: 26], что позволяет использовать синонимичный данному термин «структура знания». Сущностную роль структурных характеристик двух взаимодействующих систем, языковой и концептуальной, детерминирует основополагающая функция категоризации – обобщать фрагменты

опыта и сохранять их *в упорядоченном виде*. Рассматривая это взаимодействие, с системологических позиций правомерно вести речь о *внутренней и внешней структуре* языка с её морфологическими (физическими, биологическими) и функциональными аспектами. Напомним, что, согласно *принципам коммуникативности и детерминизма* в существовании систем, признаки внешней структуры представляют собой находящиеся в подвижном равновесии морфолого-структурные и функциональные связи единиц языка с компонентами категориальной метасистемы. На этих связях основываются репрезентативный и семиологический аспекты первичного категориального плана языка и, соответственно, его конкретное форматирование в языковых значениях и способы актуализации в дискурсе.

Морфологическую базу мыслительно-языкового взаимодействия составляют конфигурации нейронов и нейронных следов (нейрофизиологический субстрат когниции). Такими конфигурациями обеспечиваются когнитивные механизмы анализа и синтеза элементов знания, сведения воспринимаемого в рубрики и схематичное хранение в вербальной памяти (ментальном лексиконе) результатов этого процесса в единстве логического, образного и эмоционального модусов [Кубрякова 2004: 365, 367]. Иными словами, материальная основа внешней, когнитивно ориентированной, структуры языка создаёт более или менее устойчивый субстрат для создания, хранения и передачи фрагментов классификационной «сетки знаний». *Функциональная сторона* внешней структуры, в свою очередь, касается реализации когнитивных механизмов, направленных на репрезентацию категориального содержания в языковых знаках и, в обратном направлении, на фиксацию этого содержания в участках нейронных ансамблей за счёт усваиваемого человеком языкового кода. Активизация этих функциональных связей означает передачу определённых сигналов с участием нейронных сетей, что обеспечивает информационный обмен между двумя системами и позволяет человеку структурировать многообразие объектов посредством вербального мышления, встраивая новый опыт в уже имеющиеся категории (апперцепционный принцип усвоения знаний).

Наличие у языка такого рода внешних связей делает возможным формирование, а также понимание категориальных значений в когнитивном контексте отражательной либо собственно языковой категории, декларативного либо процедурного знания. Поскольку речь идёт о локальном (конкретная лексическая / грамматическая категория) и глобальном (категориальная языковая система в целом) становлении качества одной открытой системы под влиянием другой, с точки зрения взаимодействия системы со средой в этих связях реализуются системные *принципы целеполагания и качества*. Итог этого процесса в нормальном случае отвечает познавательным интенциям коммуникантов и закладывает лингвокогнитивную основу – понятийную «сетку координат» для «условной передачи связей и отношений между объектами окружающего мира...» [Болдырев 2012: 56].

Говоря об участии внешней структуры системы языка в классификационных процессах, существенно обратить внимание на роль когнитивного и преломлённого в нём социального контекста формирования и реализации категорий (ср. *системобразующий принцип многофакторности в установлении обратной связи системы с внешней средой*). Поскольку языковая система в одной из важнейших своих задач служит категоризации объектов действительности, то закономерно преобладание положительных обратных связей, позволяющих семантической стороне языка гомеостатично следовать за изменениями в системе когнитивных категорий. Иными словами, вербальные структуры оптимизируются сообразно задаче – передавать категории определённого устройства сквозь призму доминант когниции – и, как следствие, зачастую они оказываются изоморфны по структуре мыслительным категориям: каждой связи последних соответствует некоторая связь категорий языка. Это вполне отвечает *принципам устойчивости, выбора параметров и нейтрализации дисфункции* в бытовании открытых систем.

Наиболее полный изоморфизм, по-видимому, характерен для категорий, имеющих в сознании и в языке единообразный принцип упорядочения своих единиц. Таковыми представляются лингвоментальные рубрики специального

знания, организованные по родо-видовому принципу, а также категории средств языковой грамматики, рассмотренные соотносительно со знанием о них. И те и другие организованы по ядерно-периферийному принципу (ср., к примеру, менее прототипичные супплетивные или усечённые формы выражения числа в современном русском языке *человек – люди, опёнок – опята*, а также не столь типичные, периферийные образования для передачи глагольного времени вроде *ем, даст, нёс*).

Зависимость структуры вербальной категории не только от реального устройства мира, но и от доминантных познавательных установок первичной категоризации (детерминант концептуальной системы) была рассмотрена философами, психологами лингвокогнитологами в терминах классического (логического, инвариантно-вариантного) и прототипического (психологического, эмпирического, полевого) подходов к организации категорий. Классические категории, согласно современной теории категоризации, упорядочивают объекты / концепты рационального познания, которые отражают строение реального мира. Поэтому они устроены иерархично, по тематическому принципу, вмещают в себя признаки нижестоящих категорий и, таким образом, имеют чёткие границы [Иванова 2005: 194; Дзюба 2015: 49]. На уровне вербальном таковы лексические категории. Они упорядочивают собственно знание о мире в лексико-семантических, тематических группах, антонимических парах и синонимических рядах. Так, глобальная концептуальная сфера НЕЖИВАЯ ПРИРОДА в качестве видовой включает в себя тематическую рубрику-микросистему ПОГОДА, структуру которой формируют парадигматические ряды гипонимов (в том числе производные на современном этапе номинации природных явлений и характеристик: *ненастье, грязь, слякоть, влага, тепло, жара, холод; ясный, сухой, сырой, пасмурный, суровый*), синонимов (*грязь – слякоть – разг. хлябь, жара – зной – тепло, метель – буран – вьюга – пурга, холод – стужа*) [Словарь синонимов русского языка], антонимичных пар, основанных на оппозициях «высокая – низкая температура», «наличие – отсутствие влаги / солнца» (*жара / зной / тепло – холод / зной / мороз / разг. стужа / прохлада, сухой – сырой, ясный*

– *пасмурный* [Словарь антонимов русского языка 1984: 107-108, 284, 318]). Наиболее разветвлённые, многоуровневые категориальные структуры с несколькими узлами и сочетанием абстрактных имён с детализированными передаёт лексика отраслевых терминологий. Эти лексические структуры раскрывают максимум онтологических признаков осмысляемого, помогают специалистам ориентироваться в отраслевой концептосфере при моделировании реальных объектов. Если ограничиваться первичными номинациями, то это положение можно проиллюстрировать на примере категории МОРФЕМА. В рамках данной категории языковеды классифицируют и номинируют морфемы по функциональному критерию (*корень / радикал, аффикс*), по положению относительно корня аффиксы подразделяют на *префикс и постфикс, инфикс, трансфикс, интерфикс*, при этом внутри постфиксов в широком смысле и с учётом функций детализируются собственно *постфикс, суффикс и флексия*. Обнаруженная в языках мира возможность синтеза позиционных свойств морфемы закреплена специфицирующими терминами *конфикс* ('комбинация из префикса и постфикса, функционирующих совместно') и *амбификс* ('аффикс, способный занимать разные положения относительно корня') [ЛЭС 1990: 59]. Акцентируя аспект материальной выраженности, можно также вести речь об *эксплицитных* (материально выраженных) и *имплицитных* (нулевых) аффиксах.

Функциональная связь элементов лексической категории с одним или несколькими концептами категориальной картины мира является системной предпосылкой совместимости лексических единиц в рамках одной смысловой группировки и общего целевого предназначения (специализации) в системе. Для лексико-семантических и тематических групп оно состоит в знаковом упорядочении частично схожих сущностей, фиксируемых концептами разного уровня иерархии, более конкретного или более обобщённого содержания. Слова-синонимы, в свою очередь, передают мыслительные понятийные акценты в рамках одного концепта и тем самым обогащают категорию, включающую в себя данный концепт. С помощью антонимичных номинаций тематически различные лексические категории, допускающие противоположности, упорядочиваются на

макроуровне в рамках двучленной таксономии, по принципу бинарных оппозиций. Это положение можно проиллюстрировать на частных примерах оппозиций, получивших выражение в том числе на уровне производных в современном языке номинаций: ПОРЯДОК – ХАОС (*порядок, космос, система – хаос, бедлам, ералаш*), ЖИЗНЬ – СМЕРТЬ (*жизнь, быть, жить, существовать, обитать – смерть, умереть, исчезнуть, сгинуть*), СВЕТ – ТЬМА (*свет, белый, ясный, прозрачный – тьма, чёрный, мутный, тусклый, пасмурный*), ВЫСОКИЙ – НИЗКИЙ (*высокий, большой, дюжий, громадный, огромный – низкий, малый, лилипут, шибздик*), ЗДОРОВЫЙ – БОЛЬНОЙ (*здоровый, здоровый, сила, целебный – хворый, хилый, чахлый, слабый, пациент, лекарство*) [Словарь синонимов... словарь антонимов русского языка 2007: 468; Львов 1988: 203-204; Введенская 2004: 263-264; Словарь синонимов русского языка...; Тихонов 2014]. Названный принцип следует из природной биполярности, дуалистичности человеческого мышления [Леви-Строс 1999: 141, 147].

Большей сложностью обладает стереотипная конфигурация взаимодействующих категорий, соответствующих слотам фрейма. В динамическом плане любая новая информация структурируется и вербализуется сообразно имеющейся в сознании категориальной структуре фрейма. В виде фреймов могут быть представлены, например, модели сложных концептов ПУТЕШЕСТВИЕ НА ПОЕЗДЕ, СВАДЬБА, ЭКЗАМЕН. Первый включает в себя обязательные первичные категории *субъектов* (пассажир, проводник, провожающий), *места* (поезд в целом, вагон и место в вагоне, плацкартный или купейный вагон, станция), *времени* (срок прибытия и отправления, длительность поездки), *действий субъектов* (проверка документов, консультация у проводника, приём пищи, посещение туалета, организация досуга), *результата* (прибытие в конечную точку). Фрейм СВАДЬБА в русской культуре содержит типичный набор категорий *субъектов* (жених и невеста, гости – родители молодожёнов, другие родственники, друзья, сват и сваха, регистратор), *места* (отдел ЗАГС, церковь, дом, ресторан / кафе, парк), *времени* (срок начала и окончания церемонии), *символических объектов неживой природы* (свадебный наряд,

украшения, кольцо, букет, зерно, монеты, конфеты, которыми посыпают молодых, танец, соответствующие речевые формулы, праздничное застолье), *результата* (состоявшееся бракосочетание). Необходимые слоты фрейма ЭКЗАМЕН В ВУЗЕ, в свою очередь, соответствуют таким логическим категориям, как *субъекты* (студент, преподаватель или члены комиссии), *место* (университет, аудитория), *время* (срок начала и завершения экзамена), *неживые предметы* (экзаменационный билет, вопросы отчётной дисциплины, лист бумаги, предметы канцелярского обихода, зачётная книжка), *действие* (подготовка к ответу на билет, сам процесс ответа, операции с зачётной книжкой, вопросы экзаменатора), *результат* (сданный или несданный экзамен). Слот *действие* сам по себе предполагает знание категорий участников означенных ситуаций, а потому является своего рода субфреймом в разветвлённой структуре фрейма. Оценочные слоты отмеченных концептов соотносимы с содержанием вторичных категорий, которые в данной части исследования не входят в наше рассмотрение.

«Переход от понятий к понятиям», по замечанию С.Д. Кацнельсона, опосредуют идеографические лексические структуры, которые репрезентируют логические отношения между вербализованными концептами и тем самым определяют собой ход мыслительных механизмов, а также «структуру вербальной памяти» [Кацнельсон 2001: 449]. Поскольку логические оппозиции между концептами (в частности, их иерархия, бинарность) формируются на базе их характеристик, постольку на микроуровне структурная организация лексической категориальной системы, в том числе сложность этой организации, имеет регулярную причинную зависимость от содержания и объёма концептуальных признаков. Это качество выступает на первый план при создании идеографических словарей и составляло предмет особого внимания во второй половине XX века при разработке семантического метаязыка, который позволил бы чётко эксплицировать системные связи между лексическими единицами [Апресян 1995; Вежбицкая 1996]. В качестве иллюстрации приведём глаголы *течь, ехать, идти, брести, шагать, ползти, лететь, плыть, падать, лезть*, в составе значений которых общий признак 'однонаправленное движение откуда-

то’ специфицируется характеристиками *‘медленно’*, *‘с трудом’*, *‘плавно’* или *‘стремительно’*, *‘энергично’*, *‘по суше’*, *‘по воздуху’* или *‘по воде’*, *‘вертикально’* или *‘горизонтально’*, что служит основанием для системного упорядочения подкатегории глаголов движения, ориентированных относительно начального и конечного пунктов [ТСРГ 1999: 27]. Подобным образом, за счёт логических отношений, формируемых концептуальными характеристиками, становится возможным связывание когнитивных категорий в ходе структурирования пропозиций, лежащих в основе высказывания. По-видимому, перед нами одно из ярких проявлений взаимозависимости субстанциональных и структурных параметров системы.

Для массового стихийного сознания характерен не иерархический, а радиальный тип устройства категорий. По образному выражению И.Г. Серовой, он представляет собой «“мозаичный” тип организации знания» [Серова 2010: 216-217] с размытыми границами. Радиальная, или ядерно-периферийная, организация предусматривает объединение в единую структуру концептов таких объектов, которые неравноправны по когнитивной яркости, но схожи в том или ином отношении с прототипом категории (принцип «семейного сходства»), т.е. имеют нестрогий набор классификационных признаков. Градуальный принцип организации наивного сознания был охарактеризован ещё в «Метафизике» Аристотеля, где подчёркивалось наличие континуальных переходов между членами категории. «Далее пусть всё сколько угодно обстоит ‘так и [вместе с тем] не так’, всё же ‘большее’ или ‘меньшее’ имеется в природе вещей <...> Если же большая степень ближе, то должно существовать и нечто истинное, к чему более близко то, что более истинно. И если даже этого нет, то уж во всяком случае имеется нечто более достоверное и более истинное...», – отмечал мыслитель (выделено нами. – Д.М.) [Аристотель].

Разнородность элементов (и их номинаций) по степени прототипичности сочетается в такой структуре с выделением категорий разной степени абстракции, лингвистически выявляемых с помощью концептуально-таксономического анализа (ср. вертикальный и горизонтальный аспекты категории). Среди них

психологически доминирует срединный уровень, на что указывает традиция описывать ЛЗС через единицы базового уровня [Болдырев 2009: 55]. Последние служат когнитивной точкой отсчёта при осмыслении, например, более специфичных действий и эмоциональных реакций, поскольку закрепляют в своей семантике целостные ментальные репрезентации – итоги вербально-логического мышления: «брести» – ‘Идти медленно или с трудом’, «балагурить» – *Разг. ‘Говорить весело, пересыпая речь шутками, остротами’*, «зариться» – *Разг.-сниж. ‘1. Смотреть долго, увлечённо, широко раскрыв глаза’*; «страсть» – ‘Сильное чувство, с трудом управляемое рассудком’, «аппетит» – ‘... Лёгкое чувство голода’, «восторг» – ‘Необычайно радостное состояние, чувство восхищения’, «гнев» – ‘Чувство сильного негодования, возмущения’ (курсив наш. – Д.М.) [БТСРЯ: 96, 56, 152, 211, 342, 1276].

Закреплённость единиц концептосферы за тем или иным уровнем категориальной иерархии выступает как *внешний системообразующий фактор*, организующий знаки языка в концептуальной системе, а точнее, в языковом компоненте сознания. Именно ядерно-периферийная организация с градацией прототипических характеристик и выделением уровней абстракции придаёт концептуальной системе наибольшую адаптивность к внешним воздействиям. Система с таким устройством наиболее открыта как для развития познавательного опыта, вследствие чего категория обогащается новыми членами и подклассами, так и для динамики типичности и статуса членов группировки. Таким образом, создаётся *исторически целесообразное подвижное равновесие* структурных параметров коммуникативной системы, отвечающее гибкости человеческого сознания, пластичности повседневного отражения реальности в психике человека [Леонтьев 1983: 261]. Поэтому именно такой тип категоризации включён в биологические способности человека в качестве основного. Он же находит выражение в плоскости прототипических эффектов, под которыми понимается функциональная асимметрия членов градуальной категории в пользу центрального элемента. Эти многочисленные эффекты на разных уровнях языковой структуры иллюстрируют оппозиции согласных, части речи и члены

предложения, синтаксические конструкции и глубинные семантические падежи, синонимия, типы речевых актов, морфологические категории и в целом организация ФСП [Скребцова 2011: 98-101]. К примеру, полевая стратификация весьма выражена на уровне результатов частеречной категоризации, где находим единицы с характеристиками разной степени типичности для данной части речи (формальные, семантические, синтаксические), и, как следствие, можно обнаружить диффузные переходы от одной категории к другой, разного рода синкретичные поликатегориальные явления. Как считается, по мере удаления от ядра периферийные члены вербализованных категорий и их номинанты отличаются наиболее запутанным набором признаков [Рахилина 1998: 309], выступая, таким образом, как одна из областей *нелинейности (стохастичности)* строения языковой системы.

Категориальные структуры когниции, как можно заключить, организуются с учётом имманентных характеристик строения данного конкретного языка и правил коммуникации на нём. Существующие в языке законы композиции и парадигматики компонентов, в свою очередь, оптимально адаптированы к категориальной стороне концептуальной системы. Вклад внутренней структуры в семиотическую сторону языковой репрезентации знаний обеспечивается внешней и внутренней парадигматикой морфологических и синтаксических категорий, закреплением за словом способности функционировать в определённой роли в составе высказывания. Субкатегориальные значения этих категорий упорядочиваются по общности глобальных аспектов человеческой практики, стоящих за инвариантным категориальным значением («строительные леса» языковой логики), либо по чисто формальным основаниям (ср. в этой связи существование формальных и объективных первичных категорий грамматики). Вместе с тем наличие конкретной семиотической «техники» кодирования сообщений как часть организации языковой системы придают *структурному изоморфизму* мыслительных и языковых категорий частичный характер. Одну из иллюстраций находим в необходимых связях между лексическими и грамматическими категориями в пределах словоформы (что характерно для не

изолирующих языков). Так, категории рода и предметности являются независимыми в сознании, но в составе субстантивных словоформ, скажем, в русском языке функционируют как сопряжённые. Аналогичное утверждение можно отнести к категориям процессуальности и числа для глагольных словоформ. Следует добавить, что на уровне образцового, общенационального средства общения положительные обратные связи в направлении «когниция → язык» ограничиваются и тем самым регулируются таким социально обусловленным фактором, как литературная норма, которая ориентирует категориальные номинации на узуальные для образованной части общества языковые средства.

Специфика взаимоналожения когнитивных и языковых категорий, универсального и идиоэтнического в них является причиной неодинакового членения мира в семантическом пространстве разных национальных языков (ср., например, различную степень детализации категорий ЖИВОТНЫЕ или ПУТЕШЕСТВИЕ в ряде языков мира, к которой мы обращаемся в пп. 5.1 и 5.2). Это может находить явное или более завуалированное выражение. Последнее встречаем, например, в случае с импликационными зависимостями в сфере универсалий или именными криптоклассами, выявляемыми через набор классифицирующих синтаксических конструкций [Борискина 2010: 458]. К примеру, в сфере грамматических категорий рода и числа известны следующие универсалии: *если имеется противопоставление по роду у существительных, то такая же оппозиция есть и у местоимений, а если в языке есть двойственное число, то в нём есть и множественное число* [Гринберг, Осгуд, Дженкинс 1970: 36]. Можно предположить, что в первой из них имеет место имплицитная логическая связь данных частей речи за счёт общего когнитивного «звена» – категории предметности (если иметь в виду исторически исходное оформление личных местоимений, синтаксически подобных существительным). В русле второй закономерности вербальной презентации числа воплощается универсальное свойство когнитивной среды, которое заключается в том, что «даже у животных с очень маленьким мозгом есть удивительные способности»,

механизмы «по распознаванию чисел», более и менее точные; при этом у них очень хорошо получается отличать небольшие группы предметов от небольших, скажем, 10 от 3 [Животные умеют считать и использовать ноль...].

В речевой динамике на процесс взаимодействия двух рассматриваемых видов категорий влияют нормативные предписания, а также конкретные дискурсивные практики, реализующие более или менее устоявшиеся «когнитивные программы формирования текстов» [Беляевская 2010: 106] в данных коммуникативных условиях. Значимость всех этих условий позволяет говорить о расширении набора системосущественных *факторов среды*, определяющих функционирование языка как инструмента упорядочивания когнитивного опыта. Следовательно, рассматривая «погружение категорий» в речь, уместно говорить о реализации языковыми категориями как исходных системообразующих, так и системоприобретённых, вторичных, качеств функциональной категоризации.

Свойства строения языка, содействующие первичной лингвоментальной категоризации, в большой мере ориентированы и на такой аспект организации системы, как целостность. Системологическая интерпретация языковых явлений, существенных для нашего исследования, позволила сделать вывод о том, что это качество обнаруживает себя как во внешней, так и внутренней целостности первичных языковых категорий. Детальнее покажем это в нижеследующей части работы.

5.4. Интегративные параметры системы языка как средства первичной категоризации мира

Идея взаимной координации ведущих познавательных процессов и единиц содержится уже в самом определении категории как интегративного формата знания. Имеющаяся в сознании категория облегчает идентификацию как уже

известных, так и вновь познаваемых явлений и тем самым содействует их концептуализации. Это позволяет вести речь о диалектической взаимосвязи процессов концептуализации и категоризации, на что, ещё в рамках до-когнитивной лингвистики, указывал С.Д. Кацнельсон, допуская *понимание мира и присущих ему отношений исключительно через овладение категориями* [Кацнельсон 2001: 450].

Ментальная категория объединяет концепты в чём-то схожих объектов. Каждый из концептов в составе категориального образования, взаимодополняя другие, обладает как аналогичными, так и дифференциальными признаками, релевантными для мыслительного «картирования» фрагмента опыта представителями данной культуры (ср. в этой связи понятия постоянной и переменной координат категоризации в исследовании [MacLaury 1995]). В случае обыденных категорий прототипический концепт базового уровня категоризации с его признаками выступает как *объединяющее звено* для всех членов соответствующей ментальной и языковой категории, иерархически ниже- или вышестоящих, более центральных и периферийных. Целостное объединение частей, как известно, нельзя представить без наличия *некоторых общих звеньев*, чем и являются зафиксированные наблюдателем сходные концептуальные признаки членов категории. Лингвистическое определение категории как любой группы языковых единиц, имеющих грамматическую или лексическую однородность в выражении данного признака [ЛЭС 1990: 215] выстраивается на основании такого *общего системообразующего признака*.

Вследствие положительной обратной связи языка с когницией проявления целостности категориального языкового пространства, изоморфные концептуальным, находим на *микро- и макроуровне бытования категорий, в их статике (виртуально) и актуализации*. Так, например, статическая координация элементов языковой категории на микроуровне обнаруживается во внутренней парадигматике, которая связывает граммемы одной грамматической категории или объединяет тематически сходные значения слов в рамках лексической категории. Возможность выбора того или иного категориального значения

адаптирована, соответственно, к функционированию семиотической и репрезентативной сторон языковой системы.

Взаимообусловленный характер на микроуровне носят также отношения между ключевыми, конституирующими параметрами частей речи. Системообразующие свойства этих глобальных лексико-грамматических классов слов исходно (в изосемичном употреблении) обнаруживают баланс между формой, семантикой и речевой функцией входящих в них единиц, что, по мысли Е.С. Кубряковой, позволяет им выполнять спектр необходимых коммуникативных задач [Кубрякова 2004: 231].

По *принципу взаимодополняемости элементов*, непротиворечивые комплементарные отношения на макроуровне связывают и сами лингвоментальные категории. Такая межкатегориальная целостность, или макроцелостность, предполагает их непротиворечивое и целесообразное для коммуникации сосуществование в данном конкретном языке и его речевых проявлениях. В совокупности общих и различных признаков они открывают возможность «за внешним разнообразием атрибутов разных объектов и событий увидеть некое сходство или... тождество» [Кубрякова 2004: 307]. Кроме того, как отмечалось в предыдущей части исследования, благодаря категориальному плану сознания обеспечивается «общий знаменатель» мировидения коммуникантов и, на его основе, возможность взаимопонимания между ними. Таким образом, категории схематично упорядочивают познавательные процессы и оптимизируют коммуникацию. Однако, наряду с этим общим предназначением в концептуальной среде, категории нередко различаются по содержанию и когнитивной яркости, могут быть разнородны по структуре и актуальной сфере функционирования. С точки зрения ориентации человека в окружающей действительности они тем самым гармонично дополняют друг друга и активизируются в сознании сообразно интенциям мыслящего субъекта.

Важнейшей универсалией выступает закреплённая в языке предусмотренная системным целым координация функций грамматических и лексических категорий: грамматика определяет логический каркас для лексически

выраженного концептуального содержания [Talmy 1988: 165-166; Якобсон 1998: 315], лексическая семантика в некоторых пределах оказывает влияние на «свойственный набор грамматических форм» слова [Шарандин 1998: 237-238]. В трудах представителей до-когнитивной лингвистики идея статического сосуществования категорий лексики и грамматики находила выражение в концепции полевой интегративности разноуровневых единиц языка, в признании за грамматикой формального аппарата размежевания значений слов (А.В. Бондарко). Кроме того, при выделении у слова конструктивно ограниченных и переносных синтаксически обусловленных значений предлагалось опираться на его грамматические особенности, в частности, на его морфологическую сочетаемость и синтаксическую позицию (В.В. Виноградов). Конструктивную ограниченность значений, обусловленную актантной рамкой, с закономерной вероятностью обнаруживают глаголы, как например, *заставить – что* ‘1. чем. Ставя во множестве, занять всю площадь’ или *дать – ‘1. (кому-чему) кого-что. Передать из рук в руки...’* [БТСРЯ: 240, 347].

На интегративность лексики с грамматикой отчётливо указывал А.И. Смирницкий, полагая частеречную рубрикацию одновременно грамматической и лексико-семантической группировкой слов по наиболее общему категориальному компоненту [Смирницкий 1955: 153]. Как показало далее функционально-семиологическое изучение морфологически передаваемых концептов, взаимодействие лексических, синтаксических и текстовых категорий (и их репрезентантов) лежит в русле полифакторности, необходимой для уточнения в дискурсе обобщённого морфологического содержания [Беседина 2010: 35].

В качестве примера взаимосодействия категорий на макроуровне фигурирует также их целостный вклад в организацию фреймовой структуры вербализованного знания. Будучи концептуально сложным форматом знания, эта структура передаёт фрагмент типичного опыта за счёт конфигурации взаимодействующих, мыслительных / лексических, категорий. В комплексе они отражают ситуацию с точки зрения её обобщённых, обязательных и переменных,

аспектов (субъект, объект, место, время, оценочные параметры) и, конкретизируясь, направляют развёртывание данной ситуации в речи.

Ещё одна иллюстрация категориальной кооперации представлена идеографической классификацией лексики, в рамках которой каждая из лексических категорий, фокусируя некоторый мыслимый объект, статически передаёт определённую часть когнитивной картины мира и вносит свой вклад в существование данного «тематического звена» концептуальной системы. При этом может наблюдаться целостность категорий на уровне пересечения категориальных структур [Дзюба 2015: 84], вследствие которой один и тот же фрагмент опыта может соотноситься в человеческом сознании с разными категориями и их номинациями (*пылесос* – предмет быта и техническое устройство, *весёлый* – свойство и состояние, *просить* – речевое действие и побуждение к действию).

Универсалию в области межкатегориальной целостности языка в действии представляет формирование смысла словоформы с опорой на весь *целостный и целесодействующий «ансамбль»* стоящих за ней категорий (более абстрактных и конкретных, фундаментальных и частных, вербально- и отражательно ориентированных). За счёт актуализации когнитивной доминанты (тематической, субъектной, социокультурной, интенциональной или инструментальной) в дискурсе этот «ансамбль» приобретает идиоэтническую, групповую либо индивидуальную окраску.

На микроуровне совместимость и взаимозависимость категориальных значений в словоформе представляет собою эмерджентный, уникальный в своей целостности феномен. С позиций лингвоспецифичности эта сторона реализации языковых категорий была подробно рассмотрена Р.О. Якобсоном [Якобсон 1972: 108]. Анализируя материал русского языка, исследователь отмечал так называемую «позитивную сопряжённость» грамматических категорий рода и числа, а точнее, субкатегориальных значений мужского, женского, среднего рода и единственного числа. Действительно, граммема единственного числа выступает своего рода контекстом [Виноградов 2010: 24], или средой для манифестации

частных родовых различий. Подобным образом категория рода реализуется на фоне категории времени, а точнее, значения прошедшего времени внутри глагольных форм. Эти факты показывают, как одна языковая категория, составляя целостное единство с другой, не только функционально согласуется с ней, но и обнаруживает от неё зависимость. Примечательно, что данный тип межкатегориальных соотношений прослеживается и на уровне взаимодействия лексических и грамматических категорий. По наблюдению В.Г. Руделёва, часть компонентов лексического значения «находится в определённом отношении к грамматическим... значениям, грамматическим категориям» [Руделёв 1997: 202]. На уровне первичных категорий русского языка это утверждение эмпирически иллюстрирует, например, отражательный характер категории рода у наименований живых существ (рус. *мальчик* – *девочка*, *преподаватель* – *разг. преподавательница*, *кот* – *кошка*; исп. эквиваленты *un hijo (m)* – *una hija (f)*, *un profesor* – *una profesora*, *un gato* – *una gata* и др. под.) и чисто формальный – у номинаций вещей (рус. *стол*, *газета*, *молоко*; исп. эквиваленты *una mesa (f)*, *un periódico (m)*, *la leche (f)*). Из субстантивной сферы укажем также обусловленность категории числа лексико-грамматическим разрядом существительных, из которых конкретные существительные (*город*, *дерево*, *человек* и др. под.) наиболее совместимы с идеей единичного и многого. Ещё один пример – логическая несоотнесенность граммема настоящего времени с предельно-результативной семантикой глаголов совершенного вида (*посмотреть*, *взять*, *решить* и др. под.).

Комбинация различных словоформ в составе более сложных знаков создаёт предпосылку для актуализации межкатегориальной целостности, формируемой в линейной цепи, за счёт смыслового согласования по законам композиционной семантики. Компоненты значений, повторяющиеся в рамках синтаксической единицы, вербализуют признаки концептов тематически сходных категорий и участвуют в формировании текстовой когерентности. Так, в высказывании *Они [страны] изучают наши ошибки и всё больше людей понимают, что своё хозяйство надо строить на основе своей культуры* [НКРЯ] несколько раз

актуализируются категориальные характеристики ‘множество’ (*больше людей понимают*), ‘интеллектуальная деятельность’ (изучают, понимают), ‘созидательная деятельность’ (строить, основа) ‘социально-экономический уклад’ (хозяйство, культура), ‘самобытность’ (наши, своё, своей). Благодаря такого рода целостности, повышается гомеостатичность, устойчивость функционирования высказывания как речевого проявления языковой системы. Если реализация сочетаемости лексемы – единственный индикатор классовой принадлежности слова, лингвисты говорят о проявлении скрытой категории (криптокласса), уходящей корнями в архаические представления человека о мире [Борискина, Кретов 2003; см. также Кацнельсон 1972].

Выводы по главе 5

В настоящей главе были освещены основные системно-языковые параметры в соотнесении с функцией языка – служить средством первичной категоризации мира. Осуществление системологической интерпретации на данном этапе позволило отметить преимущественную корреляцию между системными закономерностями языковой концептуализации и категоризации. Это вполне естественно ввиду функционального единства ведущих познавательных процессов и их общего осуществления «на перекрёстке» языковой и концептуальной системам. В стремлении сохранить функциональный критерий качества во взаимодействии со средой, языковая система, согласно с глобальными *принципами детерминизма и качества*, формирует в своём составе специализированные подсистемы единиц разной степени сложности, выражающие категории различного типа. Разнообразие когнитивных категорий, служащих концептуальной сигнатурой в данном процессе, обусловлено комплексом факторов, среди которых наличествуют *структурно-содержательная специфика концептов категории, избираемый носителем языка уровень абстракции членов класса, универсальные, этнокультурные и субъективные черты категории в конструировании мира, активная на момент*

формирования / актуализации категории когнитивная детерминанта, а также степень психологической яркости, прототипичности означиваемого члена категории.

Резюмируя итоги системологической интерпретации роли языковой структуры в осуществлении первичной категоризации, отметим естественную ориентацию этого процесса на ряд важнейших принципов существования динамических систем. Принципами наивысшего порядка, определяющими некоторые другие, выступают *коммуникативность* (незамкнутость), реализуемая во взаимодействии языковой системы с системой ментальных категорий, а также *наличие целеполагания*, отвечающего когнитивным запросам пользователей языком по формированию категорий и соотнесению объектов с ними. Данные принципы затрагивают как морфологическую, так и функциональную стороны структурных внешних отношений и связей знаковых единиц языка с передаваемыми категориями. Свойствами, производными от названных, видятся исходная *детерминационная зависимость репрезентативного и семиологического аспектов языковой категоризации от содержания и структуры феноменологических / лингвистических категорий*. Качество любого языка как на уровне конкретной лексической, грамматической категории, так и устройства категориальной системы в целом, подчиняясь *принципу качества*, определяется не только собственными свойствами строения, но и в большой мере – детерминантами концептуальной метасистемы. В их числе – общечеловеческие закономерности, групповые или ситуативные доминанты, определяющие выбор категориальных концептов / их признаков разных уровней абстракции и различной психологической значимости, а также порождающие избирательное структурирование научного, профессионального или наивного знания. Свойства языковых единиц – выражать содержание данной категории, передавать наивное либо научное категориальное знание с присущей ему структурой (по родовидовому или полевому принципу) – с точки зрения задач репрезентации знаний можно считать *системообразующими признаками и областями проявления изоморфизма концептуальной и языковой систем*. Оппозиции видов категорий по

структуре, разработанные в теории языковой категории, преломляют в себе эти объективные явления. К примеру, с доминантными целями познания или количеством прототипов когнитивной категории связаны, соответственно, противопоставления категорий с радиальной (нечёткой) vs родо-видовой (чёткой) структурой или категорий с плотной и рассеянной структурой.

В свою очередь, к *системоприобретённым параметрам*, возникающим как итог вхождения категорий в общую глобальную систему и как результат их взаимодействия, допустимо причислить *характер логических отношений между ними*. Репрезентация этих отношений в языке рисуется как ещё одно проявление изоморфизма когнитивного и языкового категориальных планов. К системоприобретённой можно отнести также роль (значимость) элементов внутри каждой из категорий, скажем, ядерный либо периферийный статус репрезентантов языковой категории в пределах функционально-семантического поля.

Исходно присущая языку когнитивная функция является причиной того, что функциональный аспект внешней языковой структуры обнаруживает *преобладание положительных обратных связей с концептуальной средой*, и здесь перед нами характерное *системообразующее свойство* как языковой концептуализации, так и категоризации. Для семиотической системы, какой является естественной язык, связи такого характера содействуют исторически устойчивой и максимально полной символической передаче обобщённого содержания с учётом социокультурно обусловленных изменений в нём, с учётом отношений между категориями и конкретными тем для обсуждения. В этом смысле термин «лингвоментальная категория» подкрепляется и с позиции общей теории систем. На основе отмеченных системообразующих принципов достигается организация категориальной системы языка, её функционально-семантических полей с точки зрения спецификации задач категориальных структур и системной совместимости, с точки зрения координации в этих структурах лексических и грамматических единиц, передающих, соответственно, более конкретные или абстрактные категории, регулярно воспроизводимые в данном языке. Категории

последнего типа, передавая логику кодирования информации по некоторым правилам, обладают наибольшим «семиотическим весом» и, как следствие, входят в закрытые структуры, что отличает эти категории от более подвижных лексических рубрик-подсистем. Наличие в языке категорий различной степени востребованности, разного устройства и содержания объективно повышает *сложность структурной организации семантического пространства языка*.

Проявления интегративных свойств языковой системы как инструмента первичной категоризации действительности обнаруживают диалектическую взаимосвязь внутренней и внешней целостности категориального плана языка, которая онтологически обусловлена *незамкнутостью, адаптивностью и когнитивно-коммуникативным назначением* языковой системы. Со стороны внутренней (имманентной) целостности обращают на себя внимание а) функциональная (синтагматическая, парадигматическая) согласованность категорий и их элементов; б) взаимозависимость лингвоментальных категорий различного ранга. О внешней целостности (относительной автономности языка в среде) свидетельствует, во-первых, корреляция между функциями, присущими подсистеме языковых категорий, и естественным языком как ведущим и самодостаточным семиотическим инструментом когниции. В интеракции с континуумом первичных категорий, во-вторых, имеет место качественное своеобразие более сложных единиц по сравнению с их частями, то есть эмерджентность. В единстве и разнообразии лингвоментальные категории формируют структурированное поле когнитивного опыта социума, оптимальное для его самосохранения и успешного взаимодействия с окружающим миром.

ГЛАВА 6. СИСТЕМНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ВТОРИЧНОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАТЕГОРИЗАЦИИ МИРА

6.1. Вторичная категоризация как реализация апперцепционного принципа осмысления мира

Обработка информации на основе апперцепции представляет важнейшее свойство человеческой когниции. Оно присуще мыслительной деятельности не только на этапе формирования концептов, но также в процессе схематизации, упорядочивания новых знаний в рубрики опыта. Исходя из определения апперцепции психологи ведут речь о том, что «когнитивная деятельность не является беспредпосылочной», а «предполагает наличие предданой “гипотезы” об устройстве мира» [Ушаков 2009: 6], воплощённой в системе категорий. Напомним, что последняя образует наиболее общие схемы восприятия и осмысления индивидом поступающей информации, преобладающая часть этих схем характеризуется как социально приобретённая. «...Индивид раньше должен усвоить мысли, созданные множеством людей предшествующих поколений, – писал Н.И. Жинкин, – и только после этого он становится способным участвовать в процессе дальнейшей разработки некоторой системы мыслей» [Жинкин 1964]. Как следствие, классификационная деятельность мысли ориентирована не только на индивидуальные прагматические установки, но и на уже имеющийся у субъекта социально наследуемый опыт взаимодействия с миром, в том числе речевой опыт. Повторная концептуализация непременно сопровождается вторичной категоризацией объекта, что, таким образом, можно считать системообразующим свойством функционирования концептуальной системы.

Поскольку язык признаётся категориальным образованием, постольку, как считают лингвокогнитологи, и сам его интерпретационный характер, различного рода вербализованные схемы интерпретации складываются и функционируют на

уровне категорий [Болдырев 2015: 11]. Вторичность когнитивной категории на основе определённых принципов организации воплощается в производном по статусу языковом знании. Наложение характеристик фонового (опорного) и ситуационного контекстов образует фактор концептуальной метасистемы, задающий системоприобретённые качества и конкретные условия интерпретации действительности с помощью языковых категорий.

Под интерпретацией, в русле Тамбовской школы когнитивной лингвистики, мы подразумеваем узкую трактовку этого явления, а именно процесс и результат такой репрезентации, или такого конструирования человеком внешнего и внутреннего мира, которое основано на субъективном отборе и конфигурации уже имеющегося знания. Интерпретация задействует коллективные знания действительности, включая схемы её восприятия, но в то же время – и личный опыт миропостижения [Болдырев 2012: 87]. Для изучения лингвоментальной категоризации представляется существенным понимание интерпретации как процесса, сопровождаемого вписыванием одного или нескольких концептов (интерпретируемого знания) в иную мыслительную рубрику (интерпретирующего знания) по определённым когнитивным моделям. Происходит «кристаллизация» новых усложнённых категорий на основе более элементарных, когнитивно первичных. В частности, на основе модели синестетической метафоры исходная категория тактильных ощущений МЯГКИЕ ПРЕДМЕТЫ в ходе дальнейшей интерпретации аналогически переосмысливается в ассоциативной связи с визуальными, одорическими или аудиальными характеристиками, что следует из способности человека соединять в познании объекта различные модусы восприятия: *мягкий свет, мягкий взгляд, мягкий аромат, мягкий согласный*. В результате фокусирования и дальнейшей изолирующей абстракции некоторая процессуальная категория, например, РЕДАКЦИЯ, может активизировать межкатегориальные связи с категориями деятеля (*Вся редакция в сборе*), места (*Следует обратиться в редакцию*), результата действия (*Новая редакция вышла в свет вчера*), с которыми соотносится исходный опредмеченный концепт. Другой тип абстрагирования, генерализующий, формирует вторичные суперординатные

категории, отличные от исходных более высоким уровнем абстракции (ср. категории РОДСТВЕННИКИ, ТРАНСПОРТ, ФОНЕМЫ соотнесительно с первичными МАТЬ и ОТЕЦ, АВТОБУС и АВТОМОБИЛЬ, ЗВУКИ РЕЧИ). Когнитивная сопряжённость категорий реальных объектов с ценностной утилитарной категорией, скажем, категорией НАДЁЖНЫЙ, определяет существование более сложного знания *надёжных друзей, надёжных автомобилей, надёжных методов* и т.д., а наличие в языке синонимов вроде *ишачить, горбатиться, пахать, вкалывать, потеть* демонстрирует итог вторичного развития категории процесса в сопряжении с ещё одной универсальной интерпретирующей категорией, категорией экспрессивности.

Таким образом, как и в случае концептуализации, наиболее антропоцентричная, личностная схематизация опыта в языке и формирование на этой основе индивидуального знания осуществляется на ступени вторичного познания [Магировская 2009: 92] путём соотнесения с комплексом мнений, отношений, оценок, задающих специфику мировосприятия. Обслуживая потребности человеческой когниции в репрезентации идеальной системы, язык фиксирует в своём семантическом пространстве результаты категориального упорядочивания объектов в соответствии с задачами их идентифицирующей либо характеризующей интерпретации. При этом, подобно первичным категориям, специальными обозначениями наделены наиболее существенные для коллектива или индивида рубрики вторичного знания, интерпретирующие феномены природы и общества, артефакты и события, а также опыт отдельного человека.

Совокупность единиц и механизмов языка / речи, обеспечивающих формирование и передачу вторичных категориальных значений / смыслов, входит в интерпретационную составляющую языковой системы. Объективация этой составляющей в языковой картине мира способствует уникальности и неповторимости последней, давая возможность в вербальной форме транслировать «то, как конструирует (а не просто отражает) окружающий мир человек в своём сознании» [Болдырев 2015: 8; см. также Корнилов 2013: 325] на

пересечении репрезентативного, семиотического и интерпретационного аспектов языка.

С позиции теории систем средства вербальной интерпретации играют роль социокультурно или индивидуально маркированной языковой *сигнатуры*, которая, используя свойственные ей механизмы, вовлечена во множественные обратные связи с системой когнитивных категорий и закономерно фиксирует в себе следствия этих связей. Закреплённые знаком результаты данного взаимодействия, как и сама специфика концептуальной деривации, участвующие в ней типы знания, находятся в прямой зависимости от целей порождения новых категориальных структур. Так, среди целей вторичной лексической категоризации фигурирует апперцепционная идентификация объекта (*лист* бумаги, *ножка* кресла, *внимательная аудитория*, *пить ромашку*, *читать Набокова*, спец. номинативная *плотность*, *полимотивация*, *фразеология* в значении 'система идиоматических единиц'), апперцепционная характеристика объекта, в том числе с передачей экспрессии, оценки (*внимательная аудитория*, *замечательнейшее событие*, *тёплый взгляд*, *ишачить в поте лица*, *гол как сокол*), переосмысление на ином уровне абстракции (*родственник* – сестра – золовка, *транспорт* – автобус – *междугородний автобус*, *фонема* – звук – *носовой звук*) (интенциональные схемы вторичной категоризации в грамматике подробнее рассмотрены в п. 6.3).

Процесс вторичной категоризации, кроме того, подвержен влиянию типологических особенностей самих языков¹⁴, а также зависим от соотношения универсального (психофизиологически обусловленного), конвенционального и субъективного начал в конфигурировании концептуального содержания. Наложение этих параметров языковой системы и среды создаёт лингвоспецифичную окраску как первичных, так и интерпретирующих языковых

¹⁴ Показательна в этом отношении идея о зависимости вербализованного содержания, его «языковой интерпретации», от характеристик системы данного языка [Петрухина 2015: 62].

средств, участвующих во вторичной категоризации. Однако последние схожи в своём предназначении: и в когнициии, и в коммуникации одни из них обслуживают идентифицирующую либо характеризующую интерпретацию, активизируя при этом чувственный, рациональный, аксиологический или эмоциональный модусы постижения мира [подробнее о видах и модусах интерпретации см., например, Панасенко 2013; Панасенко 2014а; Панасенко 2014б]. Другие феномены, среди которых средства когезии и когерентности текста (местоимения, союзы, частицы, дискурсивные слова, категория рода, согласование глагольных времён), актуальное членение высказывания и нек. др., ориентированы на организацию концептуального содержания в дискурсе.

Существование в языке вышеназванных подсистем вторичной категоризации вполне согласуется с *принципом функциональной совместимости частей системы*. В проекции на наш объект они позволяют коммуникационной системе за счёт когнитивных операций с категориями охватывать, рубрицировать и оптимально передавать весь спектр интерпретационных смыслов.

Данное функциональное свойство для вторичных элементов языка является принципиальным и системообразующим. Оно роднит обе сопряжённые между собой разновидности вторичного познания – концептуализацию и категоризацию. Соответственно, разноуровневые ресурсы языковой системы, задействованные в интерпретирующей классификации объектов, могут быть последовательно рассмотрены в рамках вышеназванного критерия качества. В фокус концептуально-репрезентативного анализа при этом помещаются субстанциональные, структурные, а также интегративные качества языковой системы, интересующие нас со стороны их участия во вторичной категориальной деятельности вербального мышления.

6.2. Субстанциональные параметры языка в аспекте идентифицирующей категоризации

Специфика знаковых элементов языка с точки зрения системной организации категориального плана предопределяет выделение в их ряду трёх типов специализированных единиц. Каждый из этих типов опирается на уже вербализованное знание и служит для говорящего средством идентифицирующей интерпретации. К их числу мы относим производные лексемы; вторичные наименования, то есть языковые средства в новой для них функции; а также наиболее абстрактные слова. Воплощая рациональный модус интерпретации, перечисленные языковые единицы выполняют, как правило, номинативную функцию, фиксирует в языке ту или иную лексическую категорию и дополняют друг друга в этом *системообразующем предназначении*.

На фоне общности когнитивной функции, связанной с подведением именуемого под новую категорию, названные выше единицы различаются *ограничениями на языковые и концептуальные ресурсы*, используемые в ходе вторичной категоризации (*ресурсные ограничения в организации системы*), и являются гетерогенными по этому организационному признаку. Так, словообразование оперирует различными по форме элементами лексического и / или морфемного уровней, которые по заданным композиционным моделям формируют новообразованную лексему. Наличие в языке очерченного инвентаря моделей лексической деривации даёт возможность, как пишет Е.С. Кубрякова, «придать сходным концептуальным структурам сходные в языковом воплощении формы или же передавать сходное содержание в сходно оформленной упаковке» [Кубрякова 2004: 331]. Семантическая же деривация, формируя интересующие нас вторичные значения, затрагивает лишь план содержания и действует в пределах одного знакового элемента, слова либо морфемы. Абстрактные имена нередко носят заимствованный характер и, как известно, адаптируют свои формальные и семантические характеристики в системе языка-реципиента.

Концептуальной основой лексической деривации служит объединение не менее двух категориальных значений [Кубрякова 2004: 407], закреплённых за компонентами производного слова. Одно из них вписывает объект в некоторую рубрику опыта (ономасиологический базис), а другое указывает на его субкатегориальные отличительные признаки внутри этого класса (ономасиологические признак и предикат). При этом новое слово «способно приобрести как все свойства членов новой категории, формируя её ядро (например, наречия, производные от прилагательных), так и иметь неполный набор свойств новой категории (например, *бег, доброта, белизна*), формируя периферийные области» [Бабина, Макарова 2012: 219] или же ёмко передавать многоаспектное знание на базе комплекса лексических категорий (*лесостепь, железнодорожник, долгоиграющий*). Поэтому богатство способов номинации, и, в частности, аффиксальных морфем в конкретном языке создаёт предпосылку для расширения системы когнитивных и языковых категорий путём создания новых подклассов или пополнения новыми членами уже существующих. Аналогичное утверждение правомерно отнести к многочисленным фразовым глаголам английского языка [Хованова 2010: 456], в составе которых адвербиальные / предложные частицы функционально подобны аффиксам и системно перераспределяют категории. Допустим, сочетание глагола *come* с различными частицами, помимо глаголов движения (*come along, come around, come back* etc.), обогащает классы экзистенциальных глаголов (*come about* – ‘происходить, случаться’, *come across* – ‘случайно встретить’), глаголов обладания (*come by* – ‘приобрести, получить’) или речи (*come up with* – ‘предлагать’), дименсиональных глаголов (*come by* – ‘уменьшаться, снижаться (о ценах, расходах)’), а также содержащих оценку (*come by* – ‘удаваться, происходить с успехом’, *come through* – ‘перенести, пережить (что-либо неприятное, опасное)’) [Митрошкина 2011: 21-25].

Словообразовательные категории, подобно морфологическим категориям, имеют более или менее регулярные формальные (словообразовательные) показатели и тем самым закладывают идентификацию в речи широких классов

слов [Кубрякова 2004: 328, 330]. В мыслительно-языковом взаимодействии функция подсистемы словообразовательных категорий состоит в структурировании когнитивного опыта по сходным моделям концептуальной деривации, реализованным конкретными словообразовательными типами. Е.g.: в русском языке концепты рубрики ‘лиц, производящих действие или предназначенный для осуществления действия’ регулярно закрепляются деривационными типами $V + \text{-тель-} / \text{-ник-} / \text{-чик-} / \text{-ец-} \rightarrow S$ (*испытатель, шутник, лётчик, жнец*). Класс адъективных слов, передающих характерные отношения, свойства объекта, маркируется производными с суффиксами -чив-, -лив-, -ист-, -аст-, -ав- (*сговорчивый, шаловливый, тенистый, глазастый, кудрявый*) [РГ-80].

В отличие от предыдущих фактов идентифицирующая категоризация в пределах многозначного слова основывается главным образом на ассоциативных ресурсах, а именно на сложившихся у носителей языка ассоциациях по сопредельности или по аналогии. Эти ассоциации связывают, соответственно, признаки одной или двух концептуальных областей, одна из которых интерпретируется соотносительно с другой. *Системообразующие ограничения на разнообразие* таких ассоциаций, обусловлены, во-первых, объёмом прототипических признаков, лежащих в основе полисеманта (если вслед за Дж. Лаккофом и Р. Лэнжером иметь здесь в виду прототипическое устройство семантики многозначного слова). Во-вторых, эти ограничения определяются востребованным для говорящих набором отправных признаков категоризации, которые фокусируются в речемыслительной деятельности. В лингвистической традиции этот *организующий параметр систематизации опыта* именуется, по функциональному основанию, классификатором [Лакофф 1988], классификационным признаком [Попова, Стернин 2010: 128] или, в их совокупности, – интерпретирующим потенциалом первичной лексической категории [Панасенко 2014a]. Ряд универсальных сенсорных классификаторов, в частности, включает цветовые характеристики и локализацию в пределах другого объекта [Попова, Стернин 2010: 137-138]. На базе этих признаков весьма

продуктивно образуются метафорические колоративы, пополняющие категорию ЦВЕТ (*лимонный, вишнёвый, изумрудный, золотой, кофейный, васильковый* и др. под.), а также семантически производные номинации частей материальных объектов (*носик чайника, шейка бедра, подошва рельсов, ножка стола, крыло самолёта, голова / хвост поезда* и др. под.). Один из психологически ярких операциональных классификаторов отражает предназначение объекта в человеческой деятельности и активно участвует в производстве наименований вторичных категорий *электрический счётчик, дворник автомобиля, клапан кармана, барометр настроения; новая расчёска, включить сцепление, оконная замазка, деревянная обшивка* и многих подобных. Приведённые иллюстрации подтверждают теоретико-методологическое положение когнитивной психологии об организующей роли наиболее выделенных фрагментов знания в мыслительных процессах, включая классификационные.

В свою очередь, абстрактная лексика, призванная фиксировать и передавать в таксономическом членении самые общие понятия о классах объектов (т.н. ментефакты, суперконцепты [Попова, Стернин 2010: 120]), избирает в качестве ресурсов имена категорий суперординатного уровня, объединяющих реалии обыденной или специальной сфер, конкретные (ср. *молодёжь, транспорт, мебель, животные, части речи, контрольно-измерительные материалы*), а также абстрактные (*юмор, время, фонема, контактная работа*), в том числе номинализации (*справедливость, любовь, движение, проверка, отдых*), позволяющие концептуализировать свойства и процессы соотносительно с архаичной категорией предметности.

С динамической стороны *системообразующие ограничения на ресурсы*, используемые в целях вторичной идентифицирующей категоризации, могут описываться также в терминах способов обработки, конфигурирования вербализуемой информации при формировании основополагающего концепта новой категории. К примеру, в монографии [Croft, Cruse 2004] к ним причисляются способности направлять внимание, устанавливать дейктические отношения и ракурс осмысления, сравнивать объекты, избирать фокус

субъективности / объективности). Этот организующий фактор, в соответствии с максимами *детерминизма*, а также *квалитета* системы и среды, экстраполируется из области когниции в область языковых механизмов.

В случае производного слова в действие вступают механизмы образования пропозиции за счёт соединения концептов; развитие категории в рамках полисемии, в свою очередь, опирается на механизмы метафоры и метонимии. Что касается языковых репрезентаций суперординатного уровня категоризации, то они характеризуются доминированием механизма абстрагирования. В комплексе они обеспечивают «высшую индуктивно-дедуктивную формы ментальной деятельности человека» [Чернейко 2010: 66], в результате которой происходит своеобразное остранение человеческого разума от физической реальности и преломление в сознании очень обобщённых знаний, которые «в самой действительности ничем, кроме мысли, не объединены» [там же: 6, 45, 55, 66, 100]. Поскольку абстрактные имена служат материальной опорой этого знания и, кроме того, выполняют функцию «опорной точки внутриязыковой референции в процессах поиска адекватного названия для того или иного объекта» [Болдырев 2007], то стоящее за ними интерпретативное знание во многом формируется посредством языка.

Рассмотрев общие когнитивные основы вторичной категоризации действительности, обратимся далее к субстанциональным свойствам языка, значимым с точки зрения формирования и передачи характеризующего категориального содержания.

6.3. Субстанциональные свойства категориального плана языка с точки зрения характеризующей интерпретации

Особую *функциональную сигнатуру вторичной категоризации* образуют разноуровневые единицы языка, передающие те или иные категории

характеризующей интерпретации [Болдырев, Панасенко 2013: 7]. Специальная задача этих единиц заключается в том, чтобы упорядочивать не столько знания о мире (репрезентативный аспект знания), сколько субъективный опыт их осмысления говорящими (интерпретационный аспект знания). Так, присущая человеческому сознанию оценочная категоризация осуществляется как с позиций стереотипных норм, так и во многом с точки зрения индивидуальных ценностей субъекта, негативных или позитивных [Ивин 1970: 12]. Эти ценности определяют процесс и результат группировки объектов по виду оценки, носят практикоориентированный характер и влияют на стратегии человеческого поведения.

Рассматриваемые характеризующие элементы достаточно разнородны в зависимости от вида интерпретирующей деятельности, с которым они связаны. Однако семантика каждого из них специализирована в системе на том, чтобы выражать определённые модусные категории (термин Н.Н. Болдырева), закрепляющие определённые способы субъективного отражения объективной действительности [Васильев 1996: 58]. Среди них находятся эмоциональность, экспрессивность, аппроксимация, отрицание, оценка. Рядоположно с собственно оценкой лингвисты ставят различные аспекты нормативной картины мира: истинность, вероятность, достоверность, важность, типичность [Вольф 1988: 126], необходимость, долженствование, возможность / невозможность [Васильев 1996: 58].

Отмеченные модусные категории формируются в индивидуальной практике лингвоментальной категоризации явлений в виде субъективно окрашенных когнитивных ориентиров – мыслительных репрезентаций индивидуального переживания взаимодействия с реалиями. Благодаря обратным связям, лежащий в их основе концепт закрепляется с помощью языка: как правило, этот концепт носит абстрактный характер, но операционально уточняет свои характеристики в процессе языковой интерпретации объектов. Так, например, с помощью эвфемизмов или дисфемизмов происходит выведение на первый план полярных по знаку оценки характеристик: *отблагодарить, уважить, дать барашка* (в

*бумажке), подмазать колёса / подкинуть бабла, дать в зубы. сунуть в лапу; отойти в лучший мир / покинуть нас, отбросить коньки; мало положительных результатов / полный провал; иметь больше свобод / жировать; кушанье / жарка. Ещё одна иллюстрация – конкретная референция прецедентных имён, используемых для характеристики отдельных лиц, тогда как в языке этим единицами присуще абстрактное категориальное значение и общая предметная отнесённость (*Собакевич, Иван Сусанин, Штирлиц, Жанна д'Арк* и многие другие). Дополнительные интерпретирующие характеристики, скажем, оценочные могут приписываться объекту также в процессе создания нового слова с экспрессивной / номинативно-экспрессивной функциями (*собаченция, стилиага, лежебока, разжиреть, огреть, наворотить, большущий, баснословный*).*

Антропоцентричность системы языка служит детерминирующим и стимулирующим внешним фактором концептуально-языкового взаимодействия с участием модусных категорий. За счёт действия этого фактора статический аспект категоризации включает в себя вербализованные итоги положительных обратных связей «язык → когниция», формирующие интерпретационный аспект языковой системы. Широко представлены среди них категории оценочных слов, в своей функции выражающие субъективное переосмысление элементов коллективной картины мира. Центральными (прототипическими) именами аксиологических категорий, по общему мнению, выступают узуальные лексические средства в производных значениях (*хороший / плохой, добрый / злой, приятный / неприятный, интересный / скучный, симпатичный / безобразный, удачный / неудачный, нормальный / аномальный* [Арутюнова 1999]), тогда как остальные единицы относят к периферийным (не прототипическим). Примерами последних могут служить узуальные и авторские оценочные метафоры (*жгучий вопрос, мягкий взгляд, смутное время, золотой мастер, утечка умов, лекарство от лени, оживить политическую систему, поставить на рельсы жизни, перетягивать канат, мурлыкать себе под нос* [НКРЯ]; *цветущий риск, душа бескрыла, ветер взрывается, больная симфония, город солнцем ослеплён, завывражался шершаво, душистые мечты* (И. Северянин)), производные разговорные / просторечные

существительные (*пьянчуга, нескладёха, старушенция, домичек, кошечка, Иришенька*), субстандартная сленговая лексика (сленг. *алкабас* – ‘человек, страдающий алкоголизмом’, *алмазно* – ‘хорошо, здорово’, *в ёлочку* – ‘всё хорошо, в порядке’, *музяка* – ‘музыка, приносящая кайф’, *мукомол* – ‘человек, не отличающийся умом и сообразительностью’ [Словарь современной лексики жаргона... 2014]; тер. диал. *атаман* – ‘хулиган’, *беговой* – ‘распутный человек’, *выболеть* – ‘измучиться, изнемогать’, *громкий* – ‘радостный’, *дошлый* – ‘надоедливый, хитрый’, *бедненько* – ‘плохо’, *бравый* – ‘красивый, видный’ [Словарь говоров Прибайкалья 1986]). На периферии оценочных ресурсов языка находятся также синтаксические средства, к примеру, позиция предиката, позволяющая максимально дифференцировать дескрипцию и оценку при функционировании синтаксически закреплённых метафор (*Взгляд – гроза, У тебя платье – конфетка, Всё будет ОК*).

Соответственно, содержательное разнообразие языкового кода, объективирующего эти результаты, *по принципу качества*, ограничено возможными способами характеризующей интерпретации предмета и спектром модусных категорий, существенных для данного лингвокультурного сообщества. В этой связи примечательно и системологически оправданно положение лингвокогнитологии о корреляции между главным концептом модусной категории и характером интерпретирующей функции единицы-репрезентанта данной категории. Число вербализованных модусных категорий по этой причине соответствует количеству языковых подсистем, служащих вторичной категоризации. Таким образом, отмеченные характеристики когнитивной среды выступают как организующее начало, поскольку являются источником системных ограничений на ресурсы экспликации модусных категорий.

Другой организующий фактор среды, накладывающий ограничения на разнообразие языковых единиц, предопределяется сущностной зависимостью вторичных явлений от первичных, а именно свойством релятивности характеризующих категорий. Оно заключается в том, что последние формируются на основе фокусных признаков интерпретируемого знания, а также на базе

знания, выводимого за счёт инференций. «Не обладая собственной информацией о мире», репрезентанты вторичных категорий «приобретают определённое содержание, только будучи соотнесены с другими концептами или концептуальными структурами в качестве области своего определения» [Болдырев 2012: 111-112]. Так, например, репрезентанты аксиологических категорий в своём содержании находятся словно на пересечении «физической» и «идеальной» картин мира [Вольф 1985], что создаёт возможность для когнитивного моделирования вторичной реальности.

«Область определения», или когнитивный контекст реализации модусной категории, *играет роль обязательной сигнатуры* как такой части концептуальной системы (надсистемы), которая, подвергаясь субъективному осмыслению, регулярно или спонтанно участвует в формировании актуальных интерпретирующих смыслов. Под когнитивным контекстом в данном случае подразумевается «культурно-обусловленное, канонизированное знание, которое является общим, по крайней мере, для части говорящего сообщества» [Боярская 2014: 268]. В силу значимого статуса в культуросфере и мыслительных процессах эта общая когнитивная база фиксируется узуальной семантикой языковых единиц, скажем, в значениях слов как представителей интерпретируемых лексических категорий. Дефиниционно выраженные характеристики, особенно, различительные, «формируют оценочный потенциал... категории по отношению к другим концептуально-тематическим областям» [Панасенко 2013: 121]. В фокусе интерпретации при этом могут оказываться лингвоментальные характеристики, в совокупности представляющие широкий спектр разных сторон концептуализируемого объекта: перцептивно обусловленные (ср. *мягкий взгляд* от *мягкий* – ‘1. Такой, который легко поддается, уступает при надавливании, прикосновении и вызывает ощущение чего-л. приятного, нежного’, *душистые мечты* от *душистый* – ‘Ароматный’), признаки утилитарной значимости (*золотой мастер* от *золото* – ‘1. ...Благородный тяжёлый мягкий ковкий металл жёлтого цвета (широко используется в промышленности, медицине, ювелирном деле и т.п.)’), *утечка умов* от *утечка* – ‘2. Убыль, потеря чего-л. вследствие

вытекания, высыпания и т.п. '), функция объекта (лекарство от лени, ср. лекарство – '1. Вещество, применяемое для лечения или предупреждения болезни', рельсы жизни от рельс – 'Стальной узкий брус специального сечения, по которому, катясь, движутся колёса вагона, вагонетки и т.п. '), операциональный признак (оживить политическую систему от оживить – '1. Возвратить к жизни; воскресить', перетягивать канат от перетягивать – '1. Тягой переместить, передвинуть в другое место'), экспериенциальные характеристики воздействия на человека (город солнцем ослеплён от ослепить – '1 // Лишить на время способности видеть')¹⁵ [Кузнецов 2000: 291, 369, 492, 567, 704, 730, 820, 1116, 1405].

В соотнесении с общезначимыми элементами представлений о норме данные характеристики профилируются и переосмысливаются с позиции категорий и критериев оценки (чувственных, эмоциональных, рациональных) индивидуально, так что здесь «могут объединяться случайные по отношению друг к другу, но сходные по воздействию на человека» объекты [Болдырев 2012: 105]. Поэтому значения характеризующих номинантов в языковой системе могут представлять, на наш взгляд, как системообразующее (в случае узуальности, регулярности), так и сиюминутное, системоприобретённое качество на уровне смысла.

В речемыслительной деятельности составляющие когнитивного контекста функционируют, как правило, в единстве с элементами вторичных категорий и языкового знания. В нормальном случае эти элементы совместимы между собой и в различных комбинациях дают широкое разнообразие характеризующих смыслов, что позволяет описать объект с различных сторон, объёмно охватив разные стороны его интерпретаций. Скажем, зафиксированные в НКРЯ определения, передающие оценку путешествия, характеризуют такие параметры соответствующего фрейма, как прагматическая значимость для субъекта (*важное,*

¹⁵ Подробнее интерпретируемая база лексических единиц на материале английского языка описана в [Панасенко 2014а].

нужное), событийный план во времени и пространстве (*интересное, увлекательное, трудное*), результат (*утешительное, впечатляющее, сильное, питательное для духа*), время и место (*реальное*), действия субъектов (*посильное*).

Онтология человеческого располагает большим потенциалом для установления субъективных связей между фрагментами опыта. Соответственно, ограничения на их разнообразие в концептуальной среде продиктованы лишь креативным потенциалом личности и объёмом жизненного опыта. При этом механизмы профилирования и концептуальной интеграции являются ведущими при соединении интерпретирующего и интерпретируемого знания.

Смысл характеризующих языковых единиц нередко демонстрирует свойство *изменчивости* и *полиморфично варьируется* соотнесительно с интерпретируемой областью. Оценочное значение уточняется по критерию, аспекту оценки и может менять свой знак в зависимости от когнитивной детерминанты (скажем, от приоритетов господствующей идеологии [Дзюба 2015: 76]): *Товарищ Асеев* сегодня не придёт (от безразличного для оценки в СССР к негативной иронии в постсоветское время). Ср. также *хороший* телефон (рациональная утилитарная оценка) – *хороший* студент (психологическая интеллектуальная оценка), *зелёный* абрикос (рациональная утилитарная оценка) – *зелёный* юнец (рациональная нормативная оценка).

Если появление оценочной коннотации сопровождается метафорическим переносом, то, как и в случае идентифицирующих метафор, такого рода характеризующая интерпретация опирается на ассоциативные ресурсы. При этом она осложняется перекатегоризацией, то есть лингвоментальным переводом слова из одной, и, в частности, первичной, категории, в другую за счёт актуализации признаков этой другой категории. Так, в рассматриваемом случае перекатегоризация производится установлением аналогии по каким-либо аспектам между признаками интерпретируемой и фоновой интерпретирующей категорий: *море* радости (Предмет → Количество), *светлые* помыслы (Цвет → Эмоция), *заморские* товары (Место → Качество), *печаль угасла* (Физическое

состояние → Психическое состояние), Наш начальник – настоящий *кремень!* (Минерал → Человек).

По характеру элементов отдельную специализированную подсистему вторичной категоризации составляет фразеологический фонд языка. Наряду с формальными свойствами сверхсловности, воспроизводимости и устойчивости, многие характеризующие единицы этого типа обладают системно закреплённой идиоматичностью, в основе которой лежит механизм метафоризации, организующий внутреннюю форму. Наличие в ней образного плана обеспечивает вторичную категориальную функцию фразеологических единиц (ФЕ), предполагающую взаимодействие с концептами иных категорий [Черникова 2015: 525-526]. Эта функция поддерживается сентенциональностью семантики фразеологизмов, их способностью *обобщённо* закреплять опыт поколений и выражать социокультурные ориентиры языкового сообщества, охватывающие неограниченный спектр осмысливаемых ситуаций. При интерпретации фразеологизмов «образ проходит через культурное пространство – знания, представления, образы, ассоциации... Говорящий (и слушающий) сначала вспоминает те факты, которые связаны с происхождением той или иной ФЕ, а затем соединяет образ фразеологизма с символами, эталонами, стереотипами, существующими в культуре» [Нефёдова, Шаповалова 2014: 729]. Ср. *Вертеться как белка в колесе*, *Работать из-под палки*, *Делу время – потехе час*, где категория ТРУД интерпретируется, соответственно, через категории ЖИВОТНОЕ, НАКАЗАНИЕ, ВРЕМЯ; *Венчаться вокруг ракитова куста*, *Быть под каблуком*, где категория СУПРУЖЕСТВО получает интерпретацию в опоре на категории РАСТЕНИЕ и ОБУВЬ.

По сравнению со словом ФЕ более дифференцированно передают эмоционально-экспрессивный опыт человека. Поэтому собственно номинативный компонент в них подчиняется экспрессивному [Трофимова 2013: 422], относительно которого выстраивается разнообразие этих единиц. Категориальный образ ситуации, стоящей за ФЕ, представляет собой интерпретирующее знание, тогда как репрезентация фоновой ситуации – интерпретируемое. При этом, в силу

устойчивости этих композиционных единиц, *минимизирована изменчивость их состояний, преобразований, допустимых в системе* (отдельный случай представляют модификации и трансформации ФЕ в целях языковой игры). Отмеченные свойства фразеологии образуют *фактор организации* языковых единиц, предъявляющий свои требования к языковым элементам (ограничения на ресурсы и состояния элементов) для выполнения ими определённой когнитивно ориентированной функции.

Многоаспектное взаимодействие концептуальной и языковой систем в области интерпретации может быть направлено не только на обогащение категорий новыми концептами или их характеристиками. Как отмечает Н.А. Беседина, цель его также может заключаться в организации категориального знания в дискурсе [Белгород 2017: 218]. Значимость этой функции для вторичных лингвоментальных процессах подчёркивается, в частности, тем фактом, что сама разработка вопросов их когнитивно-языковой природы ведёт своё начало с осмысления на материале глаголов, изменивших категориальную принадлежность соответственно дискурсивным условиям организации знания и в новых значениях вышедших на периферию собственной категории [Лайонз 1978; см. также Бабина 2010].

Решение задачи организации категориального знания в дискурсе определяется интенциями субъекта и одновременно – способами кодирования сообщений. Поэтому естественным образом оно достигается с комплексным (координативным) участием интерпретационной и семиотической сторон системы языка, частью которых является его субстанциональный план. В этом отношении актуальна мысль А.В. Бондарко, утверждающая совмещение в значении языковых форм идиоэтнического интерпретационного компонента с универсальной основой смысла, «прошедшей сквозь призму... языковой формы» [Бондарко 2002: 109, 118-120].

Поскольку дискурсивная деятельность членов социума невозможна без единого информационного основания, без существования в их среде коллективных схем восприятия и осмысления мира, постольку на шкале от

коллективного к индивидуальному интерпретирующие языковые единицы в наибольшей степени «привязаны» к общезначимым, конвенциональным моделям организации языкового и внеязыкового знания с помощью вербальных средств. Объём, а также характер этих схем, исторически весьма устойчивые, входят в языковую компетенцию носителя языка и, со стороны концептуальных ресурсов, *накладывают системообразующие ограничения* на разнообразие упомянутых единиц, которые, как правило, представляют закрытый ряд. Речь прежде всего идёт о грамматических репрезентантах категорий, которые призваны материализовать фундаментальные для данной лингвокультуры концепты и создавать логический каркас данного языка¹⁶. По мнению Н.А. Бесединой, эти концепты сводятся к «наиболее существенным параметрам категориального устройства мира, через которые закрепляются в качестве обязательных основные координаты всего языкового пространства» [Беседина 2017: 218]. Если лексические идентифицирующие / характеризующие категории «репрезентируют наше знание мира как таковое», то грамматические категории «определяют то, как это знание репрезентируется в языке и схематизируется в соответствии с правилами и принципами вербальной коммуникации» [Болдырев 2012: 88]. Следовательно, интерпретация, основанная на этих категориях, в качестве ведущего и системообразующего активизирует рациональный модус познания, ориентированный на рассуждения и умозаключения [Болдырев, Панасенко 2013: 7].

В живой речи разнообразие состояний, создающее вариантность интерпретирующих грамматических единиц, задаётся актуализационным

¹⁶ Лексические средства, обсуживающие задачи дискурсивной организации знания, представлены прежде всего разнообразными дискурсивными маркерами (*вот / вон, этот / тот, здесь / тут / там*), выполняющими функции акцентирования события; смыслового структурирования текста; функции сегментации, обеспечения связности повествования и преодоления речевых сбоев, особенно характерных для устного нарративного дискурса (более подробное описание дискурсивных маркеров предложено в исследовании [Рачёва 2018]).

преобразованием концептуального (в т.ч. категориального) содержания и выбором соответствующего ему знакового средства. Этот процесс в большой мере опирается на коллективные схемы коммуникации, но, с другой стороны, вовлекает в своё действие личные смысловые интенции говорящего. Отметим, что при построении грамматических смыслов круг интенций также ограничен набором конвенциональных моделей. Однако в условиях конкретного коммуникативно-прагматического контекста их реализация может приобретать дополнительные функциональные характеристики. Это можно проиллюстрировать на примере регулярных реализаций синтаксических моделей и фактов морфологической транспозиции, скажем, *Еду завтра ночью отдыхать на море, Вечно тебя ждёшь!, Грибов-то!; Так и пришёл он вовремя – надейся!, Красоту только тронь небрежной рукой – она исчезнет навеки (К. Паустовский), Родись я и живи на необитаемом острове, я бы даже и о самом существовании смерти не подозревал (И. Бунин); Рубинней, изумрудней, алмазней, чем алмаз (В. Брюсов), испытывать глубочайшее уважение*). Обратим, кроме того, внимание на адаптацию позиционной схемы высказывания (термин З.Д. Поповой) к когнитивным запросам. Так, порядок следования компонентов активного / пассивного высказывания, а также тема-рематический статус компонентов обусловлены актуальными для говорящего фигуристо-фоновыми отношениями, устанавливаемыми между элементами ситуации в ходе интерпретации события, стандартными (традиционный порядок слов) или субъективными (инверсионный порядок). При нормальном, проспективном, движении известные смыслы, разделяемые коммуникантами, позиционно тяготеют к началу высказывания, за которым следуют как-либо конкретизирующие или обобщающие фрагменты речи. Ср. *Эта лужайка (Т) / была излюбленным местом для отдыха (Р); А думал он (Т) / о предстоящей поездке (Р); Тот самый студент (Т) / звонил сегодня (Р); Я пишу письмо, (Т) / чтобы поздравить с праздником (Р) (уточнение причины); Настал прекрасный день: / удалось провести время с интересными людьми и даже помочь им*

(конкретизация первой части); *Внимание!* / *Вход только в бахилах* (содержательная часть текста следует за фатической).

На данном этапе нашего исследования возможно выделить несколько общих лингвоментальных схем, которыми определяется и в сфере которых осуществляется конструирование мыслительного содержания с помощью грамматических категорий. С системологических позиций они также представляют собой фактор концептуальной среды, ограничивающий интерпретирующие возможности морфологических и синтаксических единиц данного языка. Следовательно, он ограничивает также их участие во вторичной категоризации (*функциональный фактор организации*). В качестве таких лингвоспецифичных когнитивно-грамматических схем назовём модели, в задачи которых входит: 1) вербализовать статус знания; 2) соотнести с общезначимой «точкой отсчёта»; 3) указать на предельность или неопределённость отображаемого; 4) отразить когнитивный фокус события; 5) дефокусировать типичный (прототипический) признак; 6) осуществить перекатегоризацию, т.е. «перевод» мыслимого в иной онтологический класс; 7) маркировать формально-структурные характеристики сообщения. Далее обратимся к ряду соответствующих фактов языка и речи.

Функция вторичной категоризации первого типа может быть проиллюстрирована фактами из области морфологической категории определённости / неопределённости, соотносимой с тем или иным референциальным выбором. Реализация этой категории организует смысловое содержание словоформы относительно индивидуализирующего или же генерализующего статуса выражаемого знания, соответственно. Генерализующий статус передаёт идентификацию мыслимого до уровня члена класса, подчёркивает общность с другими членами. Индивидуализирующее знание, в свою очередь, позволяет идентифицировать объект познания в рамках класса, выделяя этот объект среди подобных [Сулейманова, Беклемешева 2009: 89]. Одним из средств обязательного выражения результатов генерализации / индивидуализации в языках мира могут служить артикли в английском,

испанском и других европейских языках или постфиксальный элемент, который наблюдаем, например, в языках Балканского языкового союза или в языках скандинавских: болг. *братът*, рум. *fratele*, швед. *broren* (определённость). В русском языке определённость / неопределённость выражается синтаксически, с помощью порядка слов (В комнату вошла *девочка* – *Девочка* вошла в комнату) или лексически, за счёт указательных, определительных / неопределённых местоимений (*Эта / такая девочка уже ему нравится* – *Ему нравится одна / какая-то девочка в классе*).

Указание на статус передаваемого знания посредством грамматической интерпретации может, кроме того, опираться на языковые формы, дополнительно маркирующие источник сообщаемого, скажем, в семантике категории эвиденциальности, в рамках которой собственный опыт говорящего противопоставлен чужому опыту, свидетельствам «со стороны». Регулярное проявление этой категории прослеживается, в частности, в тувинском и якутском языках, где темпоральная подсистема включает оппозицию перцептивного – не перцептивного начал в парадигме прошедшего и настоящего времён. Выбор той или иной глагольной формы зависит здесь от того, является ли говорящий свидетелем описываемого события или нет. Сравним, к примеру, якут. *Массыына кэллэ* ('Машина приехала, и я это видел') – *Массыына кэлбит үһү* ('Говорят, машина приехала'). С помощью этих грамматических форм субъект выражает один из конвенциональных аспектов восприятия / репрезентации обсуждаемых фактов, характеризуя их с указанием на прямой или косвенный канал полученной им вербальной информации.

В синтаксическом плане языка к этой же группе, по-видимому, примыкают коммуникативно-оценочные категории, с которыми лингвисты-когнитологи соотносят концептуальные модификации на интенциональном уровне категориальной схемы высказывания [Фурс 2009: 285-286]. Е.g.: классификация имеющегося знания с позиции данного и нового, относительно которой говорящий распределяет информацию в тексте, осуществляется с помощью разнообразных средств тема-рематического (актуального) членения

высказываний в конкретной ситуации общения (порядок слов, частицы, интонация, парцелляция).

Вторичное соотнесение смысла с некоторой когнитивной точкой отсчёта (схема 2) наблюдаем на примере комплексной морфологической категории таксиса (лицо, наклонение, время), а также дейктических значений. В конкретной речевой ситуации то или иное типизируемое событие обязательно интерпретируются говорящим сквозь призму категорий объективной модальности (реальности / ирреальности) и времени. Конструирование события в соотнесении с моментом речи (фактом сообщения [ЛЭС 1990]) кодируется основными, прототипическими формами времени. Соотносительные перфектные времена в английском [Бронникова 2017: 231] или, например, испанском языках (*Plusquamperfecto*, *Pretérito anterior*, *Futuro perfecto*), занимающие периферию категории, – это итог дополнительной интерпретации форм *Indefinite / Indefinido* на основе соотнесения не только с фактом сообщения, но и с некоторым другим событием. Ср. также субъективность темпоральной точки отсчёта в формах актуального и обобщённого настоящего времени в тувинском языке.

Упомянутые формы грамматического времени представляют собой более дифференцированные аспекты категории таксиса. К данной глобальной категории, отражающей хронологическую соотносительность обсуждаемых событий, в широком понимании иногда относят категорию наклонения, где в качестве общезначимой точки отсчёта выступает реальность либо нереальность положения дел. В свою очередь, с помощью регулярно выражаемой категории лица говорящий интерпретирует положение дел относительно роли его участников в речевом акте и таким образом структурирует событие в соотнесении с говорящим или обобщённым лицом (формы 1 лица), собеседником или обобщённым лицом (формы 2 лица), с иным объектом или неопределённым лицом (формы 3 лица). Интерпретацию содержания высказывания с участием этой категории иногда также относят к сфере глобальной категории таксиса, но, в более распространённой трактовке, считают компонентом дейксиса, актуализирующего компоненты денотативного содержания высказывания [ЛЭС

1990]. Отметим, что помимо ролевой интерпретации, дейктически закреплённая когнитивная опора может быть связана со степенью отдалённости объекта высказывания, которая маркируется лексически указательными местоимениями, частицами (рус. «этот» – «тот», «вот» – «вон», др.-рус. ТЪ (безотносительное указание, совр. *tot*), ОНЪ ('тот который, отдалён от говорящего') и СЪ ('тот, который ближе к говорящему'); исп. *este* ('этот') – *ese* ('тот, который ближе к собеседнику') – *aquel* ('тот который, отдалён от говорящего и собеседника'), ср. семантически сходную триаду в латинском языке: *hic, iste, ille* [Ярхо, Лобода 2010: 62]). Такая точка отсчёта может накладываться на хронотопический дейксис, интерпретирующий пространственную локализацию сообщаемого факта: *aquí* ('близко к говорящему') – *ahí* ('близко к собеседнику, но далеко от говорящего') – *allí* ('далеко и от говорящего и от собеседника').

В качестве конвенциональной когнитивной точки отсчёта может служить эталон некоторой концептуальной области, в функциональной связи с которым осуществляется повторная категоризация предмета, лица, явления, демонстрируя прототипический эффект. Эта разновидность дискурсивной организации знания на основе функциональной таксономической категоризации [Гольдберг 2012: 158] может быть проиллюстрирована логическими сравнениями, бытующими на субкатегориальном уровне познания: *Мой брат такой же сообразительный, как отец; Хорошо отполированный искусственный сапфир обладает куда большей прозрачностью, чем любое стекло* [Сапфир или GorillaGlass 2016]. Цель таких сравнений заключается не столько в образно-авторской (характеризующей) передаче знания, сколько в том, чтобы детализировать какой-либо признак объекта в соотнесении с общеизвестным источником сравнения и тем самым содействовать лучшему постижению этого признака собеседником. Отсюда следует, что знаки компаративных конструкций, помимо эмотивно-оценочного, способны отражать сугубо рациональный модус интерпретации, который в зависимости от коммуникативной задачи уточняется как *системоприобретённое качество их семантики*. Показательно в этом отношении мнение В.Б. Гольдберга, согласно которой «знак, основанный на подобии» сам по себе не несёт никакой

информации, а лишь задаёт концептуальную проекцию для последующей интерпретации исходного объекта «на основании сходства с ориентиром» [Гольдберг 2015: 26] (анализ категориальной сущности сравнительных выражений предложен в серии работ указанного автора: Гольдберг 2007; Гольдберг 2012; Гольдберг 2013).

Типичное проявление интерпретирующей схемы третьего типа находим в наличии у глаголов видовой оппозиции (*мужать – возмужать, решать – решить, насыпать – насыпать*), а также имперфектных и перфектных форм. Передавая категорию аспекта, каждая из этих схем манифестирует результат интерпретации с точки зрения предельности / неопределённости (длительности, повторяемости) действия вроде *She has already worked with the delegation at the university – She was working with the delegation when the phone rang, She used to work with the delegation every year.*

Грамматическая организация знания, обусловленная интенциональной фокусировкой компонентов события (группа 4), представлена ярким примером регулярного участия морфолого-синтаксической категории залога в такой интерпретации компонентов ситуации, когда в центр внимания помещается субъект либо объект действия / отношения. Во многих европейских языках данный интерпретирующий смысл выражается комплексно, порядком слов и их падежными формами, синтетическими или аналитическими, что можно проиллюстрировать на материале русского, латинского, английского или испанского языков: рус. *Студенты изучают языки с пользой для себя. – Языки изучаются студентами с пользой для себя*, лат. *Alumni studio linguarum pro utilitate sua – Linguae studuntur ab alumnis pro utilitate sua*; англ. *Students learn languages for their own benefit – Languages are learned by students with benefit for themselves*, исп. *Los estudiantes aprenden lenguas con beneficio propio – Las lenguas son aprendidas por los estudiantes con beneficio propio.*

Пятая функциональная группа моделей грамматической интерпретации связана с порождением вторичных категориальных смыслов за счёт выведения из фокуса внимания типичных для категории характеристик. Один из ярких

примеров находим в области категории градации признака, выражаемой, как правило, формами степеней сравнения прилагательных и наречий. В случае выведения параметра сравнения на задний план форма превосходной степени во вторичной функции начинает обозначать безотносительно высокую, предельную форму проявления признака. При этом может актуализироваться оценочный компонент: *широчайшие массы, добрейший человек, живейший интерес*; исп. *corte superior* ('высший суд'), *un hombre educadísimo* ('воспитаннейший человек'); англ. *a most significant event* ('значительнейшее событие'), *a deepest respect* ('глубочайшее уважение'). В качестве иллюстрации отметим здесь и категорию активности / демиактивности, наличие которой позволяет говорящему вариативно соотносить ситуацию с классами акциональных или статальных феноменов: *Брат читает – Брату сегодня не читается; Трава пахнет свежестью – На улице пахнет травой*. Ещё один показательный пример связан с дефокусированием идеи количества, которое у лексикализованных форм множественного числа существительных приводит к семантическому сдвигу (рус. *час – часы, грязь – грязи*).

Вторичная рубрикация явлений с участием концептов высшей степени абстракции (группа б) представлена на уровне конверсии, или безаффиксальной транспозиции, когда без выраженных показателей в словоформе, при сохранении формы знака мы наблюдаем переход слова из одной части речи в другую (Сотрудник, *заведующий* этим отделом, возвращается из командировки завтра. – *Заведующий* возвращается из командировки завтра; Петя огляделся *вокруг*. – Петя обошёл *вокруг* дома; ...*Les vamos a deber una fortuna* ('Мы будем должны им') – ...*El deber del médicos poner todos los medios para socorrer* ('Обязанность врача – предоставить средства для оказания помощи'); ...*Es sugestiva porque confirma los mismos puntos de vista...* ('Она наводит на размышления, потому что подтверждает те же взгляды') – *Era un porqué demasiado gravoso* ('Это было слишком обременительной долей') [CREA]. В подобных случаях периферийные вторичные функции слов при сохранении их «предметного содержания» обеспечивают перевод исходного концепта в иной онтологический класс

мыслимых сущностей, адаптируясь к интенциям говорящего. В синтетических языках, какими являются большинство славянских, к данному явлению близок словообразовательный процесс номинализации (синтаксической деривации), который обеспечивает абстрагирующее отвлечение признака или процесса от его носителя (ср. *доброта, молодость, синева; соединение, подготовка, регистрация*). На поверхностно-синтаксическом уровне он связан с *функционально-коммуникативной адаптацией* синтаксической функции слова к конкретной позиции в высказывании. Межчастеречный переход, сопровождающий эти процессы, позволяет соотнести слово с изначально не свойственной ему когнитивной рубрикой, что способствует наращению трансформационно-перифрастического потенциала семиотической системы. Таким образом, языковая перекатегоризация (функциональная переориентация [Левицкий 2010]), будучи одним из проявлений *гибкости и полиморфизма единиц языка* как мягкой системы, даёт возможность оптимально организовывать знания соответственно дискурсивным условиям и правилам коммуникации на данном языке.

На уровне синтаксиса перекатегоризация затрагивает такое регулярное явление, как использование для описания ситуации неизосемичной модели предложения, что имеет место, скажем, тогда, когда взаимодействующие модели, по принципу метонимии, передают концепты сопредельных, ассоциативно связанных фрагментов ситуации: *Что делает брат?* (действие) – *Он в школе* (место действия) ($N_1V_f - N_1\text{Cop}_fN_{2...} / \text{Adv}$) или, наоборот: *Где сейчас брат?* – *Он учится* ($N_1\text{Cop}_f N_{2...} / \text{Adv} - N_1V_f$) (подробнее об этом см. в [Рахманкулова 2020: 720]). Смещение фокуса внимания в этих высказываниях допускается за счёт инференций, которые обеспечивают правильное понимание смысла. Схема перекатегоризации (схема б) в данном случае совмещается с фокусировкой концептуальных элементов (схема 4).

Интерпретирующая категоризация с помощью языковых форм, передающих чисто формальные словоизменительные грамматические категории, делает акцент на признаках формально-структурного плана сообщения (группа 7). В качестве

иллюстрации уместно вспомнить, скажем, формы рода прилагательных или глаголов в том случае, если род не связан с биологическим полом именуемого, а лишь отражает синтаксическую связь слов путём дублирования значения одноимённой категории у определяемого и определяющего. Речевая организация такого категориального содержания направлена на конфигурирование языкового знания в целях соблюдения когезии текста как неотъемлемого свойства грамматически правильного речевого произведения. Как представляется, в данном случае системная вариативность словоформ, выражающих итоги вторичной грамматической категоризации исходного элемента в контексте, строится на сопряжении двух языковых функций, когнитивной и метаязыковой.

В обсуждаемом плане обращает на себя внимание и показательный, на наш взгляд, феномен согласования времён в некоторых языках мира, когда темпоральная граммема в придаточном ориентирована на глагольное время главной части высказывания. Такую технику допустимо рассматривать как одно из регулярных средств маркирования формальной связи предикативных единиц в составе сложного предложения. Так, при сохранении фактического временного плана в русском языке в испанском, однако, имеем переход «настоящее время → имперфект» в том случае, если в придаточном используется прошедшее завершённое (*Pretérito perfecto simple*). Ср. *Ayer me enteré de que María estaba en la ciudad* ('Вчера я узнала, что Мария находится в городе') на фоне *Pretérito perfecto compuesto*: *Hoy día me he enterado de que María ya está en la ciudad* ('Сегодня я узнала, что Мария уже находится в городе').

Если в предыдущих случаях языковые факты составляли более или менее конвенциональную подсистему, и, таким образом, отличались воспроизводимостью и предсказуемостью реализации, то далее обратимся к проявлениям системной стохастичности (нелинейности) в области репрезентаций вторичных категорий. В отличие от рассмотренных ранее данные явления имеют не воспроизводимый, а сиюминутно порождаемый характер. Они демонстрируют гибкость знаковых единиц языка как коммуникационной системы нежёсткого типа, которая в сравнении с другими семиотическими системами обладает

наибольшей полифункциональностью и способна передавать любой необходимый смысл, в том числе с помощью окказиональных употреблений. Нетривиальные факты речи – результат взаимодействия устойчивого и инновационного (креативного) начал, благодаря которому повышается эффективность функционирования естественного языка как гибкой адаптивной системы.

Данное качество наиболее ярко проявляется в процессе категоризации тогда, когда она максимально ориентирована на закрепление и передачу сугубо индивидуальных переживаний опыта. В этом случае многообразие интерпретирующих единиц зачастую выходит за пределы системообразующего влияния литературной нормы. Единство окружающего мира коммуникантов и содержание вербализуемого опыта становятся здесь приоритетными организующими (ограничивающими) факторами. Осуществляя операциональные модификации категориальных значений и выбирая не общепринятую единицу / функцию, говорящий вкладывает в них субъективный смысл.

Важнейшей сферой создания таких смыслов является дискурс художественной литературы. Он представляет собою вид бытийного личностно-ориентированного общения, одна из целей которого – трансляция индивидуальной картины мира художника слова. Помимо социокультурных знаний, в ней, как мы знаем, запечатлены индивидуальные ракурсы интерпретации действительности, нередко отличные от коллективных. В условиях эстетической коммуникации интерпретирующая категоризация реалий приобретает особенно важную роль, поскольку художественный мир, объективирующий авторскую концептосферу, представляет читателю вторичную модель действительности. Последняя является производной от уже сложившихся мыслительных рубрик опыта и формируется в процессе лингвокреативного субъективированного взаимодействия первичного и вторичного знания [Левицкий 2010: 117; см. также Маслова 2012: 383], что лежит в основе авторского идиостиля. Приоритет в этом взаимодействии принадлежит не точности фактов, а наиболее адекватному кодированию авторской рефлексии с учётом знания о поэтическом языке. Поэтому категоризация её объектов (из мира природы,

общества, собственной жизни) производится с преобладанием личностного впечатления и выражена на уровне фигуральных характеризующих средств.

Наряду с яркими окказиональными метафорами, регулярным средством передачи художественного замысла выступают образные сравнения, которые призваны охарактеризовать познаваемое относительно уже известного. Используя в качестве языкового ресурса (общую с логическим сравнением) компаративную конструкцию, художественные сравнения, однако, реализуют в речи не таксономическую, а эпизодическую категоризацию [Гольдберг 2012]. Её результаты менее типичны и предсказуемы на фоне логических сравнений, что обусловлено практически неограниченным разнообразием элементов активного фонового знания (когнитивных точек отсчёта и их опорных характеристик), выраженного лексически. Богатые ресурсы концептуальной метасистемы как организующий фактор среды ведёт к более свободному выбору лексики для заполнения позиции источника сравнения и, как следствие, приводит к широкому разнообразию системных функциональных состояний таких компаративов. Скажем, один и тот же феномен времени в художественных произведениях XX-XXI вв. на основе признака 'движение' интерпретируется следующим образом: *время летит как метеорит / оперённая стрела / пуля / ветер / птица, несётся как поезд, идёт как вода*. Ср. также творительный сравнения в романе И.С. Тургенева «Отцы и дети» (XIX в.): *Время летит иногда птицей, иногда ползёт червяком...* (И.С. Тургенев).

Одновременно цель художественных произведений носит воздействующий характер. Она предполагает влияние на картину мира читателя, направлено на духовное обогащение реципиента [Мещерякова 2013: 812; Маслова 2009: 379]. Поэтому эстетическая функция языка доминирует здесь над информационной [Миронова 2018], и вербальное отнесение экзистенциальных и эмоциональных явлений к некоторому классу также интерпретируется эстетически. Так, согласно нашим наблюдениям, в прозе В.В. Набокова, великого мастера художественной выразительности, фасцинативный эстетический эффект достигается, наряду с иными средствами, благодаря оригинальным находкам в категоризации

окружающих явлений за счёт соотнесения с человеком, с реалиями его поведения, эмоциями, внешним видом. Скажем, рассказ «Облако, озеро, башня» [Набоков 1937] содержит такие яркие антропоморфные метафоры, как *личико часов, случайная судьба в открытом платье, дары дороги* (о пейзажах за окном), *солнце пробиралось к углу окошка, воспоминание любви, переодетое лугом, шоссе, лениво переходившее с холма на холм* и нек. другие.

Спонтанное соотнесение слова с другой категорией, реализация в его семантике признаков другой категории имеет широкое проявление в дискурсе художественной литературы, а также в обыденной и публицистической коммуникации. По принципу детерминизма системы средой, обусловленной позицией адресанта, контекстуальное взаимодействие категорий в случае нарушения языковых конвенций и ожиданий адресата формируется с участием целого комплекса когнитивных механизмов. Среди них – профилирование признака, выбор когнитивной точки отсчёта или когнитивной опоры («игры с фокусом» [Ирисханова 2010: 81], нетривиальная перспективизация на уровне тех или иных её аспектов, механизмов [Петрова 2017: 117-160], перекатегоризация, концептуальная интеграция, а также инференция при декодировании образа. Так, выразительный потенциал в художественной ткани упомянутого выше рассказа В.В. Набокова закладывается, в частности, на основе субъективно устанавливаемого выбора аналогической точки отсчёта, а в её составе – когнитивной опоры в сфере иной категории. Эпизод, описывающий впечатления главного героя, эмигранта Василия Ивановича, во время дороги в поезде, содержит несколько иллюстраций этого типа, е.g.: *Паровоз, шибко-шибко работая локтями, бежал сосновым лесом, затем – облегчённо..., ...Цветы сливались в цветные строки, ...Уже бешено заскакали, вертясь в солнечном кипятке, тысячи буковых стволов, и опять прозевал счастье; Появится и как бы замрёт на мгновение, как задержанный в груди воздух, место до того очаровательное, – полянка, терраса; ...Как это все увлекательно, какую прелесть приобретает мир, когда заведён и движется каруселью! Какие выясняются вещи!.* Грубая, нелепая и несколько механистичная атмосфера в сопровождении

тоталитарно настроенных попутчиков главного героя инферентно выводится с опорой на характеристики концептов категорий ЧЕЛОВЕК и АРТЕФАКТ, связанные в рамках ближайших фрагментов дискурса: *Распростись с пустой тревогой, / Палку толстую возьми / И шагай большой дорогой / Вместе с добрыми людьми. //*

Субъективное определение авторской пространственной позиции в структуре описываемых событий, реализованное местом наблюдателя и связанной с ним точкой обзора, можно отметить на материале следующих фрагментов рассказа: *Деревья появлялись партиями и отдельно, поворачивались равнодушно и плавно, показывая новые моды; Утро поднялось пасмурное, но теплое, парное, с внутренним солнцем; Потихоньку, прячась за собственную спину, Василий Иванович пошел берегом...; Увлекаемый, как в дикой сказке, по лесной дороге... Василий Иванович не мог даже обернуться и только чувствовал, как сияние за спиной удаляется, дробимое деревьями...* Воплощающее авторский замысел вторичное установление фигуру-фоновых отношений характеризует ряд фрагментов, где этот механизм представлен в «чистом» виде (*На фоне еловой черноты вертикально висит сухая иголка на невидимой паутинке*) или сочетается с перспективизацией дистанции наблюдателя относительно концептуализируемого (*А на остановках Василий Иванович смотрел иногда на сочетание каких-нибудь совсем ничтожных предметов – пятно на платформе, вишневая косточка, окурок, – и говорил себе, что никогда-никогда не запомнит и не вспомнит более вот этих трёх штучек в таком-то их взаимном расположении, этого узора, который однако сейчас он видит до бессмертности ясно*); с активизацией эмпатического дейксиса как аспекта перспективы (*Обеих девиц звали Гретами...; Шрам, Шульц и Другой Шульц, почтовый чиновник и его жена, все они сливались постепенно, срастаясь, образуя одно сборное, мягкое, многорукое существо, от которого некуда было деваться*).

Далее этот вид дейксиса, демонстрирующий «психологическую близость между собеседниками или их отношение к предмету» [Петрова 2017: 133], входит

в когнитивную основу художественной категоризации посторонних людей (...Глядя на кучку детей, ожидающих поезда, он изо всех сил старался высмотреть хоть одну **замечательную судьбу** – в форме скрипки или короны, пропеллера или лиры, – и досматривался до того, что вся эта компания деревенских школьников являлась ему как на старом снимке, воспроизведённом теперь с белым крестиком над лицом крайнего мальчика: **детство героя**), окружающего ландшафта (Это было чистое, синее озеро с **необыкновенным выражением** воды. Посередине отражалось полностью большое облако. На той стороне, на холме... высилась... старинная чёрная башня. Таких, разумеется, видов в средней Европе сколько угодно, но именно, именно этот, **по невыразимой и неповторимой согласованности его трёх главных частей**, по улыбке его, по какой-то **таинственной невинности**... был **чем-то таким единственным, и родным и давно обещанным**, так понимал созерцателя, что Василий Иванович даже прижал руку к сердцу, словно смотрел, тут ли оно, чтоб его отдать; ...Из окошка было ясно видно озеро с облаком и башней, в неподвижном и совершенном сочетании **счастья**).

Таким образом, мыслительно-языковое взаимодействие в области вторичного познания покрывает широкий круг специальных лексических, грамматических, словообразовательных единиц, с помощью которых человек осуществляет повторную схематизацию опыта на основе уже сложившихся первичных категорий. Ведущими системообразующими параметрами, определяющими способность языковых средств участвовать в различных видах интерпретации, на наш взгляд, выступают следующие: общая, интерпретирующая, функция, апперцепционный характер вторичного категориального смысла, большее или меньшее доминирование субъективного / конвенционального начала. Разнородность интерпретирующих вербальных единиц является фактором, затрудняющим их цельносистемное изучение.

6.4. Структурные характеристики языковой системы «сквозь призму» вторичной категоризации действительности

Свойство апперцепции как важнейший фактор вторичной категоризации мира обнаруживает себя не только субстанциональном плане языковой системы, но и на уровне её структурных характеристик. Последние упорядочивают её взаимосвязи с концептуальной системой в процессе интерпретации. Напомним, что эти характеристики, наряду с элементами и функцией, определяют собою качество любой реальной системы. Поэтому сами структуры вторичного знания закономерно являются такой частью концептуальной среды, которая играет системообразующую роль в ходе создания и функционирования лингвоментальных категорий. Как и в случае с первичными, интерпретируемыми, категориями, символизация интерпретирующего содержания категорий на уровне структурных параметров основывается на установлении внешних для языковой системы обратных связей с когницией в соответствии с *принципами целеполагания, детерминизма и качества*. Первый из них отсылает к интенциональным когнитивным задачам, которые, в зависимости от характеризующего или идентифицирующего замысла, могут быть направлены на получение вторичного рационального знания или выражение субъективного мнения говорящего. Речь в том числе может идти о выходе концептуализируемого за пределы членства в своей родовой категории, то есть о функциональной таксономической либо эпизодической компаративной категоризации [Гольдберг 2012]. Принцип детерминизма в данном контексте означает приоритет когнитивного, а также, на наш взгляд, структурирование самих вторичных смыслов в тесной зависимости от первичных категорий (ср. в этой связи свойство релятивности оценочных категорий не релятивность).

Морфологические и функциональные аспекты внешней и внутренней структуры языка как образования категориального обнаруживают связь с системным *принципом качества*. Морфологическая сторона внешней структуры

более статична и, в данном случае, представлена сопряжёнными подсистемами исходных и новообразованных категорий разного типа (логическими, прототипическими, градуальными, многофокусными; тематическими, модусными...), существующими в опоре на устойчивые нейронные комплексы – «фиксаторы» фонового и вторичного знания в синтезе. В качестве опорного знания выступают определённым образом форматированные тематические концепты исходных категорий, «закрывающие в себе совокупный опыт познания действительности данным сообществом» [Болдырев 2013: 9, 10]).

Подсистемы характеризующих / идентифицирующих категорий объединяют в себе интегративные концептуальные структуры, системная *сложность* которых усилена апперцепционным взаимодействием с первичными категориями. В такого рода внешнюю структуру входят также когнитивные модели, по которым производится умственное подведение существующих концептов к новой категории.

Что касается *функциональной составляющей* внешних структурных отношений, то она, как известно, представляет динамическую сторону структуры и в данном случае охватывает всю совокупность когнитивных процессов и механизмов среды, задействованных в ходе вторичной категоризации путём активизации определённых нейронных связей.

В комплексе всё это обеспечивает различные способы вторичной категоризации, служащие средством адаптации структур сознания к познаваемому объекту. Она осуществляется в связи с процессом концептуальной деривации, ключевым и наиболее глобальным процессом вторичной когнитивной деятельности [Langacker 1987; Fauconnier 1994; Talmy 2000; Болдырев, Панасенко 2013]. В свою очередь, ведущим когнитивным механизмом, сущностным для вторичной категоризации, можно, по-видимому, считать концептуальную интеграцию, поскольку именно за счёт установления межконцептуальных связей (например, между «тематическими» концептами) происходит интерпретационное развитие лингвоментальных категорий и порождение на этой основе ситуативных смыслов. Каждая языковая личность, как уже отмечалось, при построении

внутренних моделей внешнего мира обладает большим потенциалом в плане установления субъективных связей между познаваемыми объектами [Маслова 2015: 233; см. также Тармаева 2010: 87]. Это, в свою очередь, приводит к разнообразию как избираемых исходных (интерпретируемых) компонентов когнитивного опыта, так и механизмов их конфигурирования при образовании вторичной категории.

Таким образом, по *принципу положительной обратной связи*, репрезентанты концептуально производных смыслов в своём содержании базируются на согласованном взаимодействии категорий, на их «когнитивной сопряжённости» [Гольдберг 2010: 28-29] внутри сложных концептуальных структур. Весьма показательны в этом отношении идеи о взаимодействии и пересечении смыслов в строе языка (см, к примеру [Варфоломеева 2013]), а также описания деривата как гибридной семантической структуры [Кубрякова 2004; Кемеровская... 2011].

С учётом апперцепционных особенностей когнитивного аппарата человека конструкционный план языка рисуется как характеристика, обусловленная, с одной стороны, опорной, «деривационной связью» категорий / концептов категории. С другой стороны, она означает подбор оптимальной структуры под системообразующую функцию её элементов – кодировать разнообразные способы интерпретации мира в соответствии с избранной когнитивной детерминантой (ср. *принципы выбора и специализации* структур в открытой системе). Так, производное слово как композициональная единица, основанная на пропозиции [Кубрякова 2004: 408, 425], упорядочивает в единой структуре отношения между категориями ономаσιологического базиса, признака и связывающего их предиката, которые, вступая во взаимодействие, могут репрезентировать в сознании новые объекты (номинативная функция деривата) или же характеризовать их (в случае экспрессивной функции). Концепты каждой из выделенных категорий, отражательных или модусных, в определённой иерархии, в соответствии с их местом в акте познания, фиксируются корневой / форматной частями по словообразовательным законам композиции, выработанным в данном

языке. Такая языковая техника позволяет компактно совместить в пределах одного цельнооформленного знака отражательные (феноменологические) категории (e.g. *под-локот-ник*: ПРОСТРАНСТВО, ЧАСТЬ ТЕЛА, ВЕЩЬ; *авиа-почт-ов-ый*: САМОЛЁТ, УЧРЕЖДЕНИЕ СВЯЗИ, СВОЙСТВО; разг. *по-зум-и-ть-ся*: ВРЕМЯ, КОМПЬЮТЕРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ, СОВМЕЩНОСТЬ, ПРОЦЕСС), отражательные и модусные (разг. *анти-маск-ер* ‘Разг. О противнике использования медицинских масок в период пандемии’: ОТРИЦАНИЕ, СРЕДСТВО ЗАЩИТЫ, ВЕЩЬ; *карантин-и* ‘Шутл. Об алкогольном напитке, выпиваемом в одиночестве или во время виртуальных вечеринок в период карантина’ [Словарь русского языка коронавирусной эпохи 2021: 68]: ПРОТИВОЭПИДЕМИЧЕСКОЕ МЕРОПРИЯТИЕ + АЛКОГОЛЬНЫЙ НАПИТОК + ИРОНИЯ; *хорош-еньк-ий*: ОЦЕНКА + ЭКСПРЕССИВНОСТЬ + СВОЙСТВО; *прост-оват-ый* (человек): СВОЙСТВО ХАРАКТЕРА + МЕРА + ПРИЗНАК).

В парадигматическом плане комплексные единицы словообразования, словообразовательные категории, цепи, парадигмы, гнёзда, репрезентируют присущие естественному языку структуры единиц, организованные относительно общей пропозиции или единого фрейма. Отношение к общей пропозиции, выраженной в словообразовательном значении, служит, по мнению Е.С. Кубряковой, концептуальным основанием для включения ряда словообразовательных моделей (типов) в один класс [Кубрякова 2006: 12]. Структурные отношения внутри остальных комплексных единиц позволяют упорядоченно хранить и быстрее извлекать из памяти дериваты, систематизированные за счёт ассоциативных связей и относительно категорий, стоящих за слотами фрейма. Следовательно, перед нами не чисто исследовательский конструкт, а когнитивно обоснованные межсловные парадигмы. Они задают «динамические переходы от исходного слова к производному» и обеспечивают развитие словаря данного языка с помощью новых дериватов [Абросимова 2014: 354]. Регулярные словообразовательные модели снабжают коммуникантов «стратегиями извлечения семантики из её единиц...» [Кубрякова 2004: 393], а также формируют языковую компетенцию по

переводу именуемого из одного класса в другой. Поэтому когнитивно-словообразовательный анализ даёт нам сведения о том, каким образом с помощью категорий структурируется в сознании некоторый фрагмент опыта. Так, в словообразовательном гнезде «читать» реализованы возможности структурирования соответствующего процессуального фрейма с помощью категорий действия, в том числе опредмеченного (*дочитать, перечитать, читка, чтение*), категорий субъекта (*читатель, чтец*) и объекта (*прост. чтиво*), места действия (*читальня, читалка*). Характеризующее представление «белый» за счёт лексико-деривационных процессов связывается с категориями признака, в том числе отвлечённого (*белёсый, беловатый, белоголовый, набело, белизна*), действия (*белить, белеть* их производные), живого существа (*беляк*) или предмета (*белок, бельмо*) [Тихонов 2014: 50-51, 554].

Способ развития лексики, основанный на полисемии, также задействует процессы вторичной категоризации идентифицирующей либо характеризующей направленности. Однако, в отличие от предыдущих фактов, он представлен развитием внутрисловной парадигмы. Категориальная сущность этой структуры является системообразующим параметром и получила в среде лингвистов различные трактовки. В более традиционном представлении речь идёт главным образом о взаимодействии признаков, относящихся к понятийным категориям одной или различных сфер действительности. Характер структурных связей, основанных на этом взаимодействии, определяет собой метафорические или метонимические сдвиги, переносы в семантике многозначного слова. Закрепление этой структуры единым знаком свидетельствует о тесной связи соответствующих категориальных сфер, которая в сознании представителей языкового сообщества поддерживается существованием регулярных когнитивных моделей [ЛЭС 1990].

В свою очередь, многие приверженцы экспериенциального подхода склонны сегодня считать, что в основе многозначности лежат внеязыковые категории прототипического типа. Возможностью упорядочения знаний по этому принципу объясняют само существование полисемии, полагая, что данная лексико-семантическая структура адаптирована к психологически реальной

прототипической конфигурации естественной категории. Такая когнитивная структура объединяет концепты – члены категории по принципу «фамильного сходства» соответствующих им объектов (подробнее модели Р. Лэнэкера, Дж. Лакоффа, В. Эванс описаны в [Langacker 1991; Lakoff 1987; Evans 2006: 328]).

Взгляд на полисемию в рамках теории лексической инвариантности базируется на положении о том, что исходный, скрепляющий категорию прототип – это результат стихийного речевого опыта её реализации в конкретном контексте. Считается, что данный ядерный элемент соотносим с максимальным набором семантических компонентов и может претерпевать полные изменения или варьироваться в отдельных своих признаках [Песина, Зимарева 2017: 151]. Вся конфигурация значений слова рисуется здесь как открытый ассоциативно-смысловой комплекс, который образует единую категорию на основе лексического инварианта [Пономарёва 2013: 107; см. также Новиков 2001]. Одну из прозрачных иллюстраций такой структуры представляет факт, когда стержневым элементом категории служит довольно обобщённый концепт, проецируемый в разноаспектные и при этом равноправные области картины мира. Ядерно-периферийный принцип осмысления объектов накладывается здесь на радиальный. Вся совокупность ЛСВ, концептуально связанных с лексическим инвариантом, формирует когнитивную матрицу, как она понимается в русле Тамбовской лингвистической школы. В частности, данный формат знания, по-видимому, лежит в основе семантической структуры слова СИСТЕМА. Проведённое нами ранее исследование показало, что логический конструкт ‘система’, определяемый как ‘Множество взаимосвязанных элементов (предметов, явлений, взглядов, принципов, знаний и т.д.), образующих некоторую целостность, единство на основе общего признака, назначения’ осмысливается на фоне концептуальных областей ЭКОНОМИКА, ПОЛИТИКА, ПРАВО, ЭТИКА, НАУКА, ТЕХНИКА, КОМПЬЮТЕРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ, ПРАКТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, БЫТ и МЕДИЦИНА [Миронова 2017: 18].

Трактовка многозначности в трудах Л.М. Лещёвой углубляет «прототипическую концепцию» полисемантических структур и даёт уточнённую

картину категориального статуса ЛСВ. Каждое значение многозначного слова соотносится исследователем не столько с членами единого класса, сколько, что существенно, с относительно самостоятельными концептуальными рубриками (подкатегориями) прототипического типа. Их именование одним знаком продиктовано смежностью или сходством реалий, стоящих за центральными концептами понятийного класса. Это позволяет признать, что полисемантическая языковая структура специализирована фиксировать особую открытую сложную структуру категорий (макроструктуру) [Лещёва 2014: 80], в которой только исходная категория является продуктом первичной когнитивной деятельности. И поскольку полисемантическое слово охватывает «ряд исторически сложившихся в данной лексеме значений... объединённых актуальными деривационными связями» [Кацнельсон 1986: 48], постольку, в русле концепции Л.М. Лещёвой, функциональный аспект этих связей составляет активизация ассоциаций между первичным и производным элементами категориальной макроструктуры, осуществляемое путём аналогии или смещения фокуса внимания. В свою очередь, системный морфологический аспект этой макроструктуры в языке представлен упорядоченным набором репрезентантов сопряжённых категорий, находящихся в некоторых смысловых отношениях, выявляемых исследователем (ср., к примеру, сочетание категорий ДЕЙСТВИЯ, МЕСТА ДЕЙСТВИЯ, СУБЪЕКТА И РЕЗУЛЬТАТА ДЕЙСТВИЯ в смысловой метонимически развившейся структуре слова «редакция» или категорий АТМОСФЕРНЫХ ЯВЛЕНИЙ (*шаровая молния*), ЭМОЦИЙ (*в глазах сверкнула молния*), СРЕДСТВ СВЯЗИ (*газета-молния*), ОДЕЖДЫ (*куртка с молнией*), на базе метафоры сопряжённых в семантике слова «молния» [Кузнецов 2000: 552]).

По-иному структурируется категориально организованное знание с участием идентифицирующих абстрактных имён в составе лексической категории. Доминантная интерпретирующая задача этих единиц – отражать концепты наивысшей степени абстракции – активизирует работу вербально-логического мышления. Как следствие, наиболее оптимальное устройство морфологической стороны данной структуры основано на хранении

рационального знания прежде всего в иерархических, инвариантно-вариантных [Болдырев 2012: 58] семантических конфигурациях лексической парадигмы. Архисема, входящая в значение членов лексико-семантической группы, выступает здесь в роли системообразующего суперклассификатора, который содержательно скрепляет все члены данной микросистемы. При этом каждая нижестоящая лексическая субкатегория вмещает в себя все признаки вышестоящих: ЧАЙНАЯ РОЗА, ПЛЕТИСТАЯ РОЗА → РОЗА → ЦВЕТОК → РАСТЕНИЕ; АУДИТОРНАЯ / ВНЕАУДИТОРНАЯ КОНТАКТНАЯ РАБОТА → КОНТАКТНАЯ РАБОТА → ФОРМА УЧЕБНЫХ ЗАНЯТИЙ (спец.).

Другой, полевой, структурный тип демонстрируют отношения абстрактных заимствованных имён с синонимичными, как правило, исконными словами или словосочетаниями, которые нередко используются для толкования абстрактного слова. Они играют роль имён-классификаторов, служащих когнитивной точкой отсчёта в процессе обиходного освоения семантики заимствованной номинации: *транспорт* – ‘средство передвижения’, *канцелярия* – ‘делопроизводство’, *инициация* – ‘посвящение’, *система* – ‘порядок’ и т.д.

Ещё одна область *адаптации языковой структуры под специфику элементов* обнаруживается в сфере модусных категорий субъективной характеристики мира, во-первых, и организации знаний в дискурсе, во-вторых. Созданные для вторичной интерпретации уже известного фрагмента опыта, данные категории включают в себя такие концепты, которые, по утверждению Н.Н. Болдырева, формируются и функционируют лишь в интегративном единстве с определённым набором концептов интерпретируемой области. То есть реализуются модусные категории как своего рода сателлиты, сопровождающие собственно репрезентативное знание о мире на разных уровнях абстракции (ср. созвучное положение традиционной семантики о коннотации как сопутствующем, дополнительном компоненте значения). Поэтому структурный, прототипический или логически организованный, тип первичной категории частично / полностью наследуется новообразованной вторичной соответственно полюсам интерпретации (ср. понятие структурной релятивности [Болдырев 2014: 171]).

Скажем, производная категория ИНТЕРЕСНАЯ ИГРА упорядочена по тому же прототипическому принципу, что и исходная – ИГРА, а категория ЭФФЕКТИВНЫЙ МЕТОД из области научного познания, как и МЕТОД устроена по логическому (инвариантному) принципу.

Значительное влияние индивидуального опыта приводит к увеличению *стохастичности*, неполной предсказуемости выбора конкретных оснований для субъективных категорий. Нередко они упорядочивают в единый класс онтологически различные, но схожие по воздействию на человека реалии, что отмечали ещё древнегреческие философы, в частности, Платон его последователи, отождествляя воздействие вещи на человека с онтологией самой вещи.

В силу функциональной несамостоятельности модусных концептов их содержание конкретизируется также лишь в актуализованной структурной связи с характеристиками первичного знания и ситуативного контекста (ср. понятие содержательной релятивности, соотнесённости [Болдырев 2014: 171]). По *принципу положительной обратной связи*, эта специфическая когнитивная сопряжённость экстраполируется на языковую реальность, и вербализация интерпретирующей категории наполняется конкретным смыслом, лишь включаясь в контекст. Следовательно, перед нами системоприобретённое качество. В лингвокогнитивной трактовке речь идёт об актуализации интерпретирующего потенциала языковых единиц, реализуемого на уровне специфики их семантической сочетаемости [Панасенко 2014б: 31]. Е.g.: интерпретационное содержание концепта ИНТЕРЕСНЫЙ вербально уточняется за счёт сочетаемости его репрезентанта с репрезентантом интерпретируемого концепта, передающего аспект оценки. На первый план выводятся те или иные признаки данного концепта и его номинанта: *интересная игра, интересный человек, интересный костюм*. Таким образом, синтагматическая сторона языковых структур в данном случае демонстрирует изоморфизм функциональной структуре интерпретирующих категорий. Языковые факты этого типа можно считать наглядной иллюстрацией одной из основополагающих идей

композиционной семантики, утверждающей, что актуальное «значение слова содержится не только в нём самом, но и в его партнёрах по речевой цепи» [Норман 2019: 513].

Анализ парадигматического плана репрезентации модусных категорий, в свою очередь, обнаруживает черты *структурного алломорфизма*, который объясняется собственной природой языковой системы, относительной функциональной автономностью и наличием у неё не только когнитивной, но и коммуникативной функции в социуме¹⁷. Так, репрезентации той или иной модусной категории обычно обладают полевой (ядро-периферийной) структурой, и в рамках данной структуры, вследствие континуальности языковой системы, они вступают в межуровневые связи. Каждая модусная языковая подсистема содержит как регулярные, широкие в употреблении средства, составляющие специализированное ядро категории и служащие источником производности, так и менее частотные, ограниченно используемые в общении. Последние находятся на периферии языковой модусной категории и реализуют свой интерпретирующий потенциал не в первичных, а во вторичных функциях. За примером обратимся к полевой структуре на материале оценочной лексики, где в ядро помещаются общеоценочные предикаты (*хороший / плохой*); ближняя периферия представлена частнооценочными (*вежливый / невежливый, развитой / примитивный, счастливый / несчастный*) и аффективно осложнёнными лексемами (*великолепный, замечательный, ужасный, кошмар, потрясающе хорош*), а дальняя периферия содержит квазиоценочные предикаты и дескриптивные слова, получающие конкретную субъективную оценку лишь в контексте [Барамыгина 2007: 47] (*лёгкая / трудная задача, человеческий фактор, мягкий человек, советский уклад*).

Полевые структуры разноуровневых единиц обнаруживаются вокруг каждого из взаимодополняющих функционально-смысловых кластеров (фокусов)

¹⁷ Ср. в этой связи весьма показательное наблюдение о том, что «каждая из подсистем репрезентации модусных категорий особым образом структурирована» [Болдырев 2012: 99].

модусной категории предельности / неопределённости. То же, по-видимому, можно сказать о категориях лица, наклонения, рода, служащих конвенциональной организации знания в дискурсе. Приведённые факты служат свидетельством не только внешнефункциональной, но и закономерной «внутриязыковой направленности» [Болдырев 2012: 119] вторичных категорий.

Итак, разнообразные лингвоментальные структуры вторичной категоризации основаны на интеграции уже существующих категорий в новообразованные конфигурации. Формирование и преобразование этих структур базируется на *относительной автономности* языка, с одной стороны, и *структурно-функциональной целостности*, с другой. Это закономерно достигается за счёт природной способности открытой системы соотносить своё устройство с функциональными потребностями ближайшей метасистемы. Апперцепционная опора на первичное знание приводит к увеличению языковой сложности на уровне числа межкатегориальных связей и вовлечённых в них элементов. Однако в целях более глубокого постижения данного качества, «преломлённого» во вторичной категоризации, следует иметь в виду системную интегративность как результирующий эффект структурных связей. К ней мы и обратимся в дальнейшем изложении итогов работы.

6.5. Анализ целостных свойств языковой системы во вторичной категоризации мира

В живой реальности познания вторичные процессы категоризации сопровождают развитие концептуальной системы человека за счёт разного рода интерпретаций уже осмысленного. Выделение нового концепта на основе апперцепции сопряжено с его подведением к известной рубрике опыта, а повторная категоризация оперирует уже существующими, а также вторичными, интерпретирующими, концептами. Подчёркнём в этой связи, что ещё

представители Пражского лингвистического кружка в своих программных «Тезисах...» говорили о взаимообусловленности номинации и классификации, имея в виду, что любой акт наречения означает не только выделение и закрепление в языке данного понятия, но и соотнесение этого понятия с мыслительной категорией. Показательна и дефиниция вторичной категоризации, бытующая в лингвокогнитологии, где данный процесс толкуется как «подведение уже существующего *концепта под новую категорию...*», когда «элементы одной служат форматами интерпретации элементов другой категории» [Лукина 2020: 151]. Вследствие взаимосвязи ведущих когнитивных процессов целостные свойства обнаруживаются как на уровне вторичной концептуализации (п.3.3), так и в плане категоризации, и категориально выраженная целостность во многом базируется на интегративных характеристиках концептуализации.

При формировании и экспликации целостных качеств языковой категоризации первостепенную роль, как и в случае концептуализации, играют такие признаки открытых систем, как детерминационная связь со средой, структурно-функциональная иерархия уровней, гомеостатичность и неполная прогнозируемость поведения, которая усиливает сложность системы.

Как показал анализ, по отношению ко вторичной категоризации выявляются те же глобальные виды целостности, уже упомянутые при анализе концептуализации, а именно *кооперативная и эмерджентная интегративность языковых / речевых единиц*. В аспекте кооперативности существенной представляется взаимодополняющая координация единиц одного или разных языковых уровней, задействованных при построении целостной, категориально упорядоченной картины мира. Следует добавить также гармоничное, непротиворечивое сочетание языковых категорий в семантике лексем или словоформ. При этом диахронические данные о развитии синтетического представления смысла в аналитическую технику (ср.: в истории испанского языка лат. *longior* > исп. *más largo*) позволяют предположить большую идиоматичность первых [Алисова, Репина, Таривердиева 2007: 375, 265]. Синтетические средства языка сложнее с точки зрения мыслительных усилий по кодированию /

декодированию формальной и смысловой сторон знака, что исторически ведёт к их постепенному расчленению для минимизации когнитивных затрат.

Лексические и грамматические категории, как было отмечено выше, обладают собственным интерпретирующим потенциалом, задействуют специфические для них языковые механизмы и когнитивные схемы. Однако в совокупности они обеспечивают необходимое для коммуникации разнообразие интерпретационных смыслов, их конкретных функций в единстве репрезентативной и семиотической сторон языка. К примеру, *синтез концептов различных категорий*, играя здесь системообразующую роль, формирует семантику лексем, представляющих гибридные части речи (причастия, деепричастия, стативы, номинализации) как результат поликатегоризации. На чисто лингвистическом уровне гибридные части речи создают диффузность, взаимопроницаемость грамматических категорий, реализуемые во вторичных позициях таких лексем. В их семантике сочетаются категории разных самостоятельных частей речи: глагола и прилагательного (причастие), глагола и наречия (деепричастие), глагола / прилагательного и существительного (номинализации). Наличие в языке этих гибридных единиц, несомненно, позволяет более гибко и ёмко передать новообразованную абстрактную единицу знания, стоящую за общим грамматическим значением вторичного знака.

В обсуждаемом плане интересны также факты употребления сослагательного наклонения (скажем, *Subjuntivo* в испанском, *Subjunctive* в английском), демонстрирующие влияние субъективно-модального лексического значения antecedента на выбор реального либо ирреального плана в придаточной части высказывания. При этом специальная граммема сослагательного наклонения, как наклонения, прагматически ориентированного, избирается говорящим при интерпретации диктума в ракурсе желаний и оценок, с точки зрения степени достоверности, вероятности, сомнений или каузации: *Yo sé / que hoy hace buen tiempo* («Я знаю, что сегодня хорошая погода») – *Quiero / que haga buen tiempo hoy* («Я хочу, чтобы сегодня была хорошая погода»); *Yo creo / que en el fin de semana él descansa* («Я думаю, что в выходной он отдыхает») – *No creo /*

Es lógico / que en el fin de semana descanse («Я не думаю / Логично, что в выходной он отдыхает»).

В содержании словоформ межкатегориальная целостность нередко представлена сочетанием концептов интерпретирующих грамматических категорий, которое может объективироваться аффиксами (рус. *написа-н∅* – *написа-н-а* – *написа-н-о*: род + время + залог; исп. *com-í* («я пообедал, -а») – *com-iste* («ты пообедал, -а») – *com-ieron* («они пообедали»): время и лицо; рус. *лёгкий* – *лёгкая* – *лёгкое*: род + падеж; болг. *вятър-ът* («этот ветер») – *пролет-та* («эта весна») – *такси-то* («это такси»): род + детерминативность). Кооперация морфологических категорий может быть выражена и с привлечением аналитической техники: рус. *буд-у*, *буд-ешь*, *буд-ем читать*: время + лицо; исп. *se construy-e* («строится») – *se construy-ó* («был построен»): время + лицо + залог.

Выбор интегрируемых признаков концептов, стоящих за граммемами, имеет системоприобретённый характер, поскольку обусловлен актуализацией слова, то есть включением его в конкретную речевую среду. Такая когнитивная сопряжённость концептов имеет место в области категорий времени, вида, наклонения, залога, рода и лица при формировании смысла русских глагольных словоформ. Другой пример – сопряжённость эвиденциальности, времени и лица при функционировании глаголов в якутском или болгарском языках. Так, не будучи свидетелем, но со слов Андрея говорящий на болгарском языке выразится следующим образом: *Вчера Андрей **четял** цял ден* («Вчера Андрей читал весь день»); *Утре Андрей **щял да чете** цял ден* («Завтра Андрей будет читать весь день»), где словоформа **четял** одновременно содержит граммемы 3 лица, имперфекта и пересказывательного наклонения, тогда как **щял да чете** в рамках того же наклонения передаёт будущее время. Прилагательные некоторых артиклевых языков, таких как английский и испанский, регулярно демонстрируют совместное функционирование концептов определённости / неопределённости и градации признака в ходе языковой интерпретации мира говорящим. Это легко иллюстрируют словоформы вроде англ. *easy* – *the easiest*, *beautiful* – *the most*

beautiful, исп. *fácil* ('лёгкий') – *el más fácil* ('самый лёгкий'), *hermosa* ('красивая') – *la más hermosa* ('самая красивая').

Кооперативный вид целостности, кроме того, наблюдаем в сфере модусных категорий, скажем, в явлении совместного функционирования экспрессивности и оценки, так что экспрессивная окраска оказывается «самым непосредственным образом связанной с аксиологическим отношением» [Телия 1986: 22]. Это, в частности, видно на примере единиц *Увы и ах, орать и лаяться, великий* (писатель), *восхитительный* (концерт), *Любушка-голубушка, виртуоз* (в своём деле). В силу субъективной природы этот вид категорий образует функциональные смыслы лишь «в связке» с более объективными лексическими, взаимодействуя с ними не по суммативному, а эмерджентному принципу (надёжный *метод*, очаровательные *цветы*, интересное *путешествие*) либо грамматическими категориями (*Мы в университетах не учились!*, *a most beautiful woman*).

К ряду лингвоментальных феноменов, рассматриваемых в кооперативном аспекте, следует добавить сходные межкатегориальные переходы, сопутствующие развитию семантики многозначных слов (закон семантической аналогии Х. Шпербера). Члены одной ЛСГ, особенно, если она соотносима с актуальными реалиями, развивают схожие производные значения, что свидетельствует о «синхронном», «однонаправленном» расширении их категориального содержания, по общим когнитивным моделям концептуальной деривации. Зоонимам, например, свойственно развивать характеризующие значения из области наименований лиц (ср. соответствующие ЛСВ слов *лиса, байбак, черепаха, сурок* (о человеке)). Соматизмы регулярно используются для обозначения частей предметов быта или растений (*ножка стола, носик чайника, глазок картофеля, зубчик / головка чеснока*); глаголы движения нередко обогащаются значениями, интерпретирующими ход времени (*Время бежит, течёт, несётся, летит; Дни плывут один за другим*).

По тому же принципу аналогии складывается инвентарь значений словообразовательных формантов в пределах словообразовательной категории:

аффиксы, участвующие в номинации какого-либо общего слота фреймов, скажем, субъекта действия или носителя психического / физического свойства, демонстрируют идентичный межкатегориальный переход. Так, суффиксы -ач^{-1,2} образуют дериваты, именующие лицо по действию (*ткач, драч, прост. танцевач*), одновременно участвуют в характеризации лиц (*ловкач, разг. рвач, лихач, прост. трепач*). Сочетание двух аналогичных значений присуще суффиксу с инвариантной формой -ец^{-1,2}: ‘деятель’ (*пловец, борец, писец*) и ‘характеристика личности’ (*красавец, ревнивец, льстец*). Идентичной комбинацией значений, а именно ‘характеристика личности’ и ‘стилистическая модификация’, обладает суффикс -к^{-1,2} (*разг. выскочка, замарашка, завирушка и разг. книжка (нейтр. книга), помидорка (нейтр. помидор), печка (нейтр. печь)*) [РГ-80].

Что же касается свойств *эмерджентной целостности*, то в области вторичной языковой категоризации они в большей степени опираются на процесс и результат концептуальной деривации. Как отмечалось выше, всякое рождение новых мыслительных структур, в том числе интерпретирующих категорий, оперирует концептами исходного знания (и их языковыми номинантами) в рамках некоторой когнитивной категории, упорядочивающей в памяти эти единицы. Соответственно, установление эмерджентных отношений между концептами заданных ментальных областей определяет собой и одновременно означает установление новых связей между категориями, которым принадлежат выделенные концепты. Вторичное использование языковой единицы часто сопровождается её перекатегоризацией в направлении иной феноменологической лексической категории: *вход* (ПРОЦЕСС) → *вход* (МЕСТО), *кремень* (МИНЕРАЛ) → *кремень* (ХАРАКТЕР ЧЕЛОВЕКА), *подмасливать* (БЫТОВОЕ ДЕЙСТВИЕ) → *подмасливаться* (СОЦИАЛЬНОЕ ДЕЙСТВИЕ), *каша* (КУШАНЬЕ) → *однокашник* (ЧЕЛОВЕК); модусной: *вкусный пирог* (СЕНСОРНАЯ ОЦЕНКА), *здоровый человек* (НОРМАТИВНАЯ ОЦЕНКА) → *вкусное и здоровое выступление* (ЭСТЕТИЧЕСКАЯ / ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ОЦЕНКА) [Михайлова 2012], *научный, полуденный* (НЕЙТРАЛЬНАЯ ДЕСКРИПЦИЯ) → *околонаучный, околполуденный* (АППРОКСИМАЦИЯ), *А вот и наши мамочки!*

(ЭКСПРЕССИВНОЕ ЛАСКАТЕЛЬНОЕ) → *Ой, мамочки, надо же!*
 (АФФЕКТИВНОСТЬ); грамматической: *дорогой* человек, *дорогое* воспоминание
 (ПРИЗНАК, слово имеет падежные формы) → *Дорогой*, когда ты вернёшься?
 (ПРЕДМЕТ, обращение ограничено именительным падежом), *купец*
 (ИСЧИСЛЯЕМЫЙ ФЕНОМЕН) → *купечество* (НЕИСЧИСЛЯЕМЫЙ
 ФЕНОМЕН), *терпеть* (ПРОЦЕСС) → *терпение* (ОТВЛЕЧЁННОЕ СВОЙСТВО).
 К этому же ряду можно отнести грамматикализованные формы будущего времени
 [Алисова 2007: 261] в исп. *ornar-é* ('буду украшать') из нар.лат. *ornāre-he* < *ornāre*
 ('украшать') + *he* (от *haber* – 'иметь'), то есть 'украшать имею что', где налицо
 переход лексической категории, в частности, покрытия объекта [ТСРГ 1999: 167]
 в грамматическую, тогда как подобные формы болгарского языке *Ще украся*
 используют переход в грамматическое время модусной категории желания,
 поскольку частица *ще* исторически одна из форм глагола *ща* со значением
 'хотеть' [Маслов 1956: 222]. В результате перекатегоризации значение таких
 грамматикализованных форм на современном этапе не выводимо из исходных
 значений компонентов, составляющих словоформу, и, таким образом, также
 характеризуется эмерджентностью целостного единства.

Отталкиваясь от подобных фактов, можно говорить о зависимом бытовании
 подсистемы концептуальной / языковой системы категорий от концепта
 категории / его репрезентанта в языке. В системологическом видении перед нами
 зависимость функционирования подсистемы от поведения её элемента по
 отношению к другим. При этом разнообразные переходы между
 лингвоментальными категориями создают предпосылку континуальности
 языковой системы.

Интересные факты категориальной эмерджентности представляют
 внутренние семантические связи между компонентами сложных слов. Действие
 этих связей может приводить к предсказуемым (линейным) или стохастичным
 (нелинейным) изменениям категориальной принадлежности композита, что
 достигается за счёт когнитивного механизма развития, которое обеспечивается
 влиянием категориального содержания одного компонента на содержание другого

[Бабина, Феденко 2015: 42-43]. В первом случае происходит спецификация (уточнение) общего понятия вторым компонентом, и это осуществляется в рамках одной концептуальной тематической области. Лексические категории исходного и производного слов в таком случае идентичны (т.н. эндоцентрические конструкции [Фёдорова 2014: 77]): *машиноместо, авиалесоохрана, сухофрукты, красноречие, мужеподобный, кресло-качалка, диван-кровать, ракета-носитель*. Нелинейные и более креативные факты представлены единицами с фразеологичностью семантики, когда оба компонента сложного слова меняют категориальное членство, нередко при участии метафоризации (т.н. экзоцентрические конструкции [там же]). На основе инференций достраивается нетривиальный ономазиологический предикат, что сопровождается переводом слова в иную концептуальную категорию: *утконос, сухогруз, луноход, кареглазый, пустословить*.

Механизм концептуальной интеграции с участием модусных категорий также нацелен на формирование эмерджентных мыслительных структур. Напомним, что такие структуры синтезируют в себе элементы категорий интерпретирующего (характеризующего) и интерпретируемого знания. Это могут быть, например, концепты основания и аспекта оценки, выраженные в языке аксиологической и лексической категориями. В процессе вербального сопряжения более объективной и ценностной (более субъективной) картин мира в конкретной ситуации аксиологическое приращение смысла является системоприобретённым. Оно возникает на этапе конфигурирования бленда за счёт дополнительно активируемого знания, нередко словарно не представленного. Иными словами, как и в случае повторной концептуализации, генетически эмерджентные явления из сферы вторичных категорий имеют функциональную природу. Они складываются в актах речемыслительной деятельности, которая, как и участвующие в ней системы, динамична, креативна, носит гибкий характер. Поэтому закономерно, что для рассматриваемого проявления эмерджентности важна многофакторность осуществления «интерпретативной процедуры» с учётом не только языковой, но и коммуникативной компетенций. В комплексе

они позволяют говорящему «определять ситуационную релевантность... лингвистических и социальных знаний» [Cicourel 1969: 39]. Интерпретирующий потенциал, заложенный в лексической или грамматической категории, актуализируется в следственной зависимости от понимания интерпретатором текущих условий использования языка. Более того, прагматический контекст, как и сама многоаспектность интерпретируемого феномена, создают предпосылку для множественной повторной категоризации с помощью языка, казалось бы, одного и того же объекта. Наиболее репрезентативны в этом отношении формы существования языка, явленные, в частности, в обиходно-бытовой коммуникации (диалекты, просторечие, разговорная речь) или в художественной литературе. В частности, обращаясь к литературным произведениям XX века, встречаем целый ряд компаративных выражений, где при общности объекта сравнения весьма разнообразны эталоны сравнения, представляющие когнитивную опору. По данным НКРЯ, скажем, категория лиц на основе интеллектуальной оценки может творчески сопрягаться с категорией религиозно-мифических персонажей (*умный, как дьявол / бес*), выдающихся людей (*умный, как Эйнштейн / Лермонтов / Горький / академик Тимирязев*), артефактов (*умный, как канделябр*), национальной принадлежности (*умный, как француз*) [НКРЯ]. В художественной литературе XX-XXI веков компаративная категоризация серого цвета, характеризующего одежду или кожу человека, производится в соотнесении концепта категории ЦВЕТ с фоновыми элементами категорий животных (*серый, как нелинявший заяц / мышь / слизень / матёрый волк / крот*), птиц (*серый, как ворона*), рыб (*серый, как рыба*), частей ландшафта (*серый, как скала / камень-известняк*), предметов одежды (*серый, как казённая шинель*), веществ и материалов (*серый, как папиросная бумага / пепел / зола / земля*), природных явлений (*серый, как туман / пыль*) [НКРЯ]. В области словопроизводства такое явление диалектной речи, как словообразовательно-пропозициональная синонимия, подразумевает расширение синонимических рядов за счёт множественной категоризации именуемого при выборе ономаσιологического признака номинации. Скажем, корзина как хозяйственный артефакт может именоваться в опоре на ментальную категорию

плодов-объектов деятельности (*грибовница, ягодница*), способа изготовления (*плетёнка*), материала данного изделия (*берестянка*) или действия с ним (*бралочка, набирушка*), а также формы изделия (*двуушка*) [Шумилова 2011: 247-248]. Пчела интерпретируется в ассоциативной корреляции с категориями звуков (*жужжалка*), веществ (*медовница*), кожных заболеваний человека (*пузырница*), действий (*будуница ← будить*) [Шумилова 2012: 236]. Наиболее востребованные категориальные конфигурации, особенно, те, что максимально отвечают законам организации и структуры системы данного языка, закрепляются в семантическом пространстве и со временем становятся частью её субстанциональной стороны.

Эмерджентность категориальных объединений, служащих интерпретации, присутствует на всех уровнях абстракции, суперординатном, базовом и субординатном. Это обусловлено разноуровневым характером категориальных концептов, вступающих во взаимодействие в ходе идентифицирующей (*трудиться – садовничать, сапожничать, шорничать, учительствовать; подошва горы, подошва рельса; a / the scientific method – a / the linguistic method – a / the method of cognitive semantics*) или характеризующей интерпретации (*хороший менеджер – эффективный / успешный менеджер – остроумный HR-менеджер; задействовать по пути в город два-три вида транспорта; задействовать... автобуса два; ...задействовать где-то два междугородных автобуса*).

Проведённый анализ позволил заключить, что *кооперативный вид системной целостности* в области вторичных категорий обеспечивается таким взаимодействием элементов интерпретирующих категорий, когда, формируя языковое значение или речевой смысл, они функционируют в «ансамбле». Подобного рода кооперация прослеживается на уровне синтеза элементов грамматических категорий (граммем, или классов), грамматических и лексических категорий (граммем и сем) или же модусных интерпретирующих категорий (граммем и сем). *Эмерджентная целостность*, в свою очередь, выявляется в семантике репрезентантов лексических и грамматических категорий, которая складывается путём концептуальной интеграции. Сама природа данного

механизма создаёт предпосылку для возникновения уникального единства категорий, обладающего собственной, не суммативной идентичностью. Данный факт лежит в русле иллюстраций креативности человеческого мышления при освоении мира, когда не только язык формирует сознание личности, но и сама личность, оперируя лингвоментальными категориями, активно преобразует его. Мыслительная работа с категориями связана с концептуализацией и оперирует конкретными элементами категорий-концептами, поэтому интегративные качества в сфере вторичной языковой категоризации тесно связаны с интегративностью процесса концептуализации, и это представляется значимым для адекватного описания языка как системы.

Выводы по главе 6

В задачи завершающей главы нашего исследования входил анализ субстанциональных, структурных, а также целостных качеств системы языка, как они представлены в процессе вторичной языковой категоризации действительности. Мы исходили из того, что человеческий язык, служа естественным инструментом рубрикации опыта, обеспечивает её не только на исходных, и более объективных, ступенях познания, базовом и эмпирическом, но и на уровне более субъективного развития картины мира, возможного за счёт концептуальной деривации. Соответственно, мы полагали, что системные характеристики языка «вплетены» в процессы и результаты формирования вторичных лингвоментальных категорий и, кроме того, обеспечивают их функционирование. Системологическое истолкование языковых фактов позволило сделать следующие основные заключения.

1. В силу сущностной связи ведущих познавательных процессов, концептуализации и категоризации, когда оперирование категориями вовлекает в своё действие их элементы-концепты, системные свойства вторичной языковой категоризации тесно связаны с системными качествами языковой концептуализации.

2. Подсистемы вторичной языковой категоризации обнаруживают комплементарный характер. Совместно, по принципу *функциональной совместимости частей системы*, они расширяют возможности естественного языка в рубрикации явлений и трансляции концептуально производных смыслов. Для репрезентантов этих смыслов данное функциональное свойство является системообразующим и, с когнитивных позиций, базируется на *апперцепции* как свойстве человеческого мышления создавать новые единицы знания с опорой на уже сложившиеся, а также на *конструкционном характере* мыслительной деятельности, который предполагает креативность субъекта в установлении перспективы и выборе когнитивных доминант.

3. Мыслительно-языковое взаимодействие в сфере вторичной схематизации мира охватывает широкий круг *специализированных* лексических, грамматических, словообразовательных единиц, с помощью которых человек осуществляет повторную рубрикацию фрагментов опыта на основе первичных категорий. Фактор разнородности интерпретирующих вербальных единиц усложняет их цельносистемное рассмотрение.

4. Предназначение этих единиц участвовать в различных видах интерпретации обусловлено такими универсальными системообразующими параметрами, задаваемыми концептуальной средой, как общая (интерпретирующая) функция, апперцепционный характер вторичного категориального смысла, большее или меньшее доминирование субъективного / конвенционального начала. При узуальном употреблении языковой единицы значения этих параметров закреплено коллективом и регулярно воспроизводится в речи. Оказиональные, контекстуальные репрезентанты вторичных категорий обладают ими в системоприобретённом статусе.

5. В основе лингвоментальных структур вторичной категоризации лежит интеграция уже существующих категорий в новообразованные конфигурации. «Кристаллизация» и преобразование этих структур базируется на *относительной автономности* языка, с одной стороны, и, с другой, на его системной *структурно-функциональной целостности*. Взаимная корреляция структуры и

функций обусловлена свойством открытой системы в соответствии с *принципом качества* соотносить своё качество и, в частности, устройство с запросами ближайшей метасистемы. В частном случае такого рода целостность обеспечивает разнообразие языковых структур, так или иначе адаптированных к структурам сознания и познаваемому объекту. Апперцепционная опора на исходные категории закономерно повышает *языковую сложность* не только в плане вовлечённых в эти структуры элементов, но и на уровне числа межкатегориальных связей.

6. Морфологическая, более статичная, сторона внешней языковой структуры, как и в случае первичной категоризации, явлена связанными подсистемами исходных и производных лингвоментальных категорий разного устройства и содержания, которые хранятся в памяти в опоре на устойчивые нейронные комплексы, активизируемые по определённым когнитивным моделям. По *принципу субстанциональной согласованности*, взаимодействующие характеристики исходной и вторичной категориальных областей логически совместимы в семантике производной единицы.

Функциональная сторона внешней структуры языка как средства вторичной категоризации включает в себя всю совокупность активных нейронных связей и механизмов концептуальной среды, задействованных в этом процессе.

7. *Кооперативная целостность* вторичных языковых категорий достигается тогда, когда они совместно лежат в основе семантики некоторой единицы. Такая кооперация наблюдается на уровне синтеза элементов грамматических категорий, грамматических и лексических категорий или же модусных интерпретирующих категорий. *Эмерджентная целостность* обусловлена механизмом концептуальной интеграции, в результате которого рождается уникальное единство категорий с не суммативной идентичностью.

8. Вторичная категоризация в области грамматики, по нашим наблюдениям, активизирует ментальные схемы, в задачи которых входят вербализация статуса знания; соотнесение с общезначимой «точкой отсчёта»; указание на предельность или неопредельность отображаемого; отображение фокуса события;

дефокусирование типичного признака; перекатегоризация; маркирование определённых формально-структурных характеристик языкового выражения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Системная организация лежит в кругу универсальных и фундаментальных свойств окружающего мира, определяя собой характер становления, функционирования и развития объектов действительности. В этом отношении не является исключением естественный язык, который, выступая важнейшим средством общения, а также познания, реализует эти функции за счёт множества системных характеристик. В настоящем исследовании мы ставили перед собой цель сформировать такую интегративную концепцию языковой реальности, в которой эти характеристики предстают в закономерной связи с когнитивной функцией языка как исходно антропоцентрического феномена. Выбрав курс на интегративность, с одной стороны, мы следовали необходимости синтезировать в одной концепции «разрозненные и относительно самостоятельные свойства языка» [Караулов 2007: 16], что представляется актуальным с учётом глубоких традиций лингвистических описаний. С другой стороны, анализ системно-языковых параметров в ракурсе человеческого фактора, в обусловленности мыслительными процессами концептуализации и категоризации повлёк за собой и в определённой мере позволил реализовать интегративность на уровне методологии, а именно в сочетании системного и антропоцентрического принципов лингвистического исследования. Такой подход, на наш взгляд, содействует дальнейшему постижению природы естественного языка и вполне согласуется с диалектическим представлением о спиралевидном движении истории научного знания: выделенные ранее аспекты языковой реальности освещаются с привлечением качественно и количественно более состоятельных теорий и методов, получая тем самым разработку на более высоком уровне

Основной вопрос, на который отвечает диссертация, – это вопрос о том, каким образом субстанциональные, структурные и целостные качества языковой системы совершают свой вклад в главное предназначение языка – быть средством фиксации, хранения и передачи концептуального содержания. Следовательно, в

рамках этой работы нами принимается главенство функциональных характеристик системы.

В целях более масштабного охвата языковой когниции в поле внимания помещались как первичные, так и вторичные процессы речемыслительной деятельности. В основу предлагаемой концепции была положена гипотеза о том, что в области характеристик строения и целостности языковой системы выявляются определённые способы их адаптации под задачи номинации и коммуникации, в которых человек говорящий осуществляет лингвоментальное моделирование мира. Верификация данной гипотезы производилась в ходе решения частных задач исследования, связанных как с определением теоретико-методологической основ нашего подхода, так и с их приложением к конкретному языковому материалу. В качестве ведущих при этом использовались методы концептуального анализа, системологической интерпретации языкового материала, а также ретроспективный и дескриптивный методы.

Проведённый анализ показал, что, обслуживая когницию, естественный язык демонстрирует преобладание положительных обратных связей по отношению к концептуальной системе, что обусловлено его когнитивно-коммуникативным предназначением. В плане *первичной концептуализации* системообразующим фактором для семантического пространства выступает участие знаков языка в образовании и закреплении исходных концептов. В смысле решения этой задачи семантика языковых единиц соответствует языковой *сигнатуре*, непосредственно обращённой к участкам когнитивной среды. Было установлено, что когнитивно детерминируемая организация субстанциональной стороны языка генетически и функционально отвечает *принципам многофакторности, качества и специализации элементов системы*. Значимым является интенциональный аспект познавательной деятельности коммуниканта, который, выполняя роль когнитивной детерминанты, организует разнообразие первичных репрезентантов концепта с точки зрения определённой картины мира, социокультурного опыта, той или иной степени абстракции и психофизиологических возможностей человека. Такая их организация

достигается за счёт конкретного набора когнитивных и языковых механизмов обработки информации. Благодаря необходимому разнообразию элементов номинативного поля реализуется возможность конструирования концепта, выборочной объективации его содержания с позиций того или иного прагматически существенного аспекта, в том числе дискурсивного типа общения. Так, например, содержание тематического концепта (собственно языковое) в речи регулярно конфигурируется с учётом актуальной коммуникативно-прагматической информации, превращаясь в операциональное (речевое).

Разноуровневые члены номинативного поля концепта «овнешняют» разнообразные «границы» его содержания, и с различной степенью полноты. Это организует ресурсы языка, ограничивая их смысловые задачи, относительно которых обеспечивается кооперативность элементов внутри системы. Специализация повышает не только *сложность, гетерогенность состава* языковой системы, но и *эквивинальность* (ср. синонимы, гиперонимы и гипонимы, перифразы и аллегории, вариантные образования), а тем самым её *гибкость, гомеостатичность*.

Избирательность и неполнота объективации концепта, установка на передачу в языке, главным образом, социально значимого содержания, приводят к тому, что концептуальная и языковая системы не изоморфны друг другу (ср. явления лакунарности, импликаций, разного рода табу), что вполне соответствует универсалии превалирования неизоморфного отражения в системном мире. И вместе с тем на основе информационного обмена они находятся в активных обратных связях друг с другом, поскольку язык выступает символической материально-идеальной подсистемой когниции, служа опорой для обобщения и формирования ментальных репрезентаций разной степени сложности. Сам факт существования языковой картины мира базируется на субстанциональной и структурной репрезентации фрагментов концептуальной систем в языке. Отметим, что объединяющая эти системы *информационная ресурсная связь* неоднократно имплицирована в понимании термина «значение» с позиций когнитивного подхода (ср. понятие / концепт, связанные, «схваченные» знаками,

включённые в модели знания и т.п.). С другой стороны, лексический и грамматический строй языка оказывает влияние не только на формирование картины мира, но и на успешность выполнения ряда когнитивных операций, что свидетельствует о двунаправленной связи языка с когницией.

Далее, анализ структурной стороны первичной языковой концептуализации позволил заключить, что на уровне ресурсных связей в пространстве знаковых единиц находит выражение внутри- и межконцептуальные связи элементов знания. Упорядоченный характер вербализованного знания (внутреннего лексикона) облегчает и ускоряет доступ к его единицам в процессах манипулирования ими в речемыслительной деятельности. Наряду с различной спецификацией содержания, *системно-структурная полиморфичность* концептуальных единиц лежит в основе калейдоскопичности (различного форматирования) концепта и, по принципу положительной обратной связи, овнешняется в языке. В свою очередь, когнитивным фундаментом парадигматически связанных групп лексики в долговременной памяти человека выступают концепты, связанные привативными (ЛСГ, синонимы), эквиполентными (синонимы, антонимы, омонимы, паронимы), нулевыми логическими оппозициями (синонимы). Концентрация вокруг некоторого фрейма как структуры типичных знаний лежит в основе тематической группы первичных единиц. Кроме этого, межконцептуальные связи, передающие соотношения объектов, структурируют синтагматический блок языка, совокупность его первичных композиционных единиц, в рамках которых они реализуются в явлении смыслового согласования, когерентности текста с возможностью инферентного достраивания его целостного содержания.

Обладая не только системным характером, но также сложностью строения естественный язык предсказуемо отличается высокоразвитыми интегративными качествами, в опоре на которые происходит формирование новых единиц знания, с одной стороны, и, с другой, вербализация итогов познания. Такие целостные свойства имеют своим источником имманентные синергетические процессы или, в силу мыслительно-языкового взаимодействия, обусловлены интегративными

свойствами концептуальной среды. С помощью системологической интерпретации проявлений целостности в языке нами были выявлены два типа языковой интегративности, характерные как для первичной, так и вторичной языковой концептуализации. Один из них опирается на разнообразие состава и, на макроуровне, заключается в системообразующей *кооперативности* первичных лексических, грамматических, словообразовательных единиц в случае *комплементарной передачи общего концепта или концептуальной структуры*. На микроуровне допустимо вести речь о единстве, например, семемы и граммемы в пределах словоформы, о смысловом согласовании в тексте или же о взаимозависимости лексических и грамматических концептов в пределах лексико-грамматических разрядов (ср. одушевлённые / неодушевлённые, абстрактные и конкретные существительных, глаголы переходные и непереходные, совершенного или несовершенного вида). *Комплементарность номинантов концепта* в аспекте целостности системы значима и с точки зрения зависимости целого от части постольку, поскольку наращение или архаизация этих единиц влияет на функциональный потенциал коммуникативной системы передавать заданный концепт. Другой вид интегративности, выявленный на вербальном материале, представляет случаи неполной выводимости смысла высказывания из значений слов и синтаксических отношений, так что оно может выступать как феномен не только кооперативный, но и *эмерджентный*, качественно отличный от суммы своих компонентов. Подчеркнём, что сегодня лингвистика располагает, скорее, фрагментарными, нежели полными и последовательными описаниями интегративных признаков своего объекта, что, таким образом, составляет одну из перспектив системного исследования языка.

В интересы нашего исследования входило участие языка как в первичных, так и во вторичных познавательных процессах. Поэтому следующий этап работы был посвящён системно-языковым характеристикам, как они представлены в области субъективных интерпретаций человеком себя и окружающего мира. За основу нами был взято когнитивно-дискурсивное определение языковой интерпретации как собственно человеческого вида лингвоментальной

деятельности, который базируется на механизмах концептуальной деривации и находит выражение в языке и речи.

Благодаря интерпретирующей деятельности с помощью языка происходит развитие концептуальной системы, и, в соответствии с системными *принципами детерминизма, необходимого разнообразия и качества*. За счёт установления межконцептуальных связей (концептуальной интеграции) когнитивная среда обогащается новыми единицами, и на основе положительных обратных связей со средой в языке наблюдается количественный и качественный рост вербализованных способов вторичной интерпретации знаний. В их число входят, к примеру, семантические и словообразовательные дериваты, синонимические производные средства, регулярные реализации предложения. Это единицы, обладающие экспрессивностью, оценочностью, эмотивностью, средства передачи определённости / неопределённости, дискретности / недискретности, агентивности / неагентивности, имплицитного и эксплицитного, более и менее абстрактного представления. Языковая система более или менее адекватно репрезентирует форматы вторичного знания в единстве своих структурно-субстанциональных и целостных характеристик. Это содействует его гомеостатическому функционированию как универсального и гибкого инструмента речемыслительной деятельности, который мог бы закреплять и передавать не только первичные, но и вторичные единицы когниции. И вместе с тем язык опосредует вторичное функционирование концептуальной среды, предоставляя говорящему знаковые способы вербализации его итогов.

В качестве факторов развития концептуальной среды на данном этапе мы принимали, с одной стороны, внешние условия, связанные с расширением сведений человека о мире, новыми запросами языкового коллектива или сменой культурного фона. С другой стороны, в основе субъективных интерпретаций лежат внутренние факторы креативности в обработке информации (способность к конструированию знаний в субъективном объёме, содержании, конфигурации), склонности к познанию в опоре на собственный биологический, психологический, социальный опыт, а также ассоциативность мышления, позволяющая

осмысливать новое в соотнесении с уже известным (апперцепционный принцип мыслительной деятельности). Последний позволяет более оптимально использовать ресурсы памяти в плане экономии когнитивных усилий.

Опираясь на положения теории языковой интерпретации, мы установили комплексный характер концептуальной сигнатуры метасистемы во вторичном познании. Она включает в себя, во-первых, приоритетные для интерпретации ментальные области, такие как «человек», «общество», «фауна» и «флора», «артефакты», «функциональные характеристики объектов». Во-вторых, учитывая отсылочный характер вторичной концептуализации, в этой части метасистемы наличествуют также модусные концепты эмоций, оценок, релятивности, детерминативности, отрицания, эвиденциальности и нек. другие, в соответствии с которыми на уровне субстанциональном определяется *критерий качества* интерпретирующих классов характеризующих или идентифицирующих единиц. Данный факт свидетельствует о некоторой *специализации* языковых явлений передавать интерпретирующее содержание определённого типа в соответствии с когнитивной детерминантой, актуальной в конкретном речевом акте. По внутриязыковой природе, в свою очередь, средства вербальной интерпретации охватывают все уровни языковой структуры.

Генетические и функциональные характеристики этих единиц обуславливают их *организацию* в статике и динамике языковой системы, так или иначе ограничивая их объём, а также направления «конструирования» действительности. *Вследствие креативного* и к тому же более субъективного характера вторичных интерпретаций в языке эти феномены не только многообразны, полиморфичны и тем самым вносят вклад в *эквивиальность* языкового функционирования, но и демонстрируют *нелинейность* (неполную предсказуемость характеристик).

В структурном отношении внутренние и внешние, морфологические и динамические параметры языкового устройства, в соответствии с *ведущими принципами детерминизма и качества*, устанавливаются на таком качественном уровне, чтобы способствовать адекватному выражению вторичных смыслов и

целевому развитию концептуальной метасистемы. Структурное развитие последней лежит в плоскости процессов концептуальной деривации, поскольку совокупность способов, моделей и механизмов языковой основывается на межконцептуальных связях и сопряжении концептуальных признаков внутри новообразованных структур. На первый план здесь выходят организующие *принципы интегративности и композиционности* элементов метасистемы, а также *когнитивный принцип апперцепции*. Как следствие, языковая система прибегает к различным видам мотивированности вторичных единиц первичными.

Системологическая интерпретация языковой когниции в аспекте целостных свойств дала возможность установить, что, сообразно тем же базовым *принципам функционального детерминизма и качества*, развитие концептуальной среды, возрастание её сложности за счёт производных структур знания воплощается в усилении интегративных качеств языковой системы. Данный процесс реализуется на уровне кооперативных и эмерджентных характеристик её единиц / подфункций.

Как и в случае первичной языковой концептуализации, первые ориентированы на *гомеостатичную программу организации системного объекта*. Они укрепляют полезное разнообразие естественного языка, повышая тем самым его функциональную устойчивость в соответствии с запросами когнитивного конструирования мира. *В статическом плане* кооперативную целостность обнаруживают разноуровневые элементы-репрезентанты вторичного знания, скажем, лексико-грамматическая целостность; известные для языка виды структурных отношений между ними, а также взаимодополняющее единство когнитивной, номинативной / коммуникативной функций вербальных интерпретаций. *В динамике* кооперативная, как и эмерджентная целостность, представлена процессами создания новых композиционных единиц языка или актуализаций средств вербальной интерпретации.

Эмерджентные характеристики, в свою очередь, свойственны единицам, семантика которых сформирована механизмом концептуальной интеграции, вызывающим в составе бленда такие приращения смысла, которые за счёт

модифицирующих операций с концептуальными признаками первичного знания не выводимы из исходных компонентов. При этом закономерным для системы образом эмерджентность оказывается прямо пропорциональной субстанционально-структурному усложнению вторичного плана языка, а также возрастает по мере продвижения от нижестоящего к вышестоящему уровню. В числе эмерджентных единиц, принимающих участие в субъективной интерпретации, мы определили семантические дериваты, словообразовательные дериваты с идиоматичностью значения, производные и непроизводные единицы вторичной характеризующей семантики (например, слова оценки), высказывания, передающие некий ситуационный концепт, содержащие имплицитную информацию. Рождаясь в процессе речи, коммуникативно востребованные единицы с эмерджентной семантикой способны конвенционально закрепляться в строе языка и входить в широкий обиход.

Рассматривая далее категориальные свойства языка в содружестве с его системными характеристиками, мы принимали за основу определение категоризации, согласно которому она состоит в образовании и выделении обобщённых мыслительных рубрик опыта в человеческом сознании. Такая рубрикация создаёт функциональную и морфологическую структуры сознания, позволяет идентифицировать и различать объекты действительности, осуществлять упорядоченно-прогностическое её отражение, в том числе посредством языка. Как следствие, категоризация представляет универсалию когнитивного аппарата человека.

Исследование показало, что системные свойства, сопутствующие языковой категоризации, во многом коррелируют с системными качествами языковой концептуализации. Это наблюдение даёт очередное свидетельство тесной природной связи ведущих познавательных процессов на «перекрёстке» языковой и концептуальной систем, где оперирование категориями одновременно есть и когнитивная работа с их элементами-концептами. Подчиняясь *принципу положительной обратной связи* во взаимодействии со средой, система языка стремится сохранить функциональный критерий качества – быть инструментом

когниции, в том и числе категоризации как её части. Как следствие, она располагает подсистемами репрезентантов категорий разного типа, обобщающих в себе свойства внеязыковой или собственно языковой реальности и служащих средством когнитивной экологии при кодировании / декодировании информации. В этом отношении *устойчивость* и *надёжность* функционирования языковой системы как средства формирования и манифестации всего многообразия категорий в большой мере базируется на свойствах её компонентов. Было определено, что в этих свойствах могут быть «запечатлены» *структурно-содержательная специфика концептов категории, избираемый носителем языка уровень абстракции членов класса, универсальные, этнокультурные и субъективные черты категории в конструировании мира, активная на момент формирования / актуализации категории когнитивная детерминанта, а также степень психологической яркости, прототипичности означиваемого члена категории*. Названные аспекты классификации мира ложатся в основу разноаспектных типологий когнитивных категорий, передаваемых с помощью языка, и, таким образом, определяют собой *специфику концептуальной сигнатуры*, задействованной в процессах языковой категоризации.

В опоре на лингвокогнитивную теорию категоризации мы установили, что детерминанта категоризации, образующая *критерий качества* языковой категории, может касаться тематики общения. Это имеет место в том случае, если соотнесение с разными рубриками predeterminedено актуальной областью знания, что наблюдается, скажем, на уровне номинантов одного и того же объекта, семантически соотносимых с разными категориями, или в явлении репрезентации омонимичными терминами содержательно различных категорий в зависимости от профессиональной сферы. Доминирующими при категоризации могут оказываться приоритеты социокультурного порядка, что иллюстрирует, например, различная номинативная дробность лексико-семантических полей, передающих некоторую категорию в разных культурах. Зачастую эти приоритеты лежат в области прагматических установок речемыслительной деятельности, что правомерно отнести к фактам влияния на объём и содержание лексической

категории детерминант наивного или профессионального сознания, из которых вторая, как правило, содержит больше номинантов, фиксирующих объективно существенные характеристики. Та же детерминанта категоризации, в частности, направляет ситуативный выбор говорящего среди слов-прагмем. В свою очередь, субъектно обусловленные доминанты категоризации, определяющие влияние уровня эрудиции на знание концептов категории и классификационных стратегий, могут быть связаны с принадлежностью человека возрастной, гендерной, той или иной профессиональной группе.

Производя системологическую интерпретацию языковых категорий, следует также иметь в виду *полифакторность* онтологии языковой категории. Так, наряду с когнитивно обусловленными чертами (исходно *системообразующими*), языковые категории приобретают дополнительные свойства (*системоприобретённые*), которые адаптируют категориальные структуры к семиотической технике конкретного языка и дискурсивным условиям.

Системный анализ лексических и грамматических категорий позволил заключить, что их функциональное различие определяется *принципом специализации* элементов, а также спецификой концептуальной сигнатуры, ориентированной на отражательный или семиотический аспекты языка (знания более конкретизированных сущностей или же фундаментальных свойств мироздания, регулярно воплощаемых в языке). При этом по отношению к первичной когнитивной категории грамматические категории в сравнении с лексическими тяготеют к *более полному структурному изоморфизму* на уровне их полевой организации.

Внутренняя целостность категориальной стороны языка в общем плане достигается за счёт *комплементарной функциональной согласованности* языковых категорий и их элементов, а также как итог взаимодействия лингвоментальных категорий различного ранга. Качественным своеобразием, то есть эмерджентностью, обладают сложные, композиционные единицы по сравнению с их частями. Комплементарный характер обнаруживают также

репрезентанты вторичных категорий (лексические, грамматические и лексические / репрезентанты модусных категорий). При этом для узуальных из единиц субъективное «прочтение» категориального содержания является *системообразующим признаком*. Для окказиональных, контекстуальных, собственно авторских единиц оно выступает в *системоприобретённом статусе*. Следуя необходимости в специализации, вторичная лексическая категоризация интерпретирует т.н. аналоговые категории объектов, грамматическая же приводит в действие такие когнитивные схемы, в задачи которых входит вербализация статуса знания; соотнесение с общезначимой «точкой отсчёта»; указание на предельность или неопределённость отображаемого; отображение фокуса события; дефокусирование типичного признака; перекатегоризация; маркирование формально-структурных характеристик сообщения.

Системологическая интерпретация вторичных языковых категорий, проведённая на завершающем этапе исследования, позволила заключить, что интеграция первичных категорий в новообразованные во многом базируется на *структурно-функциональной целостности* языка и ведёт к росту *полезной сложности* его системы как в плане вовлечённых в новые структуры элементов, так и на уровне количества межкатегориальных связей. В отношении данного аспекта когниции сопряжённые подсистемы исходных и производных лингвоментальных категорий формируют морфологическую сторону внешней структуры языка. В свою очередь, динамическая сторона этой структуры включает всю совокупность когнитивных механизмов, задействованных в интерпретирующей категоризации.

Таким образом, в результате исследования на основе комплексной методологии и с соответствующими конкретизациями на языковом материале получила подтверждение исходная гипотеза о том, что субстанциональные, структурные, а также интегративные качества естественного языка определённым образом адаптированы к задачам лингвоментального картирования мира. Для рассмотрения языковой когниции в принятом нами аспекте был разработан *метод когнитивно-системологической интерпретации языковых явлений*, который

позволяет раскрыть конкретные способы участия характеристик системной онтологии языка в процессах и механизмах концептуализации или категоризации. В зависимости от исходной и конечной точки анализа данный метод может использоваться 1) в направлении от некоторого аспекта когнитивной функции языка к выбранному системному параметру, к его роли для данного аспекта 2) в обратном направлении. Такой подход к освещению проблемы взаимоотношений языка и когниции является логическим продолжением всей предшествующей эволюции взглядов по системной, функционально-коммуникативной и когнитивной проблематике в лингвистике и служит своего рода «концептуальным мостом» между ними. Кроме того, построение научной модели с опорой на онтологически универсальные и вместе с тем основополагающие свойства объекта, безусловно, повышает объяснительность и надёжность результатов в плане отражения не только его природы, но и, казалось бы, разрозненных проявлений. Осознание этих характеристик предложенного подхода создаёт для нас интерес к дальнейшему углублённому анализу лингвокогнитивных концепций естественного языка на предмет охвата системных качеств объекта и с выявлением собственно языковых причин, а также внешних условий (исторических, философских, социокультурных), определивших специфику оформления такого рода концепций. Представляется, что это может составить один из векторов дальнейших исследований в русле проблематики диссертационной работы, но с иными ведущими единицами описаниями.

Кроме этого, рамки данной работы не позволили включить в неё более подробное описание системно-когнитивной основы частных фактов языка / дискурса, каждый из которых в предложенном аспекте может стать предметом специального внимания. По той же причине не представлялось возможным более или менее в равной степени учесть весь набор качеств системной природы языка. Одной из исследовательских перспектив в этой связи может стать смещение фокуса исследования в область когнитивно-системологической интерпретации состояний системы в истории языка. Полезной, наряду с этим, видится апробация полученного алгоритма на материале не только русского, но и других языков;

экстраполяция его из сферы нормального в изменённое состояние языкового сознания, а также в смежные с лингвокогнитологией области лингвокультурологического и прагмалингвистического анализа, где язык так же исследуется в его естественной среде, в сопряжении с различными «гранями» человеческой жизни. Не менее интересную исследовательскую задачу, на наш взгляд, представляет сопоставительный анализ языков с точки зрения роли системных параметров в различных видах концептуализации и категоризации мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдуразаков, М.А. Семантические типы субъектов / М.А. Абдуразаков. – Ташкент: Фан, 1991. – 103 с. – Текст: непосредственный.
2. Абрамов, В.П. Теория ассоциативного поля / В.П. Абрамов. – Текст: непосредственный // Русский язык: исторические судьбы и современность: Сборник тезисов. – М.: МГУ, 2001. – С. 124-128.
3. Абросимова, Л.С. Деривационно-семантическое пространство словообразовательного гнезда: когнитивный фокус исследования / Л.С. Абросимова. – Текст: непосредственный // Когнитивные исследования языка. – 2014. – Вып. XVIII. – С. 353-355.
4. Агошкова, Е.Б. Эволюция понятия системы / Е.Б. Агошкова, Б.В. Ахлибинский. – Текст: непосредственный // Вопросы философии. – 1998. – №7. – С. 170-179.
5. Аккомодация. Большая советская энциклопедия: сайт. – URL: <https://gufo.me/dict/bse/Аккомодация> (дата обращения: 03.08.2022). – Текст: электронный.
6. Алексеев, И.С. Об элементарной клеточке системно-структурного исследования / И.С. Алексеев. – Текст: непосредственный // Проблемы исследования систем и структур. – 1965. – С. 29-31.
7. Алексеев, П.В. Философия / П.В. Алексеев, А.В. Панин. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2005. – 608 с. – Текст: непосредственный.
8. Алефиренко, Н.Ф. Когнитивная лингвистика: предпосылки, предмет, категории / Н.Ф. Алефиренко. – Текст: непосредственный // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2008. – Т. 1, № 2. – С. 75-78.
9. Алефиренко, Н.Ф. Общее языкознание. История и теория языка / Н.Ф. Алефиренко. – М.: Азбуковник, 2013. – 310 с. – Текст: непосредственный.

10. Алисова, Т.Б. Введение в романскую филологию: учебник / Т.Б. Алисова, Т.А. Репина, М.А. Таривердиева. – М.: Высшая школа, 2007. – 454 с. – Текст: непосредственный.
11. Альбеков, Н.Н. Эмерджентность языковой системы как результат функционирования речевых единиц : автореферат дис. ... доктора филологических наук : 10.02.19 / Альбеков Нурвади Насруддинович; [Место защиты: Башкирский государственный университет]. – Грозный, 2021. – 46 с. – Текст: непосредственный.
12. Амосова, Н.Н. Основы английской фразеологии / Н.Н. Амосова. – Ленинград: Изд-во Ленинградского ун-та, 1963. – 208 с. – Текст: непосредственный.
13. Ананьев, Б.Г. Психология чувственного познания / Б.Г. Ананьев. – М.: Изд-во Академии педагогических наук РСФСР, 1960. – 486 с. – Текст: непосредственный.
14. Антропоцентрическая сущность агнонимов: сайт. – URL: <https://psychology.snauka.ru/2012/11/1227> (дата обращения: 14.08.2022). – Текст: электронный.
15. Апресян, Ю.Д. Лексическая семантика (синонимические средства языка) / Ю.Д. Апресян. – М.: Наука, 1974. – 367 с. – Текст: непосредственный.
16. Апресян, Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка / Ю.Д. Апресян. – М.: «Языки русской культуры», 1995. – 472 с. – Текст: непосредственный.
17. Араевой, Л.А. Кемеровская дериватологическая школа: Традиции и новаторство / Л.А. Араевой. – М.: ЛЕНАНД, 2011. – 400 с. – Текст: непосредственный.
18. Аристотель. Метафизика: сайт. – URL: <https://www.litres.ru/aristotel/metafizika/chitat-onlayn/> (дата обращения: 08.12.2021). – Текст: электронный.

19. Арнольд, И.В. Основы научных исследований в лингвистике: учеб. Пособие / И.В. Арнольд. – М.: Высшая школа, 1991. – 140 с. – Текст: непосредственный.
20. Арнольд, И.В. Современные лингвистические теории взаимодействия системы и среды / И.В. Арнольд. – Текст: непосредственный // Семантика. Стилистика. Интертекстуальность: Сборник статей. – 1999. – С. 92-105.
21. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с. – Текст: непосредственный.
22. Аскарлова, В.Я. О принципах выявления разумной достаточности эмпирического материала в книговедческих исследованиях / В.Я. Аскарлова. – Текст: непосредственный. // Библиосфера. – 2006. – №2. – С.31-35.
23. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – М.: Сов. энц., 1966. – 607 с. – Текст: непосредственный.
24. Ахманова, О.С. Словарь омонимов русского языка / О.С. Ахманова. – М.: Сов. Энциклопедия, 1974. – 448 с. – Текст: непосредственный.
25. Бабенко, Л.Г. Типология ментальных слияний в структуре комплексных эмотивных концептов / Л.Г. Бабенко. – Текст: непосредственный // Когнитивные исследования языка. – 2019. – Вып. XXXVII. – С. 32-37.
26. Бабенко, Л.Г. Толковый словарь русских глаголов: идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / Под ред. Л.Г. Бабенко. – М.: Аст-Пресс, 1999. – 704 с. – Текст: непосредственный.
27. Бабина, Л.В. К вопросу о словообразовательной категоризации / Л.В. Бабина. – Текст: непосредственный // Когнитивные исследования языка. – 2010. – Вып. VII. – С. 422-433.
28. Бабина, Л.В. Концептуальные основы словообразования / Л.В. Бабина. – Текст: непосредственный // Когнитивные исследования языка. – 2009. – Вып. IV. – С. 128-149.
29. Бабина, Л.В. Словообразовательная категоризация / Л.В. Бабина, И.Ю. Макарова. – Текст: непосредственный // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2012. – № X. – С. 216-237.

30. Бабина, Л.В. Теория фреймов и термин «скетч-фрейм» / Л.В. Бабина. – Текст: непосредственный // Принципы и методы когнитивных исследований языка. – 2008. – С. 156-167.
31. Бабина, Л.В. Оценочный потенциал двухкомпонентных сложных слов, репрезентирующих знания о человеке / Л.В. Бабина, А.Ю. Феденко. – Текст: непосредственный // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2015. – № 1. – С.41-49.
32. Бабина, Людмила Владимировна. Вторичная репрезентация концептов в языке : автореферат дис. ... доктора филологических наук : 10.02.04, 10.02.19 / Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина. – Тамбов, 2003. – 38 с. – Текст: непосредственный.
33. Бабушкин, А.П. Концепты разных типов в лексике и фразеологии и методика их выявления / А.П. Бабушкин. – Текст: непосредственный // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – 2001. – С. 52-58.
34. Бабушкин, А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка / А.П. Бабушкин. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1996. – 104 с. – Текст: непосредственный.
35. Базылев, В.Н. Несистемно-теоретический подход к языку / В.Н. Базылев. – Текст: непосредственный // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2005. – № 3(4). – С.97-107.
36. Балаганский, И.А. Прикладной системный анализ: учебное пособие / И.А. Балаганский. – Новосибирск: НГТУ, 2000. – 51 с. – Текст: непосредственный.
37. Барамыгина, И.Б. Семантика и синтаксис предикатов состояния, отношения и оценки / И.Б. Барамыгина. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2007. – 251 с. – Текст: непосредственный.
38. Баранов, А.Н. Постулаты когнитивной семантики / А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский. – Текст: непосредственный // ИРАН СЛЯ. – 1997. – Т.56, №1. – С. 11-21.
39. Батоврин, В.К. Толковый словарь по системной и программной инженерии / В.К. Батоврин. – М.: ДМК Пресс, 2012. – 280 с. – Текст: непосредственный.

40. Бейтс, Э. Интенции, конвенции и символы / Э. Бейтс. – Текст: непосредственный // Психолингвистика: Сб. статей. – 1984. – С. 50-102.
41. Белошапковой, В.А. Современный русский язык: Учеб. для филол. спец. высш.уч. заведений / Под ред. В.А. Белошапковой. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Высшая школа, 1989. – 800 с. – Текст: непосредственный.
42. Беляевская, Е.Г. Применимо ли понятие концептуализации к тексту? / Е.Г. Беляевская. – Текст: непосредственный // Горизонты современной лингвистики: традиции и новаторство. – 2009. – С. 178-186.
43. Беляевская, Е.Г. Текст как пространственная структура (к проблеме уровней категоризации) / Е.Г. Беляевская. – Текст: непосредственный // Когнитивные исследования языка. – 2010. – Вып. VII. – С. 101-109.
44. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – М.: Прогресс, 1974. – 448 с. – Текст: непосредственный.
45. Бенвенист, Э. Уровни лингвистического анализа / Э. Бенвенист. – Текст: непосредственный // Новое в лингвистике. – 1965. – №. IV. – С. 434-449.
46. Берталанфи, Л. Общая теория систем: критический обзор / Л. Берталанфи. – Текст: непосредственный // Исследования по общей теории систем: Сборник переводов. – 1969. – С. 23-82.
47. Беседина, Н.А. Взаимодействие мыслительных и языковых единиц в процессе морфологической репрезентации / Н.А. Беседина. – Текст: непосредственный // Взаимодействие мыслительных и языковых структур: собрание научной школы. – 2010. – С. 34-39.
48. Беседина, Н.А. Когнитивные аспекты интерпретации в морфологии / Н.А. Беседина. – Текст: непосредственный // Когнитивные исследования языка. – 2017. – № XXX. – С. 217-219.
49. Беседина, Н.А. Логико-философская концепция Р.И. Павилёниса и её значимость для современных когнитивных исследований в лингвистике / Н.А. Беседина. – Текст: непосредственный // Филология и человек. – 2008. – № 4. – С. 38-49.

50. Беседина, Н.А. Методологические аспекты современных когнитивных исследований в лингвистике / Н.А. Беседина. – Текст: непосредственный // Научные ведомости БелГУ. – 2010. – № 20, Вып. 14. – С. 31-37.
51. Беседина, Н.А. Роль морфологических категорий в организации языка как когнитивной системы / Н.А. Беседина. – Текст: непосредственный // Когнитивные исследования языка. – 2010. – № VII. – С. 363-371.
52. Биосфера: сайт. – URL: <http://big.archive.ru/biology/biosphere/index.php> (дата обращения: 07.03.2020). – Текст: электронный.
53. Блюмин, А.С. Теория систем и системный анализ: учебник / А.С. Блюмин. – М.: Российский новый университет, 2006. – 112 с. – Текст: непосредственный.
54. Богданов, А.А. Тектология: (Всеобщая организационная наука). В 2-х кн.: Кн.1 / А.А. Богданов. – М.: Экономика, 1989. – 304 с. – Текст: непосредственный.
55. Боднарук, Е.В. Категориальные признаки будущего времени / Е.В. Боднарук. – Текст: непосредственный // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2017. – № 3. – С. 128-134.
56. Бодуэн де Куртенэ, И.А. Языкознание / И.А. Бодуэн де Куртенэ. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. – 392 с. – Текст: непосредственный.
57. Болдырев Н.Н. Фреймовая семантика как метод когнитивного анализа языковых единиц: сайт. –URL: <https://docplayer.ru/28989417-Freymovaya-semantika-kak-metod-kognitivnogo-analiza-yazykovyih-edinic.html> (дата обращения: 10.04.2021). –Текст: электронный.
58. Болдырев, Н.Н. Актуальные задачи когнитивной лингвистики на современном этапе / Н.Н. Болдырев. – Текст: непосредственный // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2013. – № 1. – С. 5-13.
59. Болдырев, Н.Н. Антропоцентрическая сущность языка в его функциях, единицах и категориях / Н.Н. Болдырев. – Текст: непосредственный // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2015. – № 1. – С.5-12.

60. Болдырев, Н.Н. Взаимодействие когнитивных и языковых структур: результаты и перспективы исследования / Н.Н. Болдырев. – Текст: непосредственный // Взаимодействие мыслительных и языковых структур: собрание научной школы: мат-лы Всерос. науч. конф. 28 мая 2010 г. – Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2010. – С. 17-22.

61. Болдырев, Н.Н. Доминантный принцип организации языкового знания / Н.Н. Болдырев. – Текст: непосредственный // Когнитивные исследования языка. – 2019. – № XXXVII. – С. 37-44.

62. Болдырев, Н.Н. Инварианты и прототипы в системной и функциональной категоризации английского глагола / Н.Н. Болдырев. – Текст: непосредственный // Проблемы функциональной грамматики. Семантика инвариативность / вариативность. – 2003. – С. 54-74.

63. Болдырев, Н.Н. Категориальная система языка / Н.Н. Болдырев. – Текст: непосредственный // Когнитивные исследования языка. – 2012. – № X. – С. 17-120.

64. Болдырев, Н.Н. Категориальное пространство языка / Н.Н. Болдырев. – Текст: непосредственный // Филология и культуры: мат-лы V Междунар. науч. конф. 19-21 октября 2005 г. Тамбов: Изд-во ТГУ им Г.Р. Державина, 2005. – С. 27-30.

65. Болдырев, Н.Н. Когнитивная основа лексических категорий и их интерпретирующий потенциал / Н.Н. Болдырев, Л.А. Панасенко. – Текст: непосредственный. // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2013. – № 2. – С. 5-12.

66. Болдырев, Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций / Н.Н. Болдырев. – Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014. – 236 с. – Текст: непосредственный.

67. Болдырев, Н.Н. Когнитивные доминанты речевого взаимодействия / Н.Н. Болдырев, В.С. Григорьева. – Текст: непосредственный // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2018. – № 4. – С.15-24.

68. Болдырев, Н.Н. Когнитивные схемы языковой интерпретации / Н.Н. Болдырев. – Текст: непосредственный // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2016. – № 4. – С. 10-20.
69. Болдырев, Н.Н. Концептуальная деривация как основа вторичной языковой интерпретации / Н.Н. Болдырев. – Текст: непосредственный // Когнитивные исследования языка. – 2018. – № XXXIII. – С. 37-42.
70. Болдырев, Н.Н. Концептуальная основа языка / Н.Н. Болдырев. – Текст: непосредственный. // Когнитивные исследования языка. – 2009. – № IV. – С. 25-77.
71. Болдырев, Н.Н. Языковые категории как формат знания / Н.Н. Болдырев. – Текст: непосредственный // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2006. – № 2. – С. 5-12.
72. Большой толковый словарь русского языка: сайт. – URL: <https://gufo.me/dict/kuznetsov/подмять> (дата обращения: 05.06.2021). – Текст: электронный.
73. Большой энциклопедический словарь: [В 2 т.]. – М.: Сов. энцикл., 1991. – 862 с. – Текст: непосредственный.
74. Бондарко, А.В. Грамматическая категория и контекст / А.В. Бондарко. – Ленинград: Наука, 1971. – 114 с. – Текст: непосредственный.
75. Бондарко, А.В. Теория значения в системе функциональной грамматики: на материале русского языка / А.В. Бондарко. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 736 с. – Текст: непосредственный.
76. Борискина, О.О. О скрытом типе именной категории с точки зрения лексической грамматики / О.О. Борискина. – Текст: непосредственный // Когнитивные исследования языка. – 2010. – № VII. – С. 457-466.
77. Борискина, О.О. Теория языковой категоризации: национальное языковое сознание сквозь призму криптокласса / О.О. Борискина, А.А. Кретов. – Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2003. – 211 с. – Текст: непосредственный.

78. Бороздина, И.С. Лингво-когнитивное моделирование реляционных речевых актов: автореф. дисс. ...канд. филол. наук. Курск, 2012. 49 с. – Текст: непосредственный.
79. Боярская, Е.Л. Полисемия и когнитивный контекст / Е.Л. Боярская. – Текст: непосредственный // Когнитивные исследования языка. – 2014. – № XVI. – С. 265-271.
80. Бронник, Л.В. Язык как система: размышления о природе языка в когнитивно-синергетическом контексте / Л.В. Бронник. – Текст: непосредственный // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2009. – №. 2(36). – С. 12-15.
81. Бронникова, О.В. Интерпретирующий характер грамматической категории времени в английском языке / О.В. Бронникова. – Текст: непосредственный // Когнитивные исследования языка. – 2017. – № XXX. – С. 230-234.
82. Брунер, Дж. Детский разговор: учимся использовать язык / Дж. Брунер. – Нью-Йорк: Нортон, 1983. – 144 с. – Текст: непосредственный.
83. Брунер, Дж. Психология познания: За пределами непосредственной информации / Дж. Брунер. – М.: Прогресс, 1977. – 412 с. – Текст: непосредственный.
84. Буб, А.С. Когнитивная обработка биномиалов русского языка носителями языка и билингвами: дисс ... канд. филол. наук : 10.02.19. Томск, 2019. 184 с. – Текст: непосредственный.
85. Буга, Н.Н. Основы теории связи и передачи данных / Н.Н. Буга. – Ленинград, 1968. – 548 с. – Текст: непосредственный.
86. Будагов, Р.А. Система и антисистема в науке о языке / Р.А. Будагов. – Текст: непосредственный // Вопросы языкознания. – 1978. – № 4. – С. 3-17.
87. Будагов, Р.А. Человек и его язык / Р.А. Будагов. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1974. – 262 с. – Текст: непосредственный.
88. Буданов, В. Методология и принципы синергетики / В. Буданов. – Текст: непосредственный // Філософія освіти. – 2006. – № 1(3). – С. 143-172.

89. Буянова, Л.Ю. Гносеологическая концептуализация мира: снмиотико-терминологический модус / Л.Ю. Буянова. – Текст: непосредственный // Когнитивные исследования языка. 2014. – № XVIII. – С. 206-208.
90. В шотландском языке обнаружился 341 синоним слова «снег»: сайт. – URL: <http://nordenline.ru/britain/1123/> (дата обращения: 08.08.2022). – Текст: электронный.
91. Ван Дейк, Т.А. Язык. Познание. Коммуникация / Т.А. Ван Дейк. – Б.: БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. – 308 с. – Текст: непосредственный.
92. Варфоломеева, И.А. Семиосфера внутреннего мира человека: семантически сопряжённые категории *duty* и *consciousness* в современном английском языке : автореф. дисс. ...канд. филол. наук. Иркутск, 2013. 21 с. – Текст: непосредственный.
93. Васильев, Л.М. Семантическая категория оценки и оценочные предикаты / Л.М. Васильев. – Текст: непосредственный // Исследования по семантике: Семантические категории в русском языке. – 1996. – С. 62-66.
94. Васильев, Л.М. Современная лингвистическая семантика: учебное пособие / Л.М. Васильев. – М.: Высшая школа, 1990. – 175 с. – Текст: непосредственный.
95. Введенская, Л.А. Словарь антонимов русского языка / Л.А. Введенская. – М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2004. – 445 с. – Текст: непосредственный.
96. Вербальные ассоциации в ассоциативном эксперименте: сайт. – URL: <https://libmonster.ru/m/book/view/Вербальные-ассоциации-в-ассоциативном-эксперименте> (дата обращения: 11.02.2020). – Текст: электронный.
97. Вербоцентрический подход к конструкциям и/или грамматика конструкций: сайт. – URL: <https://docplayer.ru/30488437-Verbocentricheskiy-podhod-k-konstrukciyam-i-ili-grammatika-konstrukciy.html> (дата обращения: 20.09.2021). – Текст: электронный.
98. Виноградов, В.А. Всегда ли система системна? / В.А. Виноградов – Текст: непосредственный // Система и уровни языка. – 1969. – С. 249-259.

99. Виноградов, В.А. Когнитивная категоризация мира и грамматика / В.А. Виноградов. – Текст: непосредственный // Когнитивные исследования языка. Вып. VII. Типы категорий в языке: сб. науч. тр. – М.: Ин-т языкознания РАН. – Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2010. – С. 19-25.

100. Виноградова, С.Г. Направленность мышления как фактор выбора сложного предложения в процессе коммуникации / С.Г. Виноградова. – Текст: непосредственный // Когнитивные исследования языка. – 2019. – № XXXVII. – С.414-419.

101. Виноградова, С.Г. Операции ментального конструирования при анализе лексического значения относительных прилагательных / С.Г. Виноградова. – Текст: непосредственный // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2015. – № 3. – С. 80-85.

102. Витгенштейн, Л. Логико-философский трактат / Л. Витгенштейн. – М.: Канон, 2008. – 288 с. – Текст: непосредственный.

103. Войшвилло, Е.К. Понятие / Е.К. Войшвилло. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1967. – 286 с. – Текст: непосредственный.

104. Вольф, Е.М. Субъективная модальность и семантика пропозиции / Е.М. Вольф. – Текст: непосредственный // Логический анализ языка: Прагматика и проблемы интенциональности. – 1988. – С. 124-143.

105. Вольф, Е.М. Функциональная семантика оценки / Е.М. Вольф. – М.: Наука, 1985. – 228 с. – Текст: непосредственный.

106. Всеволодова, М.В. Поля, категории и концепты в грамматической системе языка / М.В. Всеволодова. – Текст: непосредственный // Вопросы языкознания. – 2009. – № 3. – С. 76-99.

107. Выготский, Л.С. Избранные психологические исследования / Л.С. Выготский. – М.: АПН РСФСР, 1956. – 519 с. – Текст: непосредственный.

108. Выготский, Л.С. Мышление и речь / Л.С. Выготский. – М.: Лабиринт, 1999. – 352 с. – Текст: непосредственный.

109. Вяльях, К.Э. Взаимодействие лексических и синтаксических средств эмфатизации в английском и испанском языках / К.Э. Вяльях, Е.Е. Максимова. –

Текст: непосредственный // Когнитивные исследования языка. – 2019. – № XXXVII. – С.429-434.

110. Гагарина, Н.В. Становление функционально-семантического поля аспектуальности в детской речи / Н.В. Гагарина. – Текст: непосредственный // Семантические категории в детской речи. Отв. ред. С.Н. Цейтлин. – 2007. – С. 26-48.

111. Гак, В.Г. Сопоставительная лексикология: На материале фр. и рус. яз. / В.Г. Гак. – М.: Междунар. отношения, 1977. – 264 с. – Текст: непосредственный.

112. Гальперин, И.Р. Текст как объект лингвистического исследования / И.Р. Гальперин. – М.: КомКнига, 2007. – 144 с. – Текст: непосредственный.

113. Гаспаров, Б.М. Язык, память, образ: Лингвистика языкового существования / Б.М. Гаспаров. – М.: Новое литературное обозрение, 1996. – 352 с. – Текст: непосредственный.

114. Герман, И.А. Введение в лингвосинергетику / И.А. Герман, В.А. Пищальникова. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. – 130 с. – Текст: непосредственный.

115. Герман, И.А. Лингвосинергетика / И.А. Герман. – Барнаул: Изд-во Алтайской академии экономики и права, 1999. – 168 с. – Текст: непосредственный.

116. Голованова, Е.И. Введение в когнитивное терминоведение / Е.И. Голованова. – М.: Флинта: Наука, 2011. – 224 с. – Текст: непосредственный.

117. Голованова, Е.И. Лексическая категория как полиаспектное представление в языке фрагмента мира / Е.И. Голованова. – Текст: непосредственный // Когнитивные исследования языка. Вып. VII. Типы категорий в языке: сб. науч. тр. – М.: Ин-т языкознания РАН. – Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2010. – С. 242-251.

118. Гольдберг, В.Б. Виды лексической категоризации как когнитивная основа языковой картины мира / В.Б. Гольдберг. – Текст: непосредственный // Вопросы когнитивной лингвистики: Категоризация мира в языке. – 2012. – № X. – С. 151-173.

119. Гольдберг, В.Б. Динамический аспект лексической оппозиции как когнитивная основа образного сравнения / В.Б. Гольдберг. – Текст: непосредственный // Взаимодействие мыслительных и языковых структур: собрание научной школы: мат-лы Всерос. науч. конф. 28 мая 2010 г. – Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2010. – С. 28-34.

120. Гольдберг, В.Б. Компаративные словосочетания и компаративная категоризация как отражение познания / В.Б. Гольдберг. – Текст: непосредственный // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2007. – № 4. – С. 71-80.

121. Гольдберг, В.Б. Образность как способ концептуализации действительности (на материале образных глагольных сравнений) / В.Б. Гольдберг. – Текст: непосредственный // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2013. – № 1. – С. 64-74.

122. Гольдберг, В.Б. Отражение семиотического и концептуального этапов познания в образном сравнении / В.Б. Гольдберг. – Текст: непосредственный // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2015. – № 1. – С. 25-33.

123. Гольдберг, В.Б. Способы концептуализации в лексике / В.Б. Гольдберг. – Текст: непосредственный // Когнитивные исследования языка. – 2009. – № IV. – С. 97-128.

124. Горбунова, Л.И. Язык как знаковая система особого рода: учебное пособие / Л.И. Горбунова. – Иркутск: Издательство ИГУ, 2013. – 108 с. – Текст: непосредственный.

125. Гражданская поэзия. Словарь литературных терминов сайт. – URL: https://gufo.me/dict/literary_terms/Гражданская_поэзия (дата обращения: 11.10.2020). – Текст: электронный.

126. Грамматика китайского языка. Сайт-справочник по грамматике китайского языка всех уровней международного экзамена *HSK*: сайт. – URL: https://wikihsk.ru/publ/grammatika/hsk_2_ehlementarnaja_grammatika_kitajskogo_jaz_uka/schjotnye_slova_klassifikatory/3-1-0-123 (дата обращения: 17.04.2021). – Текст: электронный.

127. Гринберг, Ч. Меморандум о языковых универсалиях / Ч. Гринберг, Осгуд, Дж. Дженкинс. – Текст: непосредственный // Новое в лингвистике. – 1970. – № 5. – С. 31-44.
128. Гриценко, Е.С. Пропозициональные модели как способ структурирования знаний о гендере / Е.С. Гриценко. – Текст: непосредственный // Вестник ВГУ. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – 2004. – № 2. – С.45-51.
129. Громова, Н.В. Лексико-семантическая разметка именных классов в миноритарном африканском языке: данные языка ндонде / Н.В. Громова, М.Р. Урб. – Текст: непосредственный // Russian Linguistic Bulletin. – 2018. – № 3(15). – С. 4-9.
130. Гуреев, В.А. Естественные концепты и части речи / В.А. Гуреев. – Текст: непосредственный // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2014. – № 4. – С. 92-96.
131. Даль, Э. Возникновение и сохранение языковой сложности / Э. Даль. – М.: URSS, 2009. – 558 с. – Текст: непосредственный.
132. Дворецкий, И.Х. Латинско-русский словарь / И.Х. Дворецкий. – М.: Русский язык, 1976. – 1096 с. – Текст: непосредственный.
133. Демьянков, В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода / В.З. Демьянков. – Текст: непосредственный // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4. – С.17-33.
134. Денисенко, В.Н. Семантическое поле как функция / В.Н. Денисенко. – Текст: непосредственный // Филологические науки. – 2004. – № 2. – С. 44-52.
135. Дзюба, Е.В. Лингвокогнитивная категоризация в русском языковом сознании: монография / Е.В. Дзюба. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2015. – 286 с. – Текст: непосредственный.
136. Дзюба, Е.В. Маркеры интеллектуальной градуированности в русском языке / Е.В. Дзюба. – Текст: непосредственный // Вестник Томского государственного университета. – 2012. – С. 20-25.

137. Егорова, Т.В. Словарь иностранных слов современного русского языка / Т.В. Егорова. – М.: «Аделант», 2014. – 800 с. – Текст: непосредственный.

138. Ейгер, Г.В. Языковое сознание и механизм контроля языковой правильности речи / Г.В. Ейгер. – Текст: непосредственный // Тезисы IX Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации: Языковое сознание. – М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1988. – С. 59-60.

139. Жеребило, Т.В. Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е, испр. и доп. / Т.В. Жеребило. – Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. – 486 с. – Текст: непосредственный.

140. Животные умеют считать и использовать ноль – насколько хорошо они обращаются с числами?: сайт. – URL: <https://habr.com/ru/post/580788/> (дата обращения: 13.08.2022). – Текст: электронный.

141. Жинкин, Н.И. Речь как проводник информации / Н.И. Жинкин. – М.: Наука, 1982. – 159 с. – Текст: непосредственный.

142. Заде, Л. Понятие лингвистической переменной и его применение к принятию приближенных решений / Л. Заде. – Текст: непосредственный // Новое в зарубежной науке. Серия «Математика». – 1976. – № 3. – С. 167.

143. Зайченко, С.С. Концепт как средство реализации семиотико-синергетических особенностей организации художественного дискурса / С.С. Зайченко. – Текст: непосредственный // Вестник Челябинского государственного университета. – 2014. – № 6 (335). – С. 47-50.

144. Зак, С.Е. Качественные изменения и структура / С.Е. Зак. – Текст: непосредственный // Вопросы философии. – № 1. – С.54-55.

145. Залевская, А.А. Введение в психолингвистику / А.А. Залевская. – М.: Российский государственный гуманитарный университет, 1999. – 382 с. – Текст: непосредственный.

146. Залевская, А.А. Психолингвистический подход к проблеме концепта / А.А. Залевская. – Текст: непосредственный // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – 2001. – С. 36-44.

147. Земская, Е.А. Словообразование / Е.А. Земская. – Текст: непосредственный // Современный русский язык: Учеб. для филол. спец. ун-тов. Под ред. В.А. Белошапковой. – 1989. – С. 237-379.

148. Зимняя, И.А. Лингвопсихология речевой деятельности / И.А. Зимняя. – М.: Московский психолого-социальный институт, Воронеж: НПО «МОДЭК», 2001. – 432 с. – Текст: непосредственный.

149. Значение слова «гаджет». Карта слов и выражений русского языка: сайт. – URL: <https://kartaslov.ru/значение-слова/гаджет> (дата обращения: 07.08.2022). – Текст: электронный.

150. Золотова, Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса / Г.А. Золотова. – М.: Наука, 1982. – 368 с. – Текст: непосредственный.

151. Золотова, Н.О. Единицы ядра ментального лексикона человека как «типичные примеры» категории / Н.О. Золотова. – Текст: непосредственный // Когнитивные исследования языка. Вып. VII. Типы категорий в языке: сб. науч. тр. – М.: Ин-т языкознания РАН. – Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2010. – С. 262-268.

152. Зубко, Г.В. Учебник языка фула / Г.В. Зубко. – М.: ИД «Муравей-Гайд». – 256 с. – Текст: непосредственный.

153. Зубкова, Л.Г. Общая теория языка в развитии: учебное пособие / Л.Г. Зубкова. – М.: Изд-во РУДН, 2002. – 472 с. – Текст: непосредственный.

154. Иванова С.В. Лингвокультурологический аспект исследования языковых единиц: дисс... д-ра филол. наук. М.: РГБ, 2005. URL: <http://www.twirpx.com/file/329535/> (дата обращения: 10.03.2022). – Текст: электронный.

155. Ивашкевич, И.Н. Лексическая категоризация / И.Н. Ивашкевич. – Текст: непосредственный // Когнитивные исследования языка. – 2012. – № X. – С. 174-199.

156. Ивашкевич, И.Н. Роль перцептивных и пространственных признаков в метафорическом картировании внутреннего мира человека / И.Н. Ивашкевич. –

Текст: непосредственный // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2016. – № 1. – С. 55-62.

157. Ивин, А.А. Основание логики оценок / А.А. Ивин. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1970. – 229 с. – Текст: непосредственный.

158. Игнатова, В.А. Концепции современного естествознания: учебное пособие / В.А. Игнатова. – Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2005. – 208 с. – Текст: непосредственный.

159. Иерархии материальных систем. Классификация систем: сайт. – URL: <http://partnerstvo.ru/lib/to/node/22> (дата обращения: 05.08.2022). – Текст: электронный.

160. Именные классы // Лингвистический энциклопедический словарь. – 1990. – С. 173-174. – Текст: непосредственный.

161. Инвариантность. Большая советская энциклопедия: сайт. – URL: <https://gufo.me/dict/bse/Инвариантность> (дата обращения: 23.07.2019). Текст: электронный.

162. Инверсия. Большая советская энциклопедия: сайт. – URL: <https://gufo.me/dict/bse/Инверсия> (дата обращения: 03.08.2022). – Текст: электронный.

163. Информационные технологии для госслужащих: сайт. – URL: <http://grachev.distudy.ru/> (дата обращения: 06.03.2019). – Текст: электронный.

164. Ирисханова, О.К. Дефокусирование и категоризация в комплексных лексических единицах / О.К. Ирисханова. – Текст: непосредственный // Когнитивные исследования языка. – 2010. – № VII. – С. 78-93.

165. Ирисханова, О.К. Исследование перспективы в когнитивной лингвистике: проблемы и задачи / О.К. Ирисханова. – Текст: непосредственный // Когнитивные исследования языка. – 2013. – № XIV. – С.92-98.

166. Ирисханова, О.К. Социокогнитивная лингвистика: структуры социальных знаний и проблемы их описания / О.К. Ирисханова. – Текст: непосредственный // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2014. – № 4. – С. 5-18.

167. Казарин, Ю.В. Уральская семантическая школа: история, люди, события / Ю.В. Казарин. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2011. – 348 с. – Текст: непосредственный.
168. Калинина, Л.В. «Типичное» и «неуловимое» как модусные категории языка / Л.В. Калинина, М.А. Трушков. – Текст: непосредственный // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2017. – № 2. – С. 78-89.
169. Калинина, Л.В. Изучение семантики неуловимого как лингвистическая и когнитивная проблема / Л.В. Калинина. – Текст: непосредственный // Вестник Вятского государственного университета. – 2016. – № 3. – С. 63-66.
170. Кант, И. Критика чистого разума / И. Кант. – М.: Мысль, 1994. – 591 с. – Текст: непосредственный.
171. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с. – Текст: непосредственный.
172. Караулов, Ю.Н. Ассоциативные поля и активная грамматика / Ю.Н. Караулов. – Текст: непосредственный // Функциональная семантика (язык, семиотика знаковых систем и методы обучения). – 1997. – Ч. I. – С. 18-20.
173. Караулов, Ю.Н. О предпосылках включения «языковой личности» в объект науки о языке / Ю.Н. Караулов. – Текст: непосредственный // Русский язык и языковая личность. – 2007. – С. 11-27.
174. Карпов, А.В. Язык как система / А.В. Карпов. – Минск: Вышэйшая школа, 1992. – 304 с. – Текст: непосредственный.
175. Карпова, А.А. Когнитивные аспекты изучения устойчивых сравнений / А.А. Карпова. – Текст: непосредственный // Когнитивные исследования языка. – 2013. – № XIV. – С. 551-554.
176. Карцевский, С.О. Об асимметричном дуализме лингвистического знака / С.О. Карцевский. – Текст: непосредственный // История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях. 1965 – Ч. 2. – С. 85-90.

177. Кассирер, Э. Философия символических форм. Том 1. Язык / Э. Кассирер. – М.; СПб.: Университетская книга, 2002. – 272 с. – Текст: непосредственный.
178. Касимова, О.П. Позиционные свойства языковых единиц: дис... д.ф.н.: 10.02.01 – Русский язык. – Уфа. – 2009. – 326 с. – Текст: непосредственный.
179. Кацнельсон, С.Д. Категории языка и мышления / С.Д. Кацнельсон. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 864 с. – Текст: непосредственный.
180. Кацнельсон, С.Д. Общее и типологическое языкознание / С.Д. Кацнельсон. – Ленинград: Наука, 1986. – 298 с. – Текст: непосредственный.
181. Кацнельсон, С.Д. Типология языка и речевое мышление / С.Д. Кацнельсон. – Ленинград: Наука, 1972. – 213 с. – Текст: непосредственный.
182. Кибрик, А.А. Когнитивные исследования по дискурсу / А.А. Кибрик. – Текст: непосредственный // Вопросы языкознания. – 1994. – № 5. – С.126-139.
183. Кибрик, А.Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания (универсальное, типовое и специфичное в языке) / А.Е. Кибрик. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 336 с. – Текст: непосредственный.
184. Кильдибекова, Т.А. Функционально-когнитивный словарь русского языка / Т.А. Кильдибекова, Г.В. Гафарова. – Уфа: Башк. гос. ун-т, 1998. – 120 с. – Текст: непосредственный.
185. Киселёва, С.В. Когнитивная лингвистика в русле парадигмы современных знаний / С.В. Киселёва. – Текст: непосредственный // Диалог Культур – Наука в обществе знания: сборник научных трудов международной научно-практической конференции, 2010. – С. 199-201.
186. Классификация систем: сайт. – URL: <http://www.market-journal.com/sistemnyj analiz/10.html> (дата обращения: 07.07.2019). – Текст: электронный.
187. Климов, Г.А. Фонема и морфема. К проблеме лингвистических единиц / Г.А. Климов. – М.: Наука, 1967. – 126 с. – Текст: непосредственный.
188. Князева, Е.Н. 30 лет синергетике / Е.Н. Князева. – Текст: непосредственный // Вопросы философии. – 2000. – № 3. – С. 53-61.

189. Князева, Е.Н. Конструирование в коммуникативных системах / Е.Н. Князева. – Текст: непосредственный // Философия науки и техники. – 2012. – Т.17. – С. 84-97.
190. Кобозева, И.М. Лингвистическая семантика / И.М. Кобозева. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 352 с. – Текст: непосредственный.
191. Когнитивная лингвосинергетика – новый этап в науке о языке и мышлении: сайт. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kognitivnaya-lingvosinergetika-novyyu-etap-v-nauke-o-yazyke-i-myshlenii> (дата обращения: 05.02.2020). – Текст: электронный.
192. Когнитивная наука: основы психологии познания: сайт. – URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/velich/01.php (дата обращения: 12.10.2021). – Текст: электронный.
193. Козинец, С.Б. Утрата первичного значения производного слова как фактор развития словообразовательных метафор / С.Б. Козинец. – Текст: непосредственный // Известия Саратовского университета. – 2009. – Т. 9, Вып. 1, Сер. Филология. Журналистика. – С.18-27.
194. Козырев, В.А. Русский язык и культура речи. Современная языковая ситуация: учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры. 2-е изд., испр. и доп. / В.А. Козырев, В.Д. Черняк. – М.: Издательство Юрайт, 2019. – 167 с. – Текст: непосредственный.
195. Колшанский, Г.В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке / Г.В. Колшанский. – М.: АН СССР. Ин-т языкознания. Наука, 1975. – 231 с. – Текст: непосредственный.
196. Комарова, З.И. Технология научных исследований в системной методологии современной лингвистики: учебное пособие / З.И. Комарова. – Екатеринбург: УрГПУ, 2016. – 209 с. – Текст: непосредственный.
197. Комлев, Н.Г. Словарь иностранных слов / Н.Г. Комлев. – М.: ЭКСМО, 2006. – 667 с. – Текст: непосредственный.

198. Корейские числительные. How to study Korean: сайт. – URL: <https://www.howtostudykorean.com/unit1/unit-1-lessons-9-16/unit-1-lesson-10/russian/> (дата обращения: 11.08.2022). – Текст: электронный.

199. Корнилов, О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов / О.А. Корнилов. – М.: КДУ, 2013. – 348 с. – Текст: непосредственный.

200. Косериу, Э. Синхрония, диахрония и история / Э. Косериу. – Текст: непосредственный // Новое в лингвистике. – 1963. – Вып. III. – С. 143-343.

201. Кошелев, А.Д. О качественном отличии человека от антропоида / А.Д. Кошелев. – Текст: непосредственный // Разумное поведение и язык. – 2008. – № 1. – С. 193-231.

202. Кравец, А.С. Топологическая структура смысла / А.С. Кравец. – Текст: непосредственный // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – 2001. – С. 17-25.

203. Кравченко, А.В. Когнитивная лингвистика сегодня: интеграционные процессы и проблема метода / А.В. Кравченко. – Текст: непосредственный // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – С. 37-52.

204. Кравченко, А.В. Что такое «языковая деятельность», по У. Матуране? / А.В. Кравченко. – Текст: непосредственный // STUDIA LINGUISTICA COGNITIVA. – 2013. – С. 19-41.

205. Крайнюченко, И.В. Системное мировоззрение. Теория и анализ: Учебник для вузов / И.В. Крайнюченко, В.П. Попов. – Пятигорск.: ИНЭУ, 2005. – 218 с. – Текст: непосредственный.

206. Красных, В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В.В. Красных. – М.: Гнозис, 2003. – 375 с. – Текст: непосредственный.

207. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина. – М.: Филол. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1997. – 245 с. – Текст: непосредственный.

208. Крофт, У. Когнитивная лингвистика / У. Крофт, Д.А. Круз. – Кембридж: Издательство Кембриджского университета, 2004. – 356 с. – Текст: непосредственный.
209. Крысин, Л.П. Языковая норма и речевая практика / Л.П. Крысин. – Текст: непосредственный // Отечественные записки. – 2005. – №2. – С. 2-15.
210. Кубрякова, Е.С. В поисках сущности языка: Когнитивные исследования / Е.С. Кубрякова. – М.: Языки славянской культуры; Знак, 2012. – 208 с. – Текст: непосредственный.
211. Кубрякова, Е.С. О понятиях языковой системы и структуры языка / Е.С. Кубрякова, Г.П. Мельников. – Текст: непосредственный // Общее языкознание. Внутренняя структура языка. – 1972. – С. 8-92.
212. Кубрякова, Е.С. Обеспечение речевой деятельности и проблемы внутреннего лексикона / Е.С. Кубрякова. – Текст: непосредственный // Человеческий фактор в языке: язык и порождение речи. – 1991. – С. 4-21.
213. Кубрякова, Е.С. Образы мира в сознании человека и словообразовательные категории как их составляющие / Е.С. Кубрякова. – Текст: непосредственный // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 2006. – Т.65, № 2. – С. 3-13.
214. Кубрякова, Е.С. Размышления о судьбах когнитивной лингвистики на рубеже веков / Е.С. Кубрякова. – Текст: непосредственный // Вопросы филологии. – 2001. – № 1(7). – С. 28-34.
215. Кубрякова, Е.С. Семантика в когнитивной лингвистике (о концепте контейнера и формах его объективации в языке) / Е.С. Кубрякова. – Текст: непосредственный // Известия АН. СЛЯ. – 1999. – Т. 58, № 6. – С. 15-45.
216. Кубрякова, Е.С. Язык и знание / Е.С. Кубрякова. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с. – Текст: непосредственный.
217. Кудрина, Н.А. Концептуализация в научном тексте / Н.А. Кудрина. – Текст: непосредственный // Когнитивные исследования языка. – 2009. – № IV. – С. 337-369.

218. Кузнецов, С.А. Большой толковый словарь русского языка / С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2000. – 1536 с. – Текст: непосредственный.
219. Кузнецова, Э.В. Язык в свете системного подхода: учебное пособие / Э.В. Кузнецова. – Свердловск: УрГУ. – 95 с. – Текст: непосредственный.
220. Кустова, Г.И. О семантическом потенциале слов энергетической и экспериенциальной сферы / Г.И. Кустова. – Текст: непосредственный // Вопросы языкознания. – 2005. – №3. – С. 53-79
221. Кэйго – вежливая речь на японском языке. Онлайн-школа японского языка Дарьи Мойнич: сайт. – URL: <http://nihon-go.ru/keygo-neotemlemaya-chast-yaponskoy-rechi-i-kulturyi-yaponskaya-vezhlivost-i-ee-osobennosti/> (дата обращения: 09.08.2022). – Текст: электронный.
222. Лагута, О.Н. Логика и лингвистика / О.Н. Лагута. – Новосибирск: Новосибирск. гос. ун-т, 2000. – 116 с. – Текст: непосредственный.
223. Лайонз, Дж. Введение в теоретическую лингвистику / Дж. Лайонз. – М.: Прогресс, 1978. – 544 с. – Текст: непосредственный.
224. Лакофф, Дж. Женщины, огонь и опасные вещи / Дж. Лайонз. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 792 с. – Текст: непосредственный.
225. Лакофф, Дж. Мышление в зеркале классификаторов / Дж. Лайонз. – Текст: непосредственный // Новое в зарубежной лингвистике. – 1988. – № XXII. – С. 12-21.
226. Лапшина, М.Н. Семантическая эволюция английского слова: изучение лексики в когнитивном аспекте / М.Н. Лапшина. – СПб: Изд-во С.-Петербур. Ун-та, 1998. – 159 с. – Текст: непосредственный.
227. Ласло, Э. Введение в системную философию: к новой парадигме современной мысли / Э. Ласло. – Нью-Йорк: Gordon and Breach, 1972. – 113 с. – Текст: непосредственный.
228. Леви-Стросс, К. Первобытное мышление / К. Леви-Стросс. – М.: ТЕРРА-Книжный клуб; Республика, 1999. – 392 с. – Текст: непосредственный.

229. Левицкий, А.Э. Проблема частей речи в аспекте категоризации языковых единиц / А.Э. Левицкий. – Текст: непосредственный // Когнитивные исследования языка. – 2010. – № VII. – С. 110-118.
230. Леонтьев, А.Н. Избранные психологические произведения: В 2-х т. Т. I / А.Н. Леонтьев. – М.: Педагогика, 1983. – 392 с. – Текст: непосредственный.
231. Леонтьев, А.Н. Проблемы развития психики. 4-е изд / А.Н. Леонтьев. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. – 584 с. – Текст: непосредственный.
232. Лещёва, Л.М. Лексическая полисемия в когнитивном аспекте / Л.М. Лещёва. – М.: Языки славянской культуры; Знак, 2014. – 254 с. – Текст: непосредственный.
233. Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Сов. энцикл., 1990. – 682 с. – Текст: непосредственный.
234. Лингвистический энциклопедический словарь: сайт. – URL: <http://tapemark.narod.ru/les/> (1990) (ЛЭС) (дата обращения: 03.02.2022). – Текст: электронный.
235. Лосев, А.Ф. Диалектика мифа / А.Ф. Лосев. – М.: Правда, 1990. – 456 с. – Текст: непосредственный.
236. Лосев, А.Ф. О бесконечной смысловой валентности языкового знака / А.Ф. Лосев. – М.: Знак. Символ. Миф. Изд-во Моск. ун-та, 1982. – 480 с. – Текст: непосредственный.
237. Лукина, К.Е. Когнитивные основы отадъективных субстантивов, объективирующих концепт *artefact* / К.Е. Лукина. – Текст: непосредственный // Когнитивные исследования языка. – 2020. – № 3(42). – С. 150-155.
238. Лурия, А.Р. Язык и сознание / А.Р. Лурия. – М.: Изд-во МГУ, 1998. – 336 с. – Текст: непосредственный.
239. Львов, М.Р. Словарь антонимов русского языка / М.Р. Львов. – М.: Рус. яз., 1988. – 384 с. – Текст: непосредственный.
240. Магировская, О.В. Уровни концептуализации в языке / О.В. Магировская. – Текст: непосредственный // Когнитивные исследования языка. – 2009. – № IV. – С. 78-96.

241. Манаенко, Г.Н. Категоризация и классификация в синтаксисе предложения / Г.Н. Манаенко. – Текст: непосредственный // Когнитивные исследования языка. Вып. VII. Типы категорий в языке: сб. науч. тр. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2010. – С. 397-406.

242. Манаенко, Г.Н. Соотношение концепт – значение языкового выражения / Г.Н. Манаенко. – Текст: непосредственный // Научный диалог. – 2012. – № 3. – С. 24-32.

243. Манерко, Л.И. Воплощение научной мысли и виды концептуальной информации в профессиональном дискурсе / Л.И. Манерко. – Текст: непосредственный // Когнитивные исследования языка. – 2013. – № XIV. – С. 465-472.

244. Мартине, А. Основы общей лингвистики / А. Мартине. – Текст: непосредственный // Новое в лингвистике. – 1963. – № 3. – С. 366-566.

245. Маслов, Ю.С. Введение в языкознание / Ю.С. Маслов. – М.: Высшая школа, 1975. – 328 с. – Текст: непосредственный.

246. Маслов, Ю.С. Об основных и промежуточных ярусах в структуре языка / Ю.С. Маслов. – Текст: непосредственный // Вопросы языкознания. – 1968. – №4. – С. 69-79.

247. Маслов, Ю.С. Очерк болгарской грамматики / Ю.С. Маслов. – М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1956. – 287 с. – Текст: непосредственный.

248. Маслова, А.Ю. Введение в прагмалингвистику / А.Ю. Маслова. – М.: Флинта: Наука, 2007. – 150 с. – Текст: непосредственный.

249. Маслова, В.А. Введение в когнитивную лингвистику / В.А. Маслова. – М.: Флинта: Наука, 2004. – 152 с. – Текст: непосредственный.

250. Маслова, Ж.Н. Категории и процессы категоризации в поэтической картине мира / Ж.Н. Маслова. – Текст: непосредственный // Когнитивные исследования языка. – 2012. – № X. – С. 359-383.

251. Маслова, Ж.Н. Концептуализация в поэтическом тексте / Ж.Н. Маслова. – Текст: непосредственный // Когнитивные исследования языка. – 2009. – № IV. – С. 370-397.
252. Маслова, Ж.Н. Проекция как механизм объединения объектов разной природы в языке / Ж.Н. Маслова. – Текст: непосредственный // Когнитивные исследования языка. – 2015. – № XXI. – С. 231-235.
253. Машиностроение. Толковый словарь терминов: сайт. – URL: <http://sl3d.ru/> (дата обращения: 12.08.2021). – Текст: электронный.
254. Меликян, В.Ю. Грамматика конструкций VS синтаксическая фразеология / В.Ю. Меликян, А.В. Меликян, В.В. Посиделова. – Текст: непосредственный // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2021. – № 2. – С. 46-64.
255. Меликян, В.Ю. Фразеосхема как особый формат языкового знания / В.Ю. Меликян, А.В. Меликян, В.В. Посиделова. – Текст: непосредственный // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2020. – № 3. – С. 43-55.
256. Мельников, Г.П. Системная лингвистика и её отношение к структурной / Г.П. Мельников. – Текст: непосредственный // Проблемы языкознания: Доклады и сообщения советских учёных на X Международном конгрессе лингвистов. – М.: Наука, 1967. С.98-102.
257. Мельников, Г.П. Системология и языковые аспекты кибернетики / Г.П. Мельников. – М.: Советское радио, 1978. – 378 с. – Текст: непосредственный.
258. Мельников, Г.П. Язык как система и языковые универсалии / Г.П. Мельников. – Текст: непосредственный // Системные исследования. Ежегодник. – 1972. – С. 183-204.
259. Мельничук, А.С. Понятия системы и структуры языка в свете диалектического материализма / А.С. Мельничук. – Текст: непосредственный // Вопросы языкознания. – 1970. – №1. – С. 19-32.
260. Мелюхин, С.Т. Избранные труды. Наследие и современность. В 3-х тт. Том 2. Философская онтология / С.Т. Мелюхин. – М.: Савин С.А., 2010. – 455 с. – Текст: непосредственный.

261. Мечковская, Н.Б. Семиотика. Язык. Природа. Культура: курс лекций / Н.Б. Мечковская. – М.: Академия, 2007. – 428 с. – Текст: непосредственный.

262. Мещанинов, И.И. Члены предложения и части речи / И.И. Мещанинов. – Ленинград: Наука, 1978. – 387 с. – Текст: непосредственный.

263. Мещерякова, О.А. Художественный перцептивный концепт как ментальное образование особого типа / О.А. Мещерякова. – Текст: непосредственный // Когнитивные исследования языка. – 2013. – № XIV. – С. 811-815.

264. Минский, М. Фреймы для представления знаний / М. Минский. – М.: Энергия, 1979. – 151 с. – Текст: непосредственный.

265. Миронова, Д.М. Лингвокогнитология & системология: интегративность in actu (теоретический и методологический аспекты сопряжения) / Д.М. Миронова. – Текст: непосредственный // Дискурс. – 2022. – Т. 8, № 4. – С. 122-135.

266. Миронова, Д.М. Об идентификации системной онтологии носителями современного русского языка: лингвокогнитивное исследование / Д.М. Миронова. – Текст: непосредственный // Когнитивные исследования языка. – 2022а. – № 4(51). – С. 736-741.

267. Миронова, Д.М. Концептуальные основы репрезентации системы в русском языковом сознании: монография / Д.М. Миронова. – Курск: ЮЗГУ, 2019. – 260 с. – Текст: непосредственный.

268. Миронова, Д.М. От абстрактного к конкретному: исследование образной концептуализации системы в русском языковом сознании / Д.М. Миронова. – Текст: непосредственный // Когнитивные исследования языка. – 2019а. – Вып. XXXVII. – С. 261-267.

269. Миронова, Д.М. Об актуализации концепта СИСТЕМА в дискурсе поэзии: опыт комплексного анализа / Д.М. Миронова. – Текст: непосредственный // Когнитивные исследования языка. – 2018. – Вып. XXXIII. – С. 306-311.

270. Миронова, Д.М. О комплексном анализе дискурсивной репрезентации концепта СИСТЕМА / Д.М. Миронова. – Текст: непосредственный // Когнитивные исследования языка. – 2017. – Вып. XXX. – С. 601-605.

271. Миронова, Д.М. К изучению интуитивной концептуализации системности в зеркале русских поговорок / Д.М. Миронова. – Текст: непосредственный // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. – 2015. – № 1 (31). – С. 169-173.

272. Миронова, Д.М. Метафоризация как источник формирования образного компонента концепта СИСТЕМА в русском языковом сознании (на материале ключевого имени концепта) / Д.М. Миронова. – Текст: непосредственный // Когнитивные исследования языка. – 2013. – Вып. XIV. – С. 890-895.

273. Митрошкина, Т.В. Английские фразовые глаголы: учебный справочник / Т.В. Митрошкина. – Минск: ТетраСистемс, 2011. – 96 с. – Текст: непосредственный.

274. Михалёва, О.Л. Политический дискурс: Специфика манипулятивного воздействия / О.Л. Михалёва. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 256 с. – Текст: непосредственный.

275. Моделирование и элементы системологии: учеб. пособие: сайт. – URL: <http://информатика.1сентября.рф/2000/3/art/chub.htm> (дата обращения: 23.03.2019). – Текст: электронный.

276. Монизм как принцип диалектической логики: сайт. – URL: <https://www.rulit.me/books/monizm-kak-princip-dialekticheskoy-logiki-read-173911-85.html> (дата обращения: 10.11.2019). – Текст: электронный.

277. Морковкин, В.В. Основные функции лексических единиц / В.В. Морковкин. – Текст: непосредственный // Вестник РУДН, сер. Вопросы образования: языки и специальность. – 2007. – №1. – С. 43-51.

278. Москальчук, Г.Г. Структура текста как синергетический процесс / Г.Г. Москальчук. – М.: Едиториал, 2003. – 296 с. – Текст: непосредственный.

279. Музыкальная композиция // ДоМиФа: сайт. – URL: <https://domifa.ru/rubriki/terminy/134-muzykalnaya-kompozitsiya> (дата обращения: 12.10.2021). – Текст: электронный.

280. Муратов, А.С. Синергизм и эмерджентность: генезис их гармонизации в экономике и управлении / А.С. Муратов, И.П. Поварич. – Текст: непосредственный // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2012 № 1. – С. 271-275.

281. Мюррей, Ю.В. Большая книга русских пословиц и поговорок и их английских аналогов / Ю.В. Мюррей. – М.: АСТ; СПб.: Сова, 2008. – 252 с. – Текст: непосредственный.

282. Найссер, У. Познание и реальность: Смысл и принципы когнитивной психологии / У. Найссер. – М.: Прогресс, 1981. – 232 с. – Текст: непосредственный.

283. Налимов, В.В. Вероятностная модель языка. О соотношении естественных и искусственных языков / В.В. Налимов. – М.: Наука, 1979. – 303 с. – Текст: непосредственный.

284. Наука глазами системолога: сайт. – URL: <http://www.humanism.ru/sistemolog.htm> (дата обращения: 06.03.2019). – Текст: электронный.

285. Национальный корпус русского языка: сайт. – URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (НКРЯ) (дата обращения: 15.06.2022). – Текст: электронный.

286. Нефёдова, Л.А. Сопоставительное изучение фразеологизмов в когнитивном аспекте / Л.А. Нефёдова, Е.О. Шаповалова. – Текст: непосредственный // Когнитивные исследования языка. – 2014. – Вып. XVIII. – С. 728-730.

287. Никитин, М.В. Курс лингвистической семантики / М.В. Никитин. – СПб.: Научный центр проблем диалога, 1996. – 760 с. – Текст: непосредственный.

288. Никитина, А.Ф. Экономический словарь / А.Ф. Никитина. – М.: «ОЛМА-ПРЕСС Образование», 2006. – 627 с. – Текст: непосредственный.

289. Новик И.Б. О моделировании сложных систем. М.: Мысль, 1965. 335 с. – Текст: непосредственный.
290. Новиков, Л.А. Избранные труды. Т. I. Проблемы языкового значения / Л.А. Новиков. – М.: РУДН, 2001. – 672 с. – Текст: непосредственный.
291. Новикова, Л.А. Словарь антонимов русского языка / Под ред. Л.А. Новикова. – М.: Рус. яз., 1988. – 381 с. – Текст: непосредственный.
292. Новодранова, В.Ф. Специфика структуры грамматической категории: традиционный и когнитивный аспекты (на материале категории рода) / В.Ф. Новодранова. – Текст: непосредственный // Когнитивные исследования языка. Вып. VII. Типы категорий в языке: сб. науч. тр. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2010. – С. 339-345.
293. Новосельцев В.И. Системный анализ: современные концепции / В.И. Новосельцев. – Воронеж: Изд-во «Кварта», 2002. – 320 с. – Текст: непосредственный.
294. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: сайт. – URL: <https://www.efremova.info/> (дата обращения: 05.08.2022). – Текст: электронный.
295. Новый словообразовательный словарь русского языка для всех, кто хочет быть грамотным: сайт. – URL: <https://grammatika-rus.ru/wp-content/uploads/2020/02/Tihonov-A.-N.-Novyj-slovoobrazovatelnyj-slovar-russkogo-yazyka-dlya-vseh-kto-hochet-byt-gramotnym-2014.pdf> (дата обращения: 13.08.2022). – Текст: электронный.
296. Норман, Б.Ю. Когнитивный процесс и композиционная семантика / Б.Ю. Норман. – Текст: непосредственный // Когнитивные исследования языка. – 2019. – Вып. XXXVII. – С.510-515.
297. О вкусном и здоровом выступлении // Молодёжный интернет-журнал МГУ: сайт. – URL: <https://www.taday.ru/text/1608301.html> (дата обращения: 09.09.2022). – Текст: электронный.

298. О когнитивной лингвистике и семантике термина “когнитивный”: сайт. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-kognitivnoy-lingvistike-i-semantike-termina-kognitivnyu> (дата обращения: 18.04.2021). – Текст: электронный.

299. О кодовых переходах во внутренней речи: сайт. – URL: <http://philology.ru/linguistics1/zhinkin-64.htm> (дата обращения: 05.10.2021). – Текст: электронный.

300. Облако, озеро, башня: сайт. – URL: <https://www.litmir.me/br/?b=65591&p=1> (дата обращения: 09.09.2022). – Текст: электронный.

301. Обратная связь // Большая советская энциклопедия: сайт. – URL: [https://gufo.me/dict/bse/Обратная связь](https://gufo.me/dict/bse/Обратная_связь) (дата обращения: 05.09.2019). – Текст: электронный.

302. Общая психология: сайт. – URL: https://bookap.info/genpsy/maklakov_obshchaya_psihologiya/gl13.shtm (дата обращения: 11.03.2020). – Текст: электронный.

303. Общая теория социального и психологического взаимодействия: Ценности, борьба за существование и естественный отбор в процессах функционирования личности и социума: сайт. – URL: <http://hpsy.ru/public/x6524.htm> (дата обращения: 25.08.2021). – Текст: электронный.

304. Общие понятия систем. Классификации систем: сайт. – URL: http://www.hanadeeva.ru/teoria_organizacia/kyrs_leczi/vopros_2.1/index.html (дата обращения: 23.09.2019). – Текст: электронный.

305. Овчинников, Н.Ф. Категория структуры в науках о природе / Н.Ф. Овчинников. – Текст: непосредственный // Структура и формы материи. – 1967. – С.11-67.

306. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М.: ООО «ИТИ Технологии», 2003. – 944 с. – Текст: непосредственный.

307. Олизько, Н.С. Синергетика языка / Н.С. Олизько. – Текст: непосредственный // Вестник Челябинского государственного университета. – 2015. – № 15(370). – С. 64-68.

308. Осипов, Г.В. Социологический словарь / Г.В. Осипов, Л.Н. Москвичев. – М.: Норма: Инфра-М, 2010. – 608 с. – Текст: непосредственный.

309. Основания системологии феноменального: сайт. – URL: http://loge.narod.ru/sa/system_reconstructions.doc (дата обращения: 23.07.2019). – Текст: электронный.

310. Основы системологии (синергетика в экологии): сайт. – URL: <http://www.ievbras.ru/ecostat/Kiril/Library/Book3/Ea1.htm> (дата обращения: 06.03.2019). – Текст: электронный.

311. От орфографии к агнонимии (к вопросу о причинах орфографических неудач): сайт. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ot-orfografii-k-agnonimii-k-voprosu-o-prichinah-orfograficheskikh-neudach> (дата обращения: 14.08.2022). – Текст: электронный.

312. Павилёнис, Р.И. Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка / Р.И. Павилёнис. – М.: Мысль, 1983. – 286 с. – Текст: непосредственный.

313. Панасенко Л.А. Типология признаков интерпретирующего потенциала лексических категорий (на материале английского языка) / Л.А. Панасенко. – Текст: непосредственный // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2014. – № 3. – С. 31-36.

314. Панасенко, Л.А. Интерпретирующий потенциал лексических категорий : автореферат дис. ... доктора филологических наук : 10.02.04, 10.02.19 / Панасенко Людмила Александровна. Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина. – Тамбов, 2014. – 42 с. – Текст: непосредственный.

315. Панасенко, Л.А. Концептуальное основание лексической категории и интерпретирующий потенциал её единиц / Л.А. Панасенко. – Текст: непосредственный // Когнитивные исследования языка. – 2013. – Вып. XIV. – С. 120-125.

316. Панасенко, Л.А. Проблема взаимодействия лексики и грамматики на функциональном уровне в свете когнитивного подхода к языку (на материале английского языка) / Л.А. Панасенко. – Текст: непосредственный // Взаимодействие мыслительных и языковых структур: собрание научной школы: мат-лы Всерос. науч. конф. 28 мая 2010 г. – Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2010. – С. 202-207.

317. Панова, М.В. Русский язык и советское общество: Лексика современного русского литературного языка / Под ред. М.В.Панова. – М.: Наука, 1968. – 188 с. – Текст: непосредственный.

318. Панфилов, В.З. Гносеологические аспекты философских проблем языкознания / В.З. Панфилов. – М.: Наука, 1982. – 357 с. – Текст: непосредственный.

319. Перегудов, Ф.И. Основы системного анализа: Учеб. 2-е изд., доп. / Ф.И. Перегудов, Ф.П. Тарасенко. – Томск: Изд-во НТЛ, 1997. – 396 с. – Текст: непосредственный.

320. Песина, С.А. Лексический инвариант как содержательное ядро полисеманта / С.А. Песина, О.Л. Латушкина. – Текст: непосредственный // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2014. – № 1. – С. 105-108.

321. Песина, С.А. Лексический инвариант как способ организации словарной статьи / С.А. Песина, О.Л. Латушкина. – Текст: непосредственный // Проблемы, истории, филологии и культуры. – 2016. – № 3(45). – С. 308-310.

322. Песина, С.А. Семантический анализ и репрезентация значений в структуре многозначных слов / С.А. Песина, О.Л. Зимарева. – Текст: непосредственный // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2017. – № 1. – С. 146-154.

323. Песина, С.А. Функционирование слова в процессах мышления и коммуникации / С.А. Песина. – Текст: непосредственный // Когнитивные исследования языка. – 2019. – Вып. VIII. – С. 79-81.

324. Петренко, В.Ф. Психосемантика сознания / В.Ф. Петренко. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988. – 208 с. – Текст: непосредственный.

325. Петрова, Н.Ю. Принципы и стратегии перспективизации в драматическом тексте: дисс... д-ра филол. наук. М.: Ин-т языкознания РАН, 2017. 528 с. – Текст: непосредственный.
326. Петрухина, Е.В. Концептуальный потенциал категории настоящего времени в русском языке: междисциплинарный подход / Е.В. Петрухина. – Текст: непосредственный // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2015. – № 3. – С. 59-71.
327. Пименова, М.В. Естественная категоризация в языке (на примере концептов внутреннего мира) / М.В. Пименова. – Текст: непосредственный // Когнитивные исследования языка. – 2010. – Вып. VII. – С. 119-128.
328. Плоткин, В.Я. Строй английского языка / В.Я. Плоткин. – М.: Высш. шк., 1989. – 240 с. – Текст: непосредственный.
329. Полевые структуры в системе языка. – Воронеж: Изд-во Воронеж. унта, 1989. – 198 с. – Текст: непосредственный.
330. Полянчук, О.Б. Композиционные особенности полисемантического комплексного знака / О.Б. Полянчук. – Текст: непосредственный // Когнитивные исследования языка. – 2014. – Вып. XVIII. – С. 457-459.
331. Пономарёва, О.Б. Семантическая vs концептуальная деривация в субстандартной подсистеме языка / О.Б. Пономарёва. – Текст: непосредственный // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2013. – № 3. – С.107-114.
332. Пономаренко, Е.В. О развитии системного подхода в лингвистике / Е.В. Пономаренко. – Текст: непосредственный // Филологические науки. – 2004. – № 5. – С. 24-33.
333. Понятийные категории // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Сов. энцикл. 1990. – С. 385. – Текст: непосредственный.
334. Попова З.Д. Общее языкознание: учебное пособие / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. – 408 с. – Текст: непосредственный.
335. Попова З.Д. Семантико-когнитивный анализ языка / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж: изд-во «Истоки», 2007. – 250 с. – Текст: непосредственный.
336. Попова, З.Д. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2010. – 314 с. – Текст: непосредственный.

337. Потебня, А.А. Мысль и язык / А.А. Потебня. – Текст: непосредственный // Слово и миф. – 1989. – С. 17-200.

338. Правила японского речевого этикета. Япония: язык и культура (2008): сайт. – URL: http://nnre.ru/kulturologija/japonija_jazyk_i_kultura/p8.php (дата обращения: 09.08.2022). – Текст: электронный.

339. Принципиальные вопросы общей теории функциональных систем: сайт. – URL: <http://www.galactic.org.ua/Prostranstv/anoxin-7-1.htm> (дата обращения: 17.01.2019). – Текст: электронный.

340. Принципы и методы когнитивных исследований языка: сайт. – URL: <https://docplayer.ru/30180440-Principy-i-metody-kognitivnyh-issledovaniy-yazyka.html> (дата обращения: 08.01.2019). – Текст: электронный.

341. Принципы системного подхода: сайт. – URL: <http://mei07.narod.ru/index/0-9> (дата обращения: 07.04.2019). – Текст: электронный.

342. Принципы существования сложных систем: сайт. – URL: http://www.integro.ru/system/ots/princip_ex_sys.htm (дата обращения: 15.05.2019). – Текст: электронный.

343. Пришёл, увидел и ушёл: сайт. – URL: <https://stihi.ru/2017/02/04/5694> (дата обращения: 23.07.2021). – Текст: электронный.

344. Прохоров, Ю.Е. К проблеме «концепта» и «концептосферы» / Ю.Е. Прохоров. – Текст: непосредственный // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей. – 2005. – № 30. – С. 74-94.

345. Пылишин, З.В. То, что умственный глаз говорит мозгу ума: Критика ментальных образов / З.В. Пылишин. – Текст: непосредственный // Психологический вестник. – № 80(1). – С. 1-24.

346. Пятаева, Н.В. Антропоцентрический принцип современного языкознания и понятия картины мира / Н.В. Пятаева. – Текст: непосредственный // Филологический класс. – 2004. Вып.12. С.47-54.

347. Раздужев, А.В. Метафоризация и метонимизация в англоязычной терминологии сферы нанотехнологий: антропоцентрический аспект / А.В.

Раздудев. – Текст: непосредственный // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2017. – № 2. – С.70-77.

348. Разница между trip, travel, journey и другими синонимами // Блог «Инглекс»: сайт. – URL: <https://englex.ru/difference-between-trip-travel-journey-voyage-cruise-tour-hitchhiking/> (дата обращения: 05.08.2022). – Текст: электронный.

349. Распопов, И.П. Система языка и ее уровни / И.П. Распопов. – Текст: непосредственный // Материалы по русско-славянскому языкознанию. – 1976. – С. 134-153.

350. Рассел, Б. Искусство мыслить / Б. Рассел. – М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. – 240 с. – Текст: непосредственный

351. Рахилина, Е.В. Когнитивная семантика: История. Персоналии. Идеи. Результаты / Е.В. Рахилина. – Текст: непосредственный // Семиотика и информатика. – 1998. – № 36. – С. 274-322.

352. Рахилина, Е.В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и соче-таемость / Е.В. Рахилина. – М., 2000. – 415 с. – Текст: непосредственный

353. Рахилина, Е.В. Лингвистика конструкций / Е.В. Рахилина. – М.: «Издательский центр «Азбуковник», 2010. – 584 с. – Текст: непосредственный

354. Рахманкулова, С.Е. Концептуальная метонимия как фактор выбора синтаксической структуры высказывания / С.Е. Рахманкулова. – Текст: непосредственный // Когнитивные исследования языка. – 2020. – № 3(42). – С.719-724.

355. Рачёва, А.А. Дейктические единицы с пространственной семантикой в устном дискурсе: маркирование дискурсивных процессов: автореферат дис. ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Рачёва Александра Андреевна; [Место защиты: Кемер. гос. ун-т]. – Кемерово, 2018. – 22 с. – Текст: непосредственный.

356. Репрезентация знаний в системе языка: сайт. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rezentatsiya-znaniy-v-sisteme-yazyka> (дата обращения: 10.04.2021). – Текст: электронный.

357. Реформатский, А.А. Введение в языковедение / А.А. Реформатский, В.А. Виноградова. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 536 с. – Текст: непосредственный.
358. Реформатский, А.А. Принципы синхронного описания языка / А.А. Реформатский. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1960. – 160 с. – Текст: непосредственный.
359. Реформатский, А.А. Что такое структурализм? / А.А. Реформатский. – Текст: непосредственный // Вопросы языкознания. – 1957. – № 6. – С. 5-25.
360. Руделёв, В.Г. Слово в словаре / В.Г. Руделёв. – Тамбов: ТГУ, 1997. – 74 с. – Текст: непосредственный.
361. Сагатовский, В.Н. Основы систематизации всеобщих категорий / В.Н. Сагатовский. – Томск, 1973. – 432 с. – Текст: непосредственный.
362. Сапфир или GorillaGlass – достоинства и недостатки: сайт. – URL: <https://www.coultury.com/vertu-blog/sapphire-vs-gorillaglass/> (дата обращения: 28.05.2022). – Текст: электронный.
363. Свойства систем: сайт. – URL: <https://holism.narod.ru/Systems/6.htm> (дата обращения: 29.12.2021). – Текст: электронный.
364. Семак, Е.А. Компьютерная лексика в современном русском языке / Е.А. Семак. – Текст: непосредственный // Функционирование русского и белорусского языков в условиях информатизации общества: 55-я юбилейная науч. конф. аспирантов, магистрантов и студентов, Минск, 22-26 апреля 2019 г.: сборник тезисов докладов. – Минск: БГУИР, 2019. – С. 36-38.
365. Семантические универсалии и описание языков: сайт. – URL: https://www.studmed.ru/vezhbickaya-anna-semanticheskie-universalii-i-opisanie-yazykov_c8f8c6b1abf.html (дата обращения: 10.10.2021). – Текст: электронный.
366. Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир. – М.: Прогресс, 1993. – 656 с. – Текст: непосредственный.
367. Сергеева, Л.А. Проблемы оценочной семантики / Л.А. Сергеева. – М.: Изд-во МГОУ, 2003. – 140 с. – Текст: непосредственный.

368. Серебренников, Б.А. Типы мышления / Б.А. Серебренников. – Текст: непосредственный // Роль человеческого фактора в языке. Язык и мышление. – 1988. – С. 188-210.

369. Серебренников, Б.А. Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. – URL: http://samlib.ru/w/wagarow_a_s/serebrennikov.shtml (дата обращения: 14.06.2020). – Текст: электронный.

370. Серова, И.Г. Особенности гендерной категоризации в языке / И.Г. Серова. – Текст: непосредственный // Когнитивные исследования языка. – 2010. – Вып. VII. – С.216-225.

371. Сеченов, И.М. Элементы мысли / И.М. Сеченов. – СПб.: Лениздат, 2014. – 221 с. – Текст: непосредственный.

372. Система // Новая философская энциклопедия: сайт. – URL: <http://iph.ras.ru/elib/2736.html> (дата обращения: 23.02.2019). – Текст: электронный.

373. Система языка: сайт. – URL: <http://feb-web.ru/feb/izvest/1946/02/149.pdf> (дата обращения: 23.09.2019). – Текст: электронный.

374. Системные основы организации // Основные понятия, категории, явления, рассматриваемые теорией организации: сайт. – URL: <http://www.management61.ru/index.php?do=static&page=12teororg> (дата обращения: 20.02.2019). – Текст: электронный.

375. Системный анализ и проектирование: сайт. – URL: <http://victor-safronov.ru/systems-analysis/lectures/zhivickaya/05.html> (дата обращения: 07.04.2019). – Текст: электронный.

376. Системный подход к теории организации: сайт. – URL: <http://partnerstvo.ru/lib/to/node/> (дата обращения: 09.02.2019). – Текст: электронный.

377. Системология // Русская свободная энциклопедия «Традиция»: сайт. – URL: <http://traditio.wiki/Системология> (дата обращения: 09.02.2019). – Текст: электронный.

378. Системы. Системные принципы. Системный подход: сайт. – URL: <http://socionicasys.ru/biblioteka/statji/sistemnij-podhod> (дата обращения: 08.11.2019). – Текст: электронный.

379. Скребцова, Т.Г. Когнитивная лингвистика: курс лекций / Т.Г. Скребцова. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2011. – 256 с. – Текст: непосредственный.

380. Словарь астрономических терминов: сайт. – URL: http://crydee.sai.msu.ru/Universe_and_us/1num/v1pap20.htm (дата обращения: 15.03.2021). – Текст: электронный.

381. Словарь русских говоров Прибайкалья. Вып. I. А-И.: сайт. – URL: https://imwerden.de/pdf/slovar_russkikh_govorov_pribajkalya_vyp1_1986__ocr.pdf (дата обращения: 08.09.2022). – Текст: электронный.

382. Словарь русского языка коронавирусной эпохи. – СПб: ИЛИ РАН, 2021. – 550 с. – Текст: непосредственный.

383. Словарь русского языка: В 4-х томах / Под ред. А.П. Евгеньевой: сайт. – URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/0encys.htm>. (дата обращения: 20.12.2019). – Текст: электронный.

384. Словарь синонимов русского языка – онлайн подбор (на материале словаря синонимов В.Н. Тришина): сайт. – URL: <https://sinonim.org/> (дата обращения: 12.08.2022). – Текст: электронный.

385. Словарь синонимов русского языка / Под общ. ред. Л.Г. Бабенко: сайт. – URL: <https://obuchalka.org/20201001125591/slovar-sinonimov-russkogo-yazika-babenko-1-g.html> (дата обращения: 11.08.2022). – Текст: электронный.

386. Словарь синонимов русского языка; словарь антонимов русского языка. – СПб: ООО «Виктория плюс», 2007. – 320 с. – Текст: непосредственный.

387. Словарь современной лексики жаргона и сленга: сайт. – URL: <https://argo.academic.ru/> (дата обращения: 07.09.2022). – Текст: электронный.

388. Словарь-справочник по социологии / А.А. Акмалова, В.М. Капицын, А.В. Миронов, В.К. Мокшин. – М.: Изд.-торговая корпорация «Дашков и К», 2011. – 304 с. – Текст: непосредственный.

389. Словарь-справочник терминов в области кибербезопасности. – М.: «ООО Сам полиграфист», 2014. – 480 с. – Текст: непосредственный.
390. Словообразование // Русская грамматика: сайт. – URL: <http://rusgram.narod.ru/191-207.html> (РГ-80) (дата обращения: 05.09.2022). – Текст: электронный.
391. Смирницкий, А.И. Лексикология английского языка / А.И. Смирницкий. – М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1956. – 260 с. – Текст: непосредственный.
392. Смирницкий, А.И. Лексическое и грамматическое в слове / А.И. Смирницкий. – М.: изд-во Акад. наук СССР, 1955. – 480 с. – Текст: непосредственный.
393. Солнцев, В.М. Язык как системно-структурное образование / В.М. Солнцев. – М.: Наука, 1977. – 341 с. – Текст: непосредственный.
394. Солодилова, И.А. Оценочность метафорической семантики и способы её описания: пути решения проблемы / И.А. Солодилова. – Текст: непосредственный // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2014. – № 3. – С. 37-46.
395. Соссюр Ф. Труды по языкознанию: переводы с французского языка / Ф. Соссюр, под ред. А.А. Холодовича. – М.: Прогресс, 1977. – 695 с. – Текст: непосредственный.
396. Спивак, Д.Л. Язык в условиях измененного состояния сознания / Д.Л. Спивак. – Текст: непосредственный // Вопросы языкознания. – 1983. – № 5. – С. 43-49.
397. Спиркин, А.Г. Диалектический материализм / А.Г. Спиркин. – М.: Прогресс, 1983. – 343 с. – Текст: непосредственный.
398. Спиркин, А.Г. Основы философии / А.Г. Спиркин. – М.: Политиздат, 1988. – 594 с. – Текст: непосредственный.
399. Становление системного мышления в первой половине XX века: сайт. – URL: <http://www.metodolog.ru/00510/00510.html> (дата обращения: 15.05.2019). – Текст: электронный.

400. Степанов, Ю.С. Основы языкознания / Ю.С. Степанов. – М.: Просвещение, 1966. – 272 с. – Текст: непосредственный.
401. Степанов, Ю.С. Эмиль Бенвенист и лингвистика на пути преобразований / Ю.С. Степанов. – Текст: непосредственный // Общая лингвистика. – 1974. – С.13-17.
402. Степановой, Е.М. Частотный словарь общенаучной лексики / под общ. ред. Е.М. Степановой. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1970. – 87 с. – Текст: непосредственный.
403. Степыкин, Н.И. Анализ ассоциативного поля «Politeness» по данным проекта «Мультилингвальный ассоциативный тезаурус вежливости» / Н.И. Степыкин. – Текст: непосредственный // Научный диалог. – 2022. – Т.11. – № 5. – С. 178-193.
404. Степыкин, Н.И. Исследование психологически реального содержания концепта *cortesia* в итальянском языковом сознании (на материале результатов свободного ассоциативного эксперимента) / Н.И. Степыкин, Д.М. Миронова. – Текст: непосредственный // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. – 2020. – Т.10, № 2. – С. 68-74.
405. Степыкин, Н.И. Мультилингвальный ассоциативный тезаурус вежливости. Часть II. / Н.И. Степыкин, Д.М. Миронова. – Курск: Изд-во ЗАО «Университетская книга», 2021. – 100 с. – Текст: непосредственный.
406. Степыкин, Н.И. Проект мультилингвального ассоциативного тезауруса вежливости: лексикографическое издание / Н.И. Степыкин, Д.М. Миронова. – Курск: Изд-во ЗАО «Университетская книга», 2020. – 205 с. – Текст: непосредственный.
407. Структурная типология и славянское языкознание / М.И. Бурлакова, Т.М. Николаева, Д.М. Сегал, В.Н. Топоров. – М.: Издательство АН СССР, 1962. – 180 с. – Текст: непосредственный.
408. Структурная формулировка законов диалектики: сайт. – URL: <http://lizard.jinr.ru/~tina/Sistema/Kosmos/pereslegin/per158.html> (дата обращения: 14.05.2020). – Текст: электронный.

409. Структурные схемы (типы) простых невопросительных предложений: формальное устройство и семантика // Русская грамматика. Т.2. Синтаксис: сайт. – URL: <http://rusgram.narod.ru/index2.html> (дата обращения: 09.08.2022). – Текст: электронный.

410. Сулейманова, О.А. Основы языковой категоризации мира: пространство, время, причинность и принцип неслучайной связи / О.А. Сулейманова, Н.Н. Беклемешева. – Текст: непосредственный // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2009. – № 3(7). – С. 87-92.

411. Сусов, И.П. Функциональный подход в языкознании и прагмалингвистика / И.П. Сусов. – Текст: непосредственный // Функционально-типологические проблемы грамматики. – 1986. – Ч.2. – С.132-133.

412. Талми, Л. Отношение грамматики к познанию / Л. Талми. – Текст: непосредственный // Вестник Московского университета. – 1999. – № 1. – С.91-115.

413. Тармаева, В.И. Когнитивная гармония и асимметричный знак в повествовательном дискурсе / В.И. Тармаева. – Текст: непосредственный // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. – 2010. – № 3. – С. 7-15.

414. Таюпова, О.И. Категории и признаки текста / О.И. Таюпова. – Текст: непосредственный // Вестник Башкирского университета. – 2011. – Т.16, №4. – С. 1237-1239.

415. Телия, В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В.Н. Телия. – М.: Наука, 1986. – 141 с. – Текст: непосредственный.

416. Телия, В.Н. О феномене воспроизводимости языковых выражений / В.Н. Телия. – Текст: непосредственный // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей. – 2005. – № 30. – С. 4-42.

417. Теория информационных процессов и систем: учебник / Ю.Ю. Громов, В.Е. Дидрих, О.Г. Иванова, В.Г. Однолько. – Тамбов: Изд-во ФГБОУ ВПО «ТГТУ», 2014. – 172 с. – Текст: непосредственный.

418. Теория систем // Свободная русская энциклопедия «Традиция»: сайт. – URL: [http://traditio.wiki/Теория систем](http://traditio.wiki/Теория_систем) (дата обращения: 23.12.2018). – Текст: электронный.

419. Теория систем и системный анализ: сайт. – URL: <http://victor-safronov.ru/systems-analysis/lectures/rodionov/00.html> (дата обращения: 11.03.2017). – Текст: электронный.

420. Типология картин мира: сайт. – URL: <http://fantlab.ru/work345590> (дата обращения: 20.09.2020). – Текст: электронный.

421. Тлегенова, К.А. Использование метода референции для получения выводного знания из фитонимических сравнений / К.А. Тлегенова, И.Р. Байтемирова. – Текст: непосредственный // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2015. – № 2. – С.139-143.

422. Топоров, В.Н. Из области теоретической топонимистики / В.Н. Топоров. – Текст: непосредственный // Вопросы языкознания. – 1962. – № 6. – С.3-12.

423. Тронский, И.М. Историческая грамматика латинского языка. Общеиндоевропейское языковое состояние (вопросы реконструкции) / Отв. ред. Н.Н. Казанский. – М.: Индрик, 2001. – 576 с. – Текст: непосредственный.

424. Трофимова, Е.В. Фразеологические средства репрезентации отрицательных эмоций в английском языке / Е.В. Трофимова. – Текст: непосредственный // Когнитивные исследования языка. – 2013. – Вып. XIV. – С. 420-423.

425. Тупикова, С.Е. Концептуальная деривация как основа формирования значений в англо- и франкоязычном медиадискурсе / С.Е. Тупикова, Е.А. Семухина. – Текст: непосредственный // Когнитивные исследования языка. – 2019. – Вып. XXXVII. – С.865-869.

426. Убийко, В.И. Концептосфера человека в семантическом пространстве языка / В.И. Убийко. – Текст: непосредственный // Вестник ОГУ. – 2004. – № 5. – С.37-40.

427. Уёмов, А.И. Системный подход и общая теория систем / А.И. Уёмов. – М.: Мысль, 1978. – 272 с. – Текст: непосредственный.
428. Уорф, Б.Л. Наука и языкознание: о двух ошибочных воззрениях на речь и мышление, характеризующих систему естественной логики, и о том, как слова и обычаи влияют на мышление / Б.Л. Уорф. – Текст: непосредственный // Зарубежная лингвистика в 3 ч. 1999. – Ч. 1. – С. 92-105.
429. Урманцев, Ю.А. Девять плюс один этюд о системной философии. Синтез мировоззрений / Ю.А. Урманцев. – М.: Институт Холодинамики, 2001. – 160 с. – Текст: непосредственный.
430. Урманцев, Ю.А. Общая теория систем: состояние, приложения и перспективы развития / Ю.А. Урманцев. – Текст: непосредственный // Система. Симметрия. Гармония. – 1988. – С.38-124.
431. Успенский, Б.А. Ego loquens: Язык и коммуникационное пространство / Б.А. Успенский. – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2007. – 320 с. – Текст: непосредственный.
432. Ушаков, Д.В. Когнитивная система и развитие / Д.В. Ушаков. – Текст: непосредственный // Когнитивные исследования: Проблема развития. – 2009. – № 3. – С. 5-12.
433. Фёдорова, Л.Л. Когнитивные механизмы словосложения / Л.Л. Фёдорова. – Текст: непосредственный // Когнитивные исследования языка. – 2014. – Вып. XVI. – С. 75-87.
434. Фетисов, В.А. Системный анализ / В.А. Фетисов, В.В. Перлюк. – СПб.: СПбГУАП, 2009. – 97 с. – Текст: непосредственный.
435. Фразеологический словарь русского литературного языка: сайт. – URL: https://gufo.me/dict/fedorov/c_три_короба (дата обращения: 15.08.2020). – Текст: электронный.
436. Фрумкина, Р.М. Когнитивная лингвистика или «психолингвистика наоборот»? / Р.М. Фрумкина. – Текст: непосредственный // Язык и речевая деятельность. – 1999. – Т.2. – 366 с.

437. Фурс, Л.А. Взаимодействие когнитивного и метакогнитивного уровней в формировании комплексного знания / Л.А. Фурс. – Текст: непосредственный // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2018. – № 2. – С. 74-78.

438. Фурс, Л.А. Концептуальные аспекты синтаксиса / Л.А. Фурс. – Текст: непосредственный // Когнитивные исследования языка. – 2009. – Вып. IV. – С. 278-301.

439. Хазимуллина, Е.Е. Общая лингвистическая теория мотивации: к постановке проблемы / Е.Е. Хазимуллина. – Текст: непосредственный // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2015. – № 2. – С.144-155.

440. Хисамитдинова, Ф.Г., Муратова, Р.Т. Русско-башкирский, башкирско-русский словарь / Ф.Г. Хисамитдинова, Р.Т. Муратова. – Уфа: «Маленький гений Башкортостана», Учебно-методический центр «Эдвис», 2014. – 192 с. – Текст: непосредственный.

441. Хованова, С.Ю. Роль фразовых отглагольных имен в процессах категоризации в английском языке / С.Ю. Хованова. – Текст: непосредственный // Когнитивные исследования языка. – 2010. – Вып. VII. – С. 450-456.

442. Холизм // Новая философская энциклопедия. В четырех томах. Т.4. – М.: Мысль, 2010. – 736 с. – Текст: непосредственный.

443. Человек как система // Свобода лучше несвободы?: сайт. – URL: <http://drsosnov.ru/System.html> (дата обращения: 23.06.2019).

444. Чернейко, Л.О. Базовые понятия когнитивной лингвистики в их взаимосвязи / Л.О. Чернейко. – Текст: непосредственный // Язык, сознание, коммуникация: Сборник статей. – 2005. – № 30. – С. 43-72.

445. Чернейко, Л.О. Лингвофилософский анализ абстрактного имени / Л.О. Чернейко. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 272 с. – Текст: непосредственный.

446. Черниговская, Т.В. От коммуникационных сигналов к языку и мышлению человека: эволюция или революция? / Т.В. Черниговская. – Текст:

непосредственный // Российский физиологический журнал им. И.М.Сеченова. – 2008. – Т.94, №. 9. – С. 1017-1028.

447. Черникова, А.Э. Проблемы когнитивного моделирования во фразеологии / А.Э. Черникова. – Текст: непосредственный // Когнитивные исследования языка. – 2015. – Вып. XXI. – С. 525-527.

448. Чернышов, В.Н. Теория систем и системный анализ: методические указания / В.Н. Чернышов, А.В. Чернышов. – Тамбов: Изд-во ГОУ ВПО ТГТУ, 2010. – 96 с. – Текст: непосредственный.

449. Черняк, В.Д. Агнонимы в лексиконе языковой личности как источник коммуникативных неудач / В.Д. Черняк. – Текст: непосредственный // Русский язык сегодня: Сб. статей. – 2003. – № 2. – С. 295-304.

450. Черняк, Ю.И. Системный анализ в управлении экономикой / Ю.И. Черняк. – М.: Экономика, 1975. – 191 с. – Текст: непосредственный.

451. Число грамматическое // Энциклопедия «Кругосвет»: сайт. – URL: https://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/CHISLO_GRAMMATICHESKOE.html (дата обращения: 09.08.2022). – Текст: электронный.

452. Что есть музыка? (Опыт системологического подхода): сайт. – URL: <http://maxpark.com/user/3217776890/content/732810> (дата обращения: 10.03.2019).

453. Шарандин, А.Л. Динамическая природа концептуализации и категоризации как основа речевой деятельности человека / А.Л. Шарандин. – Текст: непосредственный // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2013. – № 1. – С. 75-81.

454. Шарандин, А.Л. Интегративная концептуализация в морфологии / А.Л. Шарандин. – Текст: непосредственный // Когнитивные исследования языка. – 2009. – Вып. IV. – С. 232-277.

455. Шарандин, А.Л. К вопросу о грамматической концепции толкового словаря / А.Л. Шарандин. – СПб.: Русистика: лингвистическая парадигма конца XX в.: Сб. статей в честь проф. С.Г. Ильенко, 1998. – 346 с. – Текст: непосредственный.

456. Шарандин, А.Л. Прототип как концепт и средство познания / А.Л. Шарандин. – Текст: непосредственный // Когнитивные исследования языка. – 2010. – Вып. VII. – С. 323-333.

457. Шафиков, С.Г. Типология лексических систем и лексико-семантических универсалий / С.Г. Шафиков. – Уфа: РИО БашГУ, 2004. – 238 с. – Текст: непосредственный.

458. Шведова, Н.Ю. Русский язык: избр. работы / Н.Ю. Шведова. – М.: Яз. славян. культуры, 2005. – 639 с. – Текст: непосредственный.

459. Широколобова, А.Г. Терминосистема «Терроризм» как отражение научной картины мира / А.Г. Широколобова. – Текст: непосредственный // Когнитивные исследования языка. – 2013. – Вып. XIV. – С. 650-655.

460. Шумилова, А.А. Словообразовательно-пропозициональная синонимия русского языка / А.А. Шумилова. – Текст: непосредственный // Кемеровская дериватологическая школа: Традиции и новаторство. – 2011. – С. 244-256.

461. Шумилова, А.А. Фреймовое моделирование словообразовательно-пропозициональной синонимии / А.А. Шумилова. – Текст: непосредственный // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2012. – № 4(52). – С. 236-239.

462. Щедровицкий, Г.П. Проблемы методологии системного исследования / Г.П. Щедровицкий. – М.: Знание, 1964. – 48 с. – Текст: непосредственный.

463. Щур, Г.С. О некоторых общих категориях лингвистики / Г.С. Щур. – Текст: непосредственный // Вопросы общего языкознания. – 1964. – С. 16-31.

464. Щур, Г.С. Теория поля в лингвистике / Г.С. Щур. – М.: Наука, 1974. – 254 с. – Текст: непосредственный.

465. Эволюционная динамика и эмерджентность: сайт. – URL: https://holism.narod.ru/book1/2_6.htm (дата обращения: 12.10.2019). – Текст: электронный.

466. Этимологический словарь русского языка: сайт. – URL: <https://gufo.me/dict/vasmer> (дата обращения: 18.03.2021). – Текст: электронный.

467. Юзефович, Н.Г. Концептуальная деривация как предпосылка коммуникативного сбоя в межкультурной коммуникации / Н.Г. Юзефович. – Текст: непосредственный // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2017. – № 2. – С.104-111.

468. Якобсон, Р.О. В поисках сущности языка / Р.О. Якобсон. – Текст: непосредственный // Семиотика – 1983. – С. 102-117.

469. Якобсон, Р.О. Избранные работы по лингвистике / Р.О. Якобсон. – Благовещенск: Благовещенск. гуманитар. колледж им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 1998. – 448 с. – Текст: непосредственный.

470. Якобсон, Р.О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол / Р.О. Якобсон. – Текст: непосредственный // Принципы типологического анализа языков различного строя. – 1972. – С. 95-113.

471. Ярхо, В.Н. Латинский язык: учебник для студентов пед.вузов / В.Н. Ярхо, В.И. Лобода. – М.: Высш. шк., 2010. – 399 с. – Текст: непосредственный

472. Ярцева, В.Н. Взаимоотношение грамматики и лексики в системе языка / В.Н. Ярцева. – Текст: непосредственный // Исследования по общей теории грамматики. – 1968. – С. 5-57.

473. Ярцева, В.Н. Контрастивная грамматика / В.Н. Ярцева. – М.: Наука, 1981. – 110 с. – Текст: непосредственный.

474. A study of thinking: site. – URL: <https://www.goodreads.com/book/show/2572339-a-study-of-thinking> (дата обращения: 15.01.2022).

475. Amici, F., Sánchez-Amaro, A., Sebastián-Enesco, C. et al. The word order of languages predicts native speakers // Nature. Rep. 9: 1124. – 2019. – URL: <https://doi.org/10.1038/s41598-018-37654-9> (дата обращения: 25.08.2021).

476. Barsalou, L.W. The Instability of Graded Structure: Implications for the Nature of Concepts / L.W. Barsalou. – Text: direct // Concepts and Conceptual Development: Ecological and Intellectual Factors in Categorization. – 1987. – P. 101-140.

477. Basic Objects in Natural Categories: site. – URL: file:///C:/Users/Диана/Downloads/Basic_objects_in_natural_categories.pdf (дата обращения: 14.08.2022).

478. Biology of Language: The Epistemology of Reality: site. – URL: http://www.biolingagem.com/ling_cog_cult/maturana_1978_biology_of_language.pdf (дата обращения: 06.08.2022).

479. Blending As A Central Process of Grammar: site. – URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/Blending-as-a-Central-Process-of-Grammar-Fauconnier-Turner/9a78371abbec2467f8275f5a8e188c9ab899bb60> (дата обращения: 17.06.2021).

480. Borchert, M.D. Encyclopedia of philosophy / M.D. Borchert. – New York: Thomson Gale, 2006. – 45 p. – Text: direct.

481. Corpus de Referencia del Español Actual. Version del CREA anotado: site. – URL: <https://apps2.rae.es/CREA/view/inicioExterno.view> (дата обращения: 26.04.2023).

482. Croft, W. Cognitive linguistics / W. Croft, A. Cruse. – Cambridge: Cambridge University Press, 2004. – 356 p. – Text: direct.

483. Cruse, D.A. The pragmatics of lexical specificity / D.A. Cruse. – Text: direct // Journal of Linguistics. – 1977. – V. 13, №2. – P. 153-164.

484. Diccionario de la lengua maya: site. – URL: <https://www.cervantesvirtual.com/obra/diccionario-de-la-lengua-maya/> (дата обращения: 15.08.2022).

485. Dirven, R. Major strands in Cognitive Linguistics / R. Dirven. – Text: direct // Cognitive linguistics: internal dynamics and interdisciplinary interaction. – 2005. – P. 17-31.

486. Evans, V. Cognitive Linguistics / V. Evans, M. Green. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2006. – 830 p. – Text: direct.

487. Fauconnier, G. Conceptual integration networks / G. Fauconnier, M. Turner. – Text: direct // Cognitive Science. – 1998. – V. 22, № 2. – P. 133-187.

488. Fauconnier, G. Domains and connections / G. Fauconnier. – Text: direct // Cognitive Linguistics. – 1990. – № 1. – P. 151-174.
489. Fauconnier, G. Methods and generalizations / G. Fauconnier // Th. Janssen, G. Redeker (eds). Cognitive Linguistics: Foundations, Scope, and Methodology, 1999. – P. 95-127.
490. Fillmore, Ch.J. Construction grammar course book / Ch.J. Fillmore, P. Kay. – Berkeley: Univ. of California, 1992. – 113 p. – Text: direct.
491. Fillmore, Ch.J. Regularity and idiomaticity in grammatical constructions: The case of LET ALONE / Ch.J. Fillmore, P. Kay, M.C. O'Connor. – Text: direct // Language. – 1988. – № 64(3). – P. 501-538.
492. Fodor, J.A. The Modularity of Mind / J.A. Fodor. – Cambridge Mass: MIT Press, 1983. – 145 p. – Text: direct.
493. Foundations of Cognitive Grammar: site. – URL: <https://ru.scribd.com/document/256666325/Foundations-of-Cognitive-Grammar> (дата обращения: 24.04.2022).
494. Generative Semantics and the Structure of Social Interaction: site. – URL: <https://www.goodreads.com/book/show/55430846-generative-semantics-and-the-structure-of-social-interaction> (дата обращения: 18.05.2022).
495. Goldberg, A.E. Constructions at work: the nature of generalization in language / A.E. Goldberg. – Oxford: Oxford University Press, 2006. – 280 p. – Text: direct.
496. Goldberg, A.E. Constructions: A construction grammar approach to argument structure / A.E. Goldberg. – Chicago: University of Chicago Press, 1995. – 265 p. – Text: direct.
497. Goossens, L. Metaphonymy: the interaction of metaphor and metonymy in expressions for linguistic action / L. Goossens. – Text: direct // Cognitive Linguistics. – 1990. – №1(3). – P. 323-342.
498. Honkela, T. Emergence of Linguistic features: Independent component analysis of context / T. Honkela, A. Hyvarinen, J. Vayrynen. – Text: direct // Modeling Language, Cognition and Action. – 2005. – P. 129-138.

499. Jackendoff, R. *Semantics and Cognition* / R. Jackendoff. – Cambridge, 1993. – 283 p. – Text: direct.

500. Jackendoff, R. *Sense and reference in a psychologically based semantics* / R. Jackendoff // *Talking Minds: The Study of language in Cognitive Science*, 1984. – P. 49-82. – Text: direct.

501. *Kinds of travelling* // *Секреты английского языка: сайт*. – URL: <https://englsecrets.ru/>: <https://englsecrets.ru/razgovornik/kinds-of-travelling.html> (дата обращения: 05.08.2022).

502. Lakoff, G. *The Invariance Hypothesis: Is abstract reason based on image-schemas?* / G. Lakoff. – Text: direct // *Cognitive Linguistics*. – 1990. – V.1, № 1. – P. 54-71.

503. Lakoff, G. *Women, Fire, and Dangerous Things. What Categories Reveal about the Mind* / G. Lakoff. – Chicago: The University of Chicago Press, 1987. – 614 p. – Text: direct.

504. Langacker, R.W. *A usage-based model* / R.W. Langacker. – Text: direct // *Topics in Cognitive Linguistics*. – 1988. – P.207-229.

505. Langacker, R.W. *Concept, Image, and Symbol: The Cognitive Basis of Grammar* / R.W. Langacker. – Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1991. – 395 p. – Text: direct.

506. Langacker, R.W. *Foundations of Cognitive Grammar. Vol. 1: Theoretical Prerequisites* / R.W. Langacker. – Stanford: Stanford University Press, 1987. – 540 p. – Text: direct.

507. *Life.ru – информационный портал: site*. – URL: <https://life.ru/p/954524> (дата обращения: 20.06.2021).

508. MacLaury, R.E. *Vantage theory* / R.E. MacLaury. – Text: direct // *Language and the Cognitive Construal of the World*. – 1995. – P. 231-276.

509. *Mental Spaces: Aspects of Meaning Construction in Natural Language: site*. – URL: <http://www.bookre.org/reader?file=1391800> (дата обращения: 01.07.2022).

510. Paivio, A. *Mental Representation: a Dual Coding Approach* / A. Paivio. – N.Y.: Oxford University Press, 1986. – 322 p. – Text: direct.
511. Pike, K.L. *Language as particle, wave and field* / K.L. Pike. – Text: direct // *Texas quarterly*. – 1959. – V. 2, №2.
512. *Processes of Cognitive Growth: Infancy: site.* – URL: <https://link.springer.com/book/10.1007/978-3-319-25536-1> (дата обращения: 12.08.2022).
513. Robins, R. *General Linguistics* / R. Robins. – London: Longmans, 1964. – 390 p. – Text: direct.
514. Rousseau, D. *On the Architecture of Systemology and the Typology of Its Principles* / D. Rousseau. – Text: direct // *Systems*. – 2018. – V. 6(1). – P. 1-17.
515. Speake, J. *Oxford Dictionary of Proverbs* / J. Speake. – New York: Oxford University Press, 2008. – 388 p. – Text: direct.
516. Stuart, M.J. *A system of logic, ratiocinative and inductive, being a connected view of the principles of evidence, and the methods of scientific investigation* / M.J. Stuart. – New York: Harper & Brothers, Publishers, Franklin Square, 1882. – Text: direct.
517. Talmy, L. *The relation of grammar to cognition* / L. Talmy. – Text: direct // *Topics in cognitive linguistics*. – 1988. – P. 165-205.
518. Taylor, J.R. *Approaches to word meaning: The network model (Langacker) and the two-level model (Bierwisch) in comparison* / J.R. Taylor. – Text: direct // *Current Approaches to the Lexicon*. – 1995. – P. 3-26.
519. Taylor, J.R. *Old Problem: Adjective in Cognitive Grammar* / J.R. Taylor. – Text: direct // *Cognitive linguistics*. – 1992. – V.3, №1. – P. 1-35.
520. *The Development of Mathematics: site.* – URL: <http://pyrkov-professor.ru/default.aspx?tabid=190&ArticleId=398> (дата обращения: 21.09.2021).
521. *The word order of languages predicts native speakers* / F. Amici, A. Sánchez-Amaro, C. Sebastián-Enesco [et al.]. – Text: direct // *Nature. Rep.* 9, 1124. – 2019. – P. 23-45.

522. Toward a Cognitive Semantics: site. – URL: <http://www.bookre.org/reader?file=1140097> (дата обращения: 24.04.2022).

523. Turner, M. Backstage cognition in reason and choice / M. Turner. – Text: direct // Elements of Reason: Cognition, Choice and the Bounds of Rationality. – 2000. – P. 264-286.

524. Turner, M. Cognitive Dimensions of Social Science: The Way We Think about Politics, Economics, Law, and Society / M. Turner. – Oxford: Oxford University Press, 2001. – Text: direct.

525. Turner, M. Conceptual Integration and Formal Expression / M. Turner, G. Fauconnier. – Text: direct // Metaphor and Symbolic Activity. – 1995. – №3. – P. 183-204.

526. Veni, vidi...: site. – URL: <https://stihi.ru/2013/12/20/1772> (дата обращения: 25.07.2021).

527. Vogt, P. The emergence of compositional structures in perceptually grounded language games / P. Vogt. – Text: direct // Artificial Intelligence. – 2005. – № 167. – P. 206-242.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ А

(рекомендуемое)

Актуализация системных характеристик языка в явлениях первичной концептуализации мира

Системный параметр	Лингвоментальный феномен	Фактический материал
<i>Состав системы</i>	Формирование и закрепление концептов, в том числе инокультурных, в сознании человека	<p>1) Исконная и заимствованная лексика (<i>лодка, воротить, галка, загривок, корнеслов; толерантный, система, инвестиция, флешмоб, интерфейс</i>);</p> <p>2) структурные схемы предложения: N1Vf(N4) – <i>Розалия готовит обед</i> (ситуация акционального содержания); CopfN1 – <i>Это утро, радость эта, / Эта мощь и дня и света, / Этот синий свод...</i> (А. Фет) (ситуация экзистенциального содержания); N1CopfAdjf/1/5 – <i>Студенты готовы к экзамену</i> (ситуация характеризующего содержания).</p>
	Асимметричность в паре «концептуальное-языковое»	<p>Лексические лакуны: <i>белый</i> → <i>белизна, чёрный</i> → <i>чернота, коричневый</i> → <i>φ, оранжевый</i> → <i>φ; лететь</i> → <i>летя, бежать</i> → <i>φ; белый</i> → <i>белить, злой</i> → <i>злить, щедрый</i> → <i>φ; рус. сдавать в багаж</i> – исп. <i>facturar</i>, рус. <i>двоюродный брат</i> – исп. <i>primo</i>, рус. <i>давать премьеру</i> – исп. <i>estrenar</i>, рус. <i>братья и сёстры</i> – исп. <i>hermanos</i>, рус. <i>имеющий весёлый глаза</i> – исп. <i>ojialegre (adj.)</i>, рус. <i>в короткой юбке</i> –</p>

исп. *faldicorta* (*adj.*), рус. *сутки* – исп. *veinticuatro horas*, рус. *однокурсник* – исп. *compañero del mismo año*, рус. *однолюб* – исп. *el hombre que ama toda su vida a una sola mujer*

- влияние детерминанты метасистемы на свойства состава	Различие научной и обыденной картин мира на уровне дефиниционного минимума понятийных признаков.	<i>Звезда</i> – 1. Небесное тело, по своей природе сходное с Солнцем, вследствие огромной отдалённости видимое с Земли как светящаяся точка на ночном небе’ [Ефремова 2000]; ‘гравитационно-связанная и пространственно-обособленная масса вещества во Вселенной, в которой на некотором интервале времени происходят термоядерные реакции синтеза химических элементов’ [Словарь астрономических терминов].
	Развитие степени абстрактности мышления, отражённое в истории языка	Индоевр. <i>*bheia-</i> – ‘ударами разрушать, ранить, убивать’ > рус. <i>бить</i> – ‘ударять’.
Структурированный характер системы	Полиморфичность (калейдоскопичность) вербализации концепта	Контексты употребления ключевых слов концептов: <i>разгадать судьбу</i> (инсайт), <i>искалечить судьбу</i> (сценарий), <i>ухабы судьбы</i> (схема) [Маслова 2004: 35]; <i>система-муравейник</i> (представление), <i>построение финансовой системы</i> (сценарий), <i>обнаружить систему</i> (инсайт), <i>многоступенчатая система</i> (схема), <i>политическая система</i> (фрейм) [Миронова 2019: 45].
	Межконцептуальные связи в составе фрейма	Сценарный фрейм ПОХОД В МАГАЗИН объединяет

концепты действия (купить, продать), объекта (товар, продукт), средства (деньги), места (магазин, касса, очередь), характеристики товара (высокое / низкое качество, цена, марка).

Иерархическая связь концептов

УЧРЕЖДЕНИЕ → ЗАВЕДЕНИЕ → ВИД ЗАВЕДЕНИЯ: *учреждение* – ‘Организация, ведающая какой-либо областью управления, хозяйства, торговли и т.п.’; *заведение* – ‘1. Учреждение, предназначенное для воспитания, обучения (обычно с определением)’; *колледж* – ‘1. Название некоторых средних специальных учебных заведений (обычно техникумов или училищ)’; *институт* – ‘1. Высшее учебное заведение’; *университет* – ‘1. Высшее учебно-научное заведение, объединяющее в своём составе несколько факультетов...; *школа* – ‘1. Учебное заведение, которое осуществляет общее образование и воспитание’; *интернат* – ‘1. Среднее, обычно специализированное, учебное заведение для детей и подростков, в котором учащиеся живут, находясь на полном или частичном государственном обеспечении’ [Ефремова 2000].

Линейная организация знаков, опосредованная логикой соотношения вещей.

Иконичный порядок компонентов в составе - биномиальных коллокаций, где первому элементу соответствует первичный для когнитивного опыта элемент:

день и ночь, альфа и омега, жизнь и смерть, сегодня и завтра, гром и молния, вопросы и ответы [Буб 2019].

- афоризмов: *Пришёл, увидел, победил*. Ср. *Пришёл, увидел... и унёс* (цитата из выступления «Клуба весёлых и находчивых»); *Пришёл, увидел, отобрал* [Life.ru]; *Пришёл, увидел и ушёл* [Личутин]; *Пришёл, увидел, убежал* [Добренко]; *Пришёл, увидел, наследил!* (из фильма «Они сражались за Родину»).

Интегративные качества системы

- кооперативность частей

Взаимодополняющая объективация концепта в языке разноуровневыми знаковыми средствами

1) Репрезентанты концепта КОЛИЧЕСТВО: *количество, число, огонь / искра, большой / малый, высокий / низкий, крупный / мелкий, лёгкий / тяжёлый, книжн. великий / разг. малая толика, разг.-сниж. амбал / карлик* [Ефремова 2000], *народ – народы, один, два, три... сколько угодно, от мала до велика, очень (добрый)*;

2) Устранение дублетных обозначений: *корова* вместо *крава*, *молот* вместо *млат*, *мрак* вместо *морок*, *благо* вместо *болого*, *время* вместо *веремя*;

3) дифференциация слов по стилю или семантике: *st̥lati > стлать, разг. стелить, исп. guaro (о человеке) – bonito (о человеке или вещи).

Синтез лексически и грамматически передаваемых концептов в словоформе

1) Лексико-грамматические разряды: существительные одушевлённые / неодушевлённые (*сестра*,

брат; книга, стол), абстрактные и конкретные (*вера, разум; дерево, вода*), глаголы совершенного и несовершенного видов (*встретить, решить; встречать, решать*), переходные и непереходные (*видеть, читать; жить, бежать*);

2) использование счётного слова соответственно лексической категории: 条 (*tiáo*) – при счёте продолговатых объектов, 双 (*shuāng*) – при исчислении парных предметов, 辆 (*liàng*) – в отношении к повозкам и экипажам, 节 (*jié*) – для номинации количества уроков.

Речевое дублирование компонентов тематически однородных концептов

Семантическое согласование на уровне дублирования смысловых компонентов высказывания: *Такси* ('средство передвижения') *быстро* ('характеристика действия по скорости') *прибыло* ('движение') */к аэропорту/* ('конечная точка движения'); *Многие садоводы* ('выращивают растения') *сегодня* *выращивают* ('ухаживать для роста') *кусты* ('растение') *боярышника* ('растение').

- эмерджентность

Установление актуальных связей между лексическими и грамматическими концептами с учётом инференций на основе постулатов П. Грайса

Косвенно передаваемые смыслы в высказываниях *Вы выходите?* (вопрос в транспорте); *На улице дождь!* (в адрес собеседнику, готовому выходить из дома без зонта); *Скоро уже выходные* (при планировании личной встречи);

Знаешь, у нас закончился хлеб (с намёком на поход в магазин).

Специфическое взаимодействие внеязыкового и языкового знания в стилистических целях

Комические вербальные феномены: *На пикнике, под тенью **ели** / Мы пили более, чем **ели** (Д. Минаев); Я прежде думал, что быть взрослым – это круто / <...> Тебя никто уж точно не поставит в угол // Всё так и есть, конечно, но теперь за всё / **Плачу**; и **пла;чу** / **Пла;чу** и **плачу**; // За дом, за дачу / За поход к врачу / (Д. Корзинов).*

ПРИЛОЖЕНИЕ Б
(рекомендуемое)

Актуализация системных характеристик языка в явлениях вторичной
концептуализации мира

Системный параметр	Лингвоментальный феномен	Фактический материал
<i>Состав системы</i>	Средства вторичной концептуализации	<p>1) синонимы: <i>васильковый, сапфирный, ультрамариновый, синеват-ый, немного синий, с синим оттенком; шагать, маршировать, топать, брести, шествовать, тащиться, плестись, двигаться; невдомёк, не иметь понятия, ни в зуб ногой; удалось, вышло, сложилось;</i></p> <p>2) дискретное и недискретное представления: рус. <i>задавать вопрос – спрашивать, иметь представление – представлять, прийти к соглашению – договориться, третья планета от Солнца – Земля; англ. to have a look – to look; to take a walk – to walk, to make an agreement – to covenant; исп. hacer preguntas – preguntar (спрашивать), pasear – dar un paseo / dar una vuelta (прогуливаться), ponerse de acuerdo – convenir (договориться);</i></p> <p>3) экспрессивно-оценочные или прагматически нейтральные номинации: <i>опоздать – прост. припоздниться, идти – плестись, смеяться – хихикать, удача, фортуна – рок; шпион – контрразведчик, знаменитый – пресловутый, зачинщик – инициатор – сподвижник;</i></p> <p>4) имплицитная или эксплицитная актуализация смысла (ср. косвенные или риторические вопросы): Ты не дашь мне свой конспект?; «Я к вам пишу – чего же боле? Что я могу ещё сказать?»).</p>

- средства идентифицирующей интерпретации:

1) метафора / метонимия: *голова* поезда, свежая *редакция* журнала;

2) генерализация или специализация значения: *чернила* (жидкий краситель любого цвета), *балык* (солёная вяленая рыба), *платье* (женская одежда);

3) конверсивы (купля – продажа, занять - одолжить);

4) схемная семантика:

Она радуется – У неё радость.

- средства характеризующей интерпретации:

1) метафора: *широта* эрудиции, *строить* жизнь;

2) оценочные, в том числе экспрессивные, единицы: *великолепный* момент, *собаченция*, *добрейший* человек;

3) синонимы: ходить – *слоняться*, *голубой* - *лазурный*;

4) аппроксиматоры: прийти *часа в два*;

5) средства авторизации: *По её словам, Иван приехал вчера, Я видела своими глазами приезд Ивана; Она утверждает, что, мол, Иван приехал вчера.*

<p>Группы знаковых единиц по характеру интерпретирующей функции, соотносимые с разными модусными концептами</p>	<p>Единицы языка и речи, передающие эмоции (<i>радость, грусть, удивление, тревога, страх...</i>), отношение к чему-, кому-л. (<i>любовь, ненависть, симпатия, гордость, доверие...</i>), разные виды оценки (<i>хороший, плохой, интересный, эффективный, красивый, добрый, вредный...</i>), определённость / неопределённость (ср. артикли или постфиксы в европейских языках, указательные, неопределённые,</p>
---	---

определяющие местоимения в русском языке), аппроксимации (ср. в русском языке выражение точности или приблизительности с помощью аранжировки (*три года – года три*), наречий (*определённо три года – примерно, приблизительно три года*), предлогов (*около трёх лет*), фразеосхем (*нет / не прошло и трёх лет*), однородного ряда (*через два или три года*), **релятивности событий** (ср. *передачу таксисных отношений соотносительности событий в сложном предложении, в явлении согласования времён или наличии соотносительных форм времени прошедшего или будущего плана*), **отрицания** (*непогода, не найти, никакой, не с кем, невозможный, нет, отсутствовать, нехватка*), **эвиденциальности** (ср. русские вводные конструкции авторизации *по мнению кого, как отмечает кто, согласно кому / чему* или фразеологизмы *слышать своими ушами, видеть своими глазами* и т.д.), **персуазивности** (*совершенно точно, вряд ли, наверное, скорее всего, видать, кажется; как на духу, вот те крест, одна баба сказала...*).

Обозначение новых или уже известных денотатов с опорой на существующие языковые знаки

1) Лексическая и семантическая деривация: *весёлый* → *весельчак*; *весёлый* (ЛСВ-2 – ЛСВ-4);

2) вторичное употребление морфологических форм: *ходить в шелках, сибирские красоты, ароматические масла; А он возьми и скажи!, Возьми он с собой палатку, можно было расположиться в лесу;*

3) модификация конструкций словосочетания и предложения: *года три, Вошла и стоит у входа, Мальчик рос здоровым.*

Пропозициональная основа

Производные слова, образующие

лексических дериватов

межчастеречные поля: *Он у нас весельчак* (Психическое свойство + Человек), *Дома снова веселье* (Психическое состояние + Состояние среды), *веселеть на глазах* (Психическое состояние + Процесс + Субъект-носитель состояния), *веселить шутками* (Психическое состояние + Процесс + Субъект-каузатор состояния + Объект воздействия).

Полиморфичность вербализации вторичного концепта как проявление мыслительной креативности

Синонимичные лексемы с различной внутренней формой:

1) пропозиционные синонимы в диалектах РЯ: 'одуванчик': *летучка, пухлянка, молочник*; 'сковорода': *жарница* (действие), *оладница* (результат), *чугунка* (материал) [Кемеровская... 2001: 252];

2) «межъязыковые» синонимы: лат. *aquilegia* («водосбор») – рус. *колокольчик*, болг. *възглавница* – рус. *подушка*, рус. *гречневая каша* – словацк. *rohánková kaša* – исп. *papilla de alforfón* ('гречиха') – итал. *grano saraceno* ('зерно сарацинов').

-влияние детерминанты надсистемы функциональные свойства состава

Актуализация концепта в различных типах дискурса на

ЛСВ слова «система» в рекламном дискурсе:

- 'способ осуществления деятельности'

ОАО «Саянскхимпласт» с 2006 года постоянно поддерживает в действии комплексную систему менеджмента [Реклама // «Эксперт», 2014]

- 'электронное или техническое устройство'

Система кругового обзора позволит припарковаться легко, быстро и безопасно, когда вокруг совсем немного места, наблюдая за каждым манёвром автомобиля с высоты птичьего полёта [Реклама //

«Русский репортёр», 2013]

‘модель, марка чего-л.’
Поступления новых разработок
фирмы Polisan в магазинах системы
«Ордер» [Отвечай – и выиграешь!
 (2002) // «Биржа плюс свой дом» (Н.
 Новгород), 2002.08.12].

ЛСВ слова «система»

в художественном дискурсе (на
 примере гражданской лирики):

- ‘Форма общественного устройства,
 общественный строй’

Рычит ли собака, мычит ли корова, /
Система на страже. / [Ю.П.
Кузнецов]; Тоска периферийная по
центру / сидеть среди отмеченных
Системой [В.Б. Кривулин],
противоречивости и
несправедливости существующего
режима: ...Не трагедию, / даже не
драму, / Записал, а скорей, панораму
/ Социального напластования и срез
/ Разнослойной системы... [И.С.
Холин]; Суета сует и обман, /
Словом, полный анжамбеман. / Сунь
два пальца в рот, сочинитель, <...> /
Потому что система – ниппель
 [С.М. Гандлевский].

**Структурированный
характер системы**

Связи производности
вторичных вербализованных
концептов с исходными

- конкретизирующий тип
концептуальной деривации

1) производные лексемы: *под-оконник*: ПРЕДМЕТ (концепт ономаσιологического базиса) + ПРОСТРАНСТВО (концепт ономаσιологического признака) + ОТНОШЕНИЕ (концепт ономаσιологического предиката);
вагоноремонтный: СВОЙСТВО (концепт ономаσιологического базиса) + ОБЪЕКТА (концепт ономаσιологического признака) + ПРОЦЕСС (концепт ономаσιологического предикаката);
2) сочетаемость деривата: *университетское образование* (профилируется признак 'уровень образования'), *университетская площадь* (профилируется признак 'принадлежность'), *университетское совещание* (профилируется признак 'место'), *университетский слёт* (профилируется признак 'субъект действия');
3) сложное высказывание:
Кто будит, тот рано встаёт; Он изучает иностранные языки, потому что любит путешествовать – Он любит путешествовать, поэтому изучает иностранные языки – Он любит путешествовать и изучает иностранные языки.

- трансконцептуальный тип

1) онтологическая, ориентационная, структурная метафоры по сходству формы (*боксёрская груша*), цвета (*малиновый закат*), звучания (*серебряный голос*), пространственных ориентиров (*центр интересов, приподнятое настроение, в счастье и в радости*),

структуры действия (*нырнуть в толпу, противоборство сторон*);

2) метонимия: *редакция выпуска продолжается* (процесс) → *дружная редакция* (субъект), *адрес редакции* (место), *свежая редакция* (результат);

3) метафтонимия: *прикусить язык, аплодировать переменам*.

- абстрагирующий тип

Сужение, специализация значения слова с исходно абстрактной семантикой:

- «система»: экономическая система, тоталитарная система, феодальная система, лексическая система, система Канта, система Windows, система распорядка дня, поставить систему в больнице;

- «наука»: *биосфера, систематика, биоценоз, фотосинтез* (биология); *языковая личность, естественный язык, идиолект, коммуникативное сознание, функционально-семантическое поле* (лингвистика); *социальная роль, социальная стратификация, референтная группа, респондент* (социология).

Вторичная интерпретация ситуаций и их вербализация

Регулярные реализации структурных схем предложения: *Вася рос в деревне* (N_1V_f); *После трёх лет Вася начал активно расти* ($N_1\text{CopInf}$); *Вася рос здоровым* ($N_1V_f\text{Adj}_{1/5}$); *Рос в деревне* ($\emptyset V_f$).

Интегративные свойства

Слияние ментальных пространств как основа вторичных значений многозначного слова

1) зооморфизмы (*лиса, сурок, байбак, осёл, верблюд, лебедушка, ласточка*) ← фреймы ЖИВОТНЫЕ и ЧЕЛОВЕК;

2) мутационные дериваты: *аквалангист* = СРЕДСТВО ДЕЙСТВИЯ + ПРОФЕССИЯ; *синяк* = ЦВЕТ + ЧЕЛОВЕК; *стеклярус* = МАТЕРИАЛ + РУКОДЕЛИЕ;

- кооперативность частей	Вторичная концептуализация в кооперации лексических и грамматических средств	<p>3) «гибкая» семантика относительных прилагательных: <i>грибная поляна, грибной дождь, грибная корзинка.</i></p> <p>1) Различие падежных форм субъекта в парадигматически связанных высказываниях (различный референциальный выбор): <i>Она радуется – Ей радостно – У неё радость; Эти студенты обычно хорошо работают на занятии – Этим студентам сегодня не работается – У этих студентов сегодня нерабочее состояние;</i></p> <p>2) употребление родительного партитивного падежа: <i>купить хлеб – дать хлеба; включить воду – принести воды;</i></p> <p>3) формы степеней сравнения: <i>большой – больше – наибольший, мало – меньше; добрый – добрее – самый добрый, успешный – менее успешный – неуспешный, успешнее всех;</i></p> <p>4) описания на основе фразеосхем: <i>самый что ни на есть умный; вроде бы умный человек, а такую глупость говорит.</i></p>
- эмерджентность	Логическая совместимость концептов, задействованных в интерпретации	Семантические ограничения морфотактики на образование нового слова: *умноватый, *симпатичневатый.
	Концептуальная интеграция в словообразовании:	
	- специфика связочного концепта во внутренней форме производного слова	1) Относительные прилагательные с продуктивными суффиксами -н-, -ск-, скажем, <i>осенний, морской: осенняя погода</i> ‘характерная для...’, <i>осеннее пальто</i> ‘подходящее для...’, <i>осенний мороз</i> ‘имеющий место в...’; <i>морской</i>

- остров* ‘принадлежащий...’, *морское хозяйство* ‘имеющий объектом...’, *морской воздух* ‘характерный для...’, *морская зона* ‘пространство, занятое...’;
- 2) лексемы с идиоматичной (фразеологичной) семантикой:
писатель, теплица, утренник
- специфика концепта ономазиологического признака во внутренней форме производного слова
- 1) Лексемы с периферийной (метонимической) мотивацией:
полковник, чернила, госпитализировать;
- 2) Лексемы с метафорической мотивацией: *барствовать* – разг. ‘Жить в праздности, *молниеносный* – ‘Стремительный, мгновенный’; *расцветать* – 2. перен. ‘Достигать поры расцвета физических и духовных сил, молодости, свежести, красоты’.
- Концептуальная интеграция как основа метафоры
- 1) Семантически производные метафоры: *барин* – 1. ‘Дворянин, помещик...’ → 2. перен. разг. ‘Избалованный, изнеженный человек, живущий в богатстве и ведущий праздную жизнь’, *молния* – ‘Гигантский разряд атмосферного электричества...’ → ‘Вид срочной телеграммы’, ‘Застежка...’;
- 2) лексически производные метафоры: *барствовать* – разг. ‘Жить в праздности’, *молнией* – ‘Стремительно, мгновенно’, *расцвет* – 1. ‘Время появления цветков, цветение (о растениях)’ → 2. перен. ‘Наивысшая степень... лучшая пора в развитии кого-л., чего-л.’;
- 3) фразеологические единства:
Стать ершом, Два сапога пара, Всякий кулик своё болото хвалит, Одним миром мазаны, Одной

верёвочкой связаны; Don't sell the skin till you have caught the bear (Не убив медведя, шкуры не продавай), Don't change horses in mid-stream (Коней на переправе не меняют), The bird has flown the nest (Птица вылетела из гнезда);

4) авторские образные выражения:
Ни единою буквой не лгу; Страна Любви – великая страна! // И с рыцарей своих для испытаний / Всё строже станет спрашивать она (В. Высоцкий).

Рождение импликатур
в процессе концептуализации
события

1) Контекстуальное наведение сем:
Нам там пообещают с три короба, а за это время галичан подомнут под себя (коннотация этической оценки); Стало историей время Горбачева и его последователей, пришло время людей, способных брать ответственность на себя (= 'прежняя власть не брала ответственность на себя').

Ослабление ассоциативных
связей с опорным концептом в
процессе развития бленда

1) Деэтимологизация слов и фразеологических сращений:
чернила, бельё; вуалировать, застрельщик; Прописать ижицу, тихой сапой;

2) распад полисемии: *белый*^{1,2} – 'цвет' и 'представитель движения антибольшевиков', *блат*^{1,2} – 'жаргон воров' и 'протекция, используемая в корыстных целях', *палата*^{1,2} – 'комната в лечебных учреждениях' и 'государственное или общественное учреждение'.

ПРИЛОЖЕНИЕ В
(рекомендуемое)

Актуализация системных характеристик языка в явлениях первичной категоризации мира

Системный параметр	Лингвоментальный феномен	Фактический материал
<i>Состав системы</i>	Таксономическая собирательная репрезентация в лексике	или Лексические средства: здания, журналы, транспорт, молодёжь, канцелярия, автомобили, грибы, птицы, мебель, посуда.
	Абстрагирование выделении категорий в опоре на лексические единицы	при Категориальные и конкретизирующие семы в ЛЗ: «вязать» – ‘Изготавливать... что-л., используя специальную технику протягивания свободных нитей через петлю’, где «изготавливать» – ‘Делать... какую-л. продукцию при помощи инструментов, каких-л. приспособлений, машин’, «бегать» – ‘1. = Бежать (1-3 зн.)... действие повторяющееся или совершающееся в разных направлениях’ [ТСРГ].
	Мыслительная рубрикация событий соотносительно с моделью синтаксической структурной схемы	Схемная семантика: класс субъектно-объектных отношений (N_1V_f – <i>Друзья идут в парк, Ученик решает задачу</i>), класс характеризующих высказываний ($N_1\text{Cop}_f\text{Adj}_{f1/5}$ – <i>Стол в аудитории новый, Этот материал ещё мягкий</i>) и

$N_1 \text{Corp} N_2 \dots_{pr} / \text{Adv}_{pr}$ – Книга на твоём столе – из России, Друзья всегда рядом).

- влияние детерминанты - отраслевая детализация Терминосистема метасистемы на свойства категории в научном лингвокогнитологии, где состава категории в познании детализируются категории **времени** (диахроническая концептология, внутренняя форма, семантическая перспектива слова), **количества** (номинативная плотность, номинативная дробность, прототип, долговременная / кратковременная память), **качества** (формат знания, репрезентативный / семиотический / интерпретационный аспекты языка, макрокомпоненты концепта, ступени языковой концептуализации и уровни языковой категоризации, декоративное и процедурное знание), **инструмента** (языковая концептуализация и категоризации, когнитивных механизм, языковая интерпретация, когнитивная доминанта, методы лингвокогнитивного анализа).

- влияние прагматической значимости реалии на объём категории Номинативная дробность английских видовых наименований путешествия: *travel, trip, journey, voyage, cruise, tour*.

Диффузность категорий в обыденном познании 1) Словосочетания *время бежит, летит, что-то занимает время; на душе*

**Структурированный
характер системы**

<p>Ядерно-периферийное устройство когнитивной и соответствующей языковой категорий</p>	<p><i>лёгкость / тяжесть, тоска съедает, радость окрыляет; твёрдая воля, жёсткий характер, высокие помыслы, низкие поступки;</i> 2) широкозначные слова <i>вещь, случай, история.</i></p> <p>Периферийные члены категории грамматических средств: супплетивные / усечённые формы выражения числа <i>человек – люди, опёнок – опята;</i> формы глагольного времени <i>ем, даст, нёс.</i></p>
<p>Иерархическое устройство когнитивной и соответствующей языковой категорий</p>	<p>1) Обыденная лексическая категория ПОГОДА: - Гипонимы (<i>ненастье, грязь, слякоть, влага, тепло, жара, холод; ясный, сухой, сырой, пасмурный, суровый</i>) и их синонимы (<i>грязь – слякоть – разг. хлябь, жара – зной – тепло, метель – буран – вьюга – пурга, холод – стужа</i>), - антонимичные пары (<i>жара / зной / тепло – холод / зной / мороз / разг. стужа / прохлада, сухой – сырой, ясный – пасмурный</i>); 2) специальная лексическая категория МОРФЕМА: <i>корень / радикал, аффикс; префикс и постфикс, инфикс, конфикс, трансфикс, интерфикс, амбификс; постфикс, суффикс и флексия; нулевые и материально выраженные морфемы.</i></p>
<p>Прототипический эффект</p>	<p>Номиnant прототипа</p>

в обыденной категоризации категории в роли архисемы: «брести» – ‘Идти медленно или с трудом’, «балагурить» – *Разг.* ‘Говорить весело, пересыпая речь шутками, остротами’, «зариться» – *Разг.-сниж.* ‘1. Смотреть долго, увлечённо, широко раскрыв глаза’; «страсть» – ‘Сильное чувство, с трудом управляемое рассудком’.

Стереотипная конфигурация взаимодействующих категорий, соответствующих слотам фрейма

Лексический сценарий «ПУТЕШЕСТВИЕ» ← категории *субъектов* (пассажир, проводник, провожающий), *места* (поезд в целом, вагон и место в вагоне, плацкартный или купейный вагон, станция), *времени* (срок прибытия и отправления, длительность поездки), *действий субъектов* (проверка документов, консультация у проводника, приём пищи, посещение туалета, организация досуга), *результата* (прибытие в конечную точку), СВАДЬБА ← категории *субъектов* (жених и невеста, гости – родители молодожёнов, другие родственники, друзья, сват и сваха, регистратор), *места* (отдел ЗАГС, церковь, дом, ресторан / кафе, парк), *времени* (срок начала и окончания церемонии), *символических объектов неживой природы* (свадебный наряд,

украшения, кольцо, букет, зерно, монеты, конфеты, которыми посыпают молодых, танец, соответствующие речевые формулы, праздничное застолье), *результата* (состоявшееся бракосочетание).

Бинарность категорий как проявление дуалистичности человеческого мышления

Бинарные оппозиции в лексических категориях: ПОРЯДОК – ХАОС (*порядок, космос, система – хаос, бедлам, ералаш, ЖИЗНЬ – СМЕРТЬ (жизнь, быть, жить, существовать, обитать – смерть, умереть, исчезнуть, сгинуть), СВЕТ – ТЬМА (свет, белый, ясный, прозрачный – тьма, чёрный, мутный, тусклый, пасмурный), ВЫСОКИЙ – НИЗКИЙ (высокий, большой, дюжий, громадный, огромный – низкий, малый, лилипут, шибздик), ЗДОРОВЫЙ – БОЛЬНОЙ (здоровый, здоровый, сила, целебный – хворый, хилый, чахлый, слабый, пациент, лекарство).*

Интегративные качества

Диффузность категориальных структур в явлении альтернативной категоризации объектов

Пылесос – предмет быта и техническое устройство, *весёлый* – свойство или состояние, *просить* – речевое действие / побуждение к действию.

- кооперативность частей

Логическая соотнесённость лексической и грамматической семантики

1) Словоформы номинаций живых существ (*мальчик – девочка, преподаватель –*

в пределах словоформы *разг. преподавательница, кот – кошка; исп. эквиваленты un hijo (m) – una hija (f), un profesor – una profesora, un gato – una gata* и др. под.) и вещей (рус. *стол, газета, молоко; исп. эквиваленты una mesa (f), un periódico (m), la leche (f);* 2) отсутствие граммы настоящего времени у глаголов совершенного вида (*посмотреть, взять, решить*).

Модификация содержания лексически передаваемого концепта под влиянием актуального «шаблона ситуации» Смысловая модификация словоформ в составе различных конструкций: *Она лениво открыла дверь* (N₁V_f, образ действия) – *Ей лениво открывать дверь* (InfCopAdj_{f1/5}, состояние); *Он обошёл вокруг дома* (Prep) – *Он огляделся вокруг* (Adv); *Девочка сбила яблоко с дерева* (акциональный глагол) – *Ветер сбил яблоко на землю* (денотативная аналогия).

Дублирование концептуальных признаков из сферы тематически однородных категорий Семантическое согласование на уровне дублирования смысловых компонентов высказывания: *Они [страны] изучают наши ошибки и всё больше людей понимают, что своё хозяйство надо строить на основе своей культуры* [НКРЯ]: категориальные характеристики ‘множество’ (*больше людей понимают*), ‘интеллектуальная деятельность’ (*изучают, понимают*), ‘созидательная

деятельность' (строить,
основа) 'социально-
экономический уклад'
(хозяйство, культура),
'самобытность' (наши, своё,
своей).

ПРИЛОЖЕНИЕ Г
(рекомендуемое)

Актуализация системных характеристик языка в явлениях вторичной категоризации мира

Системный параметр	Лингвоментальный феномен	Фактический материал
<i>Состав системы</i>	Аксиологическое осмысление коллективной категоризации мира	<p>1) Прототипические лексические средства: <i>хороший / плохой, добрый / злой, приятный / неприятный, интересный / скучный, симпатичный / безобразный, удачный / неудачный, нормальный / аномальный</i>;</p> <p>2) узуальные и авторские оценочные метафоры: <i>жгучий вопрос, мягкий взгляд, смутное время, золотой мастер, утечка умов, лекарство от лени, поставить на рельсы жизни, перетягивать канат, мурлыкать себе под нос; цветущий риск, душа бескрыла, ветер взрывается, больная симфония, город солнцем ослеплён, завывающий шершаво, душистые мечты</i> (И. Северянин);</p> <p>3) производные разговорные / просторечные существительные: <i>пьянчуга, нескладёха, домичек, кошечка</i>);</p> <p>4) сленговые единицы: <i>алкабас – ‘человек, страдающий алкоголизмом’, алмазно – ‘всё хорошо, здорово’, в ёлочку – ‘всё хорошо, в порядке’</i>;</p>

5) единицы тер-го диалекта:
атаман – ‘хулиган’, *беговой*
 – ‘распутный человек’,
выболеть – ‘измучиться,
 изнемочь’, *бедненько* –
 ‘плохо’, *бравый* –
 ‘красивый, видный’.

Интеграция категориальных значений; перекатегоризация

1) Лексические дериваты:
испытатель, *шутник*,
лётчик, *жнец*; *сговорчивый*,
шаловливый, *тенистый*,
глазастый, *кудрявый*;
лесостепь,

железнодорожник,
долгоиграющий; *бег*,
доброта, *белизна*;

2) производные ЛСВ: *море радости* (Предмет → Количество), *заморские товары* (Место → Качество), *печаль угасла* (Физическое состояние → Психическое состояние), *Она настоящий кремь!* (Минерал → Человек);

3) фразовые глаголы:
come along, *come around*,
come back (движение), *come about*,
come across (бытийность), *come by*
 (обладание), *come up with*
 (речевой поступок);

4) фразеологизмы:
Вертеться как белка в колесе (ЖИВОТНОЕ → ТРУД); *Быть под каблуком* (ОБУВЬ → СУПРУЖЕСТВО).

Влияние когнитивной детерминанты на процесс категоризации

Ограничения на категоризацию в зависимости от параметров рубрикации (степени их доминантности)

1) Формирование оценочной коннотации вследствие смены идеологии: *Товарищ Асеев сегодня не придёт* (от безразличного для оценки в

СССР к негативной иронии в постсоветское время);

2) Производство метафор, активно пополняющих категории ЦВЕТ (*лимонный, вишнёвый, изумрудный, золотой, кофейный, васильковый*) и АРТЕФАКТЫ (*носик чайника, шейка бедра, подошва рельсов, ножка стола, крыло самолёта, голова / хвост поезда*).

Ограничения на категоризацию за счёт интерпретируемого признака на Уточнение семантической оценки в контексте: *хороший* телефон (рациональная утилитарная оценка) – *хороший* студент (психологическая интеллектуальная оценка), *зелёный* абрикос (рациональная утилитарная оценка) – *зелёный* юнец (рациональная нормативная оценка).

Ограничения на категоризацию за счёт коммуникативно-прагматического контекста на 1) Регулярные реализации моделей в синтаксисе: *Еду завтра ночью отдохнуть на море, Грибов-то!, Вечно тебя ждёшь!*
2) Так и *пришёл* он вовремя – *надейся!*, *Родись* я и *живи* на *необитаемом острове*, я бы даже и о самом *существовании смерти* не *подозревал* (И. Бунин), *Рубинней, изумрудней, алмазней*, чем алмаз (В. Брюсов).

Лингвоментальные схемы конструирования мыслительного содержания с

помощью грамматических
категорий

- вербализующие статус
знания
- 1) Средства выражения индивидуализации: англ. *the brother*, исп. *el hermano*, болг. *братът*, рум. *fratele*, швед. *broren*, рус. В комнату вошла *девочка* – *Девочка* вошла в комнату, *Эта / такая девочка уже ему нравится*;
- 2) средства выражения эвиденциальности: якут. *Массыына кэллэ* ('Машина приехала, и я это видел') – *Массыына кэлбит үһү* ('Говорят, машина приехала').
- отсылающие к
общезначимой «точке
отсчёта»
- 1) Указательные местоимения, маркирующие степень отдалённости предмета речи от говорящего или собеседника (рус. «этот» – «тот», др.-рус. ОНЪ ('тот который, отдалён от говорящего') и СЪ ('тот, который ближе к говорящему'); исп. *este* ('этот') – *ese* ('тот, который ближе к собеседнику') – *aquel* ('тот который, отдалён от говорящего и собеседника');
- 2) логические сравнения: *Мой брат такой же сообразительный, как отец*; *Хорошо отполированный искусственный сапфир обладает куда большей прозрачностью, чем любое стекло.*

- указывающие на предельность, неопределенность, отображаемого или
- 1) Видовые пары глаголов: *мужать* – *возмужать*, *решать* – *решить*, *насыпать* – *насыпать*;
- 2) имперфектные и перфектные формы глаголов: *She has already worked with the delegation at the university* – *She was working with the delegation when the phone rang*, *She used to work with the delegation every year*.
- призванные отразить когнитивный фокус события
- Формы активного и пассивного залогов: рус. *Студенты изучают языки с пользой для себя.* – *Языки изучаются студентами с пользой для себя*, англ. *Students learn languages for their own benefit* – *Languages are learned by students with benefit for themselves*, исп. *Los estudiantes aprenden lenguas con beneficio propio* – *Las lenguas son aprendidas por los estudiantes con beneficio propio*.
- дефокусирующие типичный признак
- 1) Элятивы: *широчайшие массы*, *добрейший человек*, *живейший интерес*; англ. *a most significant event* (‘значительнейшее событие’), *a deepest respect* (‘глубочайшее уважение’), исп. *corte superior* (‘высший суд’), *un hombre educadísimo* (‘воспитаннейший человек’);
- 2) лексикализованные формы множ. числа суц.: *час* – *часы*, *грязь* – *грязи*, *мех* – *меха*;

-содействующие
перекатегоризации

3) демиактивные
высказывания: *Брату
сегодня не читается; На
улице пахнет травой.*

1) Переход слова из одной
части речи в другую: рус.
Сотрудник, *заведующий*
этим отделом, возвращается
из командировки завтра. –
Заведующий возвращается
из командировки завтра,
исп. ...*Les vamos a deber* una
fortuna ('Мы будем должны
им') – ...*El deber* del médicos
poner todos los medios para
socorrer ('Обязанность врача
– предоставить средства для
оказания помощи');

2) номинализации: *доброта,
молодость, синева;
соединение, подготовка,
регистрация;*

3) использование
неизосемичной модели
предложения: *Что делает
брат?* (действие) – *Он в
школе* (место действия)
($N_1V_f - N_1CoprN_2.../ Adv$)
или, наоборот: *Где сейчас
брат?* – *Он учится* (N_1Copr
 $N_2.../ Adv - N_1V_f$).

- маркирующие формально-
структурные характеристики
высказывания

Согласование форм
времени: *Hoу día me he
enterado de que María ya está
en la ciudad* ('Сегодня я
узнала, что Мария уже
находится в городе'; *Ayer
me enteré de que María
estaba en la ciudad* ('Вчера я
узнала, что Мария
находится в городе).

**Структурированный
характер системы**

Упорядочение категорий разного типа в рамках модели словопроизводства	<p>Дериваты <i>авиа-почт-ов-ый</i>: САМОЛЁТ, УЧРЕЖДЕНИЕ СВЯЗИ, СВОЙСТВО (отражательные категории); разг. <i>анти-маск-ер</i>: ОТРИЦАНИЕ, СРЕДСТВО ЗАЩИТЫ, ВЕЩЬ (отражательные и модусные); <i>хорош-еньк-ий</i>: ОЦЕНКА + ЭКСПРЕССИВНОСТЬ + СВОЙСТВО (модусные).</p>
Упорядочение категорий разного типа на уровне вторичного фрейма	<p>Члены словообразовательного гнезда: <i>дочитать, перечитать, читка, чтение</i> (действие), <i>читатель, чтец</i> (субъект), прост. <i>чтово</i> (объект), <i>читальня, читалка</i> (место действия); <i>белёсый, беловатый, белоголовый, набело, белизна</i> (признак), <i>белить, белеть</i> (действие), <i>беляк</i> (живое существо), <i>белок, бельмо</i> (предмет).</p>
Иерархическая организация лексической категории	<p>ЧАЙНАЯ РОЗА, ПЛЕТИСТАЯ РОЗА → РОЗА → ЦВЕТОК → РАСТЕНИЕ; АУДИТОРНАЯ / ВНЕАУДИТОРНАЯ КОНТАКТНАЯ РАБОТА → КОНТАКТНАЯ РАБОТА → ФОРМА УЧЕБНЫХ ЗАНЯТИЙ (спец.).</p>
Полевая организация категорий интерпретирующих лексических средств	<p>1) Истолкование вторичной заимствованной номинации через исконную: <i>транспорт</i> – ‘<i>средство передвижения</i>’, <i>канцелярия</i> – ‘<i>делопроизводство</i>’, <i>инициация</i> – ‘<i>посвящение</i>’, <i>система</i> – ‘<i>порядок</i>’;</p>

2) **ядерные общеоценочные предикаты** (*хороший / плохой*); **ближняя периферия с частнооценочными** (*вежливый / невежливый, развитой / примитивный, счастливый / несчастный*) и **аффективно осложнёнными лексемами** (*великолепный, замечательный, ужасный, кошмар, потрясающе хорош*); **квазиоценочные предикаты** + **дескриптивные слова с контекстуальной оценкой в зоне дальней периферии** (*лёгкая / трудная задача, человеческий фактор, мягкий человек, советский уклад*).

Интегративные свойства

- кооперативность частей

Межкатегориальная целостность, представленная регулярным сочетанием концептов интерпретирующих категорий в семантике словоформы

1) Синтетические и аналитические формы слова: рус. *написа-н-Ø* – *написа-н-а* – *написа-н-о* (род + время + залог); исп. *com-í* – *com-iste*, *com-ieron* (время и лицо); рус. *лёгкий* – *лёгкая* – *лёгкое* (род + падеж); болг. *вятър-ът* – *пролет-та* – *такси-то* (род + определённость); рус. *буд-у* – *буд-ешь* – *буд-ем читать* (время + лицо); исп. *se construy-e* – *se construy-о* (время + лицо + залог); болг. *четял* – *щял да чете* (лицо + время + наклонение); *easy* – *the easiest*, *beautiful* – *the most beautiful*, исп. *fácil* – *el*

más fácil (определённость + градация признака);

2) совместное функционирование экспрессивности и оценки на уровне ЛЗС: *Увы и ах, орать и лаяться, великий (писатель), восхитительный (концерт), Любушка-голубушка, виртуоз (в своём деле).*

Межкатегориальная целостность, представленная регулярным сочетанием концептов интерпретирующей и интерпретируемой категорий

1) Уточнение оценочного значения в контексте: *надёжный метод, очаровательные цветы, интересное путешествие; Мы в университетах не учились!, a most beautiful woman;*

2) употребление форм сослагательного наклонения в придаточной части СПП: *Quiero / que haga buen tiempo hoy* («Я хочу, чтобы сегодня была хорошая погода»); *No creo / que en el fin de semana descanse* («Я не думаю, что в выходной он отдыхает»).

Сходные межкатегориальные переходы в процессе концептуальной деривации

1) Расширение ЛСГ по закону Шпербера: зооморфизмы *лиса, байбак, черепаха, сурок*, номинации артефактов, образованные от соматизмов: *ножка стола, носик чайника, глазок картофеля, зубчик / головка чеснока*; вербализация движения времени в опоре на глаголы пространственного

перемещения: *Время бежит, течёт, несётся, летит; Дни плывут один за другим;*

2) формирование инвентаря значений у словообразующего аффикса: суффиксы -ач-, -ец^{-1,2} (деятель → характеристика лица: *ткач, ловкач; пловец, красавец*).

- эмерджентность

Перекатегоризация, сопровождающая установление новых связей между категориями во вторичном употреблении языковой единицы

1) Лексическая деривация: *подмасливать* (бытовое действие) → *подмасливаться* (социальное действие), *каша* (кушанье) → *однокашник* (человек);
 2) семантическая деривация: *вход* (процесс) → *вход* (место), *кремень* (минерал) → *кремень* (характер человека);
 3) уточнение оценочной коннотации в контексте: *вкусный пирог* (сенсорная оценка) → *вкусное выступление* (эстетическая оценка);
 4) субстантивация: *дорогой человек,* *дорогое воспоминание* (признак) → *дорогой,* *когда ты вернёшься?* (предмет).

Взаимодействие категориального содержания слов в ходе формирования композита

Внутренние семантические связи между компонентами в составе эндоцентрических и экзоцентрических композитов: *машиноместо, сухофрукты, мужеподобный, кресло-качалка, диван-кровать;*

<p>Множественная категоризация при выборе ономастического признака наименования как проявление креативности</p>	<p><i>утконос, сухогруз, луноход, кареглазый, пустословить.</i></p>
	<p>1) Диалектная словообразовательно-пропозициональная синонимия (слова-синонимы с различной мотивировкой): ‘пчела’ – <i>жужжалка</i> (звук), <i>медовница</i> (вещество), <i>пузырница</i> (кожное заболевание), <i>будуница</i> ← <i>будить</i> (действие);</p>
	<p>2) компаративные выражения: <i>умный, как дьявол / бес;</i> <i>умный, как Эйнштейн / Лермонтов / Горький / академик Тимирязев;</i> <i>умный, как канделябр; умный, как француз.</i></p>
<p>Уровень абстракции эмерджентных категориальных образований</p>	<p>Идентифицирующие и характеризующие единицы разной степени абстракции: <i>трудиться – садовничать, сапожничать; подошва горы – подошва рельса; a / the scientific method – a / the linguistic method – a / the method of cognitive semantics;</i> <i>хороший менеджер – успешный менеджер – остроумный HR-менеджер.</i></p>

ПРИЛОЖЕНИЕ Д
(рекомендуемое)

Анкеты экспериментов для исследования зависимости организации
таксономической категории от субъективного объёма концептосферы носителя
языка

1) Субъективная дефиниция

Пол:

Возраст:

Ваш родной язык:

Образование:

Дата проведения эксперимента:

Инструкция: Предложите собственное толкование следующих слов, не
заглядывая ни в какие источники:

адепт

бомонд

бурсак

мерчендайзер

наперсник

фешенебельный

хохмач

2) Свободный ассоциативный эксперимент:

Пол:

Возраст:

Ваш родной язык:

Образование:

Дата проведения эксперимента:

Инструкция: не задумываясь, запишите первое слово-ассоциацию, которое приходит в голову, когда вы видите или слышите следующие слова:

адепт

бомонд

бурсак

мерчендайзер

наперсник

фешенебельный

хохмач

ПРИЛОЖЕНИЕ Е
(рекомендуемое)

Анкеты экспериментов для выявления состава
и структуры категории системных объектов в современном обыденном сознании
русскоговорящих

1) Субъективная дефиниция

Пол:

Возраст:

Родной язык:

Образование:

Дата проведения эксперимента:

Инструкция: Дайте собственное определение, не заглядывая ни в какие
источники: *Система* – это...

2) Субъективное шкалирование

Пол:

Возраст:

Родной язык:

Образование:

Дата проведения эксперимента:

а) Ранжирование

Инструкция: Оцените по шкале от 1 до 7, насколько обязательны для системы
следующие свойства. Проставьте напротив каждого свойства выбранную цифру
от 1 до 7 (7 – наивысшая оценка):

Делится на части

Имеет своё предназначение

Более или менее устойчива во времени

Взаимодействует со средой

Части имеют общие свойства

Части зависят друг от друга

Имеет структуру (определённый порядок)

б) Абсолютная оценка

Инструкция: Оцените по шкале от -2 до 2, насколько всякая система обладает следующими свойствами:

Делится на части

Устойчива к воздействиям

Открыта к воздействиям окружающего мира

Имеет предназначение

Упорядочена (имеет структуру)

Части системы взаимозависимы

Проставьте выбранную Вами цифру напротив каждого признака:

-2 – не обладает

-1 – скорее, не обладает

0 – затрудняюсь ответить

+1 – скорее, обладает

+2 – обладает